

УДК 327(09)(075.8)
ББК 63.3-6я73
И90

Авторы:

В. А. Елфимов (тема 1); **А. В. Шарапо** (темы 2—6);
М. Э. Чесновский (темы 7, 8); **В. Е. Снапковский** (тема 9)

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *Г. А. Космач*;
чл.-кор. НАН Беларуси, проф. *В. А. Бобков*;
д-р ист. наук, проф. *Н. В. Кузнецов*

Раздел III

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1918-1945 гг.

История международных отношений : учеб. пособие. В 4 ч.
И90 Ч. 2 / В. А. Елфимов [и др.]; под ред. А. В. Шарапо. —
Минск : БГУ, 2007. — 391 с.
ISBN 978-985-485-462-5.

Вторая часть пособия охватывает период развития международных отношений с 1918 по 1945 годы. Авторы стремились дать современную оценку отдельным проблемам истории международных отношений указанного периода, рассматривая их через призму национальных интересов Беларуси.

Книга предназначена для студентов, бакалавров, магистров, аспирантов, изучающих дисциплину «Международные отношения».

УДК 327(09)(075.8)
ББК 63.3-6я73

ISBN 978-985-485-462-5 (ч. 2)
ISBN 978-985-485-190-7

© Коллектив авторов, 2007
© БГУ, 2007

Тема 1

ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Итоги Первой мировой войны и расстановка политических сил на мировой арене. После подписания Компьенских соглашений державы-победительницы, впрочем, как и державы, потерпевшие поражение, активно разрабатывали стратегию поведения на период политической конверсии, то есть демилитаризации международных отношений. В огромной степени это было связано с ростом антивоенных, пацифистских, а также левых настроений в Европе. Фактически именно европейские революции — российская, германская и в Австро-Венгрии — прекратили саму войну.

Казалось бы, главная цель держав Антанты — разгром Германии и ее союзников — была достигнута. Однако ситуация в мире оказалась далека от стабильности. Более того, в социально-политическом плане она была более сложной, чем до начала войны. Общее международное положение конца 1918 г. определялось революционным подъемом и размахом национально-освободительных движений. Пошатнулась вся система международных отношений. Во-первых, изменился состав участников международных сношений, ибо 1/6 часть земной суши в результате Октябрьской революции ушла из капиталистической системы. Во-вторых, произошел мировой идеологический разлом. Идеологические противоречия стали определяющими для содержания международных отношений. Столь кардинальная ломка международной структуры требовала, в первую очередь, от победителей из стана Антанты внесения существенных коррективов в их подходы к проблеме мирного урегулирования с учетом новых политических и исторических реальностей. Но победители не смогли трезво оценить масштабы и серьезность произошедших перемен, а, следовательно, и предложить свою конструктивную программу перестройки международных отношений. В-третьих, с капитуляцией

Германии для Антанты на первый план вышла задача закрепления своего господства над бывшими противниками — конкурентами в борьбе за колонии, рынки сбыта и сферы влияния. Под это господство нужно было выстроить такую систему международных отношений, которая позволила бы не только сохранить территориальные изменения, выгодные победителям, но и обеспечить гегемонию нового политического триумvirата, состоявшего из Англии, Франции и Соединенных Штатов.

Именно по этому общему плану и создавалась Лондоном, Парижем и Вашингтоном дипломатическая схема перехода от мировой войны к послевоенному миру. Однако речь не шла о всеобщем, справедливом и демократическом мире, учитывающем интересы всех государств. Поэтому мирный процесс под руководством Антанты носил однобокий характер. В подготовке мирной конференции первое и последнее слово принадлежало созданному в конце 1918 г. Верховному совету пяти ведущих держав Антанты, в состав которого вошли премьер-министры и министры иностранных дел Великобритании, Франции и Италии, президент и государственный секретарь США, а также дипломатические представители Японии. Было решено, что, в отличие от сложившейся ранее международной практики, побежденные державы не будут допущены к участию в подготовке решений мирной конференции. Это выдавало неуверенность лидеров Антанты в подконтрольности международной ситуации, а также их нацеленность на экстренные и более жесткие меры в отношении других государств.

Отношения внутри Антанты были сложными. Это обуславливалось как столкновением интересов трех мировых держав, так и различной идейно-политической ориентацией их лидеров. Концептуальные подходы Д. Ллойд Джорджа, Ж. Клемансо и В. Вильсона являлись не только отражением определенных устремлений в связи с победой в войне каждой из стран-победительниц, но и реакцией на объективно-исторические условия, сложившиеся к тому времени.

«14 пунктов» Вильсона. Было очевидным, что главную роль в разделе и перераспределении территорий и зон влияния играли США, Великобритания и Франция, причастные, наряду с Германией, Россией, Австро-Венгрией и другими странами к итогам войны (10 млн убитых, 20 млн калек). В таких условиях шансы главенствовать в послевоенном мире истощивших свою экономику и население Великобритании и Франции стали серьезно уменьшаться обратно пропорционально влиянию США. Соединенные

Штаты дальновидно не участвовали в войне до весны 1917 г., поставляя оружие и товары и друзьям, и противникам, а затем подоспели к дележу, естественно, на стороне победителей. В. Ленин отмечал, что лишь Америка «полностью выиграла от войны... превратилась из страны, имевшей массу долгов, в страну, которой все должны».

Общая сумма военных долгов союзников Соединенным Штатам равнялась 12 млрд долл. Помимо этого американский капитал за годы войны осуществил настоящую экспансию внутрь Европы. С 1914 по 1917 г. объем инвестиций США за границу удвоился и составлял сумму, равную почти 10 млрд долл., в то время как встречный поток финансов из-за рубежа в США сократился, и тоже почти вдвое, — с 7,2 млрд до 3,3 млрд долл.

Вот почему роль США в послевоенном мире президенту В. Вильсону виделась не иначе, как в духе следующей сентенции: «Мы должны финансировать весь мир, а те, кто финансирует мир, обязаны им руководить...». Программой же американского руководства стали знаменитые «14 пунктов» В. Вильсона. Эти 14 условий мира, впервые провозглашенные в январе 1918 г., уже после советского Декрета о мире в своем стиле и содержании должны были учитывать его положения. «14 пунктов» предусматривали отказ от тайной дипломатии и секретных переговоров; сокращение вооружений «до предельного уровня, совместимого с государственной безопасностью», и «беспристрастное» решение колониальных проблем с «учетом» интересов населения; очищение от германских войск занятых ими территорий, в том числе территории России, возвращение Франции занятых германскими войсками территорий, а также Эльзаса и Лотарингии; «исправление» границ Италии; автономию для народов Австро-Венгрии; освобождение территорий Румынии, Сербии, Черногории; обеспечение Сербии выхода к морю; автономию для народов Османской империи; открытие Черноморских проливов для всех держав; создание польского государства; учреждение союза наций для взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности. Были пункты, переполошившие официальные Париж и Лондон, но не Берлин и Вена. Это, например, «абсолютная свобода торгового мореплавания в мирное и военное время» (пункт 2). В сочетании с пунктом 7 («освобождение и восстановление Бельгии») такая свобода могла оказаться весьма опасной для будущих интересов Англии и Франции. Ведь «освобождение» было бы даровано Бельгии как бы из рук США. Чувство благодар-

ности за американское политическое «протезирование», а также за будущую финансовую помощь могло толкнуть многострадальных бельгийцев на предоставление своих незамерзающих портов в полное распоряжение Соединенных Штатов. Это касалось не только бельгийцев, но и поляков, для которых В. Вильсон также «пробивал» выход к морю.

Столь тревожные размышления союзников по Антанте ничуть не развеивал и пункт об «уничтожении препятствий для международной торговли», то есть о запрете протекционистских мер по защите внутреннего рынка. Со стороны обогатившихся США это звучало как объявление торговой войны ослабленным, неконкурентоспособным лидерам Старого Света.

Фактически «14 пунктов» являлись не чем иным, как доктриной «открытых дверей», только примененной к Европе. В. Вильсон собирался, в случае надобности, вести боевые действия для защиты американских интересов на европейском континенте. И первой жертвой должна была стать Советская Россия. Президент США, говоря о задачах мирной конференции в Париже, прямо указывал на это: «Яд большевизма только потому получил такое распространение, что является протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами, мы должны отстоять на мирной конференции новый порядок, если можно — добром, если потребуется — злом!». Речь шла о ликвидации Советского государства не войсками Антанты и США, а силами белой армии и соседних с Россией государств.

Международная конференция в Париже, ее состав и основные органы. 13 декабря 1918 г. пароход под символическим названием «Джордж Вашингтон» привез во Францию американского президента, призванного, как ему мечталось, открыть новую эру в международных отношениях и создать Соединенные Штаты Европы. Американцы прибыли на мирные переговоры самой представительной делегацией — 1300 сотрудников.

Разногласия между участниками начали обостряться с первых минут работы конференции, когда решался вопрос о рабочих языках. Ж. Клемансо ультимативно заявил, что до сего времени дипломаты всегда использовали французский язык, и нет никакой потребности менять этот добрый обычай, особенно если вспомнить «что пережила Франция».

Д. Ллойд Джордж напомнил: полмира общается на английском языке. Итальянский министр Дж. Соннино, безкоризненно владевший французским языком, заявил, что предложение Франции

«оскорбляет Италию». Ж. Клемансо в ответ ворчал: «Плохое начало для будущего союза наций». Решили, что рабочими языками будут французский и английский.

Дискуссия развернулась во время обсуждения повестки дня. В. Вильсон настаивал на первоочередном рассмотрении вопроса о создании универсальной международной организации. Лига Наций была его козырем — только так он мог попытаться навязать европейцам волю американского бизнеса. А воля эта была проста: разрешить ему экономическую экспансию в Европу и поделиться частью европейских территорий в виде сфер влияния. Понимая это, европейцы предлагали сначала разрешить как раз территориальные вопросы, чтобы потом с американцами уже как бы нечем было особенно делиться, разве что территориями, за которые еще нужно повоевать, например, российским Дальним Востоком. И все же долговые обязательства Англии и Франции возымели свое действие — Вильсону удалось-таки «продать» вопрос о Лиге Наций.

Мирная конференция открылась 18 января 1919 г. в Париже. Ее работа продолжалась до 21 января 1920 г. В ней участвовали делегации 27 государств Европы, Азии и Америки. Однако главные политические решения принимались не на пленарных заседаниях, а в узком кругу представителей пяти ведущих держав, составивших так называемый «Совет десяти». Великобританию в нем представляли премьер-министр Д. Ллойд Джордж и министр иностранных дел А. Бульфур, Францию — премьер-министр Ж. Клемансо и министр иностранных дел С. Пишон, США — президент В. Вильсон и государственный секретарь Р. Лансинг, Италию — премьер-министр В. Орландо и министр иностранных дел Дж. Соннино, Японию — уполномоченный императора, бывший премьер-министр С. Киммоси и бывший министр иностранных дел Н. Макино. По предложению В. Вильсона 25 марта 1919 г. главы правительств приняли решение продолжать заседания без министров иностранных дел, преобразовавшись, формально, в «Совет пяти», а на практике — в «Совет трех» ввиду того, что Японию интересовали в основном проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона, а Италия, по существу, представляла собой «младшего партнера». Таким образом, все решения по важнейшим политическим и территориальным вопросам принимались Великобританией, Францией и США.

Вместе с тем обе европейские державы сходились в стремлении удержать и расширить достигнутые в результате войны преимущества, закрепив свой особый статус в новой системе между-

народных отношений. На такой же статус претендовали и США, однако закрепить его старались не с помощью территориальных приращений, а в основном экономическими методами.

Дипломатическая борьба на конференции между государствами-победителями по проблемам послевоенного урегулирования. Главной задачей конференции было подтверждение территориальных итогов войны и создание европейской системы международных отношений, которая бы отражала и закрепляла произошедшие в ходе войны серьезные перемены. Ключевыми были германский вопрос и проблема территориально-государственного переустройства Центральной, Восточной и Южной Европы, возникшая в связи с крушением Австро-Венгрии. Важное место занимал и русский вопрос, без разрешения которого невозможно было всерьез говорить о европейском мирном урегулировании германского вопроса. Решение данных проблем вызвало серьезные разногласия среди союзников. Это определялось тем, что, несмотря на единое стремление к ослаблению Германии, союзники по-разному видели ее будущее место в международных отношениях. С самых жестких позиций выступали представители Франции, стремившейся окончательно раздавить опасного соседа, максимально ослабив его в экономическом, политическом и военном отношении, а также существенно сократив его территорию. Кроме возвращения Эльзаса и Лотарингии, они требовали отторжения от Германии левого берега Рейна и образования автономного Рейнского государства. На востоке речь шла о передаче независимой Польше всех ее исторических территорий, захваченных Пруссией еще в конце XVIII в. Только при выполнении этих требований, утверждали французы, их континентальная держава, как, впрочем, и остальная Европа, могла бы чувствовать себя в безопасности.

Французской линии противостояли Великобритания и США. Их позиция по существу определялась стремлением обеспечить традиционное равновесие как гарантию европейской стабильности. В условиях развала Австро-Венгрии, неопределенности дальнейшей исторической судьбы России, на фоне общего национального и революционного подъема и большевистской пропаганды борьбы за мировую революцию максимальное ослабление Германии представлялось им опасным и нежелательным. США и Великобритания обязывались подписать с Францией гарантийные договоры, по которым они должны оказать военную помощь последней в случае нападения Германии. Острые споры развернулись по про-

блеме репараций. Французская сторона, стремясь к максимальному экономическому ослаблению Германии и установлению над ней полного контроля, добивалась возмещения за ее счет всего ущерба, понесенного союзниками в войне, а также их военных издержек. У французов был популярен лозунг «Немцы заплатят за все».

Д. Ллойд Джордж и В. Вильсон выступали против чрезмерных репарационных обязательств Германии, мотивируя невыгодность ее экономического истощения для самих западных держав и мировой экономики в целом, и предлагали определить приемлемую сумму репараций. Однако сделать этого так и не удалось. Вопрос о сумме репараций был перенесен на рассмотрение специальной комиссии, которая должна была вынести свое решение к маю 1921 г. К этому сроку Германия обязана была выплатить союзникам 20 млрд золотых марок (5 млрд долл.).

Проблема территориально-государственного переустройства Австро-Венгрии была тесно связана с национальными движениями ее народов, провозгласивших в конце войны образование своих независимых государств. Несмотря на все усилия западных держав не допустить распада Габсбургской империи, представлявшей собой некогда сильный европейский центр и бывшей важным элементом европейского равновесия, спасти Австро-Венгрию не удалось. Победителям пришлось заняться перестройкой Центральной, Восточной и Южной Европы. Задача эта была не из легких, поскольку территориальное размежевание на основе национального принципа провести здесь было крайне трудно ввиду большого числа территорий со смешанным населением, веками проживавшим в едином государстве. Вместе с тем в задачу союзников входило создание в этих регионах Европы зон собственного влияния. Новые государства Восточной и Южной Европы должны были ориентироваться на западные державы и в равной степени противостоять как Германии, так и России. В этом отношении особая роль отводилась возрожденной Польше, границы которой должны были определить великие державы.

Отдельную, сложную для союзников проблему представляли также и возросшие территориальные претензии Италии на ряд австрийских и южнославянских земель. Ожесточенные споры возникли вокруг предложения Японии о включении в повестку дня положения о равенстве рас. (Этим предложением Япония стремилась создать себе репутацию поборника равноправия наций и тем самым привлечь на свою сторону народы Азии.) Также Япония добивалась права на беспрепятственную иммиграцию своих

жителей в США и страны Британской империи. Это предложение не было принято. Япония сняла свои требования в обмен на согласие США передать ей Шаньдун в Китае.

Русский вопрос на Парижской конференции хотя и не попал в официальную повестку дня, был все же в центре внимания ее основных участников. В дополнение к интервенции против Советской России в Париже принимались решения о непризнании ее правительства, об установлении «санитарного кордона», введении экономической блокады и т. п. Участники конференции превратились в крупнейших лобби в пользу белой гвардии. Был юридически закреплен захват Румынией Бессарабии, поддержана оккупация немецкими войсками Прибалтики, организована военная и финансовая помощь белому движению, официально признано правительство Колчака, поддержаны сепаратистские движения украинских националистов, Грузии, Азербайджана, Армении, донских и кубанских казаков и т. д.

В ходе работы конференции в рядах Антанты стали проявляться различия подходов к русскому вопросу. Д. Ллойд Джордж, в частности, заявлял: «Россия — страна, в которую очень легко вторгнуться, но очень трудно завоевать. Она ни разу еще не была завоевана внешним врагом, хотя не раз подвергалась успешному нашествию». Сомнения британского «льва» постепенно заразили и В. Вильсона.

Между тем советскую власть не удалось задуть военными средствами — наоборот, она все расширяла свою географию, причем довольно стремительно. Уже в ноябре 1918 г. была провозглашена Украинская ССР, в декабре — советские республики в Латвии и Литве, в январе 1919 г. — Белорусская ССР. Это потребовало экстренных мер Антанты. Английские корабли с десантом прибыли в порты Таллинна и Риги.

Но из Москвы в адрес конференции поступали и миролюбивые сигналы. Самый серьезный из них — официальная нота с предложением начать переговоры о мире, переданная в Стокгольме советским уполномоченным М. Литвиновым западным представителям. В январе 1919 г. Совнарком России направил в госдепартамент США радиogramму, в которой рассматривалась возможность назначить конкретную дату и место переговоров. Однако эта инициатива не была реализована.

Создание Лиги Наций. Принципы, положенные в основу создания этой организации, В. Вильсон изложил 25 января 1919 г. на одном из первых заседаний Парижской конференции. Органи-

зация должна была объединить все государства для сотрудничества и мирного разрешения международных конфликтов, а также солидарного противостояния любому агрессору. Президент США потребовал непременно включения в мирные договоры Устава Лиги в качестве их составной части с тем, чтобы связать положениями Устава побежденные государства. Он сам возглавил комиссию по подготовке Устава Лиги Наций, работа над которым была завершена уже к середине февраля 1919 г.

Устав Лиги Наций состоял из 26 статей. Он начинался с обязательства государств — членов организации строить свои отношения, основываясь на международном праве, соблюдении международных обязательств и не прибегая к войне. Особое значение имела статья 10, содержащая принцип взаимных гарантий территориальной целостности и суверенитета всех членов Лиги Наций. Статья 8 декларировала необходимость сокращения вооружений. В соответствии со статьей 11, в случае войны или ее угрозы Лига Наций имела право прибегнуть к любым средствам, способным обеспечить мир. Споры между государствами — членами Лиги Наций должны были разрешаться либо с помощью третейского разбирательства специально созданным международным трибуналом в Гааге, либо Советом Лиги или ее Ассамблеей. Статья 16 определяла меры воздействия на государство-агрессора. Все члены организации должны были совместно выступить против него, прекратить всякие торговые и финансовые отношения и по решению Совета Лиги применить санкции — от экономических до военных. Вместе с тем Устав не содержал принципа безоговорочного запрещения применения силы. Статьи 12 и 15 допускали военные действия в случае отсутствия арбитражного решения «в течение разумного срока» или непринятия Советом решения в шестимесячный срок. В этих случаях конфликтующие стороны были обязаны соблюсти определенную процедуру и выждать три месяца, отводившиеся на усилия по достижению мирного урегулирования. Однако задача Лиги не сводилась лишь к поддержанию статус-кво. Принципиальное значение для механизма регулирования системы безопасности имела статья 19 Устава, которая предусматривала возможность пересмотра существующих договоров, если они могли стать угрозой миру.

Устав Лиги Наций устанавливал особый порядок управления бывшими германскими колониями и арабскими территориями Османской империи. В соответствии со статьей 22, они станови-

лись подмандатными, и управление ими поручалось государствам, которые обязывались подготовить народы этих стран к независимости и представлять Лиге Наций ежегодный отчет. Подмандатные территории делились на три группы — А, В, С — для каждой из которых предусматривались различные формы управления в соответствии со «степенью развития» народов, их населявших. К группе А относились арабские части Турции, к группе В — германские колонии в Центральной Африке. В группу С входили бывшие колонии Германии в Юго-Западной Африке и Океании. Управление этими территориями осуществлялось при условии соблюдения мандатариями равенства прав всех государств — членов Лиги Наций, запрещения работоторговли и торговли оружием, обеспечения гражданских и религиозных прав населения.

Мандатная система не входила в противоречие с колониальными аппетитами держав-победительниц и по существу являлась их прикрытием. Тем не менее уже сам факт ее организации явился первым, хотя и робким шагом в сторону отхода от классического колониализма.

Высшими органами Лиги Наций были Генеральная Ассамблея и Совет Лиги. Местом пребывания организации была определена Женева. Генеральная Ассамблея собиралась один раз в год (в чрезвычайных случаях чаще). Каждое государство — член Лиги располагало одним голосом, а решения (за исключением процедурных) принимались только при условии единогласного голосования. На практике важнейшим органом являлся Совет Лиги. В него входили пять великих держав (США, Франция, Великобритания, Япония и Италия) как постоянные члены и четыре непостоянных члена, избираемых на трехлетний срок. Совет Лиги должен был собираться два раза в год, а при необходимости и чаще. Важной фигурой в структуре Лиги Наций, фактически руководящей ее деятельностью, был генеральный секретарь. В дальнейшем, по соглашению Великобритании и Франции, этот пост, а также пост заместителя генерального секретаря поочередно занимали представители данных стран. Такое положение укрепляло позиции этих двух держав, и давало широкие возможности для проведения выгодных им решений. Следует подчеркнуть особенно сильные позиции Великобритании, которая добилась принятия в Лигу пяти своих доминионов (Австралии, Ирландии, Канады, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза) и своей крупнейшей колонии — Индии, ввиду чего располагала в Ассамблее фактически семью голосами.

Число членов Лиги Наций постоянно росло, и к середине 1920-х гг. в ней были представлены уже 56 государств — почти все независимые государства Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, в том числе и бывшие участники германского блока. Вместе с тем универсализм Лиги существенным образом подрывался почти постоянным отсутствием в ней по разным причинам представителей двух или более великих держав.

Создание первой в мире международной организации по поддержанию мира и безопасности, утверждение принципов правового регулирования, третейского разбирательства и согласования, заложенных в Уставе Лиги Наций, при всей относительной расплывчатости и неопределенности некоторых его формулировок, несомненно, знаменовали собой новый этап в развитии международных отношений. Однако успешность и эффективность деятельности Лиги Наций зависела прежде всего от готовности и способности ее членов проводить эти принципы в жизнь. Важнейшую роль при этом должны были сыграть великие державы, на которых объективно лежала и большая доля ответственности.

Проблема **границ**, колоний Германии и мирный **договор** с ней. В начале мая 1919 г., по окончании работы над текстом мирного договора с Германией, для ознакомления с ним в Париж была приглашена германская делегация. Условия договора вызвали со стороны немцев резкое неприятие. Глава делегации министр иностранных дел У. Брокдорф-Ранцау после отказа держав-победительниц принять возражения и поправки германской стороны высказался против его подписания, заявив, что от Германии требуют, чтобы она подписала себе смертный приговор. В ответ на это союзники предъявили немцам ультиматум с угрозами возобновить военные действия в случае отказа принять условия договора. Национальное собрание Германии после бурных дебатов большинством голосов постановило принять договор. 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца, там, где 48 лет назад французы признали свое поражение от Пруссии и где О. Бисмарк провозгласил Германскую империю, состоялась церемония подписания мирного договора с Германией. В ней приняли участие все представленные на Парижской конференции государства, за исключением Китая, не согласившегося с передачей германских владений на его территории Японии.

В части территориальных изменений Германии Версальский договор предусматривал следующее. На западе Франции возвращались Эльзас и Восточная Лотарингия. Кроме того, Франция получала право собственности над угольными копями Саарского

бассейна, а сама эта область Германии на 15 лет переходила под управление Лиги Наций с последующим проведением плебисцита, призванного решить ее дальнейшую государственную принадлежность. Бельгия получала районы Эйпена, Мальмеди и Морене, населенные в основном валлонами (в 1920 г. это решение было подтверждено результатами плебисцитов). На севере к Дании после плебисцита 1920 г. отходил Северный Шлезвиг-Гольштейн с преимущественно датским населением.

На востоке Германия обязалась признать независимость польского государства и возвращала ему значительную часть земель, захваченных Пруссией по разделам Польши в XVIII в. К Польше отходила также узкая полоса балтийского побережья западнее Данцига (Гданьска), обещавшая ей выход к морю и получившая название «польского коридора». Этот коридор отсекал от Германии Восточную Пруссию, превращая ее в анклав. На остальных исторических польских землях со смешанным населением — Силезии и Мазурах — в 1920 и 1921 гг. были проведены плебисциты, по которым часть их также отошла к Польше.

Балтийские порты Данциг (Гданьск) и Мемель (Клайпеда) отторгались от Восточной Пруссии и переходили под управление Лиги Наций. Клайпеда, где большинство составляло литовское население, в 1923 г. по решению Лиги была отдана Литве.

Южные границы Германии серьезных изменений не претерпели. Лишь небольшой район в Верхней Силезии с моравским населением отошел к Чехословакии, независимость которой, как и все другие государственно-территориальные изменения в Европе, Германия обязывалась признать. Кроме того, Германия отказывалась от Брестского договора 1918 г. с Советской Россией и Бухарестского договора 1918 г. с Румынией.

Территориальные потери Германии были существенными. Они составили 13,5 % довоенной территории страны, где проживало 10,5 % ее населения и располагались богатые месторождения железной руды и угля. Однако все это были не коренные немецкие, а аннексированные ранее Пруссией или Германией у своих соседей земли, в большинстве своем с ненемецким населением. Таким образом, в целом при определении своего подхода к изменению германских границ союзники старались придерживаться общепризнанного национального принципа.

Вместе с тем особой статьей Версальского договора Германии запрещалось объединение с Австрией в любой форме, начиная с

таможенного союза. Люксембург, который имел такой союз с Германией, также должен был выйти из него. Германия лишалась всех своих колоний и заморских территорий.

Версальский договор определял особый статус западной границы Германии: левый берег Рейна и 50-километровая зона на его правом берегу подлежали демилитаризации. Кроме того, на левом берегу размещались войска союзников сроком от 5 до 15 лет.

В отношении германских колоний было принято следующее решение. Поскольку Япония уже захватила колонии Германии в Океании — Маршалловы, Каролинские и Марианские острова, то эти территории остались в ее владении. Великобритания получила Танганьики, часть Того и Камеруна в Африке; Франция — часть Того и Камеруна; Южно-Африканский Союз стал владеть германской Юго-Западной Африкой, Бельгия — Руанда-Урунди. Австралия получила Ноуру и Новую Гвинею, а Новая Зеландия — Западное Самоа.

Военные статьи мирного договора с Германией. Военные статьи договора предусматривали фактически полное разоружение и демилитаризацию Германии. Численность ее вооруженных сил не должна была превышать 100 тыс. человек. Набор в них мог осуществляться только на добровольной основе. Всеобщая воинская повинность отменялась. Разрушалась и вся система военного образования. Германской армии запрещалось иметь тяжелое вооружение, танки и авиацию. Военно-морские силы резко сокращались. Стране разрешалось иметь лишь 6 броненосцев, 6 легких крейсеров и 12 контрминоносцев. Подводный флот запрещался. Контроль над выполнением Германией военных статей Версальского договора должна была осуществлять особая межсоюзническая комиссия.

На Германию и ее союзников была возложена вся полнота ответственности за развязывание Первой мировой войны. Вследствие этого они должны были выплатить победителям репарации в сумме, которую укажут державы Антанты. По статье 116 мирного договора, Россия также получала право на свою долю репараций. Германия обязывалась обеспечить свободный транзит через свою территорию и воздушное пространство. Реки Эльба, Одер, Неман и Дунай, а также Кильский канал объявлялись свободными для международного судоходства. На торговлю страны с державами-победительницами и присоединившимися к ним государствами распространялся режим наибольшего благоприятствования. Германии запрещалось вводить ограничения на ввоз любых товаров. Кроме того, она должна была расторгнуть все согла-

шения и договоры экономического характера, заключенные ранее с другими государствами.

Одновременно с подписанием в Версале мирного договора с Германией Франция подписала два договора, идентичных по содержанию, с Великобританией и США, согласно которым эти государства должны были оказать ей помощь в случае неспровоцированной агрессии со стороны Германии. При этом оба «страховочных» договора могли вступить в силу только в случае их ратификации всеми сторонами.

Условия Версальского мирного договора, несомненно, были очень тяжелыми для Германии. Такие его положения, как открытая западная граница, оккупация на длительный срок Рейнской зоны при отсутствии армии, способной противостоять агрессору, полный экономический диктат победителей, репарационные платежи, разрыв государственной территории на Востоке не только подрывали великодержавные позиции Германии, но и существенным образом ущемляли ее суверенитет. В массовом сознании немцев Версальский договор стал символом национального унижения и глубокой несправедливости, питавшим реваншистские и радикально-националистические настроения. Борьба за отмену Версальского договора стала главной задачей германской политики на ближайшую перспективу.

В целом Версальский договор явился компромиссом между французской и англо-американской позицией. Французы видели кардинальное решение проблемы собственной и европейской безопасности в максимальном ослаблении и расчленении Германии, однако не смогли убедить в этом союзников. США и Великобритания рассматривали Германию как важный элемент европейского равновесия и сознательно стремились сохранить основу для ее восстановления в будущем как великой державы. В результате Германия, хотя и была ослаблена и поставлена Версальским договором в жесткие рамки, по своему потенциалу и положению на политической карте Европы оставалась крупной и важной величиной.

Хотя Версальский договор вступил в силу в январе 1920 г., Сенат США дважды принимал отрицательное решение по вопросу ратификации договора — в ноябре 1919 г. и весной 1920 г. В августе 1921 г. США заключили с Германией сепаратный мирный договор.

Борьба за раздел территорий Австро-Венгерской и Османской империй. Следующим важным этапом Парижской конференции было подписание договоров с Австрией и Венгрией, которые рассматривались союзниками как наследники Австро-Венгерской

империи и ответственные за развязывание войны. Договоры с ними были призваны утвердить новую геополитическую конструкцию Центральной и Восточной Европы.

Австрийская республика была провозглашена 12 ноября 1918 г. под названием Немецкая Австрия. Здесь были сильны настроения в пользу объединения с Германией. В Германии же прекрасно отдавали себе отчет в том, что объединения ни в коем случае не допустят западные державы. Поэтому Австрия не встретила поддержки объединительных идей со стороны своего северного соседа.

Державы-победительницы не только решительно блокировали идею германо-австрийского объединения специальной статьей Версальского мирного договора, но и потребовали от австрийцев смены названия государства, что и было исполнено. Страна получила название Республика Австрия.

Сен-Жерменский договор. 10 сентября 1919 г. в пригороде Парижа Сен-Жермен-ан-Лэ был подписан мирный договор с Австрией. Ее границы, согласно договору, в основном определялись территорией компактного проживания австрийских немцев в районах Дуная и Альп, с небольшими отступлениями в пользу Италии и Чехословакии, диктовавшимися, прежде всего, военно-стратегическими соображениями со стороны последних. Попытки австрийских представителей добиться включения в состав республики других районов с большинством немецкого населения, прежде всего за счет Чехословакии, получившей территорию с двухмиллионным немецким населением в исторических, а не в этнических границах, успеха не возымели. Характерно, что совершенно иначе, а именно в пользу Австрии, был решен вопрос о передаче ей немецкого района Бургенланд, входившего ранее в состав Венгрии, которую, в отличие от Чехословакии, союзники не рассматривали как своего стратегического партнера. Австрия обязывалась признать как независимость вновь образовавшихся государств Восточной Европы, так и все территориальные изменения, произведенные державами-победительницами. Особой статьей Австрии запрещались любые действия, направленные на изменение своего независимого статуса без согласия Лиги Наций.

Военные статьи Сен-Жерменского договора ограничивали численность австрийской армии до 30 тыс. человек. Ей запрещалось иметь тяжелое вооружение и авиацию. Морской и речной флоты передавались державам-победительницам. За исполнением военных статей договора вводился строгий контроль союзников. Реше-

ния в отношении репараций были аналогичны постановлениям Версальского договора. Особой статьей подтверждалось право России на свою долю репараций.

Нёйиский договор. Мирный договор с Болгарией, подписанный 27 ноября 1919 г. в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен, ТЭ.К КЭ.К и договоры с Австрией и Венгрией, закреплял на Балканах победу Антанты и присоединившихся к ней государств. Надежды, которые Болгария возлагала, в частности, на поддержку США, предлагавших найти компромиссное решение территориальных споров между балканскими государствами с целью сгладить их взаимный антагонизм, порожденный еще итогами второй балканской войны 1913 г., не оправдались. Болгария лишилась не только всех своих завоеваний, но и 11 % довоенной территории. Восстанавливалась румыно-болгарская граница 1913 г., Королевству сербов, хорватов и словенцев (КСХС) отходили некоторые пограничные районы. Однако наиболее тяжелой была потеря Болгарией важных в экономическом и стратегическом отношении территорий Западной Фракии с выходом к Эгейскому морю (позже союзники передали их Турции). Болгарская армия разоружалась и сокращалась до 20 тыс. человек. В качестве репараций Болгария должна была выплатить 2 млрд 250 млн золотых франков равными долями в течение 37 лет, а также поставлять продовольствие в пользу Греции, Румынии и КСХС. Нёйиский договор, серьезно подорвавший позиции Болгарии на Балканах, создавал благодатную почву для роста в стране реваншистских настроений.

Трианонский договор. Мирный договор с Венгрией, подписанный 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце Версаля, готовился параллельно с Сен-Жерменским. Он также должен был формально утвердить произошедшее в конце 1918 г. и поддержанное державами-победительницами государственно-территориальное размежевание в Восточной Европе и определить территорию венгерского государства. Территория Венгрии сокращалась в сравнении с довоенными размерами до 1/3, а четверть всех этнических венгров оказывалась вне ее границ.

Это решение вызвало в Венгрии национальный подъем, на волне которого к власти пришло левое правительство во главе с коммунистом Б. Куном. В марте 1919 г. была провозглашена Венгерская Советская Республика.

Державы Антанты предприняли все усилия для ликвидации советской власти в Венгрии. Вместе с ними против Венгрии выступили ее новые соседи — Чехословакия и Румыния. К августу

1919 г. сопротивление венгерских войск было сломлено. Власть перешла к правоконсервативным силам во главе с адмиралом М. Хорти. Спустя несколько месяцев после подавления народной власти в Венгрии державы-победительницы подписали с новым правительством мирный договор, мало чем отличавшийся от проекта, предложенного весной 1919 г., и учитывавший практически все требования к Венгрии, выдвигаемые ее соседями.

Необходимо отметить, что этническое разграничение между Венгрией и соседними странами, прежде всего Чехословакией и Румынией, было чрезвычайно затруднено в связи с большим количеством территорий со смешанным населением. Поэтому создать в этом регионе этнически однородные государства без переселения огромных масс населения не представлялось возможным.

По Трианонскому договору Венгрия должна была отказаться от Словакии и Закарпатской Руси в пользу Чехословакии. Вся Трансильвания, где проживали венгры, передавалась Румынии. Банат был разделен между Румынией и Королевством сербов, хорватов и словенцев. Земли хорватов и словенцев также переходили к КСХС. Австрия получала Бургендланд.

Военными статьями численность венгерской армии ограничивалась до 35 тыс. человек, при этом предусматривался добровольный принцип ее комплектования. Танки, авиация, тяжелое вооружение запрещались.

В сознании значительной части венгерского общества Трианонский договор воспринимался как глубоко несправедливый, что во многом предопределило политику Венгрии на протяжении всего межвоенного периода.

Севрский договор. Севрский мирный договор с Турцией, подписанный 10 августа 1920 г., был последним мирным договором, подготовленным Парижской конференцией. Работа над ним затянулась в связи с острыми спорами европейских держав вокруг турецкого наследства. Условия этого договора были, пожалуй, самыми тяжелыми для Турции в сравнении с условиями других мирных договоров. Османская империя ликвидировалась. Турция лишалась не только всех своих арабских владений, но и существенной части собственных этнических территорий. В Пароле державы-победительницы оставили ей лишь небольшой район Стамбула. Восточную Фракию планировалось передать Греции, которая получала также город Измир с прилегающими районами и острова Имрос и Тенедос. Додеканезские острова передавались Италии. В Восточной Анатолии от Турции отделялись земли ис-

торической Армении для передачи их независимому армянскому государству. Курдистан также отделялся от Турции, и ему была обещана автономия, если его население окажется «способным к независимости». Султанское правительство отказалось от Сирии и Ливана, которые были переданы под мандат Франции, и от Палестины и Месопотамии, мандат на которые получила Англия. Турция признавала английский протекторат над Египтом и французский — над Марокко и Тунисом. Она отказывалась также от всех прав в отношении Судана, признавала аннексию Англией острова Кипр. Страна лишалась всех владений на Аравийском полуострове и признавала независимость королевства Саудитов.

Турецкая армия сокращалась до 50 тыс. человек. Ей запрещалось иметь тяжелое вооружение и авиацию. Военно-морской флот передавался державам-победительницам. Зона проливов Босфор и Дарданеллы подлежала полной демилитаризации и переходила под контроль и фактическое управление международной комиссии, в которой участвовали великие державы-победительницы, а также черноморские государства и Греция после их вступления в Лигу Наций.

Полный контроль победителей устанавливался над всей финансовой системой Турции. В стране объявлялся режим капитуляций, который предусматривал экстерриториальный статус иностранцев, распространявшийся на представителей всех союзных государств. Условия Севрского договора не были выполнены из-за того, что в Турции началась кемалистская революция. Более того, как только стали известны условия Севрского договора, ущемлявшие суверенитет Турции и низводившие ее до положения полуколонии, они вызвали в стране мощное национальное движение. Его возглавил генерал М. Кемаль. Он выступил с лозунгом неприкосновенности этнических турецких территорий Анатолии и Восточной Фракии. В апреле 1920 г. в Анкаре собралось Великое национальное собрание, избравшее новое правительство во главе с Кемалем Ататюрком. Анкарское правительство, не подчинившееся распоряжениям султана Мехмета VI, приступило к боевым действиям против армян. Армянские силы были разгромлены, и кемалистские войска осенью 1920 г., взяв Каре, вышли на линию русско-турецкой границы 1877 года.

По Александропольскому мирному договору от 2 декабря 1920 г., подписанному кемалистами с армянским дашнакским правительством, территория Армении сокращалась до районов Еревана и озера Гокча, а сама она фактически переходила под про-

текторат Турции. Этот договор, однако, не вступил в силу ввиду активного вмешательства Советской России, падения дашнакского правительства и установления в Армении советской власти. Договор Советской России с Турцией от 16 марта 1921 г., определивший турецкую границу с Закавказьем по линии бывшей русско-турецкой границы 1877 г. с уступкой в пользу Грузии города Батуми, значительно укрепил международные позиции Турции.

Возникновение новых независимых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. В течение всего 1919 г. державы-победительницы так и не смогли найти решение вопроса о принадлежности расположенных на восточном побережье Адриатического моря славянских территорий, входивших ранее в состав Австро-Венгрии. На них претендовали Италия и вновь образованное Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Италия настаивала на выполнении договора 1915 г. с державами Антанты, по которому эти территории должны были перейти после войны к ней. США, не связанные этим договором, а также Франция поддерживали требования КСХС о признании за ним данных земель согласно их этнической принадлежности и о выводе оттуда итальянских войск. Белград и Рим были непреклонны, и переговоры шли очень трудно. Только 12 ноября 1920 г. в Рапалло был, наконец, подписан договор о территориальном разграничении между Италией и КСХС, который в основном удовлетворил большинство требований более сильной Италии, получившей большую часть бывшего австрийского адриатического побережья — Триест, Истрию, часть Западной Краины и порт Задар. Порт Риека (Фиуме), не упоминавшийся в договоре 1915 г. и занятый итальянцами силой, получил статус вольного города, но уже в январе 1924 г. он был разделен между Италией и КСХС, что окончательно разрешило проблему границы между этими двумя государствами.

В ряду острых проблем территориального урегулирования на Балканах была и албанская. На некоторые территории Албании, чья независимость была официально признана в 1913 г., претендовали Греция и Италия, заключившие в июле 1919 г. договор о взаимной поддержке своих претензий к Албании. Однако последняя оказала решительное сопротивление и отстояла свои границы.

Новые послевоенные европейские границы, утвержденные решениями Парижской мирной конференции, проводились без участия Советской России. Однако западные державы не могли строить новую Европу, игнорируя ее интересы. Было очевидно, что окончательное европейское территориально-государственное урегулиро-

вание возможно лишь после стабилизации положения в России, окончания Гражданской войны, исход которой должен был, в конечном счете, определить и ее политическое лицо, и ее новое место в системе международных отношений. Поэтому на начальном этапе Гражданской войны в России державы-победительницы демонстрировали осторожный подход в отношении определения восточных польских и румынских границ.

9 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты, несмотря на недовольство поляков, определил восточную границу Польши по линии реки Буг, западнее городов Гродно и Бреста, что более или менее совпадало с этническими границами расселения поляков, белорусов и украинцев. Это разграничение вошло позднее в историю под названием «линии Керзона» — по фамилии английского министра иностранных дел. Осторожный подход был продемонстрирован и в отношении восточной границы Румынии. Права Румынии на Бессарабию, которую она фактически аннексировала у России 6 декабря 1917 г., западные державы признали только 28 октября 1920 г., то есть уже после окончания советско-польской войны. Вместе с тем независимость трех республик Балтии европейские державы признали уже в 1919 г., до того, как она была признана Советской Россией.

Постановления Парижской мирной конференции и последующие решения держав-победительниц по вопросам территориально-государственного переустройства Европы свидетельствовали о том, что они не всегда придерживались декларированных ими принципов мирного урегулирования на основе самоопределения народов. Не имея возможности игнорировать национальный подъем народов, западные державы были вынуждены пойти навстречу этому процессу. Но они попытались использовать перестройку Европы в собственных интересах, чтобы закрепить одержанную в войне победу на возможно более долгий отрезок времени.

Завершение создания Версальско-Вашингтонской системы и ее противоречия. Версальский мирный договор содержал 440 статей, уложенных в 15 частей. Часть I — Устав Лиги Наций и часть VIII — Положения о Международной организации труда — должны были являть собой идеологическую составляющую и одновременно единство, целостность всей Версальской системы: с одной стороны, как бы международный мир, с другой — мир между социальными классами, между предпринимателями и наемными трудящимися. Но ни то ни другое так и не было установлено и развито ни в 1920-х гг., ни позднее. Да и сама Версальская система по

историческим меркам просуществовала недолго и, рухнув, чуть не утащила за собой в небытие всю человеческую цивилизацию.

Между тем в каждый мирный договор, выработанный Парижской мирной конференцией и торжественно подписанный ее участниками, обязательно входили и часть I, и часть VIII. Следовательно, идеологическая составляющая Версальской системы, трактующая вопросы международного и социального мира, по крайней мере, в тот период не имела никакого значения и не сыграла абсолютно никакой роли. А что же имело реальное значение? Только территориальный передел мира и новая, юридически закрепляемая расстановка сил на международной арене.

В итоге Парижской мирной конференции европейская карта — да и не только европейская — претерпела существенные изменения. На ней возникли девять новых государств: Польша, Чехословакия, Венгрия, Австрия, КСХС (позже Югославия), а также Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Необходимо отметить, что эти государства возникли по воле великих держав и также по их воле спустя пятнадцать лет последовательно исчезли с этой карты. Оно и понятно: обстоятельства образования новых государств, а также их границы определялись прежде всего политическими и военно-стратегическими соображениями держав-победительниц, которые зачастую входили в противоречие с национальными устремлениями народов Центральной и Восточной Европы. Эти обстоятельства во многом предопределили сложный многонациональный состав большинства новых государств, в частности Чехословакии, Польши, Румынии, КСХС, где проживали значительные группы недовольных своим положением национальных меньшинств. Неудовлетворенность своими новыми границами выражали не только Германия, но и Венгрия, Болгария, Австрия. Такое положение было чревато взаимными претензиями государств друг к другу и являлось источником будущих конфликтов. Таким образом, новая европейская карта закрепляла раздел континента на победителей и побежденных, что противоречило целям создания стабильного европейского порядка.

Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений и дальневосточным вопросам. 10 июля 1921 г. американское правительство обратилось с заявлением о созыве международной конференции по вопросам ограничения и урегулирования противоречий в районе Тихого океана. На конференцию в Вашингтон приглашались делегации Англии, Японии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая. Советское

правительство 19 июля заявило официальный протест по поводу «исключения его с конференции, которая непосредственно его касается» и предупредило, что не признает решений конференции, если на нее не допустят делегации РСФСР и Дальневосточной республики (ДВР). Однако Вашингтонская система, ставшая логичным дополнением Версальской, продолжала курс на дискриминацию Советской России.

В ходе Вашингтонской конференции, продолжавшейся с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г., были заключены следующие договоры.

- США, Англия, Япония и Франция подписали сроком на 10 лет «Трактат четырех», которым гарантировалась неприкосновенность их островных колониальных владений в Тихом океане. Этим трактатом Соединенные Штаты ликвидировали все еще опасный для них англо-японский военный союз 1911 г.

- «Трактат девяти» объявлял Китай нейтральным государством» и фактически легализовал в отношении него доктрину «открытых дверей».

- Самым значимым был «Договор пяти» — США, Англии, Японии, Франции и Италии — об ограничении морских вооружений. Договор должен был действовать 15 лет. Согласно его положениям, для указанных стран было установлено соответственно следующее соотношение размеров наиболее мощного линейного флота: 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75. Державы, подписавшие договор, обязались не строить и не приобретать линкоров водоизмещением больше 35 тыс. тонн. В области военно-морских баз договор запрещал уже существующее статус-кво, т. е. практически запрещал строительство новых баз, что означало: у Англии и США не будет баз ближе чем за 5 тыс. км от Японии. Зато не было указано никаких ограничений по крейсерам и подводным лодкам.

Вашингтонская система, таким образом, изменяла соотношение военно-морских сил в пользу США: их флот теперь был равен британскому, но при этом явно превосходил японский, что должно было, по замыслу Белого дома, в совокупности с правилами колониального поведения на Тихом океане, оградить Америку от приближения будущей европейской войны к ее берегам.

Таким образом сложилась Версальско-Вашингтонская система. Особенности ее состояли в том, что в мировой политике и экономике произошли огромнейшие изменения, которые оказали противоречивое влияние на развитие международных отношений.

Тема 2

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1920)

Создание внешнеполитического ведомства РСФСР. Осуществление внешней политики Советской России требовало создания соответствующего аппарата, новой дипломатической и консульской службы. 9 ноября 1917 г. был создан Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД), который возглавил Л. Троцкий. Исходя из собственного видения ситуации в мире, он считал, что скорая мировая революция сделает ненужным внешнеполитическое ведомство. Однако позже Л. Троцкий признавал: «Наша дипломатическая деятельность происходила в Смольном без всякого аппарата Наркоминдела. Только когда приехал т. Чичерин и был назначен в состав Наркоминдела, началась работа в самом здании, подбор новых сотрудников, но в очень небольших размерах». Большинство дипломатических работников царского и временного правительств отказались сотрудничать с Советской властью и были уволены со службы. Из старого состава дипломатов лишь немногие, в частности посланник в Испании Ю. Соловьев и поверенный в делах в Португалии барон Р. Унгерн-Штернберг согласились сотрудничать с новой властью, но их телеграммы в Петроград не пропускались. Иностранные державы, отказавшиеся признать Советское правительство, еще долго имели отношения с прежними послами, посланниками и консулами.

В Наркоминдел пришли имеющие большой политический опыт профессионалы-революционеры, представители интеллигенции, рабочих, солдат и матросов. Естественно, что у них было много энтузиазма, революционного задора и романтики, но отсутствовал опыт дипломатической работы. Нужна была личность, которая смогла бы сплотить коллектив именно профессионализмом. Ею стал Г. Чичерин, который во время Первой мировой войны находился в эмиграции в Великобритании и активно высту-

пал против войны. Английские власти арестовали его и заточили в одиночную камеру Брикстонской тюрьмы за «антибританскую деятельность». Посольству Великобритании в Петрограде было известно, что большевики планируют назначить Г. Чичерина на руководящий пост во внешнеполитическое ведомство. 27 ноября 1917 г. посол Д. Бьюкенен получил соответствующую ноту НКИД с требованием предпринять шаги для возвращения Г. Чичерина в Россию. Так как англичане медлили с ответом, Советское правительство приостановило выдачу выездных виз для британских граждан, оказавшихся в России, до тех пор, пока Г. Чичерин не будет освобожден. Эти меры возымели действие. 3 января 1918 г. Г. Чичерин был выпущен и в тот же день выехал на родину. Через 5 дней он был назначен товарищем наркома (заместителем. — *А. Ш.*). После подписания Брестского мира Г. Чичерин в марте 1918 г. стал исполняющим обязанности наркома и переехал в Москву. 30 мая 1918 г. он становится наркомом. Лавина различных дел обрушилась на нового министра. Его сильной стороной было прекрасное образование, знание ситуации в Европе и мире, владение многими иностранными языками, слабой — «недостаток командирства». Но В. Ленин его очень ценил и нередко брал под защиту от необоснованных нападков левых коммунистов. В сентябре 1918 г. определился первый состав Коллегии НКИД, в которую вошли Г. Чичерин, Л. Карахан, Л. Каменев, П. Стучка. 18 октября был подписан декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР об организации консульств. По инициативе Г. Чичерина была создана широкая консульская сеть в Китае, Персии. В рамках Брест-Литовского мирного договора новая Россия установила дипломатические отношения с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Однако официальное дипломатическое представительство существовало только в Берлине, полуофициальные миссии — в Берне, Лондоне и Стокгольме. В конце 1918 г. после поражения Германии и ее союзников в Первой мировой войне внешнеполитическое положение Советской России значительно ухудшилось. Из Москвы выехали дипломатические и консульские представители иностранных государств, дипломаты новой России были высланы из европейских столиц.

Цели и принципы советской внешней политики. Приход в октябре 1917 г. к власти большевиков означал серьезные изменения как во внутренней, так и во внешней политике России. Нет оснований полагать, что базовые геополитические и экономические соображения, а также историко-культурные архетипы русского и

русского имперского типа поведения в международных отношениях совсем утратили смысл и значение для Москвы, куда 12 марта 1918 г. была перенесена столица. Но революционная фразеология, особенно в первое послеоктябрьское пятилетие, повлияла на курс Советского правительства. Ключевой идеей внешнеполитической философии нового режима была мировая революция, предполагавшая в более или менее близкой перспективе развертывание революций в большинстве стран Запада и Востока и установление «диктатуры пролетариата» во всемирном масштабе. Отмечая рост антивоенных выступлений и революционного движения во всех воюющих странах, В. Ленин заключил, что «всемирная революция неизбежна», «наступает последний и решительный бой». Вместе с тем большевистская партия не отбрасывала идеи, заложенные в первом внешнеполитическом документе — Декрете о мире. Призыв к прекращению войны, заключению мира без аннексий и контрибуций, с которым выступили большевики, был нацелен на решение трех основных задач. Во-первых, он служил лозунгом, способным объединить вокруг большевиков на антивоенной основе широкие слои измученного войной населения. Во-вторых, заключение мира позволяло сосредоточиться на внутренних вопросах, чтобы реализовать радикальные преобразования в стране. В-третьих, антивоенная волна должна была помочь установлению режимов, родственных большевистскому. Это могло бы привести к созданию целого блока государств с однотипным общественно-политическим строем, способных противостоять мировой буржуазии.

В руководстве партии в 1917—1918 гг. шли острые дискуссии о том, какое направление считать приоритетным: внутри или внешнеполитическое. Отдельные видные деятели руководства РСДРП(б) — левые коммунисты во главе с Н. Бухариным и отчасти Л. Троцкий — допускали, что при определенных обстоятельствах удержание власти в руках большевиков может быть принесено в жертву интересам развертывания мировой революции. Предполагалось, что насильственное свержение Советской власти иностранными интервентами вызовет массовое возмущение солидарных с российской революцией «трудящихся и эксплуатируемых» масс во всем мире, и эти массы обратят гнев на собственные правительства. Тем самым будет раздут «мировой революционный пожар», итогом которого станет свержение эксплуататорского строя во всемирном масштабе. В дальнейшем разногласия внутри советского руководства были устранены, и

ставка была сделана на укрепление власти большевиков и превращение России в базу мировой революции.

Говоря о революции на Западе, большевики рассчитывали прежде всего на социальные взрывы в Германии и Австро-Венгрии. Особые надежды возлагались на последнюю. Общественное брожение в образовавшихся в восточноевропейском регионе новых государствах, как казалось большевикам, несло в себе мощный революционный потенциал. Германская революция 1918 г. и создание региональных советских правительств в Германии (Баварская Советская Республика 13 апреля — 3 мая 1919 г.; Бременская Советская Республика 10 января — 4 февраля 1919 г.), возникновение Венгерской Советской Республики (21 марта — 1 августа 1919 г.), революционные выступления в Австрии и странах Восточной Европы — все это давало надежду руководителям РКП(б) на приближение мировой революции. Такая аргументация представлялась тем более убедительной, что сторонники большевизма в странах Восточной и Центральной Европы были достаточно многочисленными и обладали влиянием на общественные слои в новосозданных государствах. В руководстве российских большевиков речь шла о планах революции в Чехословакии, Польше и даже Италии. Кроме того, рассматривался вопрос о возможности поддержки мировой революции в Европе со стороны стран Востока — Китая, Индии, Персии и Турции. Азиатские страны, по мнению теоретиков большевизма, могли стать третьим после России и Европы мировым революционным центром. Революция на Востоке, как ожидалось, была способна подорвать колониальное могущество ведущих европейских держав — Великобритании и Франции. Антиколониальное движение, ориентированное на российских большевиков, должно было привести к соединению «западных» и «восточных» революционных центров. Так воплотилась бы идея мировой революции.

Очевидно, что доктринальные рамки внешней политики большевиков не допускали возможности сколько-нибудь конструктивного сотрудничества с ведущими мировыми державами или возобновления чего-либо, подобного антантовскому союзу с Лондоном и Парижем. Москва ориентировалась скорее на левые, революционные, т. е. антиправительственные силы в развитых странах, безуспешно пытаясь вступить с ними в союз «через головы империалистических правительств». Смысл политики большевиков был понятен западным державам.

Реализация этих внешнеполитических схем была немыслима без укрепления пробольшевицких сил за пределами России. В результате раскола в мировом социалистическом движении в годы мировой войны из него выделилось левое революционное крыло, близкое большевизму по идейно-политическим установкам. В нем советское руководство увидело своего главного партнера. В начале декабря 1917 г. Совнарком принял секретное постановление о предоставлении любых видов помощи «левому интернационалистическому крылу рабочего движения всех стран». Это был шаг к созданию нового, Коммунистического Интернационала, мысль о котором высказал В. Ленин еще в начале войны, когда Социалистический Интернационал отрекся от идеи надгосударственной солидарности и раскололся на национальные группы патриотов-оборонцев, поддержавших правительства своих стран.

Несмотря на тяжелые условия Гражданской войны, советское руководство стало прорабатывать вопрос о созыве конференции партий и групп, порвавших с Социинтерном. Большинство этих групп поддерживало тезис о диктатуре пролетариата, ориентировалось на свершение социалистических революций в своих странах, скептически относилось к принципам «буржуазного парламентаризма» и соглашалось с необходимостью концентрации власти в руках Советов как новых органов революционной власти.

3 февраля 1919 г. в Берне состоялась первая послевоенная конференция западноевропейских социалистов, которая обсуждала вопрос о возобновлении работы Социинтерна. Это явно указывало на стремление к консолидации левых сил в Европе на умеренно-реформистской основе. Большевики сочли, что медлить опасно. В марте 1919 г. в Москве был созван конгресс нового, революционного Коммунистического, или III Интернационала, в котором приняли участие представители ряда левых групп, в разное время отколовшихся от социалистического движения. 24 марта 1919 г. от имени конгресса было официально объявлено о создании Коминтерна.

В принятой на конгрессе «Платформе международного коммунистического движения», одним из авторов которой являлся Н. Бухарин, выдвигался ряд задач: завоевание пролетариатом власти, замена буржуазного парламентаризма властью Советов, экономическая и иная взаимопомощь пролетариата различных стран. Высшим органом новой организации провозглашался конгресс. Руководство работой Коминтерна в период между созывами конгресса возлагалось на бюро исполкома. Коминтерн стал важ-

ным инструментом воздействия Советской России на ситуацию за ее пределами.

Основной задачей Коминтерна была координация планов коммунистических и революционных групп в разных странах, а фактически — их разработка при содействии и участии российских представителей. Речь шла о формировании слаженной мировой стратегии коммунистов разных стран, единой цели, как ее понимали в Москве. В Советской России начали открываться представительства зарубежных компартий. Была развернута сеть учебно-тренировочных центров, в которых готовили кадры профессиональных революционеров из числа зарубежных граждан для работы в своих странах. Через каналы Коминтерна революционные группы зарубежных стран получали из Советской России разнообразную помощь, информационные материалы, организационно-методическую и экспертную оценку. Была организована подпольная работа.

Представляется, однако, что партия большевиков, включая В. Ленина, ошибалась в оценках ситуации в крупных странах Западной Европы. Там революция пролетариата не состоялась не из-за «предательства» лидерами социал-демократии, а из-за отсутствия объективных условий не только для революции, но даже сколько-нибудь значительного революционного подъема. Большевики располагали очень скудной информацией о положении дел в других странах. В своих выступлениях 1919–1920 гг. В. Ленин ссылаясь на газеты, радиограммы. В речи, посвященной годовщине Коминтерна, 6 марта 1920 г. он говорил: «Мы до сих пор точно не знаем, как прошла демобилизация и как проходит ликвидация войны... время от времени получая отрывочные сведения из-за границы... у нас нет ежедневной прессы ни в Европе, ни в Америке, информация о нашей работе очень скудная, наших товарищей преследуют самым ожесточенным образом».

Отношение стран Запада к Советской России. Гражданская война и участие в ней иностранных государств. Прямым международно-политическим последствием Брестского мира явилась капитуляция Румынии. 5 мая 1918 г. она заключила сепаратный мирный договор с державами Четвертного союза. Таким образом, вся Восточная Европа к весне 1918 г. полностью контролировалась германским блоком.

Страны Антанты после Октябрьской революции не признали новый режим. Но они и не отзывали своих послов из Петрограда, сохраняя канал для диалога с большевиками, которых Антанта пыталась убедить в необходимости продолжить войну с Германи-

ей. Эти попытки не приносили результатов. Декрет о мире напугал союзников. Они поняли, что Ленин может вступить в диалог с немцами. В этой ситуации Франция и Англия разработали план действий на случай сепаратного выхода России из войны и установления ею дружеских отношений с Германией. Его целью было не допустить усиления стратегических позиций австро-германского блока за счет ликвидации русского фронта. Поскольку большевики де-факто рассматривались как союзники Германии, меры Антанты были направлены и против них.

Правительство Румынии, которая пока еще оставалась в составе антантовского блока, приказало своим войскам занять территорию Бессарабской провинции бывшей Российской империи, хотя все предшествовавшее время Россия была союзником Румынии в войне против Австро-Венгрии и Германии. При этом румынское правительство не аннексировало этой территории и выражало готовность вывести свои войска, как только в Бессарабии установится порядок.

По поводу действий Румынии НКВД РСФСР 16 декабря 1917 г. выразил официальный протест румынскому послу в Петрограде. Тем не менее оккупация Бессарабии продолжалась. 13 января по постановлению Совнаркома дипломатические отношения Советской России с Румынией были прерваны, а вывезенный в Россию на хранение во время Первой мировой войны золотой запас Румынии был реквизирован. В марте 1918 г. начались переговоры и был согласован мирный договор, главным условием которого стало обязательство Румынии вывести свои войска из Бессарабии и не предпринимать никаких враждебных действий против Советской России ни самостоятельно, ни совместно с какой-либо другой державой. Однако ослабление России было использовано Румынией для того, чтобы не выполнять условия договора. Более того, в ноябре 1918 г. Национальный совет Бессарабии провозгласил присоединение этой территории к Румынии.

Союзные державы пошли гораздо дальше Румынии, заключив 23 декабря 1917 г. секретное соглашение о разделе «сфер влияния» в России на случай ее выхода из войны. К французской зоне ответственности были отнесены: Бессарабия, Крым, Украина; к Британской — Кавказ, Закавказье, Кубань и Дон. Задача состояла в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не допускать германские войска в эти районы. Формально это соглашение (как и другие о разделе бывшей России) не было направлено против советского правительства, которое, согласно логике Парижа и Лондона, признав пра-

во на самоопределение народов указанных территорий, отказалось от управления ими. Американский дипломат Дж. Кеннан признает: «Как только большевики взяли власть в Петрограде, союзники возложили надежды на сепаратизм». Но враждебность стран Антанты к России еще более возросла после принятия советской властью 10 февраля 1918 г. декрета об аннулировании всех государственных и иностранных займов, а также национализации собственности, принадлежащей иностранным гражданам.

Тем не менее единства между союзниками не было. Так, например, президент США В. Вильсон, игнорируя антисоветские настроения лидеров Франции и Англии, направил приветственную телеграмму в адрес IV Всероссийского чрезвычайного съезда Советов, оглашенную на его заседании 14 марта 1918 г. В этом послании подчеркивалось стремление США поддержать Россию в борьбе с Германией, но одновременно отмечалась невозможность оказать практическую помощь немедленно. Заключение Брестского мира было тяжелым ударом для Антанты. Оно рассматривалось как акт предательства со стороны России. 15 марта 1918 г. конференция союзников приняла специальную декларацию о непризнании договора, но IV съезд Советов его ратифицировал. Потеряв восточного союзника, Англия и Франция склонялись к более широкому вмешательству во внутренние дела России. Средством возможного восстановления Восточного фронта стала поддержка антибольшевистских сил. Ставка делалась на установление режима, который согласился бы возобновить войну с Германией. При этом надо учитывать, что в самой России многие (в том числе и в партии большевиков, среди левых эсеров, входивших в состав Советского правительства, не говоря уже о широких слоях городского населения) считали Брестский мир антинациональным, непатриотичным актом.

Это обстоятельство, бесспорно, облегчило консолидацию оппонентов большевиков, обеспечило им достаточно массовую поддержку или, как минимум, нейтралитет основной массы населения. Вопрос об иностранном вмешательстве в российские дела принадлежит к числу сложных отчасти потому, что это вмешательство осуществлялось в двух разных формах. Во-первых, Антанта и Германия непосредственно проводили на территории России военные операции — десанты, захват территорий, городов, портов, ограниченные боевые действия. Во-вторых, зарубежные страны активно вмешались в Гражданскую войну, оказывая существенную военно-техническую, экономическую и политическую под-

держку то одним, то другим группам, претендовавшим на власть в России. Если высадка 9 марта 1918 г. войск Антанты в Мурманске с целью не допустить захвата этого важнейшего порта немцами еще была согласована с местной советской администрацией, то в апреле 1918 г., несмотря на колебания США, Япония при фактической поддержке Великобритании и Франции предприняла открытую интервенцию на Дальнем Востоке. Интервенция началась весной 1918 г. В ней участвовали такие крупные страны, как США, Великобритания, Франция, Япония, Греция, а также Германия, Турция и ряд других государств.

После Брест-Литовского мира в процессе продвижения на Украину германские войска заняли ряд важнейших черноморских портов — Одессу (13 марта 1918 г.), Николаев (17 марта) и Севастополь (1 мая). В составе мурманского десанта Антанты были итальянские и сербские подразделения. В августе 1918 г., после антибольшевистского переворота в Архангельске, британские войска заняли и его.

Одновременно в Приморье были размещены британские, американские, французские, итальянские, румынские и даже польские контингенты. Из Приморья интервенты стали продвигаться на запад в Приамурье и Забайкалье. В октябре 1918 г. британские войска достигли Иркутска, где они вступили в соприкосновение с мятежным Чехословацким корпусом, зона контроля которого стала новым очагом интервенции.

Чехословацкий корпус оказался в Сибири по соглашению от 28 января 1918 г. между Советской Россией и Антантой о репатриации находившихся в русском плену чехов и словаков. Поскольку они были настроены в целом против Австро-Венгрии, союзные державы намеревались сформировать из них Отдельный Чехословацкий корпус, чтобы использовать его против Четвертного союза. Россия не противилась идее репатриации чехословаков, но настаивала на их эвакуации из российских пределов по восточному маршруту, т. е. через Владивосток, откуда при желании страны Антанты могли перебросить их в Европу морем. К моменту заключения Брест-Литовского мира эвакуация была далека от завершения, и эшелоны с Чехословацким корпусом растянулись на огромном протяжении по всей Сибири. После советско-германского мира среди чехословаков распространились слухи о намерении Москвы воспрепятствовать их репатриации. 20 мая 1918 г. произошло вооруженное выступление личного состава Чехословацкого корпуса против большевиков. Под его контролем оказались Пенза, Сама-

ра, Челябинск и Омск. Только осенью 1918 г. Красная Армия смогла вытеснить чехословаков за Урал, но подавить их выступление полностью не удалось.

Тем временем после подписания Компьенского перемирия вмешательство Антанты расширилось. В конце ноября 1918 г. британские и французские войска высадились в Новороссийске, а

Севастополе и Одессе, откуда были выведены германские войска. В январе 1919 г. французские и греческие войска заняли города Херсон и Николаев.

Вторжение иностранных войск по времени совпадало с фактическим распадом территории Российской империи на ряд отдельных государств на окраинах и несколько частей собственно российской территории, оказавшихся под властью белых правительств или просто военных администраций. Поэтому интервенты учитывали в своих действиях расстановку сил между противостоящими группами в России и границы подконтрольных им зон.

Прежде всего это относилось к Закавказью, которое после прихода большевиков к власти фактически отделилось от остальной России, образовав Закавказскую Федерацию. Брестский мир, особенно в части уступок Турции, был встречен с крайним возмущением. Закавказский федеративный сейм принял решение о формальном разрыве с Россией, провозглашении независимости и начале собственных переговоров с Турцией. Последняя, в свою очередь, приветствовала такое решение, но при этом потребовала безусловного выполнения Брестского договора. Попытки закавказских лидеров опереться на Антанту успеха не имели, поскольку у нее не было достаточных сил в этом регионе. Единственным государством, способным сдержать растущие аппетиты Турции, оставалась Германия. Поэтому, пытаясь избежать турецкой оккупации, грузинские лидеры заявили о выходе из федерации и заключили договор с Германией о вводе ее войск в Грузию. Провалились и попытки англичан не допустить оккупации Турцией Баку. Турецкие войска заняли город и находились там до конца войны. Таким образом, Закавказье оказалось фактически под контролем Четвертного союза.

Одной из особенностей ситуации было единство противников — Антанты и стран Четвертного союза — в подозрительном отношении к новому режиму в России. Государства Антанты оправдывали свою неприязнь необходимостью противостоять германским устремлениям, которым объективно подыгрывали большевики. В то же время Германия мотивировала свою враждебность к России ненадежностью московского правительства. По

сути и антантовская, и антиантантовская группировки преследовали прагматичные интересы, добиваясь расширения своего влияния в России и сопредельных с ней новых государствах (Германия и страны Антанты) или новых территориальных приобретениях (Турция и Япония).

Однако, став правящей партией, большевики не могли совсем не заботиться о геополитических, национальных интересах России. С этой точки зрения у них были все основания видеть в Германии серьезную военную угрозу. Берлин, кроме того, всеми силами ограничивал влияние революционной России на сопредельные, малые страны. Германские оккупационные войска не давали возможности большевистским силам победить в Украине, Беларуси и странах Прибалтики.

Наконец, в Москве были крайне болезненно восприняты колоссальные территориальные уступки в пользу Германии. По этому вопросу внутри советского руководства сохранялись острые разногласия. События, последовавшие за убийством 1 июля 1918 г. в Москве левыми эсерами германского посла В. Мирбаха, привели к разрешению острого спора во властных структурах страны и к поражению оппонентов Ленина. Брестский мир был сохранен, что представлялось крайне важным в условиях разгоравшейся Гражданской войны.

Особенно болезненным оставался в советско-германских отношениях украинский вопрос. Украина после Брестского договора была фактически оккупирована Германией. Первоначально Центральная Рада не возражала против размещения германских войск на украинской территории, так как самостоятельно она была уже давно не в состоянии сдерживать местных большевиков, наступавших со стороны Харькова. Но после прихода в Украину германских войск стало ясно, что их основной целью является вывоз продовольствия в Германию. Украинско-германские противоречия быстро нарастали. В апреле 1918 г. при поддержке Германии в Киеве вместо Центральной Рады к власти был приведен генерал-лейтенант русской императорской армии П. Скоропадский, который ориентировался на Германию более определенно. Он возглавил государство с титулом «гетмана Украинской Державы». Правительство Скоропадского было прогерманским, «старорежимным и монархическим» и пользовалось поддержкой радикальных местных националистов. Последние 14 ноября 1918 г. образовали Директорию под председательством В. Винниченко. Главным гетманом Украины был назначен С. Петлюра. 1 декабря

1918 г. в Киеве ими был свергнут П. Скоропадский и установлена власть Директории. Но Директория продержалась всего 47 дней. 5 февраля 1919 г. город был взят Красной Армией. Вскоре силами белых советское правительство было свергнуто, и вторая его реставрация произошла только осенью 1919 г.

1 августа 1918 г. народный комиссар иностранных дел Г. Чичерин предложил заключить советско-германские неформальные соглашения против Антанты и белых. 5 августа 1918 г. Советская Россия официально разорвала отношения с бывшими союзниками России. Конечно, речь шла не о военно-политическом союзе, а лишь **06** ограниченном взаимодействии с Германией в противостоянии общему врагу. Попытки немцев на переговорах в Берлине добиться от Советской России согласия на использование Петрограда и Кронштадта для проведения военных операций против войск Антанты на севере были решительно отклонены советской стороной. Между тем германское военное командование считало сложившуюся ситуацию очень выгодной для захвата Петрограда, и не только по военным, но и по политическим соображениям. Оно определило своей важнейшей политической целью восстановление порядка в России, в случае необходимости даже путем реставрации монархии. Однако серьезное поражение германских войск под Амьеном в начале августа 1918 г. склонило высшее политическое руководство Германии к продолжению брестской линии в отношениях с Советской Россией.

27 августа 1918 г. были подписаны так называемые дополнительные изменения к Брестскому договору, по которым Советская Россия признавала германскую оккупацию новых территорий. Между российскими и германскими войсками устанавливались демаркационные линии, которые разделялись нейтральными зонами. По финансовому соглашению Советская Россия обязывалась выплатить 6 млрд марок (включая предоставление Германии 254 564 кг золота, 1 млрд марок товарами и 2,5 млрд кредитными билетами займа, обеспеченного государственными доходами от концессий, предоставляемых немцами). Эта гигантская сумма впоследствии была присвоена державами Антанты. Они не доверяли большевикам и поддерживали противостоящие им силы противников. В 1918 г. на территории бывшей Российской империи образовалось несколько фронтов антисоветского сопротивления, различных по своей социально-политической ориентации. В марте 1918 г. за Уралом, в Сибири, образовался первый фронт белого движения. Возглавивший его адмирал А. Колчак, провозгла-

шенный Верховным правителем России, сделал своей столицей Омск. Колчак стал действовать параллельно с Южным фронтом А. Деникина. Антибольшевистское сопротивление действовало также на Севере и в Прибалтике. Там, при поддержке Антанты, генералы Е. Миллер и Н. Юденич создали собственные формирования, что позволило Антанте высвободить ресурсы для расширения интервенции в России и увеличения помощи антибольшевистским силам. Британские и французские десанты высадились в Баку, Батуми и Новороссийске, французские — в Одессе и Севастополе.

Тем временем в ноябре 1918 г. А. Колчак начал поход в Приуралье. Его цель состояла в том, чтобы соединиться с войсками генерала Е. Миллера и совместными усилиями нанести удар по Москве. В середине декабря войска Колчака взяли город Пермь, но затем были остановлены Красной Армией.

Компъенское перемирие, победа ноябрьской революции в Германии и свержение кайзеровского режима позволили 13 ноября 1918 г. Советской России объявить об аннулировании Брестского мирного договора. Тем не менее переоценка степени активности масс в странах Запада, их влияние на политику своих правительств объективно мешали налаживанию диалога между Советской Россией и странами Антанты о мирном урегулировании конфликта.

Борьба советской дипломатии за прекращение интервенции и установление мирных отношений со странами Запада и Японией. Советское правительство понимало, что не может надеяться на прочный мир, пока ведущие страны Запада остаются буржуазными. Однако опыт Бреста уже доказал возможность мирных соглашений между странами, придерживающимися разных принципов внешней политики. Временные компромиссы, мирные передышки В. Ленин считал не только допустимыми, но и целесообразными. Он предлагал использовать опыт Брестского мира в отношении стран Антанты, «когда они также полны бешеного желания свалить на Россию свои долги, нищету, разорение, ограбить, задавить Россию, чтобы отвлечь от себя растущее возмущение своих трудящихся масс... Антанта сильнее нас, с точки зрения военной силы. Но если мы возьмем дело в его развитии, то скажем также с полной ответственностью и убеждением, которое основано не только на наших революционных воззрениях, а и на опыте, что это могущество стран Согласия — не надолго».

В. Ленин учитывал наметившуюся в правящих кругах стран Запада тенденцию поиска компромиссного решения спора с Советской Россией. Исчез главный предмет спора — Германия. Наибольшую нетерпимость к большевикам проявляла Франция. В этой стране было больше всего держателей разного рода «русских займов», в том числе представителей мелкой и средней буржуазии, пострадавших в результате аннулирования долговых обязательств России. Великобритания проявляла осторожность, подчеркивая категорическую невозможность оккупации и завоевания России. Как отмечают многие английские историки, командование британских войск в России весьма скептически оценивало белые армии, сомневаясь в их способности добиться победы в Гражданской войне. Сдержанно вели себя и США. На фоне массового антивоенного движения использование собственных сил казалось им рискованным и нецелесообразным. Интервенция, по их логике, была скорее средством напугать большевиков и заставить их вести переговоры на условиях Антанты, чем инструментом изменения политического строя, который к тому же не заявил о себе ни чем особенным, кроме безоговорочного желания удержать власть даже ценой огромных потерь и унижения. В. Вильсон отмечал, что «большевистские лидеры часть своей силы черпают из постоянной угрозы иностранной интервенции, которая помогла им объединить вокруг себя народ».

Прямая опора на войска Антанты действительно дискредитировала российских белых, придавая действиям большевиков патриотический характер. Учитывались экономические и геополитические соображения, которые в наиболее полной форме изложил английский экономист Д. Кейнс. Он отмечал, что стремление Антанты поживиться за счет Германии и одновременно свергнуть правительство большевиков, урвав как можно больше от ослабленной России, приведет к германо-российскому союзу. Подобный альянс, по его мнению, был бы крайне опасен для интересов Англии и Франции. Попытки Франции создать «новую Антанту» в Восточной Европе из только что образованных Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Венгрии, Румынии и Польши он охарактеризовал как «безумные мечты и детские интриги», поскольку «между пепелищем России и развалинами Германии» никакое процветание не будет возможно. Единственно разумным Д. Кейнс считал отказ от интервенции, вовлечение России в мировую торговлю и даже содействие в деле восстановления экспортных отраслей. Вопрос о том, удержатся

ли большевики у власти, будут ли проходить «бунты и революции» в других странах, по прогнозам Д. Кейнса, зависел не от действий правительств, а от экономического положения. Стабилизация экономики, несомненно, содействовала бы возвращению России в систему мирохозяйственных связей, в которой она до войны играла немаловажную роль.

В таких условиях было признано целесообразным провести дипломатический зондаж возможностей компромисса с Москвой.

Идея провести переговоры между союзными державами и всеми фактически существующими российскими правительствами на Принцевых островах в Мраморном море принадлежала президенту В. Вильсону. Он огласил это предложение от имени Антанты 22 января 1919 г. Смысл обсуждения, как его понимали западные страны, состоял в достижении компромисса при посредничестве Антанты между большевиками и пробольшевистскими силами Украины и Беларуси, с одной стороны, и антибольшевистскими правительствами А. Колчака, А. Деникина с другой. Условием примирения было сохранение за каждым из режимов той территории, которую он реально контролировал. Внутривосточное урегулирование могло привести к созданию в перспективе некоего единого российского правительства, способного выступать партнером западных держав в переговорах о новом порядке дел в Европе. Объективно реализация подобного плана могла укрепить влияние великих держав на положение дел в России, так как все антибольшевистские режимы в той или иной мере зависели от стран Антанты.

Следует отметить, что московское правительство, в принципе, согласилось с проектом конференции, о чем специальной нотой уведомило правительства Антанты и США. В ней выражалась готовность пойти на мир «на основе уступок», «поскольку они не будут угрожать дальнейшему развитию Советской республики». Предполагалось, в частности, признание финансовых обязательств перед державами Антанты, не исключалась выплата процентов по займам сырьевыми товарами, предоставление концессий, «рассмотрение вопроса о каких-либо аннексиях» русских территорий державами Согласия. Пояснялось, что под аннексиями Советское правительство подразумевает сохранение на территории бывшей Российской империи войск союзников или воинских соединений, которые опираются на их финансовую, техническую или военную поддержку. Аналогично поступили и советские правительства Украины (в Харькове) и Литов-

ско-Белорусской Советской Социалистической Республики (существовавшей с февраля по август 1919 г.). Большевикам было важно хотя бы приостановить наступление белогвардейских сил и, как минимум, выиграть время.

Однако против конференции и любых договоренностей с Москвой выступили А. Колчак и А. Деникин. Они сообщили о своем отказе от плана В. Вильсона, считая свои позиции в противостоянии с большевиками достаточно прочными и не видя необходимости компромисса с ними. Твердость позиции антибольшевистских сил была отчасти обусловлена влиянием Франции, которая оказывала им существенную помощь и, в принципе, делала ставку на свержение большевиков силой. На мнение французского правительства, в свою очередь, в определенной степени воздействовала многочисленная русская белая колония в Париже. Проект конференции был, таким образом, провален.

Миссия Буллита. Срыв конференции не остановил США и Великобританию, которые не без оснований возложили ответственность за него на Париж и поддерживаемые им белые правительства России. Втайне от Франции по взаимной договоренности США и Великобритания в феврале 1919 г. направили в Россию в качестве специального представителя сотрудника американской делегации на Парижской мирной конференции У. Буллита. Еще молодой человек, 29 лет, он не занимал высокого дипломатического поста и лучшим образом подходил для деликатного поручения, которое на него возложили. Задачей Буллита было сообщить большевистскому правительству об условиях, на которых США и Великобритания брались содействовать прекращению военных действий на всей территории России.

В ходе переговоров 7—9 марта 1919 г., в которых принял участие В. Ленин, был согласован общий план нормализации отношений Советской России с Антантой. Предусматривалось прекращение боевых действий и созыв конференции, на которой был бы подписан мирный договор. Его условиями были: признание власти всех фактически существовавших на территории бывшей Российской империи правительств, вывод иностранных войск, прекращение иностранной помощи антибольшевистским правительствам, отмена экономической и политической блокады, предоставление права гражданам России и союзных государств свободно перемещаться через границы, обеспечение гарантированной свободы прохождения транзитных грузов по всей территории бывшей Российской империи, освобождение военнопленных и по-

литических заключенных. Одним из важных пунктов соглашения было признание московским и всеми другими существовавшими в России правительствами долгов бывшей Российской империи. Ленин, очевидно, исходил из того, что проект не создаст препятствий для продвижения Советской России по новому пути.

Но этой попытке урегулирования также было не суждено реализоваться. Наступление войск А. Колчака в марте — апреле 1919 г. в Западной Сибири и на Урале оживило необоснованные надежды Антанты на скорое падение Советской власти. Многообещающая инициатива В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа не получила продолжения. Проект соглашения не был опубликован на Западе, а Великобритания вообще дезавуировала У. Буллита в качестве ее эмиссара. Провал миссии Буллита во многом был связан с нежеланием подрывать единство союзных рядов в момент крайне ответственных обсуждений условий Версальского договора с Германией. Негативную роль сыграла и свободная пресса, развернувшая энергичную кампанию против ведения переговоров с большевиками. И Вильсон, и Ллойд Джордж были чувствительны к колебаниям общественного мнения.

Вспоминая позже о результатах миссии У. Буллита, В. Ленин писал: «Как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит приехал на родину, его встретили с возмущением, заставили выйти в отставку, — и я удивляюсь, как его еще сослали на каторгу, по принятому империалистическому обычаю, за такое сочувствие большевикам». Еще в начале 1919 г. РСФСР предприняла попытку установить политические и экономические отношения с США. Она назначила своим представителем находившегося там российского инженера Л. Мартенса, сочувствующего большевикам. Получив свои полномочия, Мартене направил в государственный департамент США меморандум, в котором Советская Россия выразила готовность закупить на американском рынке оборудование для железных дорог, сельскохозяйственные машины, горное и полиграфическое оборудование, автомобили. В обмен предлагались не только сырье, но и гарантии оплаты золотом, депонированным в банках Европы и Америки на сумму в 200 млн долларов. Правительство США не признало Мартенса и ответило молчанием на его предложения.

Уместно, однако, задуматься и о другом — была ли партия большевиков готова к тому, чтобы повторить опыт Бреста, пойти на гражданский мир со своими оппонентами? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Так, в ноте правительства РСФСР от

4 февраля 1919 г., содержащей согласие на компромисс с воюющими сторонами и проведение конференции на Принцевых островах, прямо указывалось, что «размер уступок, на который пойдет Русское Советское Правительство, будет зависеть от его военного положения по отношению к державам Соглашения, причем в настоящее время это положение улучшается с каждым днем». Эта оговорка, которая была бы немыслима на переговорах с Германией в Бресте, показала, что ссылка В. Ленина на его опыт не может пониматься буквально.

Ленин, конечно, учитывал, что условия мира, разработанные миссией Буллита в Москве, встретят не меньше возражений в партии, чем условия Бреста. Показательно, что как раз в марте 1919 г. почти параллельно переговорам с У. Буллитом в Москве проходил I конгресс Коминтерна, где, как отмечалось выше, ни о каких «мирных передышках» вопрос не ставился. В марте состоялся также VIII съезд РКП(б), на котором В. Ленин фактически исключил возможность стабильных отношений с западными странами. «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, — заявил он, — и существование Советской республики рядом с капиталистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен». Трудно сказать, что побудило Ленина сочетать переговоры с этими противоречащими им заявлениями: опасение использования факта переговоров пропагандой Запада для дезориентации общественного мнения в странах Антанты, стремление пойти на уступки левой платформе внутри партии или искренняя убежденность в невозможности мирного сосуществования? Подобные заявления, по оценке американского аналитика Дж. Кеннана, дали предлог «партиям войны» в странах Запада, и прежде всего в США, развязать истерическую антисоветскую кампанию.

В январе 1919 г. активизировалось сотрудничество адмирала А. Колчака с союзниками. При материальной поддержке Лондона и Парижа весной — летом 1919 г. силы А. Колчака предприняли новую попытку пробиться к Волге.

В разгар сотрудничества стран Антанты с омским правительством те и другие обсуждали вопрос о возможности официального признания А. Колчака в качестве верховного правителя России. В связи с этим 26 мая 1919 г. Англия, Франция, США и Италия предъявили адмиралу ряд условий. В случае дальнейших успехов

и взятия Москвы правительство Колчака должно было организовать созыв Учредительного собрания, признать независимость Польши и Финляндии, решить вопрос с прибалтийскими, кавказскими и закаспийскими новообразованиями при содействии Лиги Наций. Ответ Колчака, последовавший 3 июня 1919 г., был уклончивым. Адмирал был согласен подтвердить независимость Польши, признанную российским Временным правительством после февраля 1917 г., и признать де-факто правительство Финляндии. При этом Колчак допускал только «ограниченную» независимость Финляндии — т. е. ее свободу в вопросах внутреннего устройства и управления. Установление границ с Польшей и окончательное урегулирование всего комплекса проблем с Финляндией Колчак предлагал оставить на усмотрение Учредительного собрания. Заявлялось о готовности обеспечить автономные права эстонских, латвийских и литовских национальных групп, а также народов Закавказья и Закаспия, но только через решения будущего Учредительного собрания. Лидер белого движения, таким образом, показал себя сторонником сохранения «единой и неделимой» России.

Между тем ход военной кампании для омского правителя оказался неблагоприятным. Его наступление на Центральную Россию затянулось, и Колчак был вытеснен обратно в Сибирь. Крестьянские восстания и партизанское движение против него помогли Красной Армии установить Советскую власть в Сибири. В декабре 1919 г. Колчак был взят в плен остатками Чехословацкого корпуса, выдан большевикам и в феврале 1920 г. по решению иркутского ревкома расстрелян.

Большевикам пришлось сдерживать и наступление генерала Н. Юденича, предпринявшего попытку взять Петроград. Победа оказалась на стороне красных. Юденич был вынужден отступить в Эстонию, которая к тому времени уже провозгласила свою независимость. Эстонское правительство, зная о негативном отношении генерала к суверенности бывших прибалтийских губерний России, отрицательно восприняло пребывание войск Юденича на своей территории. Советская Россия удачно воспользовалась этим и предложила незамедлительно признать независимость Эстонии в обмен на ликвидацию угрозы со стороны Юденича. Эстония согласилась на такой «размен», и войска Юденича были разоружены и интернированы. Неудачно для белых развивалась ситуация и на севере России. В начале 1920 г. силы генерала Е. Миллера были разгромлены.

Лидерство в антибольшевистском лагере перешло к А. Деникину. Он также был верен идее «единой и неделимой» России, и эта позиция подрывала его связи с националистическими силами на окраинах страны, особенно на Украине. Еще в середине 1919 г. Деникину удалось занять Северный Кавказ, Украину, взять Царицын, но уже в октябре наступление захлебнулось. В конце 1919 — начале 1920 г. деникинские силы были разгромлены. Часть войск удалось эвакуировать в Крым. Командовать ими стал генерал П. Врангель. Волею судьбы он оказался в еще более тяжелом положении, чем предполагал. Англия во главе с премьер-министром Д. Ллойд Джорджем сочла нецелесообразным оказывать далее материальную помощь белому движению.

Как выход из положения Англия предлагала свое посредничество в деле заключения перемирия с большевиками и получения аннексии. По существу, речь шла об ультиматуме Врангелю капитулировать перед большевиками. В таких условиях генерал стал искать других союзников: он не мог обратиться к Германии, поскольку она воспринималась как враг. На помощь пришла Франция, которая 10 августа 1920 г. признала правительство П. Врангеля де-факто.

Однако сам Врангель рассматривал Крым как осажденную крепость, а не как плацдарм для наступления на Москву. Он собирался создать на полуострове подобие некоего государства с условиями, которые были бы более благоприятными и привлекательными для людей, чем жизнь при советском строе. Крым представлялся Врангелю прообразом идеального государства и базой для воссоздания прежней могучей державы в перспективе.

Между тем идея восстановления «единой, великой и неделимой» России в границах прежней империи в тех обстоятельствах была полной утопией. Окраинные части Российской империи (Прибалтика, Украина, Грузия, Азербайджан и Армения) уже находились на пути к образованию независимых государств, и лишь сильная центральная власть могла воспрепятствовать этому процессу. Белое движение такими возможностями не обладало, и его реставраторские программы государственного строительства не вызывали ни понимания, ни поддержки. Чувствуя себя в отчаянном положении, Врангель выбросил сугубо прагматичный лозунг: «С кем хочешь, но за Россию». Для организации антибольшевистского фронта он попытался установить союзнические отношения с Польшей и с антибольшевистскими властями Украины. Но польское руководство, вступив в переговоры с Врангелем,

вскоре предпочло иметь дело с Советским правительством. Не увенчались успехом и попытки сотрудничества с С. Петлюрой. Семимесячная эпопея «белого» Крыма закончилась в ноябре 1920 г. полным разгромом войск Врангеля. Это было окончанием Гражданской войны в европейской части России.

Уже понимая логику развития ситуации внутри страны, державы Антанты с весны 1920 г. повели дело к свертыванию интервенции и начали эвакуацию своих вооруженных сил. Исключением являлась территория Дальнего Востока, где японские войска продолжали оставаться до осени 1922 г.

Западные державы не оказали белому движению помощи, достаточной для победы. Определяющую роль при этом сыграли разногласия между лидерами антибольшевистских сил и странами Антанты в вопросе о сохранении за Россией старых границ империи.

Установление отношений со странами Среднего Востока. Важнейшим направлением советской внешней политики в указанный период был Восток. Но проблема состояла в том, что он рассматривался большевиками в условиях отсутствия революционной ситуации на Западе как возможный плацдарм мировой революции. Л. Троцкий подчеркивал: «Может быть, дорога на Лондон и Париж пролегает через города Персии и Афганистана. Там мы убьем английского льва и превратим Великобританию в подобие жалкого острова». Ему поддакивал И. Сталин: «Если дряхлый царизм сумел через ряд стран Средней Азии и Гиндукуш дойти до Индии, почему рабоче-крестьянская Россия, возбуждающая столько надежд у народов Востока, не может предложить индусам идеологию большевизма». Но симпатии на Востоке вызывала не сама идеология большевизма, а нечто другое, более существенное: отказ Советской России от царского колониального наследия, стремление строить отношения на равноправной основе. Поэтому в ноте НКВД РСФСР от 27 января 1918 г. персидскому посланнику в Петрограде говорилось: «В точном соответствии с принципами международной политики, утвержденными 26 октября 1917 г. Вторым Всероссийским Съездом Советов, Совет народных комиссаров объявляет англо-русское соглашение 1907 г., направленное против свободы и независимости персидского народа, раз и навсегда расторгнутым». Объявлялись недействительными все соглашения, которые «ограничивают или стесняют права персидского народа на свободное и независимое существование». В течение декабря 1917 г. — января 1918 г. из Персии были выведены все российские войска, что имело огромное политическое значение. Все неравноправные догово-

ры, привилегии и концессии, полученные царским правительством, были аннулированы. Также были отменены все платежи Персии по долговым обязательствам. Стране были безвозмездно переданы принадлежавшие России Учетно-ссудный банк, железные и шоссейные дороги, порт Энзели, почтово-телеграфные линии. Тем не менее Октябрьскую революцию в России Тегеран воспринял настороженно, ожидая усиления притока революционных идей из России и не желая того. Иранское правительство официально признало Советскую Россию в декабре 1917 г. Но оно отказалось принять советскую дипломатическую миссию, так как в Тегеране продолжал находиться старый российский посол фон Эттер. Прибывший в Персию глава советской миссии И. Коломийцев не получил аккредитации. Более того, помещение миссии было разгромлено находившимися в Тегеране белогвардейцами. С 1918 г. Персия почти полностью была оккупирована британскими войсками и превращена в плацдарм для борьбы против Советской России в Средней Азии и Закавказье. В северные районы Персии вошли турецкие войска с целью не допустить присоединения иранского Азербайджана к Советской России. Однако им стали противодействовать большевики, которые осуществили переворот в Баку и провозгласили Бакинскую коммуну. Из Персии туда были направлены английские войска, которые ликвидировали коммуну и расстреляли 26 комиссаров во главе с С. Шаумяном. Советская Россия 28 августа 1919 г. выступила с обращением к персидским рабочим и крестьянам, в котором осудила действия Англии и подписанный ею кабальный договор с Ираном. Одновременно Советская Россия предложила заключить с Персией равноправный договор. Большое воздействие на международные отношения в регионе и на персидское правительство оказали победы Красной Армии в Средней Азии и Закавказье. 28 апреля 1920 г. была образована Азербайджанская ССР. В 1920 г. в Средней Азии оформилась Бухарская и Хорезмская народные республики.

Революция в России произвела неоднозначное впечатление и в Афганистане. Вызвав скорее настороженность у эмирского правительства, она привлекла симпатии антибритански настроенных реформаторов во главе с принцем Аманулла-ханом, симпатизировавших большевикам в их борьбе с интервенцией. В феврале 1919 г. реформаторы пришли к власти, а в апреле на условиях взаимности официально признали Советскую Россию. В ответном послании М. Калинина и В. Ленина от 27 мая 1919 г. говорилось: «Стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет

лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства... Установлением постоянных дипломатических отношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достоинство». В августе 1919 г. в Кабул прибыл полпред Туркестанской республики Н. Бравин с полномочиями от Советского правительства. В декабре его сменил представитель РСФСР в странах Центральной Азии Я. Суриц. В октябре 1919 г. в Москву прибыла Чрезвычайная афганская миссия. После встречи с Лениным она последовала в страны Западной Европы, стремясь добиться признания Афганистана Францией, Италией, Германией. Отказ Англии признать независимость Афганистана привел к войне, которая закончилась для Лондона полным провалом. В августе между Англией и Афганистаном был подписан прелиминарный мирный договор, в котором фактически признавалась независимость Афганистана.

Политика Советской России на Дальнем Востоке. Японская интервенция. Провозглашение Дальневосточной республики. Дезинтеграция бывшей Российской империи после Октябрьского переворота 1917 г. привела к тому, что Россия временно перестала быть элементом дальневосточного баланса. Как и вся страна, российский Дальний Восток погрузился в пучину Гражданской войны. Осенью 1918 г. власть большевиков к востоку от Байкала была ликвидирована и перешла в руки эсеровских правительств Владивостока, Читы, Хабаровска, а также атаманов Забайкальского казачьего войска Г. Семенова и И. Калмыкова. К западу от Байкала было создано сибирское правительство А. Колчака.

Россия утратила свои позиции и в Маньчжурии. В декабре 1917 г. Китай установил контроль над КВЖД и полосой отчуждения дороги и разогнал совет в Харбине, созданный после Февральской революции. В Северную Маньчжурию — российскую сферу влияния — были введены японские войска.

В августе 1918 г. к Японии на Дальнем Востоке присоединились США, а также Англия и Франция, приславшие соответственно семитысячный корпус и небольшие военные миссии. Однако масштабы их вмешательства и интервенция Японии были несоизмеримы. Численность ее войск в России в период 1918–1922 гг. колебалась в разное время от 50 тыс. до 120 тыс. человек. Действуя формально под эгидой Антанты, она преследовала собственные далеко идущие цели. Японцы намеревались создать на Дальнем Востоке подконтрольную им местную администрацию и сохра-

нить оккупационный режим на неопределенное время. Они поощряли сепаратистские устремления некоторых эсеровских лидеров и казачьих атаманов и с враждебностью относились к адмиралу Колчаку, который выступал под лозунгом «единой и неделимой России».

Соединенные Штаты, напротив, были главной внешней опорой правительства А. Колчака и считали целью своей экспедиции оказать ему всемерную поддержку, в первую очередь обеспечив беспрепятственное снабжение его армии. США исходили из того, что Россия должна сохраниться как противовес Японии на Дальнем Востоке. Что касается Англии и Франции, то их роль сводилась к наблюдению за действиями своих союзников и поддержанию контактов с руководством антибольшевистских группировок. Чтобы не допустить монопольного контроля Японии и Китая над КВЖД и Транссибирской магистралью, в январе 1919 г. Антанта создала межсоюзнический комитет по управлению дорогами во главе с представителем США, который обеспечивал их нормальное функционирование в интересах Сибирского правительства и чехословаков.

Как верховный правитель России А. Колчак обладал наибольшим авторитетом среди вождей белого движения и был признан легитимным главой государства всеми антибольшевистскими силами, в том числе и на Дальнем Востоке. Он имел в своем подчинении наиболее сильную и к тому же единственную регулярную, а не добровольческую армию из всех, сражавшихся против красных. Кроме того, в распоряжении Колчака была большая часть золотого запаса Российской империи. Благоприятные географические условия для создания рубежей обороны в Забайкалье, неплохие коммуникации (Транссиб, КВЖД и судоходный Амур), возможность получать иностранную помощь и вести информационное сообщение через Владивосток — все это делало задачу длительного удержания Колчаком Дальнего Востока вполне осуществимой. За счет золотого запаса, в частности, мог быть реализован активно обсуждаемый руководством белого движения план переброски на Дальний Восток из Крыма армии П. Врангеля. Здесь же могла найти убежище и значительная часть рассеянной по свету русской эмиграции. Дальневосточное государство также могло рассчитывать на поддержку со стороны США и Японии.

В марте 1920 г. Соединенные Штаты вывели свой экспедиционный корпус из Забайкалья. После гибели А. Колчака они не видели силы, которую стоило поддерживать. В сентябре закончи-

лась эвакуация чехословацких войск, глубоко втянувшихся в российскую междоусобицу. Только Япония не собиралась свернуть свое военное присутствие. В марте 1920 г. в Николаевскена-Амуре один из местных партизанских отрядов разгромил японское консульство. Пострадали сотни японских подданных, в основном гражданские лица. Воспользовавшись «николаевским инцидентом», Япония увеличила свою группировку в Приморье и оккупировала Северный Сахалин.

Красная Армия, продвигавшаяся на восток, в марте 1920 г. взяла Иркутск и оказалась перед японскими частями. Наступление было приостановлено. Большевики боялись военного конфликта с Японией. Они хорошо помнили печальный опыт войны 1904—1905 гг. Кроме того, на западе назревала война с Польшей, и в Москве не хотели вести боевые действия на два фронта. Осталось искать политико-дипломатические способы вытеснения японцев.

В этих обстоятельствах возник проект создания буферного государства между Советской Россией и Японией. В его основе лежали два ключевых соображения. Во-первых, советское руководство остро чувствовало опасность государственного оформления сепаратизма дальневосточных правительств под эгидой Токио и считало необходимым нейтрализовать эту тенденцию. Во-вторых, оно полагало, что этот план позволит наиболее эффективно сыграть на противоречиях между Японией и США.

Вашингтон выступал против сепаратного японского военного присутствия. В ноте правительства США (май 1921 г.) говорилось: «Соединенные Штаты не могут согласиться с нарушением Японией суверенитета и территориальной целостности России. США надеются, что Япония найдет возможность в ближайшем будущем положить конец Сибирской экспедиции и вернуть Сахалин русскому народу». Вместе с тем Соединенные Штаты, занимавшие принципиальную позицию непризнания Советской России, отказались вступать с ней в диалог по дальневосточным вопросам. Они нуждались в новом российском партнере, с которым могли бы взаимодействовать в давлении на Японию, не теряя лица. Исходя из всего этого, Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) в начале 1920 г. достигло договоренности о совместных действиях с партиями эсеров и меньшевиков с целью создания нового государства.

В марте 1920 г. была провозглашена Дальневосточная Республика. Она включала в себя Забайкалье, Приамурье и Приморье.

Большевики и социалисты сформировали коалиционное правительство. Весной 1921 г. на всем Дальнем Востоке прошли выборы в Учредительное собрание, которое приняло Конституцию ДВР.

Различные политические силы по-своему понимали предназначение нового государства. Социалисты хотели сохранить его «всерьез и надолго», а большевики — использовать как ширму для своего присутствия и инструмент в дипломатической игре. ДВР не была «советизирована», и на ее территории не проводилась политика военного коммунизма. В то же время ДВР в значительной мере контролировалась большевиками, захватившими силовые структуры, и фактически представляла собой прообраз модели государства «народной демократии».

На первых порах расчеты большевиков оправдались. Создание Дальневосточной Республики было благожелательно встречено в США и Японии. Оба государства установили с ней неофициальные контакты, а затем открыли в столице ДВР Чите консульские миссии. В 1920 г. Япония и ДВР подписали соглашение о перемирии, в котором говорилось, что «наилучшим способом к... установлению спокойствия и порядка является образование буферного государства с единым правительством», которое «не может не иметь намерений самого тесного с Японией содружества и сотрудничества». Власти ДВР взяли обязательства «не вводить коммунистический режим» и не допускать на свою территорию войска РСФСР. Япония, в свою очередь, признала администрацию ДВР в оккупированных ею областях, прекратила поддержку своей креатуры — атамана Г. Семенова, воевавшего с ДВР, и к концу 1920 г. эвакуировала свои войска из Забайкалья и Приамурья. Под ее контролем оставались Приморский край и Северный Сахалин.

Однако весной 1921 г. стало очевидно, что очищенная от японских войск территория ДВР находится под фактическим контролем Дальбюро ЦК РКП(б). Поэтому Япония потеряла доверие к Чите и в мае 1921 г. ликвидировала ее власть в Приморье, создав во Владивостоке областное правительство во главе с крупным предпринимателем С. Меркуловым. Япония отказалась продолжить эвакуацию своих войск с российского Дальнего Востока.

«Буферизм» был лишь одним из аспектов дальневосточной политики большевиков. Другим аспектом была задача установления отношений с Китаем. Вместе с тем советская программа относительно этой страны выходила за рамки добрососедства и с самого начала была подчинена идеям мировой революции. Ее основы впервые были изложены в Обращении правительства РСФСР к ки-

тайскому народу и правительствам Северного и Южного Китая (июль 1919 г.) и Обращении правительства РСФСР к правительству Китайской республики (сентябрь 1920 г.). Значение этих документов заключалось в том, что они декларировали отказ Советской России от всех прав, привилегий и собственности царской России в Китае. Столь радикальная позиция РСФСР была продиктована ее стремлением противопоставить себя китайской политике великих держав и Версальскому договору, а также расчетами на перерастание «движения 4 мая 1919 г.» в антиимпериалистическую революцию. Эта позиция, однако, не изменила враждебного отношения пекинского правительства к большевикам.

Китай как член Антанты прервал все официальные контакты с Советской Россией после подписанного ею Брест-Литовского мира. В июне 1920 г. в Китай была послана дипломатическая миссия во главе с И. Юриным. Он предложил установить консульские отношения между Китаем и ДВР, заключить торговый договор и решить проблему КВЖД. Однако миссия Юрина в Пекине была принята только в качестве торговой делегации. При этом де-факто прямые трансграничные отношения РСФСР и ДВР с Китаем развивались достаточно успешно. 27 мая 1920 г. было подписано соглашение о пограничной торговле между советскими властями Туркестана и правительством провинции Синьдзян, которое позволяло частям Красной Армии преследовать отряды белых на территории этой провинции. Тем не менее Пекин продолжал игнорировать усилия Москвы установить с Китаем дипломатические отношения.

Подписание договоров РСФСР с Финляндией и странами Балтии. Декретом СНК от 18 декабря 1917 г. за подписью Ленина Финляндская республика была признана независимым государством. В конце января 1918 г. в Финляндии под влиянием событий в России вспыхнула революция под социалистическими лозунгами и началась гражданская война. К марту 1918 г. большая часть финляндской территории оказалась под контролем революционно-го правительства, которое вступило в переговоры с РСФСР. 1 марта 1918 г. в Петрограде был заключен Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской Социалистической Рабочей Республикой. В договоре подтверждалось признание РСФСР государственной независимости Финляндии в границах бывшего Великого княжества Финляндского. РСФСР согласилась передать Финляндии Печенгскую область (Петсамо), Финляндия уступила РСФСР территорию форта Ино, стратегически важного пункта для защиты Петрограда. Советская Россия стала оказывать

финским большевикам военную помощь в борьбе против возглавляемого П. Свинхувудом правительства страны.

В свою очередь, это правительство в поисках союзника для борьбы с большевиками сблизилось с Германией. Поэтому на советско-германских переговорах о мире в Брест-Литовске в феврале 1918 г. германская сторона настаивала на прекращении помощи РСФСР левым силам в Финляндии. Брест-Литовский мирный договор 3 марта 1918 г. предусматривал вывод русских войск, флота и Красной гвардии с ее территории, прекращение пропаганды и агитации в пользу революции. В апреле 1918 г. в Финляндию были введены германские подразделения, а из Швеции прибыли части добровольцев из числа шведских подданных. В результате усилий широкой антибольшевистской коалиции финские коммунисты были разбиты. В декабре 1918 г. главой государственной власти Финляндии стал генерал императорской армии К. Маннергейм, который оставался регентом до мая 1919 г. — момента провозглашения Финляндии республикой.

Договор России с левым правительством Финляндии от 1 марта 1918 г. утратил силу, а в мае 1918 г. парламент страны принял решение о разрыве дипломатических отношений с РСФСР. Между двумя странами начались военные действия. В 1918—1919 гг. финские войска захватили обширные районы Восточной Карелии, при поддержке правительства были сформированы и официально признаны Финляндией органы власти, выступавшие за отделение от России (олонецкое правительство и Временное правительство Архангельской Карелии).

Однако к лету 1920 г. Красная Армия нанесла поражение финским войскам и отрядам независимых карельских правительств и вышла на восточную административную границу Финляндии, какой она была до 1917 г. В руках финнов остались только две пограничные волости. Согласно постановлениям ВЦИК от 7 июля и 4 августа 1920 г., в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний была образована автономная Карельская Трудовая Коммуна. 14 октября 1920 г. в Тарту был заключен советско-финляндский мирный договор, по которому Россия подтверждала признание независимости и суверенитета финнов в границах бывшего Великого княжества. Советско-финляндская граница установилась (кроме района Печенги) по старой линии границ губерний российской империи с Великим княжеством Финляндским. Финляндия обязывалась возвратить РСФСР Репольскую и Паросозерскую волости.

24 февраля 1918 г. Совет старейшин Эстонского земского собора объявил об образовании независимой Эстонской демократической республики. Но германские оккупационные власти делали ставку не на эстонские национальные партии, а на организации немецкого дворянства Прибалтики. Последние же провозгласили создание Балтийского герцогства под управлением одного из отпрысков германского императорского дома. Герцогство должно было включить в себя Эстляндию, Лифляндию и Курляндскую губернии Российской империи, занятые к тому времени германскими войсками. Правительство Советской России не признавало герцогство. Брест-Литовский договор с формальной стороны не упразднял суверенитета РСФСР над Эстляндией и Лифляндией, он предусматривал лишь вывод оттуда российских войск. Но убийство В. Мирбаха заставило Россию пойти на отказ от верховной власти над этими территориями.

После Ноябрьской революции в Германии Красная Армия заняла Нарву, и там эстонские большевики провозгласили Эстляндскую Трудовую Коммуну. Декретом от 7 декабря 1918 г. СНК РСФСР признал независимость Эстонии как советского государства.

Однако к февралю 1919 г. объединенные силы таллиннского правительства Эстонии и русских белогвардейских войск Н. Юденича вытеснили советские войска с эстонской территории. 19 мая 1919 г. Учредительное собрание Эстонии узаконило создание независимой республики. В Юрьеве (Тарту) прошли советско-эстонские переговоры, завершившиеся подписанием 2 февраля 1920 г. мирного договора между РСФСР и Эстонской Республикой. РСФСР, исходя из «права всех народов на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого они входят», признала независимость и самостоятельность Эстонского государства и отказалась «добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к эстонскому народу и земле в силу существовавшего правового порядка, а равно на основании международных договоров, которые, в указанном здесь смысле, теряют силу на будущие времена. Из прежней принадлежности России для эстонского народа и земли не возникает никаких обязательств по отношению к России».

Государственная граница между РСФСР и Эстонией устанавливалась таким образом, что к Эстонии перешел восточный берег реки Нарвы и значительная часть Псковского уезда, включая Печоры и Изборск. Данная граница в основном совпадала с линией советско-эстонского фронта на начало 1920 г. и проходила восточ-

нее той линии, которая была в свое время определена Брест-Литовским договором в качестве восточной границы Эстляндии и Лифляндии.

Советско-эстонский договор 1920 г. содержал также статьи о демилитаризации приграничных районов, о безвозмездном отказе РСФСР от прав на бывшее российское имущество на эстонской территории, о выдаче Эстонии золотого запаса в 15 млн рублей, о возврате Эстонии культурных ценностей, освобождении ее от ответственности за долговые обязательства России. Эстония, со своей стороны, должна была разоружить находившиеся на ее территории русские белогвардейские части, не допустить использования своей территории для враждебных действий против РСФСР. Страна выходила из антисоветской коалиции. Главное, что Россия добилась этого не военными, а политическими средствами. В. Ленин выделил это в качестве главного урока договора с Эстонией, отметив, что «мы доказали наше умение своевременно и добросовестно отказаться от насилия для перехода к мирной политике, завоевав симпатии буржуазного правительства маленького государства».

Советская власть в Лифляндии и Латгалии (западная часть Витебской губернии) просуществовала только до наступления немецких войск в феврале 1918 г., когда были временно прекращены советско-германские мирные переговоры в Брест-Литовске. Согласно статье 3 Брест-Литовского договора, Россия отказывалась от суверенитета над Курляндией и городом Ригой. Юридический статус Лифляндии по Брест-Литовскому договору и Дополнительному советско-германскому договору от 27 августа 1918 г. был аналогичен статусу Эстляндии. Наряду с Эстляндией Курляндия и Лифляндия должны были войти в состав Балтийского герцогства.

Германское вмешательство не только блокировало усиление большевистского влияния в Латвии, но и препятствовало активности латышских антилевых сил. В оккупированных зонах (прежде всего в Риге, захваченной германскими войсками еще в августе 1917 г.) военные власти ограничивали деятельность латышских националистов, делая ставку на местные немецкие общины. Позиции немецкого дворянства были особенно сильны в Курляндской губернии, хотя немецкое население составляло там около 8 %. Ситуация изменилась только после поражения Германии. В ноябре 1918 г. был создан Народный совет (парламент) Латвии, от имени которого было сформировано временное правительство во главе с лидером праворадикального толка К. Ульманисом. Оно провозгласило Лат-

вию независимым государством. В январе 1919 г. это правительство было свергнуто вступившими в Ригу большевиками, которые объявили страну Советской республикой. Латышские оппоненты большевиков в марте 1919 г. восстановили власть К. Ульманиса. В апреле 1920 г. начались советско-латвийские переговоры, которые завершились 11 августа 1920 г. подписанием мирного договора. Желая заставить Латвию присоединиться к интернированию войск Н. Юденича, руководитель советской делегации А. Иоффе пошел на неоправданные уступки. Россия не только признала независимость Латвийского государства «ввиду определенно выраженной воли латвийского народа к самостоятельному государственному существованию», но и отдала этой стране населенную белорусами западную часть Витебской губернии и три района Псковской губернии.

В архиве внешней политики Российской Федерации в начале 1990-х гг. нашли письмо Г. Чичерина, где есть такие строки: «Мы отдали Финляндии Печенгу, где население этого не хотело, мы не спрашивали Латгалию при передаче ее Латвии, мы отдали чисто белорусские местности Польше. Это все связано с тем, что верховным принципом является самосохранение Советской республики как цитадели революции». Лидеры большевиков подчеркивали нецелесообразность реализации права на самоопределение в форме отделения с точки зрения единства разнонациональных отрядов рабочего класса. Поэтому самоопределение поддерживалось не безоговорочно. Оно расценивалось положительно, если вело к установлению власти пролетариата, и отрицательно, если имело место установление власти буржуазии. Особенно наглядно это проявилось в отношении Литвы. Под воздействием революции в Германии здесь стали бороться за власть одновременно пробольшевистские и антибольшевистские силы. На помощь первым пришли войска Советской России. В декабре 1918 г. было образовано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы во главе с В. Мицкявичусом-Капсукасом. 16 декабря 1918 г. оно провозгласило в Литве Советскую власть, а 22 декабря 1918 г. правительство РСФСР признало его в качестве правительства независимой Литвы.

Между тем к событиям в Литве живой интерес проявила Польша. В начале декабря 1918 г. польское руководство заручилось согласием германского командования передавать власть польским вооруженным силам повсюду, откуда в соответствии с Компьенским перемирием выводились германские части. Польская сторона получила возможность взять под свой контроль интересующие ее территории до того, как на них могли быть размещены части дру-

гих заинтересованных сторон — Литвы или Советской России. Речь прежде всего шла о Вильно и Виленской губернии, куда 1 января 1919 г. вошли польские части.

Уже 5 января большевики выбили польские войска из Вильно и установили в городе свою власть. Их военным успехам отчасти способствовала неготовность Польши, которая претендовала на Вильно и Виленскую губернию, к серьезной войне на своих восточных границах. Зимой 1919 г. войска Ю. Пилсудского были задействованы в конфликте на польско-чехословацкой границе (в Тешинской Силезии), чем и воспользовались большевики.

В феврале 1919 г. I Всебелорусский съезд советов и I съезд Советов Литвы приняли решение об объединении советских республик Литвы и Белоруссии в единую Литовско-Белорусскую Социалистическую Советскую Республику (Литбел). Новое образование включило Минскую, Гродненскую, Виленскую, Ковенскую и часть Сувалковской губерний. Его столицей стал город Вильно, который рассматривался и литовцами, и белорусами как исторический центр литовских и белорусских земель соответственно.

После подписания Компьенского перемирия на литовской территории параллельно с большевистскими структурами власти было сформировано антибольшевистское и антигерманское литовское правительство А. Вольдемараса. Оно заявило об упразднении монархического режима и вступило в борьбу с пробольшевистскими формированиями. В гражданскую войну в Литве вмешались германские войска и части белых армий, и она приобрела затяжной характер.

Несмотря на взаимную враждебность, литовские коммунисты и националисты имели параллельный интерес: у них был общий сильный противник в лице Польши, которая претендовала на Вильно и Виленскую губернию на том основании, что население города и прилегающего района было преимущественно польским. Между тем в Тешинской Силезии было заключено польско-чехословацкое перемирие, и польская армия смогла сконцентрироваться на боевых действиях против литовско-белорусских формирований Литбел.

4 апреля 1919 г. силы Ю. Пилсудского захватили Вильно и стали теснить большевистские части к северо-востоку. Столица Литбел была перенесена в Каунас (Ковно), который в июле 1919 г. пал под ударами польских и германских войск, перешедших на сторону правительства А. Вольдемараса. К августу последние части Красной Армии были вытеснены из литовских и белорусских областей. В Литве к власти вернулось правительство Вольдемара-

са (согласившееся на временное местопребывание в Каунасе), а территория Белоруссии, захваченная поляками, была включена в состав Польши.

Однако конфликт из-за Вильно продолжался. Желая предотвратить новую польско-литовскую войну, страны Антанты попытались вмешаться. 8 декабря 1919 г. британский министр иностранных дел Дж. Керзон огласил план разграничения, согласно которому восточная граница Польши должна была пройти по линии примерного этнического расселения поляков на западе и литовцев, белорусов и украинцев — на востоке («линия Керзона»). В части Виленской губернии принцип этнической демаркации не был выдержан, и по плану Керзона она закреплялась за Литвой. Однако на Польшу оказывали давление с целью убедить ее согласиться с «линией Керзона».

Отказ Антанты от поддержки антибольшевистских сил в России и прекращение экономической блокады. К началу 1920 г. стало очевидным, что советская власть ценой невероятных усилий победила в Гражданской войне. Однако мощного революционного подъема, который привел бы к победе левых, просоветски настроенных сил, на Западе не произошло. Поэтому неслучайно в резолюции VII Всероссийского съезда советов в декабре 1919 г. указывалось, что страна «желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на ниве советского строя». Подписание Советской Россией мирных договоров с малыми странами Балтии и разгром белого сопротивления резко усилили международные позиции большевиков. Это обстоятельство нельзя было игнорировать. Антанта должна была изменить свою тактику.

Остатки вооруженных сил А. Колчака, А. Деникина, П. Врангеля летом — осенью 1920 г. эвакуировались за рубеж. Частично они были приняты в состав местных вооруженных сил (в Югославии и Болгарии), частично — превратились в военные группировки, использовавшиеся для нападения на Советскую Россию из-за рубежа (в Китае, Персии, Монголии, Афганистане).

Избранная европейскими государствами тактика заключалась в признании правительства большевиков фактическим правительством России при одновременном проведении политической линии на дискриминацию РСФСР и ограничение ее международной роли. Не исключались и методы ведения «тайной войны» с целью дестабилизации власти большевиков.

Победа советского режима в Гражданской войне давала основание считать его достаточно устойчивым для того, чтобы поддерживать с ним экономические и торговые отношения. Идея «санитарного кордона» оставалась актуальной политически, но экономически становилась нерентабельной. Деловые круги сопредельных с Россией стран, а затем и других государств Европы и Азии стали высказываться в пользу урегулирования экономических отношений и возобновления хозяйственного сотрудничества с Россией. 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение отменить в отношении России экономическую блокаду.

В 1920—1921 гг. состоялись первые экономические переговоры России с западными партнерами по линии Всероссийского центрального совета потребительских обществ, делегации которого посетили Эстонию, Данию, Швецию и Великобританию. Обсуждались в основном вопросы экспорта российского сырья и золота.

В мае 1920 г. экономические вопросы послужили поводом для неофициальных переговоров в Лондоне между советским торговым представителем Л. Красиным и британским премьером Д. Ллойд Джорджем, в ходе которых британская сторона увязала разрешение накопившихся между Россией и западными странами экономических проблем с восстановлением нормальных отношений. Речь шла о гарантиях ненападения со стороны России для стран Прибалтики, признании царских долгов и недопущении антибританской пропаганды. Данная инициатива в целом была расценена на Западе положительно. На проходившей 21—22 июня 1920 г. в Булонь-сюр-Мер (Франция) очередной сессии Верховного совета Антанты было решено продолжить переговоры с торговыми представителями России.

Эта тенденция нашла свое отражение и в докладе Г. Чичерина на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г., в котором впервые прозвучал термин «мирное сосуществование», — в общих чертах было раскрыто ее содержание. «Наш лозунг был и остается одним и тем же, — заявил он, — мирное сосуществование с другими правительствами, какими бы они ни были... Экономическая действительность требует того же от других правительств, с какой бы ненавистью они ни относились к нашему строю». Чичерин впервые поставил вопрос о возможности длительных, стабильных отношений между государствами с различным социальным строем, подчеркнул первенство экономических интересов. Это было очень важно, учитывая, что в партии большевиков сильным влиянием пользовалась революционная линия. Победа в Гражданской вой-

не привела к «головокружению от успехов», хотя в марте 1920 г. В. Ленин отмечал, что «Европа идет к революции не так, как мы пришли». В 1920 г. Великобритания на переговорах по заключению торгового соглашения потребовала у советской дипломатии делом доказать приверженность РСФСР идеям мира, прекратить пропаганду, направленную на изменение существующего строя в Англии, а также отказаться от попыток стимулировать развитие в странах Востока движений, подрывающих Британскую колониальную империю. Из этого достаточно деликатного положения В. Ленин нашел выход, формально удовлетворивший требования английской стороны. Ей были даны заверения, что «никакой официальной пропаганды наше правительство вести не будет, никаких интересов Англии на Востоке мы трогать не намерены». Коминтерн при этом был охарактеризован как неправительственное учреждение, за деятельность которого Советское правительство никакой ответственности не несет. Компромисс, конечно, был формальным, поскольку в других случаях не скрывалось, что Советское государство рассматривает себя в качестве представителя интересов международного рабочего класса. Это свойство проявилось прежде всего в отношениях с Польшей.

Польская проблема в международных отношениях и во внешней политике Советской России. 27 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял обращение к польскому народу, в котором утверждалось право Польши на независимость. Через два дня Временное правительство приняло аналогичное воззвание и предложило новому независимому Польскому государству заключить военный союз с Россией. При этом была сделана оговорка о том, что польские границы будут рассмотрены Учредительным собранием.

Западные государства до 1917 г. по польскому вопросу не высказывались. Однако после марта они стали добиваться формирования из разрозненных польских национально-патриотических групп единого правительства, которое могло бы стать деятельным партнером Антанты. Официально независимость Польши предполагалось признать после завершения войны. Советское правительство, надеявшееся на революцию в Польше и ее добровольное присоединение к Советской России, занимало в польском вопросе выжидательную позицию.

Надо сказать, что к этому времени на польских территориях, оказавшихся под контролем австро-германского блока, уже существовало сильное национал-патриотическое движение поляков, пы-

тавших добиться независимости Польши под эгидой Германии. В то же время во Франции при поддержке Антанты существовали политические группы поляков, которые также стремились к этой цели, но при опоре на державы Согласия. Изменение политики российских властей было в этой ситуации во многом связано с их стремлением сохранить репутацию в глазах польского населения и предотвратить полную утрату влияния на процессы, происходившие на территории бывшего Царства Польского, которое входило в состав Российской империи.

Среди лидеров польского национального движения выделялся известный военный деятель Ю. Пилсудский, поляк по национальности и бывший подданный Российской империи как уроженец Царства Польского. В предвоенные и военные годы он был одним из самых популярных в Польше борцов с русским царизмом. В 1915 г. в Кракове, на территории, принадлежащей Австро-Венгрии, он организовал Высший национальный совет Польши. От имени совета при поддержке стран Четвертного союза был сформирован Польский легион под командованием Пилсудского, который сражался в составе сил австро-германского блока против России и Антанты.

Германия и Австро-Венгрия обещали польскому движению создать независимое Польское государство после победы над Россией. Однако уже в 1916 г. Пилсудский отказался от командования Польским легионом в знак протеста против отказа Германии и Австро-Венгрии немедленно провозгласить независимую Польшу на этнических польских территориях, которые к тому времени в результате поражения русской армии оказались под контролем австро-германских войск. Желая удержать поляков на своей стороне, Берлин и Вена 5 ноября 1916 г. провозгласили независимость Королевства Польского и создали Государственный совет, в который вошел и Пилсудский. Однако реальной власти совет не получил, и Пилсудский снова подал в отставку, протестуя против фактического отказа Германии предоставить Польшу независимость. Он был арестован и отправлен в Магдебург, где находился до самой Ноябрьской революции в Германии.

Тем временем 15 августа 1917 г. в Париже под эгидой Антанты другая группа польских националистов во главе с Р. Дмовским провозгласила Польский национальный комитет, которому французское правительство тоже разрешило формировать свои вооруженные силы на французской территории. Дмовский был

признан главой временного правительства Польши за рубежом. В ответ на это германские власти 12 октября 1918 г. создали в зоне своего контроля Регентский совет как орган управления польскими землями. Основу вооруженных сил совета составил бывший легион Пилсудского. Вскоре освобожденный из-под ареста и вернувшийся в Варшаву из Германии Пилсудский снова стал во главе этих вооруженных сил. Оба польских «правительства» вступили в переговоры.

Российские революционеры также не теряли надежд восстановить свое влияние в Польше. 3 марта 1918 г. в ходе Брест-Литовского урегулирования Советская Россия юридически подтвердила отказ от права ссылаться на приобретения, полученные в результате разделов Польши. В руководстве РСДРП(б) состояли видные революционеры польского происхождения (Ф. Дзержинский и др.), сохранившие влияние в польских левореволюционных кругах. 6 ноября 1918 г. левые польские партии провозгласили создание в Люблине собственного первого левого правительства Польши. Но это правительство не смогло распространить свою власть на все земли, а контролировало лишь их восточную часть. Правые и умеренные силы общества не поддержали левых, и власть люблинского правительства просуществовала лишь до января 1919 г.

Движение Польши к независимости ускорило после поражения Германии. Вывод германских войск из Варшавы, последовавший за подписанием Компьенского перемирия, позволил Регентскому совету 11 ноября 1918 г. официально провозгласить независимость Польши. Вслед за тем совет передал всю военную власть Пилсудскому и заявил о самороспуске.

Реальной силой польского руководства стала армия. Ее первой кампанией была оккупация Восточной Галиции, на территории которой лидеры украинского национального движения в октябре 1918 г. провозгласили Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР). К концу ноября 1918 г. вся ее территория была оккупирована польской армией. Силы Пилсудского развернули кампанию и на западе, вытеснив в декабре 1918 г. германские войска из Познани. Одновременно они вступили в столкновение с Чехословакией из-за территории Тешинской Силезии (бывшее герцогство Тешинское).

Между тем группы Ю. Пилсудского, Р. Дмовского и И. Падевского в Париже достигли соглашения о формировании коали-

ционного кабинета и назначении Пилсудского временным президентом. На подконтрольных польским группам территориях были проведены выборы в Конституционное собрание. В январе 1919 г. новый Основной закон Польши провозгласил ее независимым государством в границах Речи Посполитой 1772 г. (год первого раздела Польши). Боевые действия армии «по восстановлению польских исторических границ» стали еще активнее.

Политика Германии в отношении Польши была противоречивой. Берлинское правительство, первым признав Регентский совет Польши правительством де-юре, начало с Польшей переговоры о совместной борьбе против большевизма. Но разногласия из-за ряда территорий Восточной Пруссии, на передаче которых Польше настаивала польская сторона и Антанты, серьезно осложнили отношения Берлина и Варшавы. Объективно Германия была заинтересована в сохранении в Польше неустойчивого положения. Считалось, что втягивание Варшавы в пограничную войну на востоке отвлечет ее от вопроса о границах с Германией.

В то же время Польша опиралась на поддержку стран Антанты. Сильное Польское государство могло уравновешивать и Германию, и Россию, содействуя стабилизации Версальского порядка. Антикоммунистическая, антигерманская и антироссийская одновременно Польша могла бы играть в Центральной и Восточной Европе роль своего рода «водораздела» между российскими и германскими революционерами и быть гарантией против слияния российского и германского потоков мировой революции, если бы та смогла развиться.

Вопрос о восточных границах Польши явился предметом обсуждения Парижской мирной конференции. Варшава настаивала на восстановлении страны в исторических границах. Антанты отнеслась к этому проекту настороженно. Великобритания считала возможным построить Польское государство в этнических границах. Западные страны были склонны воспринимать Беларусь как часть России, а Вольнь и Восточную Галицию — как часть Украины. Союзные державы еще не исключали возможности падения большевиков и возрождения России в качестве традиционного партнера Запада.

Советско-польская война 1919–1920 гг. Западные государства с сомнением следили за наступательной политикой Варшавы. С одной стороны, сильная Польша считалась положительным элементом соотношения сил в Восточной Европе в качестве противника

Германии и России, с другой — хронический конфликт с соседями мог обернуться нестабильностью, когда пришлось бы приходить Польше на помощь. Антанты и США негативно воспринимали политику Польского государства в отношении Литвы и опасались, что включение силой в состав Польши земель, населенных украинцами и белорусами, сделает ее слабой и внутренне неустойчивой. Большевистское руководство России рассматривало Польшу как враждебный форпост Антанты на западе страны. Войска П. Врангеля и Польши оценивались В. Лениным как «две руки международного империализма». Вместе с тем в Москве не стремились обострять отношения с Варшавой, рассчитывали урегулировать спорные вопросы прохождения границы на основе компромисса. Логика мирных передышек требовала предотвратить военное столкновение. Польский рабочий класс, по прогнозам Ленина, должен был собственными силами свергнуть свою буржуазию. «Разрешение вопроса о Белоруссии, — отмечал В. Ленин, — мы предполагали не силой оружия, а исключительно путем развития борьбы внутри Польши. Мы знали, что помощь освобождению трудящихся Польши мы можем оказать далеко не столько и даже главным образом не столько силой военной, сколько силой нашей пропаганды».

В начале 1920 г. НКВД РСФСР обратился к Варшаве с предложением мира на основе признания независимости Польши. Только в середине февраля пришел ответ из Варшавы, в котором присутствовал проект предварительных условий для переговоров. От России требовали признать «независимость национальных государств, возникших на территории империи и имеющих в данный момент свои правительства, вывести советские войска со всех территорий, входивших до первого раздела Польши в состав Речи Посполитой, а также согласиться на занятие этих территорий польскими войсками». Это было похоже скорее на ультиматум, чем на условия переговоров. Даже страны Антанты отнеслись к проекту скептически.

Пытаясь сплотить вокруг себя государства, враждебные большевизму, польское руководство в начале марта 1920 г. пригласило в Варшаву представителей Финляндии, Латвии, Румынии и Эстонии, рассчитывая выработать единую платформу для давления на Россию. Но идея конференции провалилась. В конце марта 1920 г. из Москвы поступили новые предложения о мире. 10 апреля в Борисове начались советско-польские переговоры. Они не дали результата. 25 апреля 1920 г. Варшава начала воен-

ные действия с целью захвата Украины и Беларуси. Польские войска поддерживались отрядами украинского атамана С. Петлюры. Между последним и Пилсудским была подписана секретная военно-политическая конвенция — Варшавский договор. Взамен признания главой правительства Украины С. Петлюры Польше отдавалась вся Западная Украина. Восточную границу Украины предлагалось провести по линии восточных границ между Речью Посполитой и Российской империей в 1772 г., причем обеспечить фактическое прохождение украинско-российской границы по этой линии должна была Польша.

Параллельно с договоренностями с украинской Директорией польское правительство сумело обеспечить себе поддержку в пограничной политике со стороны части белорусских антибольшевистских национальных лидеров. Весной 1920 г. на переговорах в Варшаве, а затем в Минске польская сторона добивалась от них подписания договора, в котором было бы зафиксировано их согласие на включение белорусских земель в состав Польши и проведение разграничения с Россией по границам 1772 г.

Польское наступление развивалось успешно, и 7 мая войска Пилсудского заняли Киев. В городе была восстановлена власть Петлюры. Но зона контроля киевского правительства не распространялась на востоке далее Винницы. К середине мая 1920 г. польское наступление было остановлено. Красная Армия начала теснить поляков одновременно в Беларуси и на Украине. 12 июня Киев был снова взят большевиками, а 11 июля они вошли в Минск. К концу месяца польские войска были изгнаны почти со всей территории Беларуси и юго-восточной Литвы. 1 августа Красная Армия вошла в Брест. На белорусских территориях была восстановлена Советская власть. В принятой 31 июля 1920 г. Декларации Беларусь провозглашалась независимой Советской Республикой. Все законы польских властей отменялись. Важно, что в Декларации был четко обозначен принцип разграничения с Польшей — не исторический, а этнический. В тексте указывалось, что разграничение между Беларусью и Польшей будет проведено по линии расселения белорусов и поляков. Для Польши эти условия были менее выгодными, чем те, что предлагались большевиками на советско-польских переговорах 25 апреля 1920 г., поскольку в случае принятия первоначального советского проекта Польша получила бы почти всю Беларусь. Идея этнического разграничения была с пониманием воспринята в странах Антанты.

Вот здесь бы и остановиться, как предлагал Л. Троцкий, и принять предложение Великобритании от 12 июня 1920 г. о заключении перемирия на основе «линии Керзона», для чего созвать специальную международную конференцию. Кстати, это могла быть первая попытка урегулировать политические проблемы между Россией и Антантой. Предложение Великобритании было принято Польшей. Но советское руководство отвергло посредничество, решив, что наступательный порыв Красной Армии даст возможность добиться от Польши большего. Это была роковая стратегическая ошибка Москвы. В июле 1920 г. Западный фронт под командованием М. Тухачевского пересек этнические границы Польши и стал прорываться к Варшаве. На фоне побед в Москве произошел всплеск ожиданий польской революции и распространения ее дальше на Запад, в Германию. Приказ Тухачевского «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!» отражал эти псевдореволюционные надежды. Позднее М. Тухачевский писал: «Нет никакого сомнения в том, что если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь европейский материк».

19 июля 1920 г. большевистское руководство утвердило специальное бюро для практического руководства партийной работой на польских территориях, подконтрольных силам Красной Армии. 30 июля 1920 г. в Белостоке был сформирован Временный польский революционный комитет (Польревком), который до создания будущего правительства Польши должен был выполнять роль ее временного переходного правительства. В него вошли Ф. Дзержинский, Ф. Кон, Ю. Мархлевский, Э. Прухняк, И. Уншлих. На повестку дня ставился вопрос о советизации Польши, что должно было произойти благодаря наступлению Красной Армии, но при поддержке польских «революционных масс». Как отмечал впоследствии Ленин, «мы стояли накануне того, чтобы помочь польским рабочим свергнуть их правительство». Это, по его оценке, привело бы к тому, что «Версальский мир был бы разрушен, и вся система международных отношений, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Франция не имела бы тогда буфера, ограждавшего Германию от Советской России».

Но эти расчеты оказались ошибочными. Как только силы большевиков вошли на собственную польскую территорию, характер войны изменился, и местное население повсеместно обра-

тилось не против правительства Пилсудского, а против того, что воспринималось им как попытка силой восстановить в Польше правление Москвы. Предположение о классовой солидарности польских трудящихся с российскими и украинскими не подтвердилось, а порыв польских народных масс приобрел антибольшевистскую и антироссийскую направленность.

Ситуация усугубилась 12 августа 1920 г. в результате наступления вооруженных сил юга России под командованием П. Врангеля, оттянувшего часть сил Красной Армии с польского фронта. Этим воспользовалась Варшава. 14 августа польские войска перешли в контрнаступление и, вытеснив большевиков со своей территории, вошли в Западную Украину и Западную Беларусь. Более 50 тыс. советских солдат и офицеров оказались в польском плену, где были обречены на мученическую смерть от голода и жажды. В такой ситуации 17 августа 1920 г. в Минске открылась мирная советско-польская конференция. Советская делегация состояла из представителей РСФСР и УССР. Советская Беларусь доверила представлять свои интересы делегации Российской Федерации. Это обстоятельство вызвало резкий протест руководителей БНР.

Продолжавшееся наступление польских войск ставило советскую делегацию в трудное положение. Под влиянием военных неудач российско-украинская делегация была склонна к уступкам. Осторожнее стала вести себя и Польша, поскольку она учитывала требования Антанты отказаться от захвата украинских и белорусских земель. К антипольской позиции склонялась также Германия. Варшава, пытаясь ослабить переговорную позицию большевиков, стала за их спиной прорабатывать в августе — сентябре 1920 г. возможность расширения польско-петлюровского союза за счет подключения к нему правительства П. Врангеля в Крыму. Но Врангель занимал жесткие антипольские державнические позиции. Договориться с ним было невозможно.

Работа мирной конференции была перенесена в Ригу. 28 сентября российско-украинская делегация предложила проект прелиминарного мирного договора на основе признания независимости и территориальной целостности УССР, БССР и Литвы, а также решения судьбы Восточной Галиции через проведение плебисцита. Границу предлагалось провести по «линии Керзона» со значительными отклонениями на восток в пользу Польши. Польская сторона признала эти условия неприемлемыми и

решила добиваться включения в состав своего государства территорий Западной Украины и Западной Беларуси. В условиях развития польского наступления советская делегация пошла на уступки этим требованиям.

Подписание договора о перемирии и прелиминарных условиях мира состоялось 12 октября 1920 г. в Риге. Стороны прекращали военные действия с 18 октября. Польша признавала независимость Украины и Беларуси, но занимала их западные земли с 15-миллионным населением. Граница стала проходить значительно восточнее «линии Керзона», но западнее той, которую советское руководство предлагало до начала апрельского похода Пилсудского. РСФСР, Украина и Польша подтверждали уважение государственного суверенитета друг друга и брали на себя обязательства «воздержаться от какого-либо вмешательства во внутренние дела другой стороны» и от поддержки враждебных действий Петлюры и Врангеля. Все эти положения вошли в подписанный 18 марта 1921 г. в Риге окончательный мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польской республикой — с другой. Города Львов и Брест оказывались в составе Польши. Более того, Советская Россия должна была выплатить 30 млн золотых рублей в счет признания «исторического, хозяйственного значения польских земель в составе Российской империи». Советско-польская война серьезно повлияла на отношения Советской России с западными странами.

Впоследствии В. Ленин признал, что решение о наступлении на Варшаву было ошибкой. «Мы имели энергичную, смелую Красную Армию, — писал он, — но пошли несколько дальше, чем нужно, — к воротам Варшавы, а потом откатились к самому Минску». Многие из большевистских вождей оценивали польскую ситуацию иначе, рассматривая неудачу под Варшавой как чисто военное поражение, допуская, что следующая попытка может оказаться более удачной. Так, И. Сталин в октябре 1920 г. заявлял, что «Антанте вместе с Россией, очевидно, тесно на земле, и одна из этих стран должна погибнуть для того, чтобы утвердился мир на земле».

Неудача с попыткой принести идею мировой революции на штыках Красной Армии заставила большевистское руководство пересмотреть общую концепцию международных отношений, средства и методы советской внешней политики.

Тема 3**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

После окончания Гражданской войны и иностранной военной интервенции в России международные отношения оставались неустойчивыми. В Европе, которая была центром противоречий, вместо старых проблем возникли другие. Континент оказался разделенным как бы на три части: Европа победителей (Великобритания, Франция и их союзники), Европа побежденных (Германия, Австрия, Венгрия) и Россия, вступившая на путь полного отрицания западной модели развития.

В начале 1920-х гг. в центре европейской политики были три блока вопросов: разрешение проблемы долгов и восстановление единого торгового пространства Европы; урегулирование репараций с Германией и возобновление экономического развития; обеспечение гарантий границ. В это время Великобритания попыталась вернуться к традиционной политике неучастия в конфликтах на материке, чтобы играть на противоречиях Франции и Германии и сохранять положение арбитра в европейских спорах. Одновременно британская дипломатия не сбрасывала со счетов преимущества, которые она могла бы получить, используя противоречия Франции и Германии с Россией, если бы последняя «вернулась в Европу», обязавшись соблюдать определенный кодекс правил поведения (отказ от «экспорта» революции, признание царских долгов и пр.).

Определяющей для политики Британии оставалась фигура Д. Ллойд Джорджа. В 1916—1922 гг. он возглавлял коалиционный кабинет либералов и консерваторов, от имени которого вели длительные и сложные переговоры с ирландскими революционерами. Именно ирландский вопрос, боязнь революционного подъема в Ирландии делали Лондон болезненно непримиримым к коммунистической пропаганде большевиков. При этом премьер-министр считал необходимым вернуть Россию в Европу, чтобы придать отношениям между материковыми державами — Францией, Германией и Россией — необходимую сбалансированность.

Однако «эпоха Ллойд Джорджа» в британской политике заканчивалась. В 1921 г. его правительство после упорного торга с ир-

ландскими националистами подписало соглашение о предоставлении Ирландии статуса доминиона. Этот шаг был расценен в части британского общества как неоправданная уступка ирландским революционерам. Курс кабинета утратил поддержку консервативного электората. Авторитет премьер-министра упал еще больше после поражения активно поддерживаемой Великобританией Греции в греко-турецкой войне 1919—1922 гг. Ослабление позиций Ллойд Джорджа внутри страны делало его не склонным рисковать во внешней политике. Глава британского кабинета по-прежнему считал курс Парижа в германском и русском вопросах чрезмерно радикальным, но предпочитал действовать на международной арене консервативно, оставаясь в рамках союзничества с Францией и избегая односторонних инициатив в отношении Берлина и Москвы.

Франция, не рискуя полагаться на Великобританию, стремилась закрепить свое военно-политическое преобладание на континенте, используя как Лигу Наций, так и систему союзов с новыми государствами Восточной Европы. Малые страны были отзывчивы к подобным настроениям в Париже. Решая собственные внешнеполитические задачи (в основном территориальные), они лавировали и искали покровительства то одних, то других сильных держав. К 1920—1921 гг. при поддержке Франции оформился внешнеполитический союз Румынии, Чехословакии и Югославии — так называемая «Малая Антанта», ставшая «французским стражем Версаля» на юго-востоке Европы. Главной задачей внешней политики Франции было предотвращение восстановления германской мощи посредством всемерного ослабления Германии.

На протяжении 20-х гг. критический настрой в отношении версальских договоренностей нарастал и в Италии, которая была недовольна своими приобретениями в процессе послевоенного мира. Ревизионистские настроения в итальянском руководстве усилились после 1922 г., когда к власти в стране пришло правительство фашистской партии Б. Муссолини.

В отличие от Италии, побежденная и униженная Германия не могла позволить себе открытой критики нового международного порядка, она не имела оснований быть довольной версальскими договоренностями и искала способ добиться их ревизии хотя бы политическим путем. Германия стремилась противопоставить политико-дипломатическому господству Великобритании, Франции и США в международных отношениях собственную систему союзов, которые ей еще предстояло построить. Положение «изгоя» в мировой политике делало Берлин объективно склонным к пере-

оценке своих неприязненных отношений с Советской Россией. Положение обеих стран до известной степени было схожим. В обеих странах Мировая война вызвала глубокие изменения. Версаль лишил Германию свыше 10 % ее территории и всех колоний. Сильно изменились и территориальные контуры России: «откололись» великие княжества Польши и Финляндии, Западная Украина и Западная Беларусь вошли в состав Польши. Обе страны оказались в полной внешнеполитической изоляции, вне «клуба» великих держав. «Пари Европы» — метко назвал их тогда британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж.

Международное положение Советской России в 1921—1922 гг. Центральной задачей советской внешней политики была окончательная стабилизация международного положения страны, прорыв дипломатической блокады, урегулирование спорных проблем со стороны Запада, развитие отношений со странами Востока. Иллюзии по поводу скорого наступления мировой революции медленно отступали на второй план после провала кампании 1920 г., хотя и продолжали оказывать глубокое влияние на политику большевиков.

Платформой совместимости революционной идеологии с необходимостью нормализовать отношения с внешним миром стала концепция мирного сосуществования, надолго заложившая понятийные рамки внешней политики страны. Во-первых, концепция предусматривала возможность нормализации отношений и полноценного сотрудничества Советской России со странами Запада на межгосударственном уровне. В первую очередь имелось в виду налаживание хозяйственных связей с окружающим миром.

Во-вторых, концепция «мирного сосуществования» провозглашала отказ от прямого военного столкновения со странами Запада, выдвигая тактику игры на «империалистических противоречиях». Советское государство должно было использовать эти противоречия в своих интересах. Задачей дипломатии было активное маневрирование в международных отношениях и участие в конкуренции за выход на наиболее благоприятные позиции в решении вопросов мировой политики без использования военных методов.

В-третьих, логика мирного сосуществования не исключала продолжения острой идеологической борьбы между социализмом и капитализмом и оказания Советским правительством поддержки революционерам в любой стране мира. Это третье положение концепции противоречило ее первому постулату о мирном сотрудничестве с капиталистическими странами, так как фактически

оно представляло собой попытку легализации «морального права» большевиков вмешиваться в дела других государств, если там возникали левые и революционные брожения.

На протяжении 20-х гг. в системе внешнеполитических органов в Москве сложилась своего рода специализация: открытый акцент на борьбе за победу мировой революции остался характерным для документов и практической работы Коминтерна, а официальные государственные органы — правительство, отдельные ведомства и комиссариаты в целом — строили международную деятельность сообразно тезису о мирном сосуществовании.

Создав в Москве штаб-квартиру Коминтерна как организационного центра мирового революционного процесса, руководство России рассматривало мирное сосуществование в качестве специфической формы классовой борьбы в международном масштабе. В советском менталитете преобладал постулат о необратимой, исторически обусловленной смене общественно-экономических формаций, якобы неизбежно ведущей к победе коммунизма. Западные страны официально не признавали концепцию мирного сосуществования, они считали ее уловкой, призванной отвлечь внимание от попыток экспортировать революцию за пределы Советской России.

Чтобы снять подозрение, в октябре 1921 г. советское правительство направило ноты правительствам Англии, Франции, Италии, Японии и США, в которых предложило провести переговоры с целью урегулирования отношений. Большевики допускали признание некоторых довоенных долгов России при условии принятия западными странами контрпретензий РСФСР и предоставления ей кредитов. В ноте, направленной 28 октября 1921 г., НКВД выразил готовность принять финансовые обязательства при условии признания Советского государства, установления мира, предоставления кредитов и льготных условий погашения довоенных долгов. Западные страны приступили к выработке общей платформы по советским предложениям.

Установление новых отношений со странами Востока. В контексте отстаиваемой большевиками теории мировой революции важное место отводилось подрыву и разрушению «империалистической периферии» посредством национально-освободительных революций. Революции в других странах рассматривались в качестве средства для выхода Советской России из международной изоляции. Сначала большевики возлагали надежды на Европу, но после 1920 г., когда последние иллюзии на этот счет исчезли, Коминтерн и советское руководство стали уделять много внимания

революционному движению в Китае, где изначально в качестве главного партнера была избрана партия Гоминьдан (ГМД).

Общетеоретическая схема развития для национально-освободительных движений в колониальных и полуколониальных странах была разработана на II конгрессе Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 г.). Ввиду малых объемов доступной информации о событиях в странах Востока, эта схема носила умозрительный характер и отражала попытку применить российский опыт революции и гражданской войны к национально-революционным движениям в совершенно других условиях. Причем, поскольку к этому времени большевики разуверились в немедленном пришествии мировой революции, они стали уделять гораздо больше внимания безопасности собственного советского государства, полагая, что упрочение позиций хотя бы в одной стране является необходимой реальной базой для развертывания мировой революции в будущем (при наличии благоприятных обстоятельств).

Концепция мировой революции как результата прямого революционного свержения правящих режимов силой единственного антивоенного порыва народов в условиях мировой войны и при поддержке Советской России была заменена долговременной программой «выращивания» революций на местах, т. е. в наиболее «перспективных» для этого странах — путем содействия антиправительственным движениям даже общедемократической ориентации. Характерно, что подогревание таких настроений не рассматривалось большевиками в качестве препятствия для установления и развития нормальных дипломатических отношений с соответствующими государствами.

По мере того, как надежды на революцию в странах Запада отодвигались, зрела и набирала силу идея о перемещении революционной деятельности на мировую периферию. Китай стал рассматриваться как все более важная цель коммунистической, революционной стратегии. Расхождения между фактическими революционно-идеологическими установками Коминтерна и большевиков (которые налагались на государственные интересы России) и признанными нормами международного права обусловили противоречия внешней политики Советской России того периода.

Прежде чем основательно решить проблему отношений с Китаем, Советская Россия должна была определиться с монгольским вопросом, наиболее болезненным для Китая. Российские интересы в Монголии традиционно были значительными. Международный статус этой страны определялся Кяхтинским соглаше-

нием между Россией и Китаем от 7 июня 1915 г., он обеспечивал Внешней Монголии в составе Китая широкую автономию. Россия признавала сюзеренитет Китая в отношении Монголии, но любые затрагивающие Россию вопросы политического и территориального характера предпочитала решать на трехсторонней основе при участии монгольской стороны. После крушения Российской империи соотношение сил в Монголии нарушилось. Номинально верховным владыкой страны считался глава ее ламаистской церкви богдо-гэгэн.

Резкое ослабление влияния России после октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде создало в Монголии политический вакуум, который попытался восполнить при поддержке Японии атаман Г. Семенов. После расстрела Колчака он объявил себя его преемником на восточных окраинах России и, перейдя в монгольские земли с российской территории, создал там свою базу с претензией на формирование собственного «правительства».

Осенью 1919 г., когда Красная Армия приблизилась к границам Монголии, Пекин попытался укрепить свои позиции и ликвидировать монгольскую автономию, лишив власти богдо-гэгэна. В ответ на это в 1920 г. Москва ужесточила свою политику по монгольскому вопросу и стала выступать за полную независимость страны от Китая. Хотя такая политика наносила ущерб российско-китайским отношениям, Москва считала, что ликвидация влияния в Монголии Семенова и стоящей за ним Японии компенсирует эту напряженность.

Тем временем внутри Монголии происходили перемены. Отколовшийся от атамана Семенова бывший командующий Конно-азиатской дивизией генерал-лейтенант барон Р. Унгерн осенью 1920 г. занял Ургу (Улан-Батор) и убедил богдо-гэгэна повторно провозгласить себя правителем Монголии. Успешно решив эту задачу, Унгерн фактически возглавил в 1921 г. монгольскую исполнительную власть в качестве военного диктатора. По его настоянию Монголия провозгласила свою полную независимость. Не удовлетворясь достигнутым, в том же году барон Унгерн предпринял попытку военной экспедиции на территорию ДВР в Забайкалье, но был разбит Красной Армией. После гибели Унгерна сложились благоприятные условия для похода советских формирований на Ургу. Вместе с частями Красной Армии в походе участвовали немногочисленные местные революционеры из Монгольской народно-революционной партии, которые фактически и захватили власть в стране после взятия ее столицы и создали в ию-

ле 1921 г. народное правительство. Новый режим формально не упразднял прерогатив богдо-гэгэна, хотя последний по-прежнему фактически не имел никакой власти.

Дружественное отношение нового руководства и монгольского населения к Красной Армии, а также пассивность китайского правительства позволили советским вооруженным силам беспрепятственно оставаться в Монголии. Монголия фактически превратилась в сферу влияния Советской России. Такое положение дел было закреплено в июле 1921 г. официальной просьбой монгольского правительства не выводить части Красной Армии из страны. Таким образом, здесь большевики смогли полностью реализовать установку Коминтерна на оказание поддержки национально-революционному движению на Востоке. Тем не менее, юридически Советская Россия продолжала признавать Монголию частью Китая и не устанавливала с ней дипломатических отношений до 1924 г., так как такой шаг полностью блокировал бы нормализацию отношений между Москвой и Пекином. Поэтому РСФСР хотела видеть Внешнюю Монголию буферным образованием, которое, формально признавая над собой суверенитет Китая, на деле явилось бы сферой безраздельного советского влияния.

По сходному сценарию развивались события в Урянхайском крае (Туве). В августе 1921 г., не без вмешательства Москвы, здесь было провозглашено независимое государство — Тану-Тувинская (с 1926 г. Тувинская) Народная Республика. В правительство вошли представители Тувинской народно-революционной партии, созданной по примеру Монгольской народно-революционной партии (МНРП).

РСФСР сразу признала независимость Тувы. Конституция нового государства определяла, что в международных отношениях оно «выступает под покровительством Советской России». Иными словами, РСФСР установила над Тувой протекторат. И хотя она заявила, что «не рассматривает Урянхайский край как свою территорию и никаких видов на нее не имеет», это государство, вплоть до его включения в состав СССР в августе 1944 г., не получило никакого международного признания. На деле оно представляло собой государственное образование на советско-монгольской границе с двусмысленным статусом.

Параллельно Китай явочным порядком ликвидировал права и привилегии России на китайской территории. Права экстерриториальности и консульской юрисдикции российских граждан были отменены, а российские концессии в Тяньцзине и Ханькоу пе-

решили под китайское управление «до установления законной власти в России». Китай также ужесточил свои позиции по отношению к КВЖД — состав правления дороги был изменен таким образом, что китайские представители впервые получили в нем большинство. Опираясь на правление, китайская сторона стала преобразовывать КВЖД в чисто коммерческое предприятие, согласно букве контракта 1896 г., и приступило к ликвидации имевшихся ранее политических полномочий администрации дороги.

Единственной причиной, удерживавшей пекинское правительство от национализации КВЖД, была недвусмысленная позиция западных держав, которые заранее предупредили Пекин о непризнании такого решения, поскольку оно создало бы прецедент в отношении всей иностранной собственности в стране. К концу 1920 г. Китай освоил весь объем возможностей, возникших в связи с ликвидацией привилегий России, от которых отказалось Советское правительство. Тем не менее Пекин продолжал игнорировать усилия Москвы установить с Китаем дипломатические отношения. В 1921 г. он резко протестовал против действий большевиков во Внешней Монголии и отказался признать ее новое правительство.

В июне 1922 г. в китайскую столицу для переговоров о нормализации отношений прибыл полпред РСФСР А. Иоффе. Ему было заявлено, что предварительным условием переговоров является вывод из Монголии советских войск. Иоффе отверг это требование и пригрозил аннулированием обращений 1919 г. и 1920 г., заявив, что они представляют собой не документы прямого действия, а лишь предмет будущих переговоров о нормализации отношений. Изменение советской позиции объяснялось тем, что «авансы» делались китайской революции, а не «проимпериалистическому» пекинскому правительству, которое РСФСР не рассматривала как единственного или главного партнера в Китае. Она проявляла растущий интерес к гоминьдановскому правительству в Кантоне, которое хотело установить тесные контакты с большевиками.

В начале 20-х гг. вождь Гоминьдана Сунь Ятсен пришел к выводу о необходимости союза с Советской Россией. Он находился под впечатлением успехов большевиков, сумевших заново собрать под своей властью почти всю территорию Российской империи, и полагал, что, только используя советский опыт, сможет объединить Китай.

Сунь Ятсен решил реорганизовать свою партию из аморфного движения в организацию, похожую на РКП(б), с жесткой дисциплиной, собственной армией, являющую собой костяк будущей государственности. Кроме того, он считал, что объединить Китай можно, только опираясь на всестороннюю помощь одной из великих держав. Он вел на этот счет долгие, но безрезультатные переговоры с США и, в конце концов, решил сделать ставку на Советскую Россию.

Сунь Ятсен встретился в Шанхае с А. Иоффе. Переговоры увенчались полным успехом. Их результатом стало совместное коммюнике, определившее условия и принципы взаимоотношений. Этот документ, в частности, констатировал, что все переговоры царской России с Китаем, включая соглашение о КВЖД, утратили силу; признавал Внешнюю Монголию частью Китая и даже провозглашал, что в Китае «не могут быть введены коммунистический строй и советская система». Подписывая коммюнике, А. Иоффе понимал, что его партнер опасается обвинений в «большевизме», и исходил из решений III конгресса Коминтерна о тактике «единого антиимпериалистического фронта», которая в отношении Китая выдвигала на первый план национально-освободительные задачи, а провозглашение лозунгов социалистической революции считала преждевременным.

Отношения между Москвой и Кантоном развивались очень динамично как по государственной, так и по партийной линии. В Москве побывала делегация, возглавляемая одним из лидеров Гоминьдана генералом Чан Кайши. Делегация встретила с Л. Троцким, Г. Зиновьевым, Г. Чичериным, знакомилась с советской государственной системой и провела успешные переговоры о получении военной помощи.

В Кантон прибыл представитель Коминтерна М. Бородин, назначенный политическим советником ЦИК Гоминьдана. При его участии были составлены Устав и Программа ГМД. В страну прибыли советские военные советники во главе с В. Блюхером. Они сыграли ключевую роль в создании вооруженных сил Гоминьдана: разработали уставы, организовали подготовку офицерских кадров и политработников.

По рекомендации Коминтерна Компартия Китая и Гоминьдан создали «единый фронт», а коммунисты получили право входить в ГМД в «индивидуальном порядке», т. е. на основе личного заявления.

I Национальный конгресс Гоминьдана утвердил программу реорганизации партии по образцу РКП(б) и курс на тесное сотрудничество с Коминтерном. Сунь Ятсен, выступая на съезде, подчеркнул успехи Советской России и указал на ее модель государственного устройства как образец для Китая. В руководящие органы Гоминьдана были избраны коммунисты, и они же заняли важные посты в аппарате партии. Отношения китайских коммунистов и националистов складывались непросто, однако на данном этапе линия на сотрудничество превалировала над их идейно-политическими разногласиями.

По мере сближения с Гоминьданом тон Москвы в отношении центральных китайских властей становился все более резким. Осенью 1923 г. в Пекин приехал новый полпред Л. Карахан. Он обнародовал ноту, в которой говорилось, что обращения 1919 г. и 1920 г. «еще не создали для Китая никаких прав», и поэтому КВЖД является собственностью СССР, а «боксерская контрибуция» должна использоваться по усмотрению Советского правительства. Пекинское правительство убедилось, что упустило время для того, чтобы договориться с Советским Союзом на наиболее выгодных для себя условиях.

В январе 1924 г. начались советско-китайские переговоры. Предметом обсуждения были общеполитические вопросы, КВЖД, Внешняя Монголия, «боксерская контрибуция». 31 мая 1924 г. СССР и Китай подписали соглашение об общих принципах урегулирования отношений, несколько других документов.

Два государства устанавливали дипломатические и консульские отношения. Советский Союз отказывался от российских концессий в Китае и прав экстерриториальности. Он признавал Внешнюю Монголию составной частью Китайской Республики и обязался уважать там китайский суверенитет.

Стороны обязались не допускать враждебной деятельности со своей территории друг против друга и не вести пропаганды, направленной против их политических и социальных систем. Китай согласился уволить из своей армии и полиции «бывших российских подданных, которые представляют угрозу... безопасности СССР... согласно представленному Советским Союзом списку».

Китайская Восточная железная дорога признавалась совместной собственностью и «чисто коммерческим предприятием». Китай восстанавливал суверенитет над ее «полосой отчуждения». Управление дорогой и набор персонала должны были осуществляться на основе принципа равного представительства сторон. Советский Союз согла-

сился в будущем продать КВЖД Китаю при условии, что ее судьба будет решаться без участия других государств.

СССР отказывался от российской доли «боксерской контрибуции» по причине того, что она образует «фонд улучшения просвещения китайского народа», управляемый совместно двумя странами (так же поступили в 1910-е гг. со своей долей контрибуции Соединенные Штаты).

Советский Союз аннулировал договоры царской России с другими державами относительно Китая. Вместе с тем двусторонние российско-китайские договоры в той части, которая не противоречила соглашениям 1924 г., оставались в силе. Предполагалось пересмотреть их позже на совместной конференции. Однако в межвоенный период сделать этого так и не удалось.

Пекинское соглашение явилось значительной победой советской дипломатии. СССР приобретал сильные позиции в Маньчжурии и права на КВЖД и ограничил деятельность белой эмиграции в этом регионе.

Державы, подписавшие в Вашингтоне договор о Китае, выразили неудовольствие легализацией проникновения большевиков в Маньчжурию, а также соглашениями о КВЖД, которые игнорировали их имущественные и финансовые интересы, возникшие в период управления железной дорогой странами Антанты. Они расценили условия нормализации отношений как «капитуляцию» слабого пекинского правительства.

Соглашение ничего не изменило в советско-монгольских отношениях. Народное правительство в Урге его не признало и заявило, что оно касается только СССР и Китая. Весной 1924 г. умер глава монгольской ламаистской церкви и номинальный глава государства богдо-гэгэн Дамба-Хутухта. В июне 1924 г. Монголия была провозглашена Народной Республикой (МНР).

В марте 1925 г. Красная Армия покинула Монголию в связи, как отмечал Г. Чичерин, с «благополучным завершением государственного строительства» и «установлением действительного порядка». Ориентированные на Москву силы прочно утвердились у власти в МНР.

Советская Россия предпринимала шаги по нормализации отношений с Японией, но безуспешно.

Вводя войска на территорию России, Япония предполагала создать в регионе зависимую от нее местную администрацию под протекторатом Токио, буферное государство, отдельное от остальной России. Эту идею еще в 1919 г. японские представители об-

суждали с одним из руководителей белого движения Г. Семеновым, атаманом Забайкальского казачьего войска.

В Токио заявили, что японские войска останутся на российской территории вплоть до образования «общепризнанного правительства в России». Выше уже отмечалось, что весной 1920 г. Красная Армия, разгромившая Колчака, вступила в соприкосновение с японскими войсками. Ленин в этой связи писал: «Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна». В этой ситуации и возник проект создания буферного государства между Советской Россией и Японией как «противоядие» против зависимых от Японии местных правительств, подобных тем, которые Токио создавал на территории Северо-Восточного Китая. Большевики также не без оснований считали, что такое государство позволит им найти легальный канал для сотрудничества с Вашингтоном против Японии: американская администрация отказалась иметь дело с правительством большевиков, но нуждалась в российском партнере для оказания согласованного давления на Токио.

В сентябре 1922 г. в Чанчуне состоялась конференция Японии, Дальневосточной Республики и РСФСР, на которой должны были рассматриваться пути сохранения ДВР как «несоветизированного государства». Во время обсуждений московская делегация заявила, что ДВР будет существовать только в том случае, если Япония установит с РСФСР дипломатические отношения и подпишет с ней соглашение о ненападении. Представители Японии сочли советские условия неприемлемыми, и переговоры прекратились.

Между тем, выполняя обязательство, данное в Вашингтоне, и уступая давлению США, Япония объявила о начале вывода своих войск из Приморья с 1 ноября 1922 г. К 25 ноября 1922 г. эвакуация из материковых районов России была завершена. Однако японская оккупация Северного Сахалина продолжалась еще три года, вплоть до установления советско-японских дипломатических отношений.

С уходом интервентов отпала необходимость в буферном государстве. 7 ноября 1922 г. во Владивостоке была провозглашена советская власть, а 15 ноября «по просьбе Народного собрания ДВР» Дальневосточная Республика была объявлена нераздельной частью РСФСР «в теперешних ее пределах, включая оккупиро-

ванную иностранными войсками зону». Месяцем позже был образован СССР.

Правовая двусмысленность ситуации позволяла Советскому Союзу в дальнейшем строить свою политику в Маньчжурии скорее в духе признания Японией особых российских интересов в этой зоне, как было оговорено в Портсмутском договоре, чем в духе отказа от привилегий, унаследованных от царской России, как говорилось в советско-китайском соглашении. С учетом фактической неподконтрольности Маньчжурии Китаю и ее постепенного перехода под власть Японии советско-японские договоренности становились определяющими для политиков СССР в этой части Китая. В данной ситуации Северную Маньчжурию в Москве стали рассматривать как наиболее подходящую площадку для сооружения «революционного плацдарма» в целях усиления революционного влияния в Китае, находящемся на грани новых внутренних политических потрясений. Советский Союз, быстро осваивающий бывшие российские позиции на Дальнем Востоке, не связанный вашингтонскими договоренностями и руководимый идеологическими установками Коминтерна, стремился не к укреплению региональной стабильности, а к распространению сферы влияния революционных тенденций на Китай.

Самым хрупким элементом Вашингтонской системы были отношения Японии с Китаем. Японское руководство шло к установлению своего доминирования в регионе. Вашингтонские соглашения налагали правовые ограничения на японскую экспансию (прежде всего на материке) против слабого и раздробленного Китая. Но ни одна региональная держава не была в состоянии служить инструментом эффективного сдерживания Японии. Силовой вакуум провоцировал рост японской агрессивности. На фоне возвращения США к политике самоизоляции и снижения возможностей Великобритании проводить активную восточноазиатскую политику ситуация в АТР не могла долго оставаться устойчивой.

Нормализация отношений Советского Союза с дальневосточными соседями определила положение СССР относительно Вашингтонской системы. Она на какое-то время снизила напряженность в регионе и в этом смысле способствовала ее стабилизации.

Вместе с тем СССР расценивал нормализацию отношений с Пекином лишь как удачную тактическую операцию, направленную главным образом на создание «революционного плацдарма» в Маньчжурии, а сближение с Токио — в первую очередь под уг-

лом зрения нейтрализации японского империализма в преддверии грядущих революционных потрясений в Китае.

Советский Союз не ставил перед собой цели поддержания регионального равновесия, которое рассматривалось им в понятиях «относительной стабильности капитализма» и поэтому входило в противоречие с задачами мировой революции. Поэтому СССР не стал органичной частью Вашингтонской системы, а фактически противостоял ей.

Экономический кризис 1920—1921 гг. и его влияние на международные отношения. Мировая война истощила европейские страны. Экономические основы европейской стабильности были подорваны как самой войной, так и последовавшим урегулированием. Восходящая звезда мировой экономической науки Дж. Кейнс, являвшийся экспертом британской делегации на Версальской конференции, указал на потери экономики Европы от уничтожения единого, широкого и емкого внутреннего рынка Австро-Венгрии, распавшейся на ряд небольших и экономически слабых государств. Все страны проводили политику торгового протекционизма. Раздробленность довела протяженность европейских таможенных границ до 20 тыс. км. Разрушение международной торговли замедляло восстановление производства. Безработицей было охвачено 130 млн человек.

Важнейшей причиной депрессии оставалась нерешенная долговая проблема. Франция считала себя неспособной восстановить национальную экономику, не получив долги России и компенсации от Германии. Отсюда — бескомпромиссность Парижа в отношениях с Москвой и жесткость в вопросе о германских репарациях. Великобритания, потери которой от невозвратных долгов военного времени были меньше, и которая сама была крупным кредитором Франции, считала восстановление производства на материке и возобновление европейской торговли более важным, чем возвращение потерянных кредитов. Позиции Парижа и Лондона в вопросе о репарациях и долгах резко различались. Это хорошо понимали в Берлине и Москве. Германская и советская дипломатии имели шанс использовать франко-британские расхождения в своих интересах.

Проблема экономического восстановления Европы фактически сводилась к двум крупным блокам вопросов: восстановление промышленности во всех европейских странах, включая Германию и Россию, и преодоление раздробленности общеевропейского торгового пространства. Для решения первой задачи было важно

договориться об условиях финансирования восстановительных программ. Следовало прежде всего определиться в том, кому, сколько, когда и на каких условиях сможет платить. Вопрос о «русском долге», с точки зрения выявления перспектив индустриального развития Европы, был одним из самых важных.

События в России давали в этом смысле основания для осторожного оптимизма. Завершение Гражданской войны показало непригодность военно-коммунистических методов управления страной в мирных условиях. На страну обрушился голод. Продолжались крестьянские восстания. Тюрьмы Петрограда были переполнены забастовщиками. Стремясь предупредить антибольшевистский взрыв, советское руководство в 1921 г. по инициативе В. Ленина начало отходить от военного коммунизма и шаг за шагом формировать так называемую новую экономическую политику. Пошел процесс восстановления экономических отношений с внешним миром. В сельском хозяйстве продразверстка была заменена продналогом. В промышленности были разрешены мелкие и средние частные предприятия. Частным лицам разрешалось арендовать крупные предприятия, а иностранным гражданам и фирмам — брать в концессии месторождения полезных ископаемых.

Денационализация мелкой и части средней промышленности, а также разгосударствление внутренней торговли способствовали оживлению внешнеэкономических связей России. Новации в Москве были положительно встречены на Западе. В 1921 г. были подписаны торговые соглашения Советской России с Великобританией (16 марта), Германией (6 мая), Норвегией, Австрией, Италией, Данией и Чехословакией. Однако установление торговых связей рассматривалось на Западе только как пролог к глубокому разрешению вопросов экономических отношений с Москвой.

Генуэзская конференция и ее итоги. Вопрос об экономическом положении в Европе было решено вынести на обсуждение международного форума. 6 января 1922 г. в Каннах открылась сессия Верховного совета Антанты, главным вопросом которой был созыв международной экономической конференции в Генуе в марте 1922 г. с приглашением на нее делегаций Советской России, Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии, т. е. стран, оказавшихся исключенными из круга «держав-победительниц». Это была первая послевоенная конференция, созванная не на дискриминационной основе, т. е. с участием и победителей, и побежденных.

Была принята Каннская резолюция, которая содержала принципы восстановления европейских экономик и условия созыва конференции. Один из них гласил: «Нации не могут присваивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых они должны организовывать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и образа правления. Каждая нация в этом отношении имеет право избрать для себя ту систему, которую она предпочитает».

В Москве данный пункт был расценен как ход навстречу, ибо в нем фактически признавалось равноправие двух форм собственности — частной и общественной, а также двух социально-экономических систем — капитализма и социализма. Это была как раз та основа, на которой Советская Россия с самого начала стремилась строить свои отношения с Западом.

Каннская резолюция также содержала пункт 3, гласивший: «Страна — участница конференции должна признавать все государственные долги и обязательства предыдущих правительств», но это уже было условие, на которое советская сторона (при определенных обстоятельствах) уже соглашалась ранее.

Для Москвы этот поворот в политике западных держав был знаком их готовности отказаться от попыток игнорировать Россию и вернуть ей статус «нормального европейского государства». Инициатором диалога с Москвой выступила Великобритания, первой признавшая Советское правительство де-факто при заключении с ним торгового договора. У. Черчилль, выступая в поддержку договора, прибег к экзотической аргументации: «Наша ненависть побуждает нас говорить, что мы скорее навредим себе, чем сделаем добро для Советской России... Заказы не поступают, потребители не хотят покупать... русские готовы платить золотом, а мы не хотим продавать. Но мы же торгуем слюдоедами на Соломоновых островах». За переговоры с Россией выступила Италия, тоже де-факто признавшая Советское правительство в декабре 1921 г., которое заключило с ней торговое соглашение. К этому времени РСФСР имела полные дипломатические отношения с Эстонией, Литвой, Латвией, Польшей, Финляндией, Турцией, Персией и Афганистаном.

В Москве стали усиленно готовиться к конференции в Генуе. В письме Ленину 10 марта 1922 г. Чичерин предложил создать Всемирный конгресс с участием всех народов мира, а также представителей рабочих организаций. Одной из целей конгресса была бы интернационализация хозяйственной деятельности, мировых

железнодорожных, речных и морских путей, начиная со строительства сверхмагистрали Лондон — Москва — Владивосток — Пекин; помощь сильным государствам слабым, использование национальных рычагов управления экономикой для планомерного распределения продовольственных заказов промышленности.

22 февраля 1922 г. был юридически оформлен дипломатический союз Советских республик. Азербайджан, Армения, Беларусь, Бухара, Грузия, ДВР, Украина и Хорезм подписали протокол о представительстве и защите их интересов делегацией РСФСР. Было сделано все возможное, чтобы усилить свои позиции на конференции и иметь на ней хоть какую-то поддержку других делегаций. 30 марта 1922 г. было подписано Рижское соглашение между Советской Россией, Польшей, Латвией и Эстонией об экономическом сотрудничестве, о взаимной безопасности. С вышеперечисленными странами были достигнуты договоренности о совместных действиях в ходе конференции.

С этой целью по дороге в Геную советская делегация, возглавляемая Чичериным, сделала остановку в Берлине. С 1920 г. велись переговоры с немцами об окончательном урегулировании отношений. Текст договора был уже готов, осталось лишь его подписать. Договор был абсолютно равноправным для обоих государств, поэтому немецкая сторона была в нем заинтересована не менее, чем советская. Для новой России было чрезвычайно важным именно перед обсуждением вопросов всестороннего урегулирования с Антантой создать прецедент — заключить договор с Германией на основе отказа от всяких взаимных претензий. Однако Германия перед встречей в Генуе, можно сказать, в последний момент проявила нерешительность, которая объяснялась довольно просто: немцы надеялись там договориться с Антантой об ослаблении версальского бремени. Оплатить такую «любезность» со стороны Антанты они могли только одним — ухудшением отношений с Советской Россией. Это вполне соответствовало планам Д. Ллойда Джорджа, который готов был временно торговать с Россией для улучшения экономического положения Англии, но вовсе не собирался позволять делать это немцам. Британский премьер даже приманивал Берлин поблажками в смысле уменьшения выплаты репараций, обещал кредиты Английского банка. Так что германское правительство, чувствуя поддержку из Лондона, осмелело настолько, что официально заявило буквально перед Генуэзской конференцией, что уплата репараций в 1922 г. находится под вопросом.

Генуэзская конференция состоялась 10 апреля — 19 мая 1922 г. Официально в ней участвовали представители 29 государств (в качестве статистов присутствовали английские доминионы, поэтому формально считается, что на ней было представлено 34 государства). Главную роль на конференции играл даже не Верховный совет, а три политические фигуры — Д. Ллойд Джордж (Англия), Л. Барту (Франция) и Л. Факта (Италия). Так получилось все по той же причине изоляционизма Соединенных Штатов, отказавшихся принять участие в конференции и направивших туда лишь наблюдателя в ранге обыкновенного посла. Впрочем, незаинтересованность США в работе конференции имела и более меркантильную основу: объединившиеся европейцы вполне могли поднять вопрос о пересмотре параметров и сроков выплаты своих военных долгов Соединенным Штатам. В Вашингтоне были так напуганы этой перспективой, что сенат 3 февраля принял упреждающий закон о непременном погашении союзниками всей суммы долга вместе с процентами.

Конференция обсуждала четыре блока вопросов — политические, экономические, финансовые и транспортные. Ленин, напутствуя Чичерина, говорил, что цель Советской России на конференции «пацифистская и торговая». Поэтому, когда премьер-министр Италии Л. Факта в своей вступительной речи подчеркнул, что главная цель конференции — обеспечить «мирное сожительство», то это оказалось гармоничным вступлением к ожидавшейся как нечто сенсационное речи «большевика в безукоризненном фраке» — Г. Чичерина. Глава советской делегации говорил сначала на французском, а затем на английском языке. От лица Советского правительства он заявил: «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления». Таким образом перед лицом всего мира был заявлен важнейший принцип советской внешней политики — принцип мирного сосуществования. В развитие его советской стороной всем участникам Генуэзской конференции была предложена программа всеобщего сокращения вооружений, а также полного запрета наиболее варварских форм войны, «в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения».

В ответ Л. Барту немедленно объявил, что вопрос о разоружении не значится в повестке дня, однако выступление Чичерина уже не могло не приобрести необходимого общественного резонанса. И демарш Барту лишь привлек к повестке дня дополнительное внимание, ибо глава французской делегации, потребовав от Чичерина оставить в стороне вопрос о разоружении, запальчиво заявил, что если «русская делегация предложит... рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны французской делегации не только сдержанность, не только протест, но точный и категоричный, окончательный и решительный отказ». Получилось, что от речи Чичерина зависела вся Генуэзская конференция. И ему пришлось согласиться.

После столь досадной для западных представителей отсрочки советской стороне наконец был вручен Лондонский меморандум, выработанный странами Антанты на их встрече в Лондоне в преддверии Генуэзской конференции. Меморандум содержал финансовые претензии Запада к России и фактически являлся главным аргументом в том шантаже, которому намеревались подвергнуть Советское правительство. Детальное обсуждение меморандума по предложению Ллойд Джорджа проходило с 14 апреля на вилле «Альбертис», являвшейся резиденцией британского премьера, подальше от журналистов и от других делегаций. Г. Чичерина, Л. Красина и М. Литвинова встречали на вилле лишь представители Великобритании, Франции, Италии и Бельгии, никакой информации о ходе переговоров не предоставлялось.

Между тем Советской России в качестве предварительного условия ее признания было предложено выполнить неслышанно тяжкие, совершенно неприемлемые условия:

- признать все долги как царского, так и Временного правительства;
- признать финансовые обязательства всех контрреволюционных властей от областного до местного уровня, то есть всех тех, кто с иностранным оружием в руках боролся против Советской власти в Гражданскую войну;
- вернуть иностранным владельцам все национализированные предприятия;
- принять на себя ответственность за все убытки от действий или упущений советских и всех предшествовавших властей, центральных или местных;
- отменить монополию на внешнюю торговлю.

Помимо всего прочего, от Советского правительства требовали уплаты 18 млрд золотых рублей. Такая позиция ведущих государств Антанты ставила конференцию в тупик.

«Генуя, — писал потом Чичерин, — была кульминационным пунктом программы мирного капиталистического внедрения в Россию».

Такой вариант развития событий предполагался еще при подготовке к конференции. У советской делегации были заранее подсчитанные специальной комиссией встречные финансовые претензии к Антанте, совершившей против России вооруженную интервенцию в недавнем прошлом. 15 апреля контрпретензии были вручены по назначению. Убытки, причиненные только народному хозяйству Советской России в результате интервенции и блокады, организованных западными государствами, составили 39 млрд золотых рублей.

Вместе с тем российская делегация заявила о признании Каннской резолюции основой для переговоров с зарубежными странами и внесла свои предложения о предоставлении концессий для иностранного капитала, список которых частично совпадал со списком национализированных большевиками объектов иностранной собственности.

Тактика западной стороны заключалась в том, чтобы коллективными усилиями «дожать» большевиков, а если не получится, то найти способ решения вопросов долгов и иностранной собственности в России. Позиция большевиков определялась стремлением расколоть «блок кредиторов». Советская делегация ориентировалась не на общий компромисс с ними, а на разжигание интереса сотрудничества с Россией в среде деловых кругов Запада. Расчет делался на конкуренцию между возможными зарубежными партнерами за развитие хозяйственных связей с Москвой.

В ответ Д. Ллойд Джордж заявил в ультимативном тоне, что если советская делегация не откажется выставлять встречные претензии, то союзники «сообщат конференции, что им не удалось договориться и что нет смысла дальше заниматься русским вопросом».

Стало очевидным, что программу-максимум по нормализации отношений со всем Западом с первого захода выполнить не удастся. Оставалось довольствоваться программой-минимум, которая сводилась к тому, чтобы не дать Антанте сговориться с Германией против Советской России. Тут же поступило предложение Д. Ллойд Джорджа Г. Чичерину встретиться для переговоров на вилле «Альбертис» в компании с ним и Л. Барту.

Немецкая делегация оказалась в очень сложном положении. Вопреки ее чаяниям, с ней никто даже не пытался о чем-либо договариваться. Между тем секретные переговоры на вилле «Альбертис» затягивались, а это могло означать, что Англия и Франция ищут компромиссы с Советами. Если это так, то Германию вот-вот совсем сбросят со счетов.

Рапалльский договор. Г. Чичерин решил воспользоваться этим выгодным психологическим моментом. Поздно ночью в отель, где расположилась немецкая делегация, позвонил член советской делегации А. Сабанин и попросил своего коллегу О. Мальцана передать руководителю немецкой делегации В. Ратенау предложение Чичерина продолжать переговоры, начатые в Берлине. Около трех часов ночи в гостиной отеля началось «пижамное совещание» немецкой делегации, вердикт которого оказался следующим: упускать такую возможность больше нельзя.

Анализируя этот шаг, можно подискутировать с точкой зрения российского исследователя Н. Загладина: «правящие круги Германии, укрепленной условиями Версальского мира, опасались, что Советская Россия, урегулировав спорные вопросы с Англией и Францией, потребует своей доли репараций с Германии, примкнет к державам-победительницам». Это было бы логично без учета событий, произошедших за два года до конференции. Данные события тщательно замалчивались в советской историографии, создавая эффект отсутствия тайного советско-германского договора от 6 апреля 1920 г. Согласно договору, Германия обязывалась оснащать советскую сторону вооружением и промышленным оборудованием, чтобы большевики смогли противостоять Антанте и Польше. В свою очередь, Советская Россия предоставила немцам право на эксплуатацию шахт, железных дорог, каналов. Потом последовал обмен разведанными о численном составе и вооружениях Польши, Румынии, Чехословакии и Турции. Инициатором этого взаимодействия в Германии был генерал Х. фон Зект, главнокомандующий рейхсвером. С советской стороны идею сотрудничества поддержало все руководство страны.

Наблюдения за действиями Красной Армии в войне с Польшей (до сражения под Варшавой) привели Х. фон Зекта к выводу о том, что Германия, опираясь на союз с Советской Россией, сможет ликвидировать последствия Версальского договора. Между ним и Председателем Реввоенсовета Советской республики Л. Троцким через военного министра Турции Энвера-Пашу были

установлены контакты, о которых в германском правительстве поначалу знал лишь канцлер И. Вирт.

16 августа 1920 г. Чичерин по итогам переговоров информировал Ленина о предложении германского правительства. В предложении речь шла о том, «что мы обещали Германии принять с нашей стороны все меры для возвращения Германии границ 1914 г.». Замен Берлин обязывался помогать советскому режиму «неофициально, т. е. посылкой нам вооружений, организацией в нашу пользу восстаний поляков и т. п.». «Однако, — отмечал Чичерин, — относительно приобретения вооружений от Германии мы уже начали переговоры без всякой компенсации, но Энвер утверждает, будто бы согласие правительства ничего не значит, если Зект не даст согласия... Энвер ждет ответа». Чичерин имел в виду контакты, установленные 12 августа 1920 г. между представителями 4-й и 15-й армий РККА и В. Шубертом, последним военным атташе кайзеровской Германии, направленным в Восточную Пруссию по поручению германского МИДа для налаживания связей с Красной Армией. 20 августа 1920 г. Политбюро приняло решение о немедленной закупке оружия на сумму 27 млн марок. 20 сентября 1920 г. после неудачи Красной Армии в войне на передний план вышла другая идея, активно поддержанная обеими сторонами, — долгосрочного военного сотрудничества. В начале 1921 г. в военном ведомстве Германии для организации сотрудничества рейхсвера с РККА была создана «Зондеркоманда Р». В переписке НКВД с советским представителем в Германии она именовалась «вогр» — военная группа.

Концепция военного сотрудничества была намечена в результате секретных двусторонних переговоров в Москве и Берлине. Главное внимание поначалу уделялось созданию тех видов вооружений, которые зарекомендовали себя уже в годы Первой мировой войны: авиации, химическому оружию, танкам, подлодкам. Это объяснялось тем, что руководство рейхсвера было настроено на ведение в ближайшем будущем (через 3—5 лет) большой «освободительной войны» с опорой на кадры кайзеровской армии. Начиная с мая 1921 г. в Москве по поручению Зекта постоянно находился эмиссар рейхсвера О. фон Нидермейер (под псевдонимом Нейман, доверенное лицо и адъютант Зекта).

4 августа 1921 г. состоялась его встреча с Чичериным. К этому времени уже была выработана линия на тесное военно-политическое сотрудничество Москвы и Берлина. Одним из основных связующих звеньев с советской стороны был К. Радек, «посыльный» Ленина, как его тогда называли в Германии. В тот же день, 4 августа

1921 г., Чичерин сообщил Ленину: «Влиятельнейшие люди, вплоть до канцлера, waren gewonn» (согласились). Из вышеизложенного логично заключить, что, идя на подписание договора, обе страны — Германия и Советская Россия — лишь завершили международно-правовую основу того, что было сделано раньше. 16 апреля 1922 г. в Рапалло (предместье Генуи) Чичерин и Ратенау подписали договор, впоследствии ставший известным как Рапалльский.

Германское государство и Советская Россия взаимно отказывались от возмещения их военных расходов, равно как и от возмещения военных убытков, иначе говоря, тех убытков, которые были причинены им и их гражданам в районах военных действий. Германия и Россия взаимно отказывались от возмещения их расходов на военнопленных. Равным образом германское правительство отказывается от возмещения расходов, произведенных на интернирование в Германии части Красной Армии. Со своей стороны, Российское правительство отказывалось от возмещения сумм, вырученных Германией от продажи военного имущества, ввезенного в Германию этими интернированными частями.

Германское правительство отказывалось от требования возратить национализированную промышленность бывшим немецким собственникам при условии, что Советская Россия не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств.

Дипломатические и консульские отношения между Германией и Советской Россией немедленно возобновлялись. Оба правительства согласились применять принцип наибольшего благоприятствования при урегулировании взаимных торговых и хозяйственных отношений и благожелательно идти навстречу обоюдным хозяйственным потребностям. Было обусловлено, что договор не затрагивает отношений договаривающихся сторон с другими государствами. Германское правительство объявляет о своей готовности оказать возможную поддержку сообщенным ей в последнее время проектируемым частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь.

Рапалльский договор стал «бомбой», неожиданно разорвавшейся на Генуэзской конференции. «Это потрясет мир! Это сильнейший удар по конференции», — воскликнул американский посол в Италии М. Чайльд, узнав о советско-германском соглашении. Договор в Рапалло сорвал попытку Антанты создать единый капиталистический фронт против Советской России. Планы восстановления Европы за счет побежденных стран и Советской России рушились.

Дипломатия Антанты, надеявшаяся поставить на колени Советскую Россию, изъясывая из обсуждения проблему германских репараций как вопрос решенный, потерпела полное поражение. Напротив, обеим участникам Рапалльского договора принес серьезные политические выгоды. Три основных момента в Рапалльском договоре определили его политическое значение: во-первых, взаимное аннулирование всех претензий; во-вторых, восстановление дипломатических отношений между Германией и Россией (после восточных государств Германия была первой западноевропейской державой, вступившей с Советской Россией в нормальные дипломатические отношения); в-третьих, экономическое сближение России и Германии, которые выходили из изоляции благодаря договору. Таким образом, разрывалось кольцо экономической блокады вокруг Советской России. С другой стороны, и Германия получала шанс расширить свои возможности. В целом Рапалло стало первой крупной «ревизией» Версальской системы.

Таким образом была выполнена поставленная Лениным задача раскола рядов западных стран. Это было несомненным успехом советской дипломатии. Договор способствовал стабилизации положения в Европе, затрудняя державам Антанты политику ограбления Германии, чреватую в будущем бесчисленными конфликтами. Отказ Москвы от полагавшейся ей по Версальскому договору доли репараций с Германии создавал прецедент и тем самым подрывал позиции Франции, по-прежнему требовавшей от Берлина репарационных выплат. Принцип равенства и взаимной выгоды получил одобрение и согласие Германии.

Выступая в рейхстаге незадолго до подписания договора, В. Ратенау говорил: «Без сомнения, Генуя принесет много существенного для России, и я ни на минуту не хочу оставить невысказанным воззрение кабинета относительно того, что мы по мере наших сил и возможностей будем стремиться работать над восстановлением России».

Трагично сложилась судьба человека, чья подпись стояла под Рапалльским договором с немецкой стороны. После Генуи Ратенау прожил не более трех месяцев. Сначала его вынудили согласиться на немедленное возобновление выплат Антанте репараций, причем в полном объеме и, конечно, без всяких поблажек, на которые намекали ранее. А затем он стал жертвой террористического акта.

Рапалльский договор оказал отрицательное воздействие на Польшу. В ее внешней политике появилась концепция «двух вра-

гов». Поэтому Польша стремилась не позволить «врагам» объединиться против нее, найти союзников на случай столкновения. Что касается Беларуси, то заключение Рапалльского договора оказало на нее двойственное влияние. С одной стороны, еще в феврале 1922 г. Внешторг БССР открыл представительство в Берлине. Экспорт Беларуси в Германию был весьма разнообразным. Она поставляла лесоматериалы, пушнину, продовольствие, конский волос, лекарственные травы. Экспорт рос большими темпами. В свою очередь, Беларусь закупила в Германии промышленное оборудование, трактора, молотарни для своей экономики. 5 ноября 1922 г. в Берлине был подписан Договор о распространении действий соглашений в Рапалло на БССР. Германия стала вторым после Польши европейским государством, признавшим БССР де-юре. Между обеими странами были установлены дипломатические отношения. Полпредом БССР в Германии был назначен Н. Крестинский.

Гагская конференция и ее результаты. В международных отношениях вопросы полной нормализации отношений и признания советского государства де-юре упирались в проблемы, не получившие разрешения в Генуе. Важнейшей из них были долги союзников друг другу и репарационные выплаты, которые они хотели получить с Германии. К этой проблеме имели прямое отношение 28 стран. Главным кредитором были США, основными должниками — Великобритания, Франция, Италия и Бельгия. Европейские союзники Соединенных Штатов задолжали им около 10 млрд долл., выделенных в свое время на субсидирование закупок американских товаров. Вашингтон требовал возвращения долгов. Союзники негодовали и предлагали хотя бы частично списать (или вовсе аннулировать) задолженность, ссылаясь на то, что предоставление кредитов и было американским вкладом в дело победы над Германией.

На конференции в Гааге, проходившей с 15 июня по 20 июля 1922 г., присутствовали делегации 28 стран из 29, представленных в Генуе. Не было Германии. По существу, это была конференция экспертов, представлявших интересы крупного бизнеса. В первую очередь их интересовали долги России, национализированные предприятия. Выдвигались требования вернуть если не долги, то сами предприятия. Делегация Советской России не уклонялась от делового обсуждения претензий по довоенным долгам и даже по национализированной собственности. Но она про-

сила у Запада кредиты в сумме 32 млрд золотых рублей, соглашаясь на уплату части довоенных долгов в обмен на признание Советской России де-юре. Гагская конференция окончилась безрезультатно, прежде всего из-за позиции французской и бельгийской делегаций.

В таких условиях шли трудные переговоры, в ходе которых США на двусторонней основе смогли заключить с бывшими союзниками соглашения по кредитным вопросам. В целом они предусматривали возвращение 2,6 млрд долл., т. е. менее трети суммы, изначально запрошенной Соединенными Штатами. Единственной страной, выплатившей свои американские долги, была Финляндия. Долговая проблема служила поводом для обвинений США в том, что они усугубили кризис в Европе.

Установление фашистского режима в Италии, усиление националистических настроений в других странах. Фашизм зародился и начал развиваться в Италии. Произошло это вскоре после Первой мировой войны, когда в стране наступил тяжелый экономический, социальный и политический кризис. Оценивая его, итальянский марксист А. Грамши писал: «Итальянское государство политически атрофировалось, ибо атрофировался аппарат промышленного и сельскохозяйственного производства, который составляет сущность политического государства. Вынужденный во время войны и в целях войны вступить в тесную связь с экономическим аппаратом, гораздо более мощным, итальянский экономический аппарат был дезорганизован, выведен из равновесия, потерял жизненный импульс». В то время, как десятки тысяч демобилизованных не находили себе применения, в сельском хозяйстве не хватало рабочих рук. Часть зажиточных крестьян богатели, спекулируя продовольствием, а большинство беднело и разорялось. Особенно тяжелым было положение городского населения, реальная зарплата рабочих была намного ниже довоенной. Резко усилилась социальная напряженность в обществе. В 1920 г. в стране произошло более 2 тыс. забастовок, росло влияние социалистической партии. Ее численность достигла 200 тыс. человек, в 4 раза превысив довоенную. Социалисты руководили Всеобщей итальянской конфедерацией труда, объединявшей более 2 млн человек. В 1919 г. Итальянская Социалистическая Партия (ИСП) заявила о своем присоединении к Коминтерну и о желании повторить успех большевиков. Из-за острой внутривнутрипартийной борьбы этот замысел не был реализован.

Политическая элита под влиянием роста революционных настроений вынуждена была перегруппироваться. Правительствами руководили либералы, не способные создать социальную опору. Поэтому требовались новые лидеры, новые идеи, соответствующие изменившимся условиям. Инициативу проявили католические круги, которые образовали Народную партию — предшественницу нынешней Христианско-Демократической партии. Народная партия должна была оттянуть часть населения от социалистических идей. Отчасти ей это удалось. Но только отчасти. Поэтому ставка была сделана на сторонников жесткой линии поведения, которые использовали методы террора.

Группы молодых фашистов, руководимые демагогом Б. Муссолини, приступили к действию. Муссолини, исключенный из рядов ИСП, основал газету «*Popolo d'Italia*». Она развернула шовинистическую кампанию, критикуя и правых, и левых. Весной 1919 г. вокруг Муссолини собралась пестрая группа людей, состоявшая из профсоюзных боссов, ренегатов-социалистов, бывших офицеров. Стремление к сильной власти и подавление оппонентов объединили многих. В марте 1919 г. в Милане была создана организация под итальянским названием «*Фаши ди комбаттименто*» (боевые союзы). Спекулируя на популярных лозунгах, к концу года организация выросла до 17 тыс. человек. На первых порах фашисты сосредоточили внимание на вопросах внешней политики, выставляя себя защитниками «попранных» национальных интересов Италии. Хотя страна и оказалась в лагере победителей, однако чувствовала себя ущемленной. Ее союзники сделали все возможное, чтобы не удовлетворить территориальные притязания Италии. Это послужило предлогом для бурных манифестаций.

Муссолини демонстративно солидаризовался с националистами. Их глава, писатель Г. Аннунцио, в сентябре 1919 г. организовал «поход на Фиуме», аннексии которого требовала Италия. Лозунг присоединения к Италии этого порта и провинции Далмация был одним из основных пунктов внешнеполитической программы фашистов. Установки фашистов по вопросам внутренней политики были обусловлены стремлением оторвать массы от ИСП. Выступая с предвыборной программой осенью 1919 г., фашисты требовали созыва Учредительного собрания, установления 8-часового рабочего дня, введения гарантированного минимума зарплаты и прогрессивного налога на капитал. Потерпев поражение, они в то же время снискали себе поддержку части промышленников и финансистов. Это позволило увеличить количество вооруженных

формирований. Находившиеся у власти с 1919 г. по 1922 г. либеральные правительства были явно не способны решить стоявшие перед страной проблемы. Усиливалось забастовочное движение, но лидеры ИСП уклонились от его руководства. Произошел раскол в партии, и в январе 1921 г. была основана Коммунистическая партия Италии. Но коммунисты еще не имели опыта серьезной политической борьбы, были охвачены романтическими лозунгами и призывами, которые, естественно, не оказывали влияния на ситуацию в стране. В таких условиях фашистам представилась уникальная возможность расширить влияние, создать в Северной Италии хорошую социальную базу. Сторонники «твердой руки» и «порядка» требовали защиты не классовых, а национальных интересов.

В 1920 г. Италии пришлось отказаться от Фиуме и вернуть оттуда «добровольцев» Аннунцио. Эти события вызвали бурную реакцию бывших фронтовиков и молодежи. Фашисты успешно спекулировали на национальных чувствах населения. Они обвиняли социалистов в отсутствии патриотизма, а правительство — в преступной слабости. Финансирование фашистских организаций приобрело широкие масштабы, в их ряды стали вливаться представители безработных, студенческой молодежи, офицерского корпуса и др. В конце 1921 г. в рядах фашистского движения числилось уже более 300 тыс. человек. В ноябре этого года фашисты собрались на съезд, где было объявлено о создании политической партии. Съезд принял программу, в которой нация провозглашалась высшей формой организации человеческого общества, и вся жизнь в стране должна была подчиняться ее интересам. В социально-экономической области центральное место занимала декларация о коррупции. Тут сотрудничали все представители различных профессий. Главным было создание «великой и могущественной Италии». «Для итальянцев пришло время, — писали фашистские газеты, — занять место среди тех, которые ведут за собой и командуют, а не тех, которые следуют за другими и повинуются».

Программа фашистской партии и заявления ее руководителей свидетельствовали об их стремлении как можно полнее обеспечить себе поддержку всех слоев общества. Если при создании движения Муссолини объявлял его антибуржуазным, то теперь он всячески подчеркивал его роль в жизни нации. Раньше фашисты объявляли себя республиканцами, а теперь стали говорить о монархии как символе национальной традиции. Из атеистов и антиклерикалов фашисты превратились в приверженцев религии и

Ватикана. Однако самым опасным в деятельности фашистов было создание так называемых «сквадр» — вооруженных групп, которые избрали тактику группового и индивидуального террора. Только за один 1920 год 2500 итальянцев погибли от деятельности сквадр, 40 тыс. были избиты, подверглись оскорблениям и получили ранения. Чтобы отличаться от других итальянцев, сквадры носили черные рубашки.

Коммунисты Италии недооценивали фашистскую опасность. Таковы, к сожалению, были установки Коминтерна. Главным врагом коммунистов считались не фашисты, а социал-демократы, даже несмотря на предупреждения В. Ленина: «Может быть, нам окажут больше услуги, например, фашисты в Италии тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни».

Все это дало возможность фашистам перейти в наступление. В конце октября 1922 г., выступая на съезде своей партии, Муссолини предъявил правительству ультиматум, требуя для фашистов шесть министерских портфелей, в том числе пост премьер-министра для себя. 28 октября колонны фашистов вступили в Рим, не встретив никакого сопротивления. Король Виктор Эммануил III вместо того, чтобы двинуть против них армию, предложил Муссолини занять пост главы правительства. Парламент, вопреки голосам социалистов, коммунистов и части республиканцев, высказался за вотум доверия. Так фашизм легально пришел к власти в крупной стране Европы.

Приход к власти в 1922 г. фашистов в Италии стимулировал усиление националистических тенденций в других странах, прежде всего в Германии. Германский фашизм прошел более длительный путь к власти. Грабительский Версальский договор осложнил положение страны. Антанта поставила Германию в положение полного бесправия и унижения. Страна была разорена, обострился национальный вопрос. Наряду с существовавшими еще с конца XIX в. многочисленными партиями расистского и пангерманского толка — «фелькише», возник ряд новых организаций, военных и полувоенных союзов, в идеологии которых видное место занял антисемитизм. Фашистская партия была основана 5 января 1919 г. в Мюнхене. Вначале она назвалась Германской рабочей партией, а в феврале 1920 г. переименовала себя в Национал-социалистскую рабочую партию Германии, заимствовав это название у австрийских фашистов. В момент возникнове-

ния партия насчитывала 40 человек. У истоков партии стояли слесарь А. Дрекслер и журналист К. Харрер.

Используя шовинистическую демагогию, партия постепенно расширилась за счет рабочих, средних слоев общества. По заданию командования рейхсвера в нее вступил ряд офицеров, унтер-офицеров и солдат. Среди них был австриец по происхождению, ефрейтор кайзеровской армии А. Гитлер.

Фашистские тенденции не ограничивались только Германией. В указанный период они возникали в Венгрии, Болгарии, Австрии, Франции, Испании и других странах, постепенно превращаясь во влиятельный фактор внутренней и внешней политики.

Развитие экономического сотрудничества Советской России со странами Запада. В указанный период отношения Советской России со странами Запада характеризовались интенсивными хозяйственными связями. Политические баталии не препятствовали экономическим интересам. При этом хозяйственные отношения носили планомерный характер. Большевики не отказались от идеи мировой революции после поражения в советско-польской войне. Одновременно они понимали необходимость развития отношений с Западом. Политический и экономический кризис, в котором оказалась Россия в 1921 г., толкал их на это. Г. Чичерин в июне того же года отмечал: «Неверно утверждать, что мы изменились, что мы от чего-то отреклись. Мы — не Генрих IV. Изменились не мы, а наше окружение. Наши основные принципы остались такие же; только следует учитывать, что текущие проблемы всегда зависят от исторических условий, которые нас окружают».

Советская политика в области экономики строилась на принципах равенства, взаимности и обоюдной выгоды. Многие деловые и финансовые круги Запада были готовы к развитию отношений со старым традиционным российским партнером, невзирая на идеологическую и политическую непримиримость официальных властей своих стран.

Советская Россия постепенно становилась весомым фактором в мировой торговле. Если в 1920 г. ее экспорт составил 20 млн рублей, импорт — 211, то в 1922 г. экспорт был 82 млн, а импорт — 270 млн рублей. Среди различных видов советских товаров на экспорт выделялись нефтепродукты и зерновые продукты, получила развитие (хотя в ограниченных пределах) практика использования иностранных кредитов. В. Ленин в этой связи писал: «Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из

враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют вступить на этот путь соглашения с нами».

Через торговлю и экономические связи Россия постепенно втягивалась в мирохозяйственные связи, но отсутствие политических отношений отрицательно сказывалось на этом процессе. Народный комиссар внешней торговли Л. Красин писал: «При отсутствии формального признания Советского правительства в кругах буржуазии создается известная неуверенность в прочности финансовых, торговых, транспортных отношений». Тем не менее экономические связи и торговля стимулировали развитие политических отношений. Это было заметно в связи с развитием полных отношений РСФСР со странами Востока, особенно с Турцией.

Советско-турецкие отношения. Положение обеих стран толкало их к взаимному сближению. В Турции получило размах национальное движение во главе с генералом М. Кемалем, направленное прежде всего против Антанты. Версальский мирный договор серьезно ущемил позиции Турции, что давало шанс использовать лозунги антиимпериалистического характера. Этим решила воспользоваться Советская Россия. 20 апреля 1920 г. правительство Кемаля обратилось к Ленину с предложением установить дипломатические отношения и оказать помощь Турции в борьбе за независимость. Советское правительство выразило согласие. Видимо, большевики надеялись на создание единого просоветского блока на Ближнем и Среднем Востоке и в Закавказье. Перелом в Гражданской войне в России открыл перспективу распространения советской власти на все закавказские территории. На Северном Кавказе укреплялась власть Советов. Их вооруженные формирования, закаленные войнами и окрыленные победами, становились грозной силой. Этого не могли не видеть великие державы, в войсках которых на Кавказе, напротив, росли недовольство и настроения в пользу прекращения войны. Осуществить в Закавказье идею мандата Лиги Наций, которая периодически обсуждалась в западных столицах, было невозможно. Великобритания начала вывод своих войск из региона. Это облегчило советизацию Закавказья.

27 апреля 1920 г. азербайджанские большевики, воспользовавшись выводом британских войск и неспособностью правительства Азербайджанской Республики одержать победу над дашнакской Арменией в армяно-азербайджанском конфликте, подняли восстание в Баку. Возглавивший восстание Азербайджан-

ский ревком обратился за помощью в Москву. В короткий срок территория Азербайджана была занята Красной Армией. 30 сентября 1920 г. РСФСР и вновь образованная Азербайджанская ССР заключили договор о военном и хозяйственном союзе.

Советизация Азербайджана и союзническое отношение Москвы к симпатизировавшей Азербайджану Турции делали Баку приоритетным партнером России в армяно-азербайджанском конфликте. Но территории, из-за которых спорили Армения и Азербайджан, были одновременно и объектом притязаний Турции (Нахичевань). Поэтому Москва, сопротивляясь оккупации спорных территорий Нахичевани, Зангезура и Карабаха Турцией, одновременно высказывалась за передачу их Азербайджану, а не Армении. В июне 1920 г. после введения турецких войск в Нахичевань Красная Армия также вступила в эту область. Нахичевань была объявлена социалистической республикой в союзе с Азербайджаном и РСФСР. Вслед за этим на советско-турецкой встрече в Москве было выработано компромиссное решение, согласно которому до общего урегулирования в Нахичевани должны были остаться силы обеих сторон.

Александропольский договор, отдававший Армении во власть Турции, способствовал, как отмечалось, возникновению революционной ситуации в Армении. В обстановке роста общественного возмущения созданный в Ереване ревком Армении 29 ноября 1920 г. провозгласил Советскую власть. Новая власть заявила о непризнании подписанного дашнаками мира и обратилась «за помощью» к РСФСР. В Армению вошли советские войска.

Российско-грузинские отношения после восстановления Советской власти на Северном Кавказе регулировались Московским договором между РСФСР и Грузинской Демократической Республикой от 7 мая 1920 г. По этому договору РСФСР признавала «независимость и самостоятельность Грузинского государства». Были урегулированы пограничные вопросы. В документе оговаривались границы Грузии с РСФСР, а также с Турцией и Азербайджаном, хотя представители Турции и Азербайджана в переговорах не участвовали. Это дало впоследствии основания Азербайджанской ССР оспорить принадлежность Грузии Закатальского округа, в результате чего данная территория была передана Азербайджану. Турция, претендовавшая на Батумскую область, в конце 1920 г. также предпринимала попытки вернуть себе этот район переговорным путем.

Политическое существование независимой Грузинской Демократической Республики оказалось недолгим. РСФСР помогла грузинской левой оппозиции. Грузинские коммунисты, связанные с РКП(б), возглавили 11 февраля восстание под лозунгами установления Советской власти. Через несколько дней ревком Грузии обратился к СНК РСФСР с просьбой о военной помощи. Она была немедленно оказана, и к середине марта 1921 г. Красная Армия заняла территорию Грузии, которая была провозглашена Советской Социалистической республикой. 21 мая 1921 г. между ней и РСФСР был подписан договор о военном и экономическом союзе.

16 марта 1921 г. в Москве был заключен бессрочный договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией.

Общее урегулирование ситуации в Закавказье было основано на Карском договоре, который продолжал линию советско-турецкого союза. Московский договор отменял все ранее заключенные договоры о разграничении в Закавказье. Северо-восточная граница Турции устанавливалась таким образом, что районы Карса, Ардагана и Артвина отходили к Турции, а Батума (Батуми) — к Грузии. В Нахичеванской области создавалась автономия под покровительством Азербайджана. Специально оговаривалось, что Азербайджан не уступит этого протектората третьему государству.

По аналогии с Московским договором при участии представителей РСФСР 13 октября 1921 г. в Карее был подписан договор между Армянской, Азербайджанской и Грузинской советскими социалистическими республиками, с одной стороны, и Турцией — с другой. Его положения повторили основные пункты российско-турецкого договора от 16 марта. Таким образом, новое разграничение в Закавказье получило полное международно-правовое оформление.

В марте 1922 г. Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР образовали федерацию — Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую республику (ЗСФСР), вошедшую с 30 декабря в состав СССР и просуществовавшую до 1936 г.

Советские республики признали Великое национальное собрание и кемалистское правительство единственной законной властью в Турции. Советское правительство отказалось от всяких денежных и иных обязательств, принятых на себя Турцией по договорам, заключенным с царским правительством. Стороны брали обязательство не допускать пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства дру-

гой страны или части ее территории; групп, имеющих целью борьбу против другой страны. По вопросам Черноморских проливов было решено, что они являются открытыми для торгового судоходства всех стран и что окончательная выработка международного статуса Черного моря и проливов при соблюдении суверенитета и безопасности Турции будет поручена конференции прибрежных государств.

Советско-турецкие договоры имели большое международное значение, поскольку способствовали преодолению изоляции друг друга. После оформления договоров была достигнута договоренность о предоставлении Турции срочной финансовой помощи в сумме 10 млн золотых рублей. В ситуации тяжелого экономического положения Советской России безвозмездная помощь легла дополнительным бременем на плечи населения. Единственным оправданием данного акта можно считать то, что эта акция обеспечила стабильность границы, до минимума была сведена опасность использования турецкой территории в антисоветских целях. Турция же действовала в другом духе. Она преднамеренно задерживала вывод своих войск из закавказских республик, нарушала обязательства о взаимных консультациях. По-видимому, сказывалось давление западных государств.

Образование СССР. 30 декабря 1922 г. на значительной части территории бывшей Российской империи появилось новое государство — Союз Советских Социалистических Республик. Образование СССР явилось итогом сложного процесса национально-государственного строительства, в результате которого большевикам не только удалось остановить распад прежней России, но и создать предпосылки для последующего «собрания бывших имперских земель». Далеко не все формы и методы объединения национальных образований выдержали проверку временем. В ряде случаев были заложены «мины замедленного действия», которые сработали через много лет. Однако можно сказать, что образование Советского Союза явилось одним из крупнейших событий XX столетия.

После Октябрьской революции на территории бывшей Российской империи помимо РСФСР в разное время возникли Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская и Грузинская советские социалистические республики, а также Бухарская и Хорезмская народные республики и буферное государство — Дальневосточная республика.

В июне 1919 г. для более эффективной борьбы с иностранной интервенцией и белым движением между Российской Федерацией, УССР и БССР был заключен военно-политический союз. В соответствии с ним объединялись вооруженные силы республик и учреждалось единое военное командование. В 1920—1921 гг. к этому союзу присоединились три закавказские советские республики. Одновременно путем заключения двусторонних договоров военный союз был дополнен экономическим. Согласно ему республиканские органы, управлявшие основными отраслями промышленности, финансами и транспортом, подчинялись соответствующим наркоматам РСФСР. Вводилась единая денежная система.

Своеобразие этой «договорной федерации» состояло в том, что российские управленческие структуры, в том числе и внешнеполитические, играли также роль общегосударственных органов власти. Стержнем объединительного движения стала РКП(б), в которую на правах областных парторганизаций были включены республиканские компартии. Благодаря этому решения, принимаемые в Москве по военным и хозяйственным вопросам, становились обязательными для республиканских компартий и правительственных органов. Партийное единство дополнялось единством профсоюзным.

С окончанием Гражданской войны политическое и экономическое сотрудничество республик углублялось путем заключения между ними двусторонних соглашений о хозяйственном и дипломатическом союзе. На международной арене советские республики также тесно увязывали свои внешнеполитические платформы. Так, в подписании Рижского мирного договора с Польшей участвовали РСФСР и Украина. В то же время БССР передала свои полномочия российской делегации. При дипломатических контактах с Турцией Российская Федерация выступала единым фронтом с закавказскими советскими республиками. Значительный шаг в процессе укрепления дипломатического единства республик был сделан в 1922 г. в связи с проведением международной экономической конференции в Генуе.

Параллельно с преобразованиями на Кавказе разрабатывались планы более тесного объединения всех советских республик. 10 августа 1922 г. во главе со Сталиным была учреждена комиссия, которой предстояло подготовить проект создания будущей федерации. В состав комиссии вошли представители как центра,

так и республик. Итогом работы явился план, согласно которому новое государство предполагалось построить путем включения существовавших советских республик в РСФСР на правах автономий. Во главе нового государства должно было оказаться правительство Российской Федерации. Этот план получил наименование проекта «автономизации». Реакция республик на предложенный проект оказалась различной. Если Азербайджан, Армения и Беларусь одобрили предложенный вариант, то Украина и особенно Грузия высказались против.

С точки зрения теоретических взглядов лидеров РКП(б), «автономизация» стояла ближе к унитарному государству, однако дальнейшее давление центра в этом направлении было чревато дополнительными осложнениями. Ленин, не имевший возможности по причине болезни участвовать в разработке проекта, расценил действия Сталина как «поспешные» и предложил объединить в федерацию равноправные республики. При этом общегосударственные органы власти должны были стоять над республиканскими. Сталин, охарактеризовав ленинскую позицию как «национал-либерализм», предпочел все же уступить.

В начале октября 1922 г. новый проект был утвержден ЦК РКП(б). Согласно этому документу, республики, вступившие в СССР, обладали равными правами и всем им формально предоставлялось право свободного выхода из Союза. Вместе с тем никогда в дальнейшем процедура такого выхода разработана не была. Схема Ленина нашла поддержку в советских республиках. Некоторые сложности вновь возникли лишь с грузинскими коммунистами. На этот раз они выступили за непосредственное членство Грузии в составе будущего СССР, возражая против ее вхождения в Советский Союз через ЗСФСР.

Дискуссии порой принимали острый характер. Однако, несмотря на это, центр проигнорировал точку зрения грузинских представителей. Конференция полномочных делегаций союзных республик, состоявшаяся в Москве 29 декабря 1922 г., утвердила проекты Декларации и Договора об образовании СССР. На следующий день, 30 декабря 1922 г., в Москве открылся I Всесоюзный съезд Советов, который утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР, подписанный РСФСР, Украиной, Беларусью и ЗСФСР.

Юридически процесс образования Советского Союза был завершен с принятием 31 января 1924 г. II съездом Советов СССР

Конституции СССР. В ней провозглашалось право вхождения в Союз новых республик и выход из его состава ранее вошедших.

Дуализм советской внешней политики. Двойственность внешнеполитической линии Советского государства проявилась уже при жизни В. Ленина. С одной стороны, был взят курс на развитие сотрудничества со странами Запада и Востока, с другой — действовала тайная дипломатия и борьба за свержение существующих там политических режимов. Ленин пришел к выводу, что нелепо, ведя диалог с правительствами, демонстрировать открыто свою солидарность с силами, враждебными этим правительствам, заключая договоры о мире и добрососедстве, подчеркивать, что это вынужденная и временная уступка. Партийную, классовую оценку не обязательно доводить до всего мира, поскольку «на партийных собраниях говорится то, что иностранным капиталистам слушать не следует, а если уж информация об этом делается, то она должна проходить сито трехкратной цензуры».

Великобритания первой заметила противоречивость советской дипломатии. Тем не менее дуализм продолжался. С одной стороны был Коминтерн, с другой — НКВД. Один деятель Советской России говорил: «Я — член правительства, и мне ничего не известно о III Интернационале», а другой: «Я — член Коминтерна и меня не интересуют обязательства правительства». Эти противоречия постоянно проявлялись в 1922—1925 гг. во взаимных нападках председателя исполкома Коминтерна Г. Зиновьева и Г. Чичерина, обвинявшего первого в непродуманных заявлениях, вредящих делу нормализации отношений с зарубежным миром. Например, на V конгрессе Коминтерна 17 июня 1924 г. в речи Зиновьева звучало следующее: «Победы еще нет, и нам предстоит еще завоевать 5/6 земной суши, чтобы во всем мире был Союз Советских Социалистических Республик». В 1921 г. Ленин настоял на специальном постановлении Политбюро, запрещающем руководителям правительства и членам русской секции Коминтерна делать публичные заявления (обычно иностранным корреспондентам) без санкции Г. Чичерина. Но решение так и осталось на бумаге. СССР был единственным финансовым донором этой организации. Резиденты Коминтерна в различных странах числились сотрудниками советских дипломатических миссий. Все это было источником трений между Советским Союзом и другими государствами. Стереотип «красной угрозы» прочно обосновался в общественном мнении за рубежом. Как уже подчеркивалось выше, одна

из наиболее существенных ошибок советской политики была связана с недооценкой опасности фашизма, игнорированием принципиальных расхождений между ним и социал-демократией. Причиной такого игнорирования послужила, главным образом, неудача двух выступлений в 1923 г. — в Болгарии и Германии. Поддержанная Коминтерном часть руководства Коммунистической партии Германии решила использовать для захвата власти политический кризис в Германии, вызванный оккупацией Рура французскими войсками. В августе 1923 г. в Руре началась всеобщая забастовка, которая вскоре охватила всю Германию. В результате в стране возник острый политический кризис и создалась революционная ситуация — «красный октябрь».

В Коминтерне была создана германская комиссия, в которую вошли Н. Бухарин, Г. Зиновьев, К. Радек, Л. Троцкий, И. Сталин. Комиссия приняла «ряд конкретных решений о прямой помощи германским товарищам в деле захвата власти», причем именно Сталин и Зиновьев отстаивали идею немедленной организации Советов в Германии. Практика показала, что степень готовности и населения Германии, и самой КПГ к вооруженной борьбе была сильно преувеличена. Однако ответственность за неудачу Зиновьев и Сталин возложили на немецких социал-демократов как «объективно умеренное крыло фашизма». Подобные оценки были просто оскорбительными и не имели никакого отношения к реальной роли социал-демократов.

В большевистской партии в условиях, когда В. Ленин был фактически изолирован и отстранен от принятия решений, развернулась острая борьба в руководстве по вопросам внешней и внутренней политики. Российский исследователь Н. Загладин отмечает: «И новую экономическую политику, и мирное сосуществование с капиталистическими странами преемники Ленина рассматривали как временное, вынужденное обстоятельствами положение». Идею Ленина о том, что, следуя курсом нэпа, Советское государство должно активно вовлекаться в систему международного разделения труда и политического диалога с буржуазно-нацифистскими социал-реформистскими правительствами стран Запада, руководители СССР и Коминтерна не поняли и не приняли. Сталин в борьбе с Троцким за влияние в государстве и партии стал на сторону Зиновьева и взял на вооружение идею о том, что «революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство

для ускорения победы пролетариата во всех странах». Советское государство он рассматривал как «могучую базу» дальнейшего развертывания мировой революции. Трудно сказать, насколько искренне Сталин верил (или не верил) в перспективы мировой революции. Он отмечал одновременно и самостоятельность значения решения созидательных задач в СССР. В то же время подчеркивалось, что если начнется война, «то нам не придется сидеть сложа руки — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим, для того чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить». Противники нормализации отношений с СССР получили возможность доказывать, что никаких стабильных дипломатических или торговых связей со страной, правящая партия которой открыто провозглашает поддержку силам, выступающим за насильственное свержение строя, существующего в других государствах, быть не может. Ситуация усугублялась и фактическим расколом в самом НКВД. Бывший советский дипломат Г. Беседовский, оставшийся в Париже в конце 20-х гг., отмечал, что, «начав с 1923 г. ожесточенную борьбу с Чичериным, его заместитель М. Литвинов не стеснялся в средствах. Он открыто третирует Чичерина перед чиновниками Наркоминдела, отменял его распоряжения, зачеркивал на официальных докладах его распоряжения и ставил свои». Весь аппарат НКВД принял участие в этой борьбе, разделившись на группы «чичеринцев» и «литвиновцев». Эти группы за стенами НКВД назывались «западниками» и «восточниками». Во главе первой стояли М. Литвинов и З. Копп, во главе второй — Г. Чичерин и Л. Карахан. Суть разногласий между «западниками», которых поддерживали многие деятели Коминтерна, и «восточниками» состояла в том, что первые ориентировались на быструю победу мировой революции в Европе и США и рассчитывали на подталкивание революции на Востоке, в странах — соседях СССР. «Восточники» придерживались другого мнения, считали, что ни в Турции, ни в Персии, ни на Дальнем Востоке левые силы не имеют никаких перспектив, что Коминтерн «занимается авантюрами». Они выступали против «советизации Турции» и других стран. Не случайно Чичерин еще в июне 1921 г. в инструкции полпреду в Афганистане Ф. Раскольникову предостерегал его от «искусственных попыток насаждения коммунизма в стране, где условий для этого не существует».

Тема 4

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЗАПАДА В 1921-1929 гг.

Внимание ведущих стран Европы в начале 1920-х гг. было обращено на турецко-греческий вооруженный конфликт, который начался 22 июня 1920 г. Великобритания, занятая «умиротворением» вновь приобретенных по Версальскому и Севрскому договорам подмандатных территорий, решила поручить разгром турецкой армии, руководимой М. Кемалем, Греции, зная о взаимной неприязни греков и турок. Советская Россия помогла Турции оружием, боеприпасами и золотом. Летом 1920 г., в ходе развернувшегося Сакарпийского сражения в Центральной Анатолии греки потерпели поражение. Это обострило противоречия в странах Антанты. США, Италия и особенно Франция считали, что сохранение Севрского договора не отвечает их интересам. Великобритания, наоборот, стремилась превратить Турцию в собственную зону влияния. В феврале — марте 1921 г. в Лондоне с участием делегации султанского правительства прошла конференция, имевшая целью смягчить условия Севрского договора, однако договориться страны Антанты не смогли. Это развязало руки Франции и Италии. Уже в августе 1921 г. итальянские войска эвакуировались из Анатолии, а 20 октября в Анкаре был подписан сепаратный франко-турецкий договор, по которому Париж не только признавал Анкару де-юре, но и передавал ей военные запасы французских оккупационных войск на сумму в 200 млн франков. Все это позволило кемалистам взять военную инициативу в свои руки, и в августе 1922 г. турецкие войска перешли в наступление, которое завершилось полным разгромом греческой армии. Англия и Греция были вынуждены пойти на заключение перемирия. Оно было подписано в октябре 1922 г. в порту Муданья (на Мраморном море). Согласно перемирию, подлежали эвакуации все греческие войска, находившиеся в Восточной Фракии, а также войска Антанты, находившиеся в зоне проливов и Стамбуле.

Поражение в войне привело к государственному перевороту в Греции, король Константин отрекся от престола, британское правительство пало. Пять министров и генералы, виновные в по-

ражении, были переданы суду военного трибунала и по его приговору расстреляны. Эхо поражения докатилось и до Лондона. Коалиционное правительство Д. Ллойда Джорджа подало в отставку. Досрочные выборы в парламент принесли победу консерваторам. Их правительство предприняло шаги по достижению компромисса с Кемалем.

Лозаннская конференция. Конференция открылась 20 ноября 1922 г. в г. Лозанне. В ней приняли участие Англия, Франция, Италия, Япония, Греция, Румыния, Королевство сербов, хорватов и словенцев, с одной стороны, и Турция — с другой. В качестве наблюдателя пригласили США. Делегация РСФСР, в которую были включены представители УССР и Советской Грузии, была допущена лишь к обсуждению вопроса о Черноморских проливах.

Лозаннский договор был подписан 24 июля 1923 г. Он существенно отличался от Севрского. Хотя Турция и отказалась от своих нетурецких владений, она сохранила в основном свои этнические границы и государственный суверенитет. Проблема курдов и армян не поднималась. Все пункты Севрского договора, касавшиеся зон влияния держав в Анатолии, были безоговорочно отменены. Турция получила обратно Восточную Фракию на европейской стороне Эгейского моря. Державы отказались от всех претензий на контроль за внутренней и финансово-экономической политикой Турции, были отменены все привилегии для иностранцев. Правда, страна признала за собой часть старых долгов султанского режима, отказалась от прав на все арабские территории, признала британскую аннексию Кипра и протекторат Великобритании над Египтом, а также права Италии на Додеканезские острова и Ливию. Устав Лиги Наций в текст Лозаннского мирного договора включен не был, и его обязательства на Турцию не распространялись.

По вопросу о режиме судоходства в проливах были представлены три проекта конвенции — советский, держав Антанты и Турции. Советский проект исходил из положения, сформулированного В. Лениным в октябре 1922 г. в интервью корреспонденту английских газет «Observer» и «The Manchester Guardian» Ф. Фарбману. Проект предусматривал закрытие проливов для всех военных кораблей и в мирное, и в военное время при полной свободе торгового мореплавания. Целью советского предложения было оградить свои территории от возможности агрессии со стороны Черного моря. Проект стран Антанты, озвученный английской делегацией, предусматривал ничем не ограниченную свободу перемещения через проливы военных судов и пролета военных са-

молетов всех стран в мирное и военное время при нейтралитете Турции с некоторыми ограничениями количества судов, их индивидуального и суммарного тоннажа. Ограничения эти не распространялись на страны, воюющие на Черном море. Если Турция является воюющей стороной, проход разрешался только кораблям нейтральных стран. Проект предусматривал полную демилитаризацию проливов, запрещая Турции держать там свои вооруженные силы, кроме небольшого гарнизона. Турецкий проект был направлен против последних предложений Англии. Конвенция была подписана на основе английского проекта с некоторыми турецкими поправками. Она устанавливала полную свободу торгового мореплавания через проливы. В мирное время через них могли проходить и военные корабли всех стран в пределах установленных ограничений по количеству и общему водоизмещению. Нечерноморские державы имели право направлять в Черное море свои флоты и держать их там при условии, что численность кораблей неприбрежных держав не будет превышать флот сильнейшей из стран региона. В военное время через проливы разрешался проход военных кораблей только нейтральных стран. Устанавливалась демилитаризованная зона проливов шириной 15—20 км по обеим сторонам, за исключением Стамбула, где Турции разрешалось иметь небольшой гарнизон. Граница Турции с Грецией (от Эгейского до Черного моря) на протяжении примерно 30 км по обеим ее сторонам подлежала демилитаризации. Она попадала под контроль специальной международной комиссии. Советское правительство квалифицировало конвенцию как «новое проявление агрессивных замыслов империалистических держав» и отказалось ее ратифицировать.

Принятие плана Дауэса. Рапалльский договор образовал советско-германский альянс и антиверсальский курс. Отказ Москвы от своей доли репараций с Германии создавал прецедент и тем самым подрывал позиции Франции, по-прежнему требовавшей от Берлина репарационных выплат. Итогом стала активизация усилий Франции по созданию на пространстве между Германией и Россией «непреодолимого вала» из антироссийски и антигермански настроенных малых государств.

Между союзниками не было единства в понимании зависимости проблемы межсоюзнических долгов от вопроса о репарациях с Германии. Франция считала их единым комплексом и полагала, что свои долги Вашингтону и Лондону она будет выплачивать из средств, взысканных с Берлина. США и Британия не разделяли

этой точки зрения, полагая, что германские репарации представляют собой особую проблему. В Лондоне считали, что разорение Германии при помощи репараций мешает восстановлению европейской промышленности, сдерживает внешнюю торговлю и таким образом бьет по британским интересам. Английские дипломаты откровенно говорили, что сокращение международных товаропотоков и бездействие германской промышленности волнуют их больше, чем неспособность Берлина заплатить по долгам. Но французские представители категорически настаивали на получении репараций.

Общая сумма германских выплат должна была составить 132 млрд золотых марок (33 млрд долл.) с погашением в течение 48 лет. Вопрос о репарациях обсуждался в мае 1921 г., а затем в августе и декабре 1922 г. на Лондонских конференциях. Германия просила отложить выплату ее долгов на пять лет, Великобритания ее поддержала. Лондон даже предлагал Парижу списать французские долги Великобритании, при условии согласия Франции на упрощенное решение репарационного вопроса и отсрочку германского долга. Но французская делегация во главе с Л. Барту не приняла британский план, ссылаясь на то, что долги Парижа Лондону были меньше сумм, теоретически положенных Франции в качестве германских репараций. Со своей стороны, Париж требовал предоставить ему материальные гарантии будущих выплат из Германии в форме права эксплуатации и (при необходимости) конфискации германских шахт в Руре, передачи ему контрольных пакетов акций германских красильных фабрик на левом берегу Рейна.

Англия отвергла это предложение Франции, доказывая, что его осуществление приведет к серьезным экономическим потрясениям не только в Германии, но и в других странах. Пытаясь найти компромисс, США предложили создать комитет из независимых финансовых экспертов для оценки платежеспособности Германии. Однако, не дожидаясь завершения работы экспертов, репарационная комиссия тремя голосами (Франция, Бельгия, Италия) против одного (Великобритания) 26 декабря 1922 г. вынесла определение, в котором отмечался факт невыполнения Германией ее репарационных обязательств, и объявила в Германии дефолт. Правительство Р. Пуанкаре получило право применения санкций против Германии. 11 января 1923 г. французские и бельгийские войска вошли в Рур. Италия формально поддержала эту санкцию, но не приняла в ней участия.

СССР выступил с протестом против оккупации. 13 января 1923 г. ВЦИК принял Обращение к народам мира, в котором было отмечено, что франко-бельгийская акция поставила Европу «перед угрозой новой и жестокой международной бойни». Оккупация Рура исключила из юрисдикции Германии самую развитую промышленную зону страны. Она теряла 88 % добычи угля и 70 % производства чугуна. Это спровоцировало невиданный виток кризиса в Германии. Курс марки рухнул, все долговые обязательства полностью обесценились. В стране возникла паника, охватившая не только беднейшие слои, но и средний класс. В Германии отчасти стихийно, отчасти организованно развернулась кампания неповиновения. В правящих кругах страны сложились две группировки — «роверсальская» и «провосточная». Первая настаивала на точном выполнении версальских обязательств и ориентировалась на терпеливый диалог с Антантой. Вторая была связана с тяжелой промышленностью и видела будущее Германии в соединении «германского интеллекта и промышленности с русскими трудовыми ресурсами и сырьем». Активизация левых сил сопровождалась ростом антисемитизма на правом фланге. Антисемитизм был отчасти связан с притоком в Германию богатых еврейских эмигрантов из Польши, где при правлении Пилсудского политика в отношении евреев стала приобретать все более грубые формы и широкие масштабы.

Оккупация Рейнской зоны до предела накалила обстановку в Германии. Выступления коммунистов были подавлены в 1923 г. 21 октября 1923 г. на фоне крайней напряженности в г. Элла-Шлипень в Рейнской области с подачи премьер-министра Франции Р. Пуанкаре была провозглашена Рейнская республика. Из зоны насильственно выселили 145 тыс. немцев, а на предприятия в срочном порядке завезли французов и бельгийцев. Это накалило обстановку еще больше. В ноябре 1923 г. на волне антииностранных настроений последовало выступление фашистов в Мюнхене. При поддержке Э. фон Людендорфа группа активистов партии фашистов во главе с А. Гитлером организовала «пивной путч» под лозунгом борьбы с версальской системой, евреями, революцией и правительством. Путч был подавлен, а Гитлер приговорен к пяти годам тюрьмы.

Оккупация Рейнской зоны и провозглашение республики вызвали бурное раздражение французских союзников. Несговорчивость Парижа (из 23 конференций по репарациям договориться не удалось ни на одной) давно вызывала недовольство в Лондоне.

Британское правительство было категорически против приобретения Францией стратегического плацдарма на левобережье Рейна, считая, что это приведет к установлению французской гегемонии в Европе. В Лондоне с XIX в. сохранялась уверенность в том, что подчинившая себе Германию Франция обязательно начнет вслед за этим проводить антибританскую политику. Действия Парижа не поддержал и Вашингтон.

В американской внешней политике складывались два направления: традиционное — изоляционистское — и новое, сторонники которого называли себя интернационалистами. Суть первого состояла в отказе от «автоматической» включенности в европейские дела и избирательности в вопросе о принятии на себя международных обязательств. Второе направление (его также называют «интервенционистским») делало акцент на «исторической миссии» США — первой в мире «свободной страны», оплота демократии, призванной нести свет либеральной идеи странам и народам. Ради этого, полагали сторонники «интернационализма», можно было приносить определенные жертвы. Оба эти направления существовали и противоборствовали. В целом главенствовали изоляционисты, из-за упорства которых сенат в свое время не ратифицировал Версальский договор и устав Лиги Наций.

Между тем роль США возрастала. Практически ни одна крупная проблема европейской политики не решалась без американского участия. Изоляционизм в политике совмещался с наличием тесных финансово-экономических и торговых связей США с Европой. В 20-е гг. в торговле с европейскими странами США имели положительное сальдо в среднем 1 млрд долл. в год. Превратившись из должника европейских стран в их кредитора, они продолжали в мирное время вкладывать капиталы в Европу. Напор американского экспорта на европейские рынки сочетался с суровыми протекционистскими мерами, закрывшими европейским товарам доступ на внутренний рынок США. Это тоже неблагоприятно сказывалось на европейской ситуации. И Англия, и США начали оказывать давление на Францию с целью побудить ее немедленно вывести войска из Рейнской зоны и уступить в репарационном вопросе. Американские и британские банки стали согласованно играть на понижение французского франка, чтобы заставить эту страну пойти на уступки под бременем роста финансовых издержек от экспедиции на Рейне. Дестабилизация и без того неустойчивой европейской финансовой системы усугублялась.

Париж оказался перед угрозой изоляции. Это стало совсем очевидно, когда, не советуясь с Францией, в конце 1923 г. США и Великобритания подписали с Германией отдельные соглашения о предоставлении ей займов. В декабре 1923 г. был, кроме того, подписан первый американо-германский торговый договор. В попытках противостоять французскому давлению Германия теперь могла опираться на Лондон и Вашингтон.

В октябре 1923 г. США предложили создать специальный комитет экспертов для выработки рекомендаций по решению репарационной проблемы и вопросам экономического и финансового контроля. В ноябре репарационная комиссия образовала два комитета экспертов. Первый комитет возглавил банкир из финансовой группы Моргана в Чикаго генерал в отставке Ч. Дауэс, второй — английский эксперт М. Кенна. Первому поручалось заняться разработкой мер по стабилизации немецкой экономики, ее валютной системы и бюджета, схемой погашения Германией репараций, второму ставилась задача изыскать пути получения Германией иностранных капиталов и возвращения немецких капиталов, вывезенных за границу. Выводы обоих комитетов и рекомендации они представили в апреле 1924 г.

План Дауэса отмечал нужду Германии в ресурсах, необходимых для восстановления экономики, валюты и поддержания бюджета. Признавалась важность территориального и экономического единства страны. В целях ликвидации инфляции и стабилизации валюты планом предусматривалось предоставление Германии международного займа в 800 млн золотых марок. Открывались двери для поступления в экономику любых инвестиций, кредитов с разумным доводом, что, прежде чем требовать долги, должнику надо дать заработать. Поэтому план вносил существенные, выгодные Германии изменения в порядок погашения платежей. Во-первых, абсолютные размеры выплат были пересмотрены в сторону существенного сокращения. Единственное, что требовалось от Германии, состояло в том, что в 1924 г. страна должна была уплатить 1 млрд марок, в последующие три года платежи ежегодно должны составить 1,7 млрд, а с 1928 г. — по 2,5 млрд марок в год. Не оговаривались ни количество лет, отводимых для их полного завершения, ни общая сумма. Во-вторых, при определении размера платежей комитет экспертов исходил из того, что полученные из Германии суммы должны быть достаточными, чтобы союзники могли выплатить свои долги США. В-третьих, условия плана жестко ограничивали возможности Франции применять против Германии санк-

ции. Французская доктрина «экономических репрессий» против Германии заменена англо-американской концепцией «восстановления германской экономики».

Планом Дауэса были определены и источники погашения репараций — прежде всего отчисления из государственного бюджета. Комитет рекомендовал правительству Германии увеличить прямые и особенно косвенные налоги путем повышения цен на товары широкого потребления — сахар, табак, пиво, ткани, обувь и т. д. И хотя отчисления в уплату репараций предусматривались и с части прибылей промышленных предприятий и железных дорог, главное бремя легло на плечи простых немцев. Важное место в плане Дауэса занимал вопрос о гарантиях выплаты Германией репараций и установления контроля над ее экономикой и финансами. Было предложено вывести Национальный банк из подчинения правительства и предоставить ему исключительное право выпуска денежных знаков и ценных бумаг. Предполагалось также вывести из-под управления правительства железные дороги и передать их специально созданной акционерной компании. Важным элементом контроля над германскими финансами явилось предложение создать специальную компанию, которая осуществляла бы валютные операции, связанные с выплатой репараций. 16 июля 1924 г. на Лондонской конференции союзных держав был принят меморандум, утвердивший основные положения плана Дауэса. Его принятие знаменовало поворот к отказу от дискриминации Германии в европейской политике. Найдя компромиссные решения, меморандум заложил экономическую основу восстановления единства Западной и Центральной Европы.

Вместе с тем решения плана Дауэса отрицательно сказались на позиции Франции. Под нажимом Англии и США она согласилась на включение в репарационную комиссию представителя США. Франция и Бельгия обязаны были через год после Лондонской конференции покинуть Рейнскую зону. За период действия плана, с 1924 по 1929 г., Германия выплатила в счет репараций немногим более 10 млрд марок — в 2,5 раза меньше получения кредитов за тот же срок. 70 % из них были получены от США.

Локарнские соглашения 1925 г. Достижение компромисса в репарационном вопросе позволяло перейти к урегулированию проблем безопасности европейских государств. Речь шла прежде всего о создании правовых основ для разрешения межгосударственных споров, нестабильность которых в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе осознавалась большинством поли-

тиков. Малые страны Европы: Чехословакия, Польша, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия), Румыния — еще в 1920—1921 гг. при патронаже Франции заключили военно-политические соглашения, предусматривающие обоюдные гарантии их территорий. Эти соглашения положили начало существованию Малой Антанты — Чехословакии, Югославии и Румынии, которая имела союзный договор с Польшей.

Образование этого блока было только одной стороной создаваемой Францией системы безопасности. Одновременно Париж стремился получить гарантии безопасности от Лондона. Но Великобритания не хотела обременять себя прямыми обязательствами в отношении Франции, так как, во-первых, это противоречило ее принципам, а во-вторых, способствовало бы усилению Франции.

Пришедшее к власти в Лондоне лейбористское правительство Дж. Макдональда поступило по-другому. 2 октября 1924 г. Ассамблея Лиги Наций обсудила так называемый Женевский протокол о мирном разрешении международных споров и рекомендовала правительствам стран — членов Лиги ратифицировать его. Протокол мог вступить в силу после его ратификации большинством стран-участниц. Он представлял собой проект договора о взаимной гарантии безопасности и содержал схему объединения в единый договорно-правовой комплекс всеобщих гарантий безопасности, с системой действующих региональных союзов. Участники протокола обязывались не прибегать к войне, «за исключением случаев сопротивления акта агрессии» или санкций, применяемых в соответствии с Уставом Лиги или самим протоколом.

Фактически речь шла о попытке впервые ввести в международные отношения норму обязательного международного арбитража, которому подлежали любые споры между государствами. Протокол содержал весьма подробные постановления относительно процедуры мирного разрешения споров, обязанностей спорящих государств не допускать углубления конфликта, последствий неисполнения этих обязанностей и отказа от процедуры мирного регулирования. Женевский протокол содержал и вариант определения агрессии. Он не был совершенен. Агрессором предлагалось считать страну, отказывающуюся представить на рассмотрение международного арбитража спор, в котором она участвует. В случае вступления в силу Женевский протокол мог оказаться важным инструментом международного регулирования.

Однако «великая хартия мира», как именовали Женевский протокол пацифисты, не вступила в силу. Против нее выступили

британские доминионы. С одной стороны, территориальные споры не казались им актуальными, с другой — доминионы не хотели брать на себя обязательства гарантировать границы стран материковой Европы, с которой их военно-политические интересы были слабо связаны. В самой Великобритании противников протокола было достаточно много, его резко критиковали консерваторы. Победа на парламентских выборах в октябре 1924 г. преопределила отказ Лондона от ратификации Женевского протокола. Затем о своем отрицательном отношении заявили Италия, Бельгия, Япония. Из великих держав протокол ратифицировала только Франция. Большинство стран мира не было готово подчинить свою политику юрисдикции международных арбитражных органов. Весьма критически отнеслись к протоколу и в Москве. Тем не менее закрепление в международном праве положения протокола о том, что «агрессивная война составляет... международное преступление», сыграло свою роль в будущем.

Германская дипломатия умело использовала шанс, который ей предоставили США и Великобритания. Берлин представлял себя в роли жертвы французской экспансии, встречая понимание международного политического мнения. Германские представители стали говорить о необходимости приобретения международных гарантий против нарушения франко-германской и германско-бельгийской границ.

29 сентября 1924 г. Германия сделала заявление о намерении вступить в Лигу Наций и высказала пожелание о предоставлении ей места постоянного члена Совета Лиги, а 12 декабря декларировала требование ликвидировать «неравенство» в вооружениях, которое вытекало из Версальского договора. Действия германской стороны предпринимались при благосклонном внимании Великобритании, считавшей французские амбиции источником нестабильности в Европе.

Берлин искал пути ослабить пути Версаля и добиться более выгодного для себя урегулирования с бывшими противниками. Первым большим клином, который удалось вбить в Версальский порядок, была договоренность с Советской Россией в Рапалло. Новую возможность для проявления инициативы дал французский проект договора между державами франко-бельгийско-британского союза, имеющими интересы на Рейне. Германия постаралась помешать образованию такого тройственного блока. Влиятельных союзников она нашла в Лондоне. 25 января 1925 г.

германское правительство официально представило собственный проект Рейнского гарантийного пакта.

Завязавшаяся дипломатическая переписка и последующие переговоры велись между Великобританией, Германией и Францией. Италия, для которой, по заявлению Муссолини, рейнская граница не представляла интереса, в них не участвовала. Но в Париже хорошо понимали логику британской позиции и видели элементы фактического блокирования Британии и Германии против Франции. Потому французской стороне было выгодно привлечь к переговорам Италию в расчете на ее потенциальные разногласия с Германией по вопросу об австро-итальянских территориальных спорах в Альпах.

Министр иностранных дел Франции А. Бриан попытался подключить Рим к переговорам о европейских границах. Он предложил заключить гарантийный пакт для восточных и южных границ Германии с ее соседями при участии Франции, причем Франция брала на себя роль гаранта такого договора. Муссолини отклонил и это предложение, заявив, что в его интересы не входит гарантирование границ Польши и Чехословакии.

Разногласия между предполагаемыми участниками будущего пакта были значительны. Французское правительство желало, чтобы одновременно с пактом были подписаны арбитражные договоры Германии с восточными союзниками Франции — Польшей и Чехословакией — и чтобы эти договоры составляли с Рейнским гарантийным пактом единый комплекс. Этому противилась Англия, угадывая во французском плане идею «окружения Германии». Ощущая британскую поддержку, Германия отвергала юридическое закрепление неприкосновенности ее границ с Польшей и Чехословакией. В Берлине не скрывали, что не считают границы на востоке Европы окончательными. Очевидно, не считали их таковыми и в Лондоне. В первую очередь, речь могла идти о границе Германии с Польшей.

В итоге долгих и сложных дипломатических маневров в октябре 1925 г. в Локарно (Швейцария) были парафированы, а 1 декабря в Лондоне окончательно подписаны договоры и соглашения, получившие общее название Локарнских. Главным из них был Рейнский гарантийный пакт между Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией. По этому пакту Германия, Франция и Бельгия признавали неприкосновенность границ Германии с Бельгией и Францией в том виде, как они были уста-

новлены Версальским договором, а также обязались соблюдать постановления Версальского договора о демилитаризации Рейнской зоны. Германия, Франция и Бельгия обязались также разрешать все спорные между ними вопросы путем арбитража или судебного решения. Обязанности гарантов соблюдения пакта приняли на себя Великобритания и Италия.

Взятые Германией обязательства признавать неприкосновенность границ не исключали, как заявил Г. Штреземан, возможности пересмотреть их переговорным путем. И действительно, как только Локарнские соглашения были подписаны, Германия приступила к секретным переговорам с бельгийским правительством о передаче ей кантонов Эйпен и Мальмеди.

Одновременно с Рейнским пактом в Локарно были подписаны двусторонние соглашения Германии с Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией об арбитраже в случае возникновения пограничных споров, а также двусторонние франко-польский и франко-чехословацкий гарантийные договоры. Однако, не увязанные в единый комплекс с Рейнским пактом, они не были подкреплены достаточно надежными многосторонними международными гарантиями. Восточноевропейские страны в случае конфликта с Германией могли рассчитывать только на поддержку Франции. Ни Британия, ни Италия в этом случае не имели бы официальных оснований воздействовать на Берлин. Локарнские соглашения вступили в силу с принятием Германией в Лигу Наций 8 сентября 1926 г., где она получила место постоянного члена Совета Лиги Наций. Препятствием военный контроль союзников над Германией был заменен военным контролем со стороны Лиги Наций. Франко-бельгийские войска начали по частям покидать Рейнскую зону еще в 1925 г.

Локарнские соглашения разумно решали германскую проблему. Избранный для этого способ — франко-германское примирение — был целью политики французского министра иностранных дел А. Бриана, считавшего такое примирение залогом европейской стабильности. На первой стадии переговоров Бриан добивался гарантий границ и для восточных соседей Германии. Он решился на локарнский вариант лишь после того, как его идея гарантий границ на востоке Европы встретила упорное сопротивление Германии, нашедшей поддержку у Великобритании. Дипломатия Бриана свидетельствует о том, что он мало полагался на добрую волю Германии и поэтому искал способы укрепить военно-политические союзы малых стран, а также стал обдумывать пути соглашения с СССР.

Локарнские соглашения разрядили напряженность в Европе, оказав умиротворяющий эффект на настроения европейцев. Современники оценивали соглашения как «высшую точку в возрождении Европы» и как «водораздел между войной и миром».

«Творцы Локарно» — министр иностранных дел Франции А. Бриан, министр иностранных дел Германии Г. Штреземан и министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен были удостоены Нобелевской премии мира за 1925 г.

Ослабление Версальской системы. Слабостью «системы Локарно» была ее ограниченность. Система была сфокусирована фактически только на франко-германском примирении и не могла служить основой общеевропейского механизма обеспечения безопасности. Становилось все яснее, что после Локарно основные импульсы к нестабильности предстоит ожидать на востоке Европы.

Прежде всего Локарнские соглашения затрагивали Польшу и Чехословакию. И если Германией на этом этапе пока не ставился вопрос о чехословацко-германской границе, то границу с Польшей она признавать отказывалась. Все усилия последней по нейтрализации негативных последствий Локарнских соглашений путем получения равного с Германией статуса в Совете Лиги окончились неудачей. Г. Штреземан решительно воспротивился предоставлению Польше постоянного места в Совете вместе с Германией, и западные державы поддержали это требование. В сентябре 1926 г. сессия Ассамблеи Лиги Наций ввела Германию в Совет в качестве пятого постоянного члена. Польша получила место непостоянного члена.

В свою очередь, Чемберлен довел до всеобщего сведения, что, с точки зрения Великобритании, польская граница Германии может, а по существу, должна быть скорректирована, если только Германия проявит в этой связи цивилизованный подход: «Если она (Германия) вступит в Лигу и сыграет там свою роль в духе дружбы и примирения, то я лично верю, что в пределах разумного количества лет она достигнет такого положения, когда ее торгово-экономическая поддержка окажется для Польши необходимой, а политическая дружба весьма желательной, так как она, обращаясь к механизму Лиги, сможет в дружественном порядке договориться обо всем непосредственно с поляками... И если германская публика и пресса проявят сдержанность и не будут говорить слишком много о восточных границах, то решение может быть достигнуто гораздо быстрее». Г. Штреземан весьма умело воспользовался вступлением Германии в Лигу Наций, повысив, с

одной стороны, свои шансы на дальнейшее сближение с Советским Союзом, с другой — усилив германское давление на Францию в целях паритета в области вооружений. К примеру, Штреземан запросил и получил разрешение на неучастие Германии в миротворческих мероприятиях, предусмотренных Уставом Лиги Наций (статья 16), базируясь на том, что разоруженная Германия не рискует применять к ней санкции. Затем, вполне в стиле Бисмарка, Штреземан уведомил Москву, что просьба о предоставлении подобного разрешения связана с нежеланием Германии присоединиться к каким бы то ни было антисоветским коалициям.

В этих условиях, пытаясь вернуть свое влияние на востоке Европы, Франция в дополнение к уже имеющимся союзным договорам 1921 г. с Польшей и 1922 г. с Чехословакией подписала договоры о дружбе с Румынией (16 июня 1926 г.) и с Югославией (11 ноября 1927 г.), продолжив тем самым политику создания системы «тыловых союзов». Малая Антанта — политический блок Чехословакии, Югославии и Румынии, выступавший за сохранение Версальского статус-кво, являлся важнейшей опорой Франции в Восточной Европе. При активном французском участии Польша и Румыния подписали 2 марта 1926 г. в Бухаресте союзный договор, а также секретную военную конвенцию, в соответствии с которой они обязались оказывать друг другу военную помощь в случае нападения. Тем самым Франции удалось связать Малую Антанту с Польшей. Однако успехи французской дипломатии не могли скрыть то, что с принятием плана Дауэса и подписанием Локарнских соглашений ведущая роль Франции на континенте была существенно подорвана. Она все больше уступала первенство Великобритании.

Английская дипломатия рассматривала итоги Локарно как свою большую победу. Ей представлялось, что гарантийные и арбитражные соглашения устранят недостатки прежней системы безопасности, основанной на военно-политических союзах. Однако Локарнский договор не сопровождался подписанием одной или нескольких военных конвенций, и поэтому никакой конкретный механизм включения гарантий против возможного нарушения согласованных условий не был предусмотрен. В случае конфликта державы-гаранты должны были только вступить в переговоры для рассмотрения вопроса о возможности принятия мер против нарушителей. Надежность таких гарантий была невелика.

Поэтому европейская политика Великобритании в середине 20-х гг. была направлена не только на укрепление равновесия на

континенте, но и на ослабление позиций соперников, среди которых первым была Франция. Подход английского премьер-министра О. Чемберлена к проблеме европейской безопасности предполагал замену французской системы военно-политических союзов, которая закрепила раскол Европы и обеспечила лидерство Франции, новой системой взаимных гарантий и арбитража, призванной консолидировать западный мир.

В этих условиях министр иностранных дел Франции А. Бриан понимал необходимость коррекции внешнеполитического курса страны, не полагаясь на поддержку союзников. Париж ставил задачу упрочения своих позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

На Балканах Франция обладала довольно существенным влиянием благодаря предоставлению странам региона займов, капиталовложениям, влиянию своей культуры и распространению языка. Испытывая давление итальянской экспансии, балканские страны искали покровительства Франции. За лозунгом Парижа «Балканы — балканским странам» скрывалась борьба Италии за проникновение в регион.

Континентальная стратегия Лондона была основана на отказе от вступления в постоянные союзы. Но британская дипломатия была очень активна, занималась созданием блоков, способных ослабить ее соперников. Острый характер приобретало соперничество Англии и Франции в Средиземноморье, где тесно переплетались колониальные устремления обеих держав. Наиболее сильные позиции в этой части мира занимала Великобритания, владевшая Гибралтаром, Мальтой, Кипром и контролировавшая Египет с Суэцким каналом и портом Александрией. Франция, опираясь на свое преобладание на континенте, использовала все средства для закрепления в колониальных и подмандатных территориях в Африке и на Ближнем Востоке — в Алжире, Тунисе, Марокко, Сирии, Ливане.

Во франко-британское соперничество вмешивалась фашистская Италия. Открыто заявляя о своем несогласии со статус-кво в регионе, она пыталась силой захватить остров Корфу (август 1923 г.) и югославский порт Фиуме (сентябрь 1923 г.). Великобритания скрыто поощряла Италию в ее антифранцузских настроениях, вызванных антиитальянской политикой Парижа на Балканах.

Британская дипломатия была озабочена идеями распространения опыта Локарно. Сначала в 1925 г. она предложила подписать договор, который должен был гарантировать границы между

Венгрией и антивенгерски настроенными странами Малой Антанты. Венгры отказались обсуждать такой договор. Затем один за другим последовало пять проектов «новых Локарно» — Балканского, Прибалтийского, Северного, Восточного и Среднеевропейского. «Балканское Локарно» было рассчитано на участие Югославии, Греции, Болгарии, Румынии и Венгрии. Однако только греки и югославы заключили между собой договор в августе 1926 г., но и он не был ратифицирован греческим парламентом. В случае появления такого Союза он бы разрушил Малую Антанту. Поэтому Франция противодействовала реализации этого плана, используя свое влияние на Балканах. Проект не был реализован.

«Прибалтийское Локарно» должно было обеспечить примирение Литвы с Польшей. В январе 1925 г. в Хельсинки представители Финляндии, Польши, Эстонии и Латвии подписали соглашение об арбитраже. Из этого соглашения теоретически мог вырасти более широкий блок государств, с включением в него Литвы. Однако она категорически отказывалась от вступления в один союз с Польшей из-за польско-литовского спора о принадлежности Вильно. Кроме того, литовское правительство волновал вопрос о принадлежавшем до Первой мировой войны Германии Мемеле (Клайпеда), закрепления которого Литва требовала за собой. «Прибалтийское Локарно» в этом смысле ничего Литве не сулило. Настороженно к плану расширения блока отнеслась и Финляндия, интересы безопасности которой были больше связаны с Северной Европой, чем с Южной и Юго-Восточной Прибалтикой. Поэтому Финляндия предложила собственный план «Северного Локарно» с участием прибалтийских и скандинавских стран. Этот проект не поддержала Швеция, опасавшаяся быть втянутой в международные конфликты в нарушение своего нейтрального статуса. Финский проект не был поддержан большинством приглашенных к его обсуждению стран. Тогда план «Прибалтийского Локарно» был трансформирован в схему «Восточного Локарно» в составе трех стран Прибалтики, Польши и, что принципиально важно, Германии. Польское правительство, с подозрительностью относившееся к западному соседу, тем не менее выступило за подписание такого пакта. Однако Германия отказалась его обсуждать. Советский Союз выступил против всех версий «новых Локарно», включая последнюю.

Наконец, в ноябре 1927 г. появилась оказавшаяся жизнеспособной идея «среднеевропейского Локарно» в составе Чехословакии, Румынии, Польши, Венгрии, Австрии и Югославии, кото-

рые подписали между собой соглашение об арбитраже и мирном урегулировании споров. Это был единственно заметный результат политики «распространения Локарно». Неудача, постигшая английскую дипломатию, объяснялась не только неготовностью малых и средних европейских государств преодолеть разногласия и подняться над своими узкоэгоистическими интересами во имя европейской стабильности, но и постоянным англо-французским соперничеством. Особенно остро оно проявлялось в бассейне Средиземноморья, где борьбу за расширение и укрепление своих позиций вела, наряду с Великобританией и Францией, фашистская Италия. Тем не менее сами по себе Локарнские соглашения, давшие частичное разрешение франко-германских противоречий, были способны обеспечить период относительного спокойствия и стабильности в международных отношениях.

В этих условиях Франция попыталась внести коррективы в свой внешнеполитический курс.

Сразу же после принятия Германией в Лигу Наций в местечке Туари под Женевой 17 сентября 1926 г. состоялось секретное свидание А. Бриана и Г. Штреземана, имевшее целью обсудить дальнейшие пути франко-германского урегулирования.

В ходе встречи Бриан предложил Штреземану постепенное решение «кардинальных», как он выразился, вопросов в отношениях между двумя странами: о дальнейшей судьбе Саара; выводе оккупационных войск из Рейнской зоны; снятии военного контроля с Германии в обмен на тесное двустороннее промышленное и финансовое сотрудничество, а также поднял вопрос о проведении совместного политического курса в отношении СССР. Штреземан согласился с французскими предложениями, однако настаивал на быстрой (к октябрю 1927 г.) эвакуации Рейнской зоны и на снятии военного контроля с Германии. За Саар он предложил выкуп в размере 300 млн золотых марок.

В результате переговоров в Туари были очерчены контуры возможного франко-германского соглашения и программа дальнейших переговоров. Правительства обеих стран одобрили итоги встречи и назначили специальных уполномоченных для продолжения переговоров и подготовки соглашения. Однако французское общественное мнение не было готово к столь резкому повороту во франко-германских отношениях. Информация о встрече в Туари, став достоянием гласности, вызвала бурю возмущения в Национальном собрании Франции, после чего продолжение переговоров стало невозможным. Тем не менее переговоры облегчили

Германии возможность добиться решения Лиги Наций о прекращении деятельности межсоюзнической комиссии по военному контролю. Оно было принято в декабре 1926 г. В марте 1927 г. Совет Лиги принял решение о выводе французских войск из Саарской области в течение трех месяцев.

Стабилизация отношений между державами Запада позволила им урегулировать вопрос о межсоюзнических долгах. Великобритания подписала соглашение о погашении долгов США еще в 1923 г. В 1925 г. соглашение с США о выплате долгов подписала Италия, в 1926 г. — Франция, а затем малые европейские государства. Общая сумма задолженности европейских стран составляла в конце войны 9 млрд долл. плюс 2,7 млрд долл. процентов. После подписания Локарнских соглашений произошло ослабление франко-германского противостояния. В международной практике начали утверждаться идеи переговорного процесса. Самыми распространенными стали такие виды договоренностей, как пакты о ненападении и нейтралитете.

Вместе с тем сохранялись и источники нестабильности. Вне международного порядка оставался СССР, считавший Лигу Наций враждебной себе. Германия, ободренная политическими успехами и приостановкой кризиса хозяйства, по-прежнему не считала положение дел справедливым. Берлин добивался ревизии Версальского порядка.

Но самым слабым местом европейского устройства были восточная и юго-восточная части Европы. Неустоявшиеся новые государства не имели опыта урегулирования пограничных проблем, претендовали на одни и те же территории и были вынуждены непрерывно заниматься взаимной «притиркой» своих произвольно установленных границ. Основными потенциально конфликтными зонами были межгосударственные границы: Польши — с Германией, Литвы — с СССР, Германией и Польшей; Венгрии — с Румынией, Чехословакией и Югославией; Румынии — с Венгрией, Болгарией и Советским Союзом; Болгарии — с Югославией, Румынией и Грецией; Югославии — с Италией, Венгрией и Албанией; Италии — с Австрией, Албанией и Югославией; Греции — с Турцией, Болгарией и Югославией.

Ультиматум Керзона. Еще в 1923 г. по приглашению лидера Китая Сунь Ятсена в формировании Национально-революционной армии Китая приняли участие советские военные советники. В 1924 г. под псевдонимом Галин пост главного военного советника занял известный советский военачальник В. Блюхер. Была

создана военно-политическая школа на острове Вампу вблизи Гуанчжоу (потом появились и иные аналогичные центры), где с помощью советников готовились кадры для революционной армии. В 1924 г. в Кантон морским путем были посланы из СССР оружие и боеприпасы, включая танки и самолеты. Советники непосредственно руководили боевыми действиями соединений Народно-республиканской армии Китая.

Все это не было секретом для западных политических кругов, которые имели свои интересы в Китае. Естественная негативная реакция на ситуацию в стране автоматически трансформировалась в растущую враждебность к СССР.

Особенно это проявлялось в политике Великобритании. В мае 1923 г. ее министр иностранных дел Дж. Керзон направил Советскому правительству меморандум с требованием прекратить поддержку Китая, отозвать своих представителей из Персии и Афганистана, выплатить компенсацию за репрессии против английских секретных агентов на территории СССР. Эти требования, конечно же, были отвергнуты. Позже стала проявляться и жесткая конфронтационная антисоветская линия консервативного правительства С. Болдуина, в 1924 г. пришедшего на смену лейбористскому кабинету. В понимании консерваторов, не веривших в возможность компромисса с большевиками, непременным условием нормализации отношений Великобритании с Советским Союзом был безусловный отказ СССР от пропаганды и «подрывной деятельности» в странах Востока, в том числе и по линии Коминтерна. По тонкому замечанию Чичерина, «выполнение таких требований коммунистами, по существу, означало бы для них перестать быть коммунистами». Поэтому вряд ли имелись основания ожидать, что СССР будет их выполнять. Первым шагом правительства Болдуина стал отказ от ратификации англо-советских договоров 1924 г.

Британский курс на консолидацию Запада и изоляцию СССР окончательно определился к середине 1925 г. Толчком к дальнейшему обострению англо-советских отношений явились революционные события в Китае 1925–1927 гг., которые рассматривались Великобританией как результат большевистской антианглийской политики СССР.

Уже в 1925 г. влиятельная группировка консерваторов в парламенте поставила вопрос о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом. Однако премьер-министр Болдуин и министр иностранных дел Чемберлен заняли выжидательную пози-

цию, полагая, что в разгар переговоров с Германией этот шаг был бы несвоевременным. Со своей стороны, СССР предпринимал активные действия по преодолению кризиса в советско-английских отношениях, выражая готовность начать переговоры с Великобританией по любому спорному вопросу. Советская сторона обещала разместить крупные заказы на станки и оборудование в надежде на поддержку британских тред-юнионов. Хотя кризис лета 1925 г. в англо-советских отношениях и был преодолен, антисоветский курс британского правительства не изменился.

Успешное завершение Локарнской конференции, вступление Германии в Лигу Наций укрепили международные позиции Великобритании, что дало возможность консерваторам занять более жесткую позицию в отношении СССР.

С целью не допустить разрыва отношений между двумя странами в Москве было принято решение направить послом в Великобританию Л. Красина, пользовавшегося там авторитетом. Однако весной 1926 г. в советско-английских отношениях наступил новый острый политический кризис. Он был вызван активной поддержкой Советским Союзом общенациональной забастовки британских шахтеров, проходившей с мая по ноябрь 1926 г. Советские профсоюзы направили в пользу бастующих 1250 тыс. фунтов стерлингов, несмотря на официальный отказ руководства британской компартии (БКП) принять денежную помощь. Эта акция, а также призывы советской стороны к английским рабочим «крепить единство в борьбе с капиталом» были расценены британской стороной как грубое вмешательство в ее внутренние дела и вызвали протесты даже со стороны БКП. Ответом явилась резкая отповедь Сталина руководству БКП. VII Расширенный пленум Исполкома Коминтерна поставил перед БКП задачу развертывания кампании в пользу роспуска парламента, за свержение консервативного правительства Болдуина, за создание «подлинно рабочего правительства».

Все это объективно способствовало эскалации кампании против СССР. К обвинениям СССР в непризнании долгов, антибританским интригам в колониях и третьих странах добавилось обвинение в подрывной деятельности в самой Великобритании. В такой обстановке Болдуину и Чемберлену становилось все труднее сдерживать сторонников разрыва дипломатических отношений и закрытия советских учреждений в Великобритании.

В сентябре 1926 г. в Лондон прибыл тяжело больной Красин. Он прилагал все усилия для преодоления острого кризиса и нор-

мализации советско-английских отношений, пытаясь в очередной раз заинтересовать представителей британских финансово-промышленных кругов расширением торговли с СССР и размещением крупных заказов. Смерть Красина 24 ноября 1926 г. явилась тяжелым ударом для советской дипломатии. Равнозначной ему замены у НКВД не было. Советско-английские отношения продолжали ухудшаться. 23 февраля 1927 г. Великобритания специальной нотой предупредила СССР о том, что в случае продолжения антибританской пропаганды она пойдет на разрыв дипломатических и торговых отношений.

Очередные разоблачения политики СССР и Коминтерна в Китае, последовавшие в апреле 1927 г. вслед за налетом пекинской полиции на советское полпредство и захватом компрометирующих СССР материалов, подтолкнули английские власти к аналогичным действиям в отношении советских учреждений в Великобритании.

12 мая 1927 г. лондонская полиция совершила налет на торговое представительство СССР и советско-английское акционерное общество АРКОС, а 23 мая 1927 г. правительство консерваторов приняло решение о разрыве дипломатических отношений с СССР. Парламент ратифицировал это решение подавляющим большинством голосов.

Разрыв советско-английских отношений вызвал обострение общей международной ситуации, однако фатального влияния на ее относительно стабильное состояние не оказал, хотя сталинское руководство оценило ее как канун вооруженного нападения на СССР. Такая тревожная оценка отражала не реальное положение дела, а желание вождя создать в стране атмосферу «осажденной крепости». На самом деле военной угрозы для Советского Союза со стороны Великобритании не было. В большинстве европейских столиц британская акция не встретила активной поддержки и солидарных действий.

Пакт Бриана — Келлога. Положение Франции на международной арене после провала ее «рейнской авантюры» было крайне неблагоприятным. Она страдала от определенной дипломатической изоляции. Несмотря на внешнеполитическую активность Франции, относительно надежными союзниками для нее могли считаться только малые страны Восточной Европы. С великими державами было сложнее, особенно с Великобританией, которая больше склонялась к Германии. В Риме считали Париж главным соперником Италии на Балканах. С Германией Францию разделя-

ли непримиримые разногласия по вопросам ограничения немецких вооружений. Поэтому американское направление в такой ситуации казалось Франции наиболее перспективным. В день 10-й годовщины вступления США в Первую мировую войну, 6 апреля 1927 г., министр иностранных дел Франции А. Бриан в обращении к американскому народу предложил заключить двусторонний франко-американский «договор» о вечной дружбе, запрещающий обращение к войне как средству национальной политики. Между Францией и США не было разногласий, которые могли бы даже теоретически привести к войне. Расчет Бриана состоял не в приобретении гарантий ненападения со стороны Соединенных Штатов, а в получении политической поддержки от Вашингтона.

В Европе верили, что ни одна страна мира не посмеет начать большую войну, не заручившись, по крайней мере, нейтралитетом США. Значит, полагали в Париже, в случае намерения напасть на Францию Германии придется учитывать мнение Вашингтона.

28 декабря 1927 г. государственный секретарь США Ф. Келлог положительно ответил на призыв Бриана, но счел некоторые предложения чрезмерными. Президент США К. Кулидж и Ф. Келлог выдвинули свой план. Вместо договора «о вечной дружбе» американцы хотели заключить между США и Францией двустороннее арбитражное соглашение, которое и было подписано 6 февраля 1928 г. в день 150-летия франко-американского договора о союзе и дружбе 1778 г. В преамбулу документа были включены формулировки, содержащие осуждение войны как средства разрешения споров.

Идея отказа от войны встретила широкую поддержку в мире. В таких условиях 13 апреля 1928 г. администрация США выступила с планом подписания открытого многостороннего договора о неприменении силы в международных отношениях вообще. По содержанию он был довольно умеренным. В тексте присутствовало декларативное осуждение войны, но не оговаривались никакие репрессивные санкции против тех, кто может ее развязать. Проект договора и пояснительные записки к нему были направлены Великобритании, Италии, Германии, Японии, британским доминионам и европейским союзникам Франции. Последняя предложила включить в текст договора положения, подтверждающие существующую систему договоров и право на действия против государства, которое нарушило бы эту систему. В английской ноте предлагалось не включать в договор положения о праве на самозащиту из-за очевидности этого тезиса, а также положения об освобождении участников пакта от выполнения обязательств по от-

ношению к государству — нарушителю других договоров. Англия также сделала оговорку, что договор не должен распространяться на Британскую империю и на районы ее «особых интересов». Поскольку, по сути, предлагавшийся договор являлся декларацией о намерениях, он не вызвал возражений, и практически все приглашенные страны согласились к нему присоединиться.

Начавшиеся франко-американские переговоры, в которых затем приняли участие и другие страны, продолжались более года. В секретном письме Бриану посол Франции в Вашингтоне сообщал, что в госдепартаменте США «абсолютно не верят» в практическую возможность безусловного отказа от войны ни для США, ни для Франции. 27 августа 1928 г. в Париже состоялось подписание пакта, к которому первоначально присоединилось 15 стран. Официально этот документ назывался «Парижский договор об исключении войны в качестве орудия национальной политики». Участники пакта, которыми, в конце концов, стали почти все государства мира, осудили практику обращения к войне для урегулирования международных споров и высказались против ее использования в качестве средства национальной политики. Кроме того, они декларировали необходимость разрешения споров и конфликтов мирным путем. Пакт вступил в силу после ратификации его всеми подписавшими государствами в 1929 г.

Несмотря на ограниченный характер пакта Бриана — Келлога и ряд оговорок, сделанных при его подписании Великобританией, Германией и Японией, он создавал международно-правовые основания для ограничения использования в международных отношениях военно-силовых методов. Подобное обязательство принималось впервые в истории. Его значение было особенно велико в силу того, что к пакту присоединились США, до этого не принимавшие на себя никаких обязательств, не участвовавшие в Лиге Наций. До 1939 г. под текстом пакта поставили свои подписи 63 государства.

План Юнга. Наряду с позитивными процессами в развитии международных отношений в конце 20-х гг. начали, однако, намечаться и противоположные тенденции, грозившие разрушить хрупкий процесс разрядки и политической стабилизации. Эти тенденции особенно ярко проявились в связи с дальнейшим укреплением и расширением влияния радикального национализма, прежде всего в таких не удовлетворенных своим положением в Версальско-Вашингтонской системе государствах, как Германия и Япония. В Германии национал-социалистская партия Гитлера превратилась в од-

ну из ведущих политических сил и стала второй по числу депутатов партий в рейхстаге. Усиливалось влияние сторонников агрессивного внешнеполитического курса в японском правительстве. Укрепление и распространение массовой национал-фашистской идеологии явилось грозным предзнаменованием грядущего мирового катаклизма. К сожалению, опасность этого явления поначалу не была осознана ни на Западе, ни на Востоке.

Во второй половине 20-х гг. темпы возрождения экономического потенциала Германии ускорились: в 1927 г. ее промышленное производство достигло довоенного уровня, а экспорт превысил этот уровень в 1929 г. Тем не менее Берлин добивался пересмотра плана Дауэса, определившего размер ежегодных репарационных платежей. Германия настаивала на изменении как суммы, так и сроков платежей. Западные страны пошли навстречу этим пожеланиям. Решено было учредить комитет экспертов по репарационному вопросу, который возглавил американский финансист, президент компании «Дженерал электрик» О. Юнг. Работа комитета экспертов, начавшаяся в феврале 1929 г., проходила на фоне серьезных расхождений между представителями Германии, Великобритании, Франции, Бельгии и других стран. В июне 1929 г. комитет рекомендовал заменить план Дауэса новым планом Юнга, согласно которому ежегодные репарационные платежи сокращались на 20 % с тем, чтобы потом Германия платила суммы, равные долговым выплатам стран — получателей германских репараций Соединенным Штатам Америки. Репарации должны были выплачиваться только за счет железных дорог и государственного бюджета Германии.

План Юнга был утвержден на международных конференциях в Гааге в августе 1929 г. и в январе 1930 г. Кроме того, на конференции путем обмена нотами между Францией, Бельгией и Германией была оформлена договоренность о сроках и методах окончательной эвакуации союзных войск из Рейнской области к 30 июня 1930 г., т. е. на 5 лет раньше срока, установленного Версальским договором. Были упразднены все виды финансового и экономического контроля над Германией. Однако в дальнейшем реализация плана Юнга была остановлена. В условиях начавшегося в мире экономического кризиса президент США Г. Гувер летом 1931 г. заявил о введении моратория на выплату американских долгов по межсоюзным обязательствам военного времени с одновременной приостановкой всех других межгосударственных платежей, включая репарационные.

Тема 5

ПРОТИВОРЕЧИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР В 1924-1929 гг.

Установление дипломатических отношений между СССР и государствами Запада. Создание СССР определило новое качество его внешней политики. В июле 1923 г. Советское правительство оповестило другие государства относительно вступления в действие общесоюзных органов власти в СССР. Ведение внешней политики передавалось новой структуре — Народному комиссариату иностранных дел (НКВД) СССР. Таким образом, союзные республики — РСФСР, Украина, Беларусь и ЗФСР лишились самостоятельного курса. К моменту образования СССР в Москве находилось 10 иностранных дипломатических представительств различного уровня. Тенденция к нормализации отношений привела к расширению круга государств, признающих де-юре СССР.

Вслед за Германией 1 февраля 1924 г. дипломатические отношения с СССР установило пришедшее к власти 22 января 1924 г. правительство Великобритании, возглавляемое лейбористом Р. Макдональдом. Его представитель в Москве Р. Ходжсон 2 февраля 1924 г. вручил Г. Чичерину ноту, в которой говорилось, что Великобритания признает правительство Союза ССР «в качестве правительства де-юре на территориях бывшей Российской империи, которые признают его власть». Правда, отношения развивались сложно. Это было вызвано двумя причинами: во-первых, в советско-британских отношениях было много нерешенных вопросов (довоенные займы, имущество британских собственников и т. д.); во-вторых, британское правительство отрицательно относилось к коммунистической пропаганде. Между тем в сентябре 1924 г. в советско-британских отношениях разразился скандал в связи с так называемым «письмом Коминтерна» — документом, будто бы направленным в Великобританию за подписью Г. Зиновьева и перехваченным британскими спецслужбами. Письмо попало в прессу в разгар борьбы накануне выборов в парламент и имело большой резонанс. В нем содержались инструкции британским коммунистам относительно тактики подготовки к революционным выступлениям. Оригинал «письма Комин-

терна» так никогда и не был предъявлен, и достоверность его не была доказана. Но скандал вокруг него помог противникам лейбористов скомпрометировать правительство, и в ноябре 1924 г. к власти в Лондоне пришел консервативный кабинет С. Болдуина.

Накануне этого события, 8 августа 1924 г., прошла англо-советская конференция, завершившаяся подписанием важнейшего документа, — Общего договора между СССР и Великобританией. Выступая на пленуме Моссовета 20 августа, Чичерин отмечал: «...самый факт подписания английским правительством и Советским правительством этого договора уже является чрезвычайно крупным событием, я даже сказал бы — первым шагом на пути нового этапа наших отношений и, значит, первым шагом на пути новых мировых отношений».

Среди новых государств, признавших СССР, была также Италия. Еще в августе 1923 г. советские и итальянские представители вели переговоры об условиях торгово-экономических отношений. Они завершились подписанием 7 февраля 1924 г. договора о торговле и мореплавании, в котором содержалось признание Италией СССР де-юре и закреплялись нормы взаимоотношений между двумя государствами.

15 февраля о признании правительства СССР «единственной и суверенной властью Союза» заявила Норвегия. В 1924 г. признание СССР де-юре декларировали Австрия, Греция, Швеция, Дания, Саудовское королевство.

Наибольшее значение после признания со стороны Англии имело признание СССР Францией. Установление дипломатических отношений с СССР затянулось до конца 1924 г. Франция ставила нормализацию отношений в зависимость от согласия СССР признать долги царского и Временного правительств и выплатить компенсацию французским гражданам, имущество которых было национализировано. Видные политические деятели и деятели культуры, посещавшие страну, выступали за признание СССР. Однако правительство Р. Пуанкаре упорно продолжало настаивать на своих требованиях. В качестве повода для обострения отношений с СССР был использован вопрос о Бессарабии, которую Румыния оккупировала в 1918 г. Советское правительство пыталось добиться переговоров с Румынией, но французское вмешательство сорвало начавшиеся переговоры.

В мае 1924 г. на парламентских выборах во Франции победил только что созданный левый блок, в предвыборной платформе которого содержался призыв к признанию СССР. Сформированный

кабинет во главе с представителем радикал-социалистической партии Э. Эррио признал СССР лишь спустя 5 месяцев — 28 октября 1924 г. Как полагал заместитель Г. Чичерина М. Литвинов, нормализация отношений с Францией позволяла рассчитывать на изменение «общей политической линии» в отношении западных стран. В ноябре 1924 г. в Политбюро ЦК РКП(б) и коллегии НКВД обсуждался вопрос о возможности признания Советским Союзом условий Версальского договора в обмен на встречные уступки Франции в вопросах исправления границ СССР с Польшей и Румынией. Литвинов допускал, что французское правительство могло согласиться побудить Польшу к пересмотру Рижского договора 1921 г. и корректировке польско-советской границы строго по «линии Керзона», но эти расчеты не оправдались.

В итоге продолжительных переговоров относительно восстановления дипломатических и консульских отношений с Китайской республикой в конце мая 1924 г. было заключено соглашение об общих принципах взаимоотношений двух стран, намечены пути урегулирования вопросов о совместном использовании КВЖД.

Из стран американского континента первой признала СССР Мексика, соглашение с которой об установлении дипломатических отношений было подписано 4 августа 1924 г. В связи с этим событием Чичерин говорил позже: «Мексика дает нам... весьма удобную политическую базу в Америке для развития наших дальнейших связей». Уцепившись за формулировку «политическая база», США отказывались иметь дипломатические отношения с СССР, ссылаясь на необходимость прекращения революционной пропаганды в странах Западного полушария, на нерешенность вопроса о долгах, компенсации за собственность американских граждан.

Полоса дипломатического признания СССР завершилась нормализацией отношений с Японией.

Всего за 1924–1925 гг. Советский Союз установил дипломатические отношения с 13 государствами трех континентов. Общее число государств, признавших СССР и установивших с ним дипломатические отношения, достигло 22. Признание СССР было важно не только для него. В этом объективно были заинтересованы и другие страны. Поддержание мира и развитие торговли отвечало интересам всех. Признание СССР, говорил Чичерин, «нужно не только нам, оно нужно и нашему контрагенту, и напрасно теперь, например, в Англии... воображают, что они сделают нам какую-то честь, если признают нас де-юре. Ничего подоб-

ного! Это признание... одинаково нужно как нам, так и им... Потому что они знают, они чувствуют, что для самой Англии наш рынок необходим, наше сырье необходимо».

СССР по-своему реагировал на изменение ситуации. В Москве пришли к решению обезопасить себя от возможных конфликтов с ближайшими соседями. Малые и средние страны сами по себе не могли представлять для СССР серьезной военной опасности, однако, связанные через систему Лиги Наций с западными державами, они в случае даже малого конфликта с СССР могли спровоцировать формирование сильной антисоветской коалиции. 17 декабря 1925 г. был подписан новый советско-турецкий договор о нейтралитете и ненападении. Он развил положение прежнего договора от 16 марта 1921 г.

28 ноября 1926 г. договор о ненападении и нейтралитете подписали Литва и СССР. Для Литвы нормальные отношения с Союзом были средством укрепить свои позиции как в конфронтации с Польшей из-за Вильно, так и в скрытом противостоянии с Берлином, не смирившимся с присоединением к Литве в 1923 г. ранее принадлежавшего Германии и населенного немцами Мемеля (Клайпеды) с Мемельским краем. В 1931 г. договор был заменен новым, рассчитанным на 5 лет договором о дружбе. СССР признал право Литвы на Вильно, и в этом смысле договор имел антипольскую направленность.

В августе 1927 г. договор о разрешении пограничных споров был заключен между СССР и Эстонией.

1 октября 1927 г. был заключен новый советско-персидский договор о гарантии и нейтралитете, подтверждавший договор Советской России с Персией от 26 февраля 1921 г. (разрешающий при определенных обстоятельствах ввод советских войск в эту страну, но уточняющий его трактовку). Смысл всех этих договоров (за исключением советско-эстонского) в основном сводился к обязательствам не участвовать во враждебных друг другу коалициях.

Германия как главный партнер СССР в Европе. Курс на мирное сосуществование, провозглашенный Советским Союзом, не означал его готовности войти в Версальско-Вашингтонскую систему. Советское руководство по-прежнему рассматривало ее как империалистическую и враждебную СССР. Лига Наций характеризовалась Чичериным как «коалиция держав-победительниц, желающих навязать свою волю другим государствам». Ее деятельность активно критиковалась на страницах советской печати. СССР отказался сотрудничать с Лигой.

В оценках перспектив развития международных отношений у советских политиков преобладал узкоклассовый подход. Международные отношения рассматривались ими с точки зрения исторически предопределенного непримиримого столкновения двух миров — социализма и капитализма. Эта политико-идеологическая установка определяла и внешнеполитический курс СССР, который заключался в стремлении обезопасить Советский Союз от столкновения с капиталистическими державами до того, как разразится мировая пролетарская революция. В середине 20-х гг. еще более активизировалась деятельность Коминтерна по подготовке мировой революции, что чрезвычайно осложняло отношения СССР с западными державами, наносило ущерб официально декларируемой Советским Союзом политике мирного сосуществования, подрывало взаимное доверие сторон.

Политический курс западных держав, направленный на консолидацию Европы при фактической изоляции СССР, вполне соответствовал идеологическим представлениям советских политиков. Перспектива объединения западного мира рассматривалась в Москве как прямая угроза безопасности страны, как попытка создать единый фронт против СССР и подготовка к новой интервенции.

XIV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1925 г., в своих резолюциях однозначно определил Локарнские гарантийные договоры как враждебные, направленные своим острием против СССР и представляющие собой не что иное, как «расстановку сил для новой войны». В этой связи ставилась задача при неизменном курсе на развитие и победу мировой пролетарской революции «вести политику мира», которая должна определить все основные шаги ССР на международной арене. На практике это означало противодействие Локарнскому процессу с целью нейтрализации его антисоветских тенденций.

Важнейшей задачей советской дипломатии перед лицом Локарнского процесса было не допустить полной переориентации политики Германии на Запад и получить от нее дополнительные гарантии того, что рапалльская линия советско-германских отношений будет продолжена. В июне 1925 г. Г. Чичерин посетил Берлин, где провел переговоры по всему комплексу двусторонних отношений. Его партнер по переговорам Г. Штреземан был сторонником проведения сбалансированной политики Германии в отношении Запада и Востока как наиболее отвечающей политическим и экономическим интересам страны. Тяжелое экономическое положение Германии делало ее чрезвычайно заинтересо-

ванной не только в займах западных держав, но и в советских рынках. Наряду с этим особые отношения с Советским Союзом использовались Германией как средство в политической борьбе с западными державами за восстановление утраченных политических позиций. Таким образом, взаимная заинтересованность сторон друг в друге была достаточно прочной основой для продолжения рапалльской линии в их отношениях.

Но Рапалльский договор содержал и секретные протоколы, имевшие позже отрицательные последствия для СССР. Российский исследователь С. Горлов отмечает, что рапалльская политика по существу «являлась негласным военно-политическим союзом. Питали его идеи реванша, с одной стороны, и идеи мировой революции — с другой. Однако ни та, ни другая сторона так и не решились до конца формализовать свои почти союзнические отношения, поскольку прекрасно понимали как силу, так и слабость своего альянса. И Москва, и Берлин цинично рассматривали подобные взаимоотношения как средство достижения собственных целей и отлично представляли себе побудительные мотивы другой стороны».

Тайные статьи договора дали право рейхсверу создавать на советской территории военные объекты, обучать личный состав родов войск, которые Германии запретил Версаль. Через обучение в военных школах СССР прошли многие военнослужащие рейхсвера. Среди них — В. Модель, Х. Гудериан, В. Браухич, В. Кейтель, Э. Манштейн и другие, позднее образовавшие кадровый костяк военной политики фашистской Германии. В целях изучения организации отдельных родов войск, постановки учебной работы, методики обучения и подготовки, а также учебы на академических курсах в Германию выезжали советские военачальники (М. Тухачевский, И. Якир, А. Егоров, М. Свечников и др.). В СССР работало 20 тыс. немецких инструкторов среди различных родов войск. В ноябре 1922 г. в Москве был подписан концессионный договор с фирмой «Юнкере» о производстве военных самолетов и моторов сроком на 30 лет. Фирме в аренду передавался Русско-Балтийский завод в Филях под Москвой. Производственная программа устанавливалась в размере 300 самолетов и 450 моторов в год.

Наряду с созданием концессий и смешанных советско-германских предприятий на территории СССР находились замаскированные под них военно-промышленные производства, где выполнялись немецкие военные заказы. Производством отравляющих

веществ занимался химзавод «Берсоль» в г. Троцке под Самарой, боеприпасов для артиллерии — заводы в Туле, Ухте, Казани (с помощью фирмы «Крупп»), танки и танковые моторы — в Харькове и Свердловске и др. Стрелковым оружием занималась фирма «Карл Вольтер», «Сименс» и др.

Однако сотрудничество с названными компаниями проходило не без трудностей. Быстрое сооружение заводов по производству самолетов и отравляющих веществ, к чему стремилась Москва, означало существенное укрепление Красной Армии. Химическое оружие — после газовых атак на Ипре во время Первой мировой войны — казалось тогда, в годы хронического дефицита средств, панацеей, чудо-оружием. Обе фирмы справились с задачей, запустив столь необходимые большевистскому правительству заводы: «Юнкере» — к концу 1924 г., «Штольценберг» — к сентябрю 1925 г. Это было главным для Москвы. Подходящий персонал и все необходимые документы имелись.

Но уже в конце 1924 — начале 1925 г. в политике СССР наметилась тенденция ужесточения подхода к иностранным инвестициям. В условиях отхода от нэпа и укрепления линии на окончательную ликвидацию частной собственности начались гонения на иностранных партнеров. Это происходило как путем искусственного создания различного рода сложностей, включая открытые провокации ОГПУ, судебные преследования иностранных специалистов, так и путем организации забастовок советского персонала с требованиями к руководству концессий о резком двух-, трехкратном и более повышении зарплаты.

В итоге договоры, заключавшиеся на 20–30-летний срок, расторгались, ввезенное концессионерами оборудование «выкупалось» по бросовым ценам советской стороной. Малые и средние фирмы, связавшие свой бизнес с СССР, терпели огромные убытки, многие разорились. Примерно с 1925 г. сотрудничество с Германией перешло в военно-политическую плоскость. С августа 1925 г., когда группа немецких офицеров впервые побывала на маневрах Красной Армии, начались регулярные учения с целью обмена опытом. Дважды на маневрах немецких войск присутствовал М. Тухачевский.

Но революционные события в Германии осенью 1923 г. наложили негативный отпечаток на советско-германское сотрудничество. Попытка большевиков в октябре 1923 г. повторить революцию в Германии и направление туда «советников» — Г. Пятакова, И. Уншлихта, К. Радека, М. Тухачевского и других — за-

кончились провалом. Кроме того, Германия вновь стала активно включаться в мировую политику, и видимость особо тесных отношений с Москвой нужна была Берлину главным образом для выхода из политической изоляции. Военное же сотрудничество использовалось германской дипломатией во главе с Г. Штреземаном в качестве козыря во внешнеполитической игре с Западом.

Вместе с тем в Берлине пытались использовать решения Локарнской конференции в качестве средства давления на СССР с целью добиться от него существенных уступок, особенно в области торгово-экономических отношений. Переговоры о торговом соглашении затягивались ввиду серьезных разногласий по вопросу о советской монополии внешней торговли, отмены или, по крайней мере, смягчения которой добивалась германская сторона. Однако к осени 1925 г. немецкий нажим ослаб. В преддверии Локарнской конференции Г. Штреземан взял курс на подписание торгово-экономического соглашения с СССР, рассматривая его как важный политический фактор, укреплявший позиции Германии на переговорах с западными державами.

30 сентября 1925 г. Г. Чичерин вновь прибыл в Берлин, где провел переговоры на самом высоком политическом уровне. Здесь он получил от германской стороны твердые заверения в беспочвенности подозрений относительно переориентации Германии с Востока на Запад. Немцы выразили готовность в короткие сроки подписать торговое соглашение. На предостережение Чичерина о том, что Великобритания пытается втянуть Германию в орбиту своей политики, Штреземан ответил, что его страна «не хочет и не будет континентальной шпагой Англии, направленной против России». По вопросу о вступлении Германии в Лигу Наций, который особенно волновал советскую сторону, опасавшуюся вовлечения Германии в коллективные антисоветские санкции, немецкая сторона заявила, что ни при каких обстоятельствах Германия не вступит в Лигу Наций безоговорочно и непременно обусловит свое вступление неучастием в коллективных санкциях по статье 16 Устава. В завершение переговоров Штреземан выразил готовность заключить новое политическое соглашение с СССР, включающее положение о взаимном нейтралитете. Результаты советско-германских переговоров в октябре 1925 г. свидетельствовали о намерении обоих государств продолжать рапалльскую линию в их отношениях.

12 октября 1925 г. в Москве был наконец подписан советско-германский торговый договор. Его положения охватывали

различные стороны двусторонних взаимоотношений и подтверждали принцип наибольшего благоприятствования. Что же касается военно-промышленного сотрудничества, то оно находилось в критической фазе. Учитывая это, а главное, политическое значение военного сотрудничества, Москва в марте 1926 г. направила в Берлин для переговоров с высшим политическим и военным руководством Германии военную делегацию во главе с заместителем Председателя РВС СССР И. Уншлихтом. Советская сторона предложила развернутую программу наращивания двустороннего военного сотрудничества, которая была обсуждена с руководством рейхсвера. На переговорах с канцлером Германии Х. Лютером 30 марта 1926 г. И. Уншлихт еще раз изложил эту программу, предприняв попытку добиться ее одобрения. Но Берлин на это не пошел, поскольку начался процесс переориентации внешней политики Германии с Востока на Запад, решался вопрос о приеме страны в Лигу Наций. Пришлось ограничиться только политическими связями.

Переговоры по вопросу заключения политического соглашения о нейтралитете между СССР и Германией, как и настаивала советская сторона, были завершены весной 1926 г. 24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор о ненападении и нейтралитете. Он содержал четыре статьи. Статья 1 предусматривала продолжение дружеских контактов для согласования политических и экономических вопросов. Согласно статье 2, стороны обязывались соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них, «несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав». В соответствии со статьей 3 стороны обязывались не примыкать к коалициям третьих держав, образованным с целью подвергнуть одну из договаривающихся сторон экономическому или финансовому бойкоту. Срок действия договора, согласно статье 4, составлял пять лет. К договору прилагались ноты. Германия обязывалась противодействовать антисоветским устремлениям в Лиге Наций.

Заключение Берлинского договора явилось продолжением рапалльской линии в советско-германских отношениях, но уже в новых условиях наметившегося компромисса Германии с западными державами-победительницами. Это обстоятельство в известной мере смягчало, но не устраняло его антиверсальскую направленность. Советская сторона рассматривала Берлинский договор как крупную победу, «притупившую», по выражению Чичерина, «ан-

тисоветское острие» локарнских соглашений и облегчившую подписание подобных договоров с другими европейскими государствами. Г. Киссинджер в своей работе «Дипломатия» отмечал: «На деле это означало, что эти две страны в отношениях друг с другом выводили себя из системы коллективной безопасности. А Германия уже исключила себя из системы санкций против кого бы то ни было». Берлин и Москва были едины в своем враждебном отношении к Польше, и германский канцлер К. Вирт так заявлял своему послу в Москве У. Брокдорф-Ранцау: «Одно скажу вам откровенно: Польша должна быть ликвидирована... Я не заключаю никаких договоров, которые могли бы усилить Польшу».

Военное сотрудничество СССР и Германии пока держалось в тайне. Тучи стали сгущаться в конце 1926 г., когда фирма «Юнкере», оказавшись в критическом финансовом положении в СССР, представила в рейхстаг меморандум. Этот материал попал в прессу и вызвал негативную реакцию в Германии. Депутат от СДПГ Ф. Шайдеман в рейхстаге говорил: «Мы желаем хороших отношений с Россией, но они должны быть честными и чистыми. Это нечестные и нечистые отношения, когда Россия проповедует мировую революцию и вооружает рейхсвер, когда одновременно обмениваются братскими поцелуями и с коммунистами, и с офицерами рейхсвера. Кто это делает, подозрителен тем, что он из двоих обманывает, как минимум, одного. Мы хотим быть друзьями Москвы, но мы не хотим быть ее шутами».

В условиях нагнетания Англией напряженности в отношениях с СССР советская сторона опасалась, что Германия пойдет на свертывание военного сотрудничества. Поэтому она старалась добиться того, чтобы правительство Германии сделало официальное заявление о продолжении сотрудничества на легальной основе. Ей это удалось.

Отношения СССР с другими странами. Большое значение для развития позитивных тенденций Локарнского процесса могло бы сыграть укрепление советско-французских отношений. С точки зрения геополитических интересов континентальная Франция гораздо меньше, чем Великобритания, была заинтересована в политической изоляции СССР. Ее интересам отвечала бы нормализация отношений Советского Союза с восточноевропейскими государствами — союзниками Франции — и подключение СССР к системе европейской безопасности с востока.

По приглашению французских властей Г. Чичерин дважды посетил Париж, где 26 ноября, а затем 11 и 17 декабря 1925 г.

проходили советско-французские переговоры. В целом они носили ознакомительный характер и имели целью прояснить позиции обеих стран в свете новой политической ситуации в Европе.

Пытаясь развеять опасения Москвы относительно антисоветской направленности Локарнских соглашений и заверив, что Франция не примет участия во враждебных СССР акциях, А. Бриан предложил Советскому Союзу самому вступить в Лигу Наций. Однако Г. Чичерин отклонил это предложение, отстаивая советский план заключения двусторонних договоров. А. Бриан, в свою очередь, дал понять, что он не в восторге от Локарнских соглашений и, в принципе, поддержал план нормализации отношений СССР с восточноевропейскими государствами, и особенно с Польшей, предложив свое влияние на Румынию и помощь в установлении дипломатических отношений СССР с Чехословакией и Югославией. Что касается дальнейшего развития и улучшения советско-французских отношений, было решено в середине января 1927 г. приступить к переговорам по конкретным экономическим и политическим проблемам в отношениях двух стран, из которых оставалась нерешенной проблема российских долгов Франции.

Однако поворота в советско-французских отношениях не произошло. СССР не был готов вписаться в Версальскую систему, предпочтя продолжить прежнюю антиверсальскую, рапалльскую, линию. Советско-германский договор от 24 апреля 1926 г. вряд ли мог оказать позитивное влияние на развитие процесса советско-французского политического сближения. Со своей стороны, Франция также не была готова к широкому политическому компромиссу с СССР. Начавшиеся в конце февраля 1926 г. советско-французские переговоры по урегулированию проблемы долгов проходили с большим трудом. Позиции сторон сближались очень медленно, а многие принципиальные вопросы, в частности, важнейший для СССР вопрос о французских кредитах, решены не были. В июле 1926 г. по предложению французской стороны переговоры были прерваны и возобновились только весной 1927 г. К этому времени во Франции произошла смена кабинета. Новое правительство «национального единения» правой ориентации вновь возглавил Р. Пуанкаре, известный своей жесткой позицией в отношении СССР. Он выразил недовольство ходом переговоров о долгах, потребовав от французской делегации более твердой и бескомпромиссной позиции, особенно по вопросам кредитов, национализированной собственности и военных долгов России.

1927 год был отмечен серьезным охлаждением советско-французских отношений, что было связано не только с жестким курсом Пуанкаре, 'заблокировавшим' подготовленное соглашение о долгах, но и с обострением общей политической ситуации в связи с усилением противостояния в международных отношениях по линии Восток — Запад.

Создавшуюся ситуацию И. Сталин однозначно расценил как непосредственную опасность войны. Однако существовала ли такая угроза в действительности? Эта проблема достаточно спорная. Великобритания пыталась подтолкнуть и другие страны к разрыву в отношениях с СССР. Беседы Г. Чичерина в Париже и Берлине ясно свидетельствовали о нежелании Франции и тем более Германии последовать примеру Великобритании. А. Бриан решительно заявил, что Франция «ничем не связана и имеет свою собственную русскую политику». Г. Штресеман, со своей стороны, в очередной раз заверил Г. Чичерина, что отношения Германии и СССР останутся неизменными, и его страна ни при каких условиях не присоединится к антисоветским акциям и не допустит свободного прохода иностранных войск через свою территорию.

Вместе с тем и в Париже, и в Берлине Г. Чичерину заявили, что деятельность Коминтерна, которая не отделялась здесь от политики советского руководства, оказывает самое негативное влияние на развитие отношений СССР с западными государствами. На основании своих бесед с европейскими политиками Г. Чичерин пришел к вполне определенному выводу о том, что в настоящее время серьезной военной угрозы Советскому Союзу со стороны Запада не существует.

В целом же развитие стабилизационных процессов в международных отношениях во второй половине 20-х гг. проходило неоднозначно и не всегда сопровождалось политической разрядкой по линии отношений Восток — Запад, поскольку сама идея консолидации Запада на основе широких компромиссов замышлялась как важное средство сдерживания коммунистической экспансии. Вместе с тем наметившиеся в постлокарнский период тенденции развития Версальско-Вашингтонской системы в сторону большей устойчивости оказывали определенное позитивное влияние на отношения западных государств с Советским Союзом, который, в свою очередь, вынужден был считаться с новыми политическими реальностями и приспосабливаться к ним.

Не отказываясь от тезиса о неизбежности столкновения СССР с капиталистическим миром, советское руководство признавало

возможность определенного периода мирного сосуществования с ним. Так, в докладе И. Сталина XV съезду ВКП(б) в декабре 1927 г. борьба за мир провозглашалась важнейшей задачей советской внешней политики. Однако «мир» понимался здесь лишь как необходимая передышка перед решающей схваткой с капитализмом, «которая неизбежна, но которую можно оттянуть либо до того момента, пока не вызреет пролетарская революция в Европе, либо до того момента, пока не созреют вполне колониальные революции, либо, наконец, до того момента, пока капиталисты не переделаются между собой из-за дележа колоний».

Подобный анализ перспектив развития международных отношений оставлял не очень большие резервы для активного включения СССР в общий процесс политической стабилизации. Вместе с тем разрядка международной напряженности объективно отвечала насущным государственным интересам Советского Союза, вступившего в полосу глубоких социально-экономических преобразований и заинтересованного в упрочении своих международных позиций, ослаблении противостояния с Западом и экономическом сотрудничестве с ним.

Тем не менее Чичерин расценил ситуацию как попытку создать единый моральный фронт, а не военный. В отчете НКВД за 1926–1927 гг. отмечалась «картина известной пестроты», «противоречивости» в мировых делах. В то же время указывалось, что «основной фон» развития «совершенно определенно указывает на возросший удельный вес нашего Союза».

Берлинский договор 1926 г. был важным звеном в политическом курсе СССР, направленном на размытие создавшейся западными державами системы европейской безопасности в рамках Версальской системы. В противовес ей советская сторона выдвигала схему ликвидации всех политических союзов и заключения двусторонних договоров о ненападении и нейтралитете. Эти договоры должны были содержать в себе, кроме обязательства сторон не нападать друг на друга и сохранять нейтралитет в случае конфликта с третьей державой, обязательство неучастия во враждебных коалициях. Тем самым они не только дали возможность укрепить безопасность Советского Союза по всему периметру его границ, но и существенно подорвали бы принципы коллективных действий на основе решений Лиги Наций.

Этот курс СССР обозначился еще до заключения Локарнских соглашений. Борьба, развернувшаяся в партийном руководстве после смерти Ленина, окончилась победой Сталина и его сторонников.

Они выступали с позиций осуждения революционного максимализма Троцкого, отрицавшего саму возможность построения социализма в СССР без победы мировой революции. Сталин же, провозглашая СССР «рычагом» и «базой» развития мирового революционного процесса, отстаивал самостоятельное значение социалистических преобразований в стране. Исходя из этих оценок и установок переноса центра тяжести на внутренние преобразования, корректировался и внешнеполитический курс СССР. Он направлялся на укрепление международных позиций Советского Союза в рамках сложившегося статус-кво на основе декларируемых принципов мирного сосуществования с капиталистическими странами.

В сентябре 1924 г. советская сторона предложила Турции в развитие договора 1921 г. заключить договор о нейтралитете и ненападении. Он был подписан 17 декабря 1925 г. и содержал обязательство сторон о неучастии во враждебных коалициях.

В декабре 1924 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждало вопрос о заключении политического договора о ненападении с Италией, который также предполагалось дополнить положением о неучастии в коллективных действиях друг против друга. 3 января 1925 г. СССР предложил Польше начать переговоры о заключении договора о нейтралитете и ненападении. Хотя Локарнские соглашения непосредственно затрагивали ее жизненные интересы, Варшава не спешила принимать советские предложения. Вначале она отвергла саму идею двустороннего советско-польского гарантийного договора, предлагая взамен подписать многостороннее соглашение между СССР, Польшей и государствами Балтии. Советский Союз, со своей стороны, возражал против подобного соглашения, усматривая в нем попытку «сколотить очередной блок» на советских границах. В ходе переговоров 1925–1926 гг. Польша постепенно смягчила свою позицию, однако события мая 1926 г. — государственный переворот и возвращение к власти Ю. Пилсудского — не способствовали прогрессу на переговорах. Пилсудский был сторонником создания союза Польши с государствами Балтии и не испытывал доверия к СССР. И хотя переговоры по вопросу о заключении гарантийного договора были предложены, он не склонен был идти на компромиссы с советской стороной. Разрыв советско-английских отношений в мае 1927 г., убийство в Варшаве 7 июня 1927 г. российским эмигрантом советского посла П. Войкова, крайнее обострение во второй половине 1927 г. польско-литовских отношений еще больше усложнили и без того нелегкие переговоры.

Самую жесткую и непримиримую позицию в отношении советских предложений занимала Финляндия. Она не только отказалась от подписания советско-финского договора о ненападении и нейтралитете, но и направила в Лигу Наций предложение о признании «жертвой агрессии» государство — члена Лиги в случае его военного столкновения с государством, не входящим в эту организацию. СССР расценил это предложение как антисоветское, ведущее к превращению Лиги Наций «из оборонительного в наступательный союз».

Присоединение СССР к пакту Бриана — Келлога. Советская дипломатия и Коминтерн, в особенности последний, недооценили значение попыток Европы в конце 20-х гг. создать политические механизмы мирного решения споров и урегулирования конфликтов, ограничить на отдельных, наиболее дорогостоящих и разорительных для народов направлениях соперничество в вооружениях. Подготовку пакта в Москве восприняли негативно во многом оттого, что СССР и на этот раз не пригласили к переговорному процессу. В положениях пакта усматривалась «очередная попытка буржуазного мира скрыть свои планы подготовки к войне с СССР». Столь серьезное заключение обосновывалось тем, что проект допускал сохранение всех существовавших на момент его подписания союзов и блоков, которые Москва считала антисоветскими. Советский Союз раздражало то, что одним из инициаторов пакта выступали США, которые по-прежнему отказывались от установления дипломатических отношений с СССР.

По вопросу о пакте в советском руководстве имелись разногласия. Среди высших партийных лидеров за присоединение к пакту выступал Н. Бухарин. Из руководителей НКВД идею поддержал М. Литвинов, а возражал Г. Чичерин. Он заявил, что отношение советской стороны к пакту будет определяться желанием или нежеланием стран — инициаторов пакта привлечь к нему СССР. Получив через французского посла в Москве официальное приглашение присоединиться к пакту в день его подписания, СССР это предложение принял. По его настоянию условия пакта в отношении с соседними странами были признаны действующими в кратчайшие сроки. СССР первым ратифицировал пакт, а 9 февраля 1929 г., еще до официального вступления его в силу, в Москве был подписан так называемый «протокол Литвинова» — Московский протокол о введении обязательств пакта между СССР, Польшей, Румынией, Эстонией и Латвией. В том же году к протоколу примкнули Турция, Иран и Литва.

Значение этого шага, который мог стать началом нового диалога Советского государства со странами Запада по укреплению политических механизмов предотвращения войны, было перечеркнуто декларациями Коминтерна и заявлениями Сталина. VI конгресс Коминтерна в июле 1928 г. по поводу пакта Бриана — Келлога принял резолюцию, в которой говорилось: «...Пролетариат Советского Союза не предастся иллюзиям о возможности прочного мира с империалистами. Он знает, что нападение империализма на Советскую власть неизбежно, что в процессе мировой пролетарской революции неизбежны и необходимы войны пролетарских государств с буржуазными, войны за освобождение мира от капитализма». На XVI съезде ВКП(б) Сталин заявил, что «война нужна империалистам» как «единственное средство» передела мира. Относительно мирных проектов было заявлено, что «они доживают последние дни», а Лига Наций провозглашалась «гниющей заживо».

Подобные оценки создавали впечатление, что для руководства СССР приоритетными являются связи по линии Коминтерна, а диалог с государствами Запада расценивается как вынужденный обстоятельством, не обязывающий к строгому соблюдению принятых международных норм.

Участие СССР в решении проблем всеобщего и полного разоружения. Разоружение было самой популярной идеей второй половины 20-х гг. Логика ограничения возможности государств развязать войну через разоружение нашла отражение в уставных положениях Лиги Наций о сокращении национальных вооружений и контроле над военной промышленностью, в решениях международных конференций, созывавшихся под ее эгидой. Будучи крупномасштабной целью, разоружение стало предметом длительных межгосударственных переговоров и определило задачи миротворчества.

В политической практике 20-х гг. существовало несколько основных подходов к разоружению. Первый состоял в разоружении как таковом и предусматривал сокращение имеющихся arsenалов. Второй предполагал введение согласованного контроля над наращиванием вооружений и военным производством. Третий акцентировал взаимосвязь разоружения и обеспечения политических гарантий национальной безопасности государств. Четвертый подход был комплексным и состоял в требовании жесткой триединой взаимосвязи «всеобщий мир — безопасность — разоружение». Все усилия в этом направлении не дали результатов, хотя их нельзя недооценивать. Благодаря этим попыткам задачи разо-

ружения были введены в круг практических задач политиков и дипломатов, которые стали накапливать опыт в этом деле.

В 1923—1924 гг. по инициативе Лиги Наций была образована международная Комиссия по изучению военно-технических аспектов разоружения. В ее рамках возникла идея созыва международной конференции, которая разработала бы всеобъемлющую программу мер для предупреждения военно-технической гонки и силового соперничества как между великими державами, так и между остальными.

В декабре 1925 г. в Женеве Совет Лиги Наций образовал подготовительную комиссию по созыву всеобщей конференции, в которую вошли представители 21 страны. Были приглашены страны, не являющиеся членами этой организации — США, Германия, Турция и СССР. Правда в работе первых трех секций комитета советский представитель не участвовал из-за разрыва дипломатических отношений со Швейцарией, когда в мае 1923 г. в Лозанне был убит полпред СССР В. Боровский. СССР принял участие в работе комитета только в ноябре 1927 г., после того как были восстановлены отношения со Швейцарией. В комитет были внесены различные предложения. Например, Великобритания предлагала участникам будущей конвенции упразднение воинской повинности и установление добровольной службы в армии, а также сокращение сухопутных войск, ВВС и подводного флота.

В отличие от британского подхода, Франция связывала решение этой проблемы со степенью безопасности каждого государства. Понимая невозможность увеличить военные расходы, французское правительство проявило упорство в недопущении возвращения военной мощи Германии. Оно высказалось за ограничение сухопутных и военно-воздушных сил, за доведение их до уровней, необходимых только для обеспечения безопасности каждого государства. Франция настаивала также и на сокращении военно-морских сил. Кроме этого, она предложила создать международные силы, которые использовались бы в отношении государств, нарушающих международные договоры, и образовать постоянную комиссию по наблюдению за разоружением.

Германия напоминала Великобритании и Франции об их «исторической обязанности» сократить свои вооруженные силы и снизить уровень их вооружений до уровня, допущенного для Германии. В противном случае в интересах своей и европейской безопасности она должна дооружиться до соответствующего этому потенциалу уровня. США предлагали сократить сухопутные войска

европейских государств, а также ограничить численность военных кораблей тех типов, которые остались неохваченными договором пяти держав, подписанным в Вашингтоне в феврале 1922 г.

Глава советской делегации М. Литвинов на сессии в марте 1928 г. представил проект полного и немедленного разоружения. Предлагалось в течение одного года осуществить пятидесятипроцентное сокращение вооруженных сил всех государств, с тем, чтобы в последующие три года была осуществлена демобилизация армий, отменены законы о воинских повинностях, уничтожены имеющиеся вооружения и военные материалы. Кроме этого, предлагалось упразднить военные министерства, генеральные штабы, военные учебные заведения, запретить пропаганду войны.

Этот проект был воспринят остальными как заведомо нереальный. Страны Лиги Наций отказались его обсуждать. Глава английской делегации объявил советский проект конвенции «коммунистической пропагандой». В таких условиях Советский Союз предложил смягченный вариант конвенции. Предлагался принцип: чем больше вооруженных сил и вооружений, тем больше сокращение. Так, государства, имевшие армию численностью свыше 200 тыс. человек, должны были сократить их наполовину, от 200 до 40 тыс. — на одну треть, остальные государства, имевшие вооруженные силы меньше 40 тыс., — на одну четверть. Обсуждение советского варианта концепции проходило в апреле — мае 1929 г., и он был отклонен.

На втором этапе подготовительной комиссии, проходившей в ноябре — декабре 1930 г., был принят французский вариант конвенции. В нем содержалось 60 статей и 49 оговорок. В части I проекта договора, касавшейся личного состава вооруженных сил, предлагалось ограничить военные контингенты государств и установить предельные сроки военной службы. В частях II и III говорилось о сокращении ассигнований на военные цели. Часть IV устанавливала порядок обмена информацией между участниками договора. Часть V предлагала закрепить в договоре принцип неприменения средств химической и бактериологической войны. Часть VI проекта содержала положения о постоянной комиссии по разоружению и ее функциях.

Германия и СССР голосовали против проекта. Последний аргументировал свой отказ тем, что в проект не были включены советские предложения. Кроме того, СССР и Германия голосовали против проекта, поскольку в нем содержалась оговорка о том, что

все договоры, действующие на момент принятия конвенции, будут сохранять свою силу и в дальнейшем.

Китай как главный партнер СССР в Азии. После Вашингтонской конференции из совокупности факторов, определявших устойчивость новой системы международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), на первый план выдвинулся фактор внутреннего развития Китая. Это объяснялось связанными с ним угрозами для международной стабильности, вытекавшими как из прогрессирующего распада Китая, так и неуклонного усиления политико-идеологического давления на Китай со стороны СССР.

Восстановление единства Китая грозило вылиться в революционные формы, поскольку шла речь о его переходе от одного типа государственности к другому. В связи с этим угроза для Вашингтонской системы таилась в том, что единственная сила, способная объединить Китай — партия Гоминьдан, — связала свою судьбу с СССР — государством, стоявшим вне этой системы. Правительства Москвы и Кантона не признавали принятых в Вашингтоне решений и противопоставляли себя «международному империализму».

Великие державы пугала угроза коммунизма в Китае. По инерции они продолжали поддерживать его центральную власть, однако после серии переворотов в Пекине в 1922—1925 гг. ее влияние стало ничтожным. Центр и север страны находились в руках милитаристов — военных губернаторов провинций, трое из которых — правитель Маньчжурии Чжан Цзолин, генерал У. Пэйфу, контролировавший долину реки Янцзы, и генерал Фэн Юйсян, господствовавший на северо-западе, — вели непрерывные войны за контроль над правительством в Пекине. Анархия становилась невыносимой. В этих условиях, как показала международная конференция 1925—1926 гг. по восстановлению китайской таможенной автономии, закончившаяся провалом, «договор девяти держав» просто не мог работать — в Китае некому было возвращать изъятия из его суверенитета, закрепленные за державами.

Толчком к объединительной национальной революции послужили шанхайские события в мае 1925 г., когда английская полиция международного квартала открыла огонь по студенческой демонстрации. По всему Китаю прокатилась волна возмущения против Англии. В Шанхае, Гонконге и других городах начались забастовки, сопровождавшиеся массовыми волнениями.

Воспользовавшись небывалым подъемом национальных чувств, Гоминьдан сформировал в июле 1925 г. Национальное правительство, которое объявило себя единственным законным правительством всего Китая. Его главой стал один из ближайших сподвижников Сунь Ятсена, скончавшегося в марте 1925 г., лидер левого крыла ГМД Ван Цзинвэй.

Осенью 1925 г. завершилось формирование Народно-революционной армии (НРА) — «партийной армии» Гоминьдана. Она приступила к расширению зоны контроля кантонских властей. В июле 1926 г. НРА начала Северный поход — боевые действия против милитаристов во главе с Чжан Цзолином, который к тому времени подчинил себе пекинское правительство. Армии Гоминьдана под командованием Чан Кайши отбросили противника за реку Янцзы и захватили город Ухань, куда была перенесена столица гоминьдановского Китая. Милитаристы терпели одно поражение за другим.

Подходы великих держав к китайской революции различались: Япония и Англия предпочитали поддерживать милитаристов Чжан Цзолина и У. Пэйфу в своих традиционных сферах влияния, а Соединенные Штаты склонялись к налаживанию контактов с Гоминьданом. Однако все они были встревожены доминированием левых националистов и коммунистов, их союзом с Москвой.

Советский Союз вел в Китае большую игру. Рассматривая китайскую революцию как важнейшую составную часть мировой революции, в Москве считали неизбежным ее перерастание на определенном этапе в социалистическую с реальной перспективой советизации Китая. В 1925—1926 гг. СССР активно снабжал Гоминьдан оружием (оно доставлялось морем до Кантона), будучи при этом единственным источником зарубежной военной помощи. Советские военные советники руководили планированием операций НРА — к примеру, под руководством В. Блюхера был составлен план Северного похода. Кроме того, значительная советская военная помощь оказывалась северному милитаристу генералу Фэн Юйсяну, который заключил союз с Гоминьданом против Чжан Цзолина. В мае 1926 г. Фэн Юйсян нанес визит в Москву, где был принят советским руководством — Г. Чичериным, Г. Зиновьевым, К. Ворошиловым и Л. Троцким. Пообещав воевать на стороне Гоминьдана и «вышвырнуть японцев из Маньчжурии», Фэн Юйсян стал опорой СССР на севере Китая. К его штабу также была прикомандирована группа советников во главе с В. Примаковым и В. Путной.

Вместе с тем Советский Союз продолжал поддерживать по государственной линии дипломатические отношения с пекинским правительством, поскольку они обеспечивали сохранение его позиций в Маньчжурии и на КВЖД.

Главным проводником советской политики в китайской революции был не НКИД, а Коминтерн, который разрабатывал тактику революции, осуществлявшуюся через аппарат советников при ГМД, и непосредственно руководил своей секцией — Коммунистической партией Китая.

Важность китайского вопроса для судеб мировой революции привела к тому, что в 1925—1927 гг. он стал одной из ключевых проблем внутрипартийной борьбы в ВКП(б) между группировками И. Сталина и «объединенной оппозицией» Л. Троцкого и Г. Зиновьева. Председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев уже в мае 1926 г. призвал Коммунистическую партию Китая порвать с Гоминьданом и возглавить революцию. И. Сталин и его сторонники заявляли, что момент «перерастания» революции в социалистическую фазу еще не наступил. Тем не менее после того как Г. Зиновьев в октябре 1926 г. был смещен с поста руководителя Коминтерна по обвинению в «левом уклоне», в том числе в китайском вопросе, и вместе с Л. Троцким выведен из Политбюро ЦК ВКП(б), VII Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала в ноябре 1926 г. фактически согласился с точкой зрения разгромленной оппозиции. Его резолюция о положении в Китае подчеркивала, что «гегемоном революции... все более становится пролетариат», который должен возглавить единый фронт.

Разногласия в руководстве СССР, окрашенные в драматические тона борьбы за власть, по сути своей носили тактический характер. И. Сталин, в отличие от оппозиции, стремился к большей сдержанности, но не в делах, а в политических оценках. Он указывал на опасность интервенции западных государств в Китай и на необходимость использования межимпериалистических противоречий.

Впрочем, из великих держав только Великобритания активно противодействовала китайской политике СССР. Ее консервативное правительство очень эмоционально реагировало на каждое действие Москвы. Соединенные Штаты, вновь погружившиеся в дремоту «изоляциизма», напротив, не были готовы к прямому вмешательству. Что же касается Японии, то она вела закулисные переговоры с Советским Союзом о сферах взаимных интересов на

Дальнем Востоке. Но самое главное, имея собственное мнение о природе Гоминьдана и характере революции, она не очень-то верила в успех коммунистов, полагая, что в такую горячую пору излишняя активность в Китае может ей только повредить. Еще в сентябре 1924 г. К. Сидэхара провозгласил «негативную политику», т. е. политику невмешательства в дела Китая. Проявив необычную сдержанность, в Токио придерживались этой линии в течение всей революции 1925–1927 гг.

Между тем установка Коминтерна, ориентировавшая «пролетариат», прежде всего КПК, на захват лидерства в едином фронте, усугубила раскол, который наметился в 1926 г. по мере развития военных успехов Народной революционной армии. Линия раскола проходила между левым крылом партии Гоминьдан и коммунистами, преобладавшими в уханьском правительстве, с одной стороны, и правым крылом партии Гоминьдан и вооруженными силами во главе с Чан Кайши — с другой. В марте 1927 г. Ван Цзинвэй был в Москве с визитом, обстоятельства которого до сих пор покрыты тайной. Однако известно, что, вернувшись из СССР, глава уханьского правительства с подачи М. Бородина отдал тайный приказ об аресте Чан Кайши.

Поворотом в политике Коминтерна ловко воспользовался Чжан Цзолин. 7 апреля 1927 г. его полиция в Пекине совершила налет на Генеральное консульство СССР и захватила множество компрометирующих документов, раскрывавших практическую подготовку перехода к «гегемонии пролетариата в революции», прежде всего планы устранения Чан Кайши. Чжан Цзолин, как считают, немедленно передал главнокомандующему Народно-революционной армии копии этих документов, а впоследствии предал их гласности.

Чан Кайши решил предупредить события и 12 апреля 1927 г. совершил внезапный переворот в Шанхае: объявил КПК вне закона и начал репрессии против коммунистов. В июне 1927 г. он создал в Нанкине параллельное Национальное правительство ГМД.

VIII пленум Исполкома Коммунистического Интернационала (май 1927 г.) попытался отмежеваться от тактики «некоторых товарищей», планировавших «заранее поднять восстание против империалистов Чан Кайши и дать им вооруженный бой», но было уже поздно. Отношения между правыми националистами и коммунистами были безнадежно испорчены.

Между тем уханьское правительство левого Гоминьдана, первоначально осудив действия Чан Кайши, оказалось в тяжелом положении. Оно потеряло контроль над армией и к тому же столк-

нулось с претензией КПК на лидерство. В июле 1927 г. Ван Цзинвэй порвал с КПК, предприняв акцию типа шанхайской, и предложил советникам Коминтерна во главе с М. Бородиным покинуть Китай. Единый фронт прекратил существование.

Конфликт Гоминьдана и КПК сопровождался террором и крайней жестокостью: весной и летом 1927 г. было истреблено свыше 330 тыс. коммунистов и «левых». В декабре 1927 г. КПК предприняла последнюю, отчаянную попытку подтолкнуть социалистическую революцию, захватив власть в «колыбели Гоминьдана» — Кантоне. «Кантонская коммуна» просуществовала всего три дня и была жестоко разгромлена гоминьдановскими войсками. КПК и Коминтерн потерпели полное поражение в китайской революции.

Тем временем части НРА продолжали успешное наступление на север и в июле 1928 г. взяли Пекин. «Республиканское правительство» было ликвидировано. Чан Кайши восторжествовал. В октябре 1928 г. он создал в Нанкине, куда была перенесена столица Китая, новое национальное правительство, которое было признано «вашингтонскими державами» и стало представлять Китай в международных отношениях. Началось так называемое «нанкинское десятилетие» — полоса трудного, но вместе с тем динамичного развития Китая.

В июле 1928 г. правительственный совет Гоминьдана опубликовал Декларацию о внешней политике, которая уведомляла об объединении Китая и окончании военного периода революции, а также отказе от милитаристской системы правления и нетерпимости к коммунистам и Коминтерну. В июле 1928 г. гоминьдановское правительство официально признали США, в августе — Лига Наций, в декабре — Великобритания.

В 1928–1931 гг. правительство Чан Кайши приступило к энергичному пересмотру неравноправных договоров с Западом. В июле 1928 г. Китай подписал с Соединенными Штатами Договор о тарифах, в соответствии с которым он получил право таможенного регулирования по своему усмотрению. Впоследствии при активной поддержке США было подписано еще 11 аналогичных договоров с государствами Запада. В мае 1930 г. тарифный договор был подписан даже с Японией, долго противившейся этому шагу. Таможенная автономия Китая была восстановлена. Таможенные сборы были резко повышены и стали главным источником денежных поступлений Нанкина.

В декабре 1929 г. правительство Чан Кайши выступило с программой отмены экстерриториальности иностранцев и вскоре суме-

ло достичь соглашения по этому вопросу с рядом государств. К 1931 г. правом экстерриториальности пользовались только США, Англия, Франция и Япония. В 1928—1931 гг. Китай вернул себе 20 из 33 расположенных на его территории иностранных концессий.

Позиции Нанкина на международной арене заметно укрепились. В августе 1928 г. был подписан пакт Бриана — Келлога, в сентябре 1931 г. Китай получил место непостоянного члена Совета Лиги Наций. В том же году Лига приняла 10-летний план помощи Китаю, который получил высокую оценку со стороны Гоминьдана. Хотя пересмотр неравноправных договоров не был завершен и сопровождался «антиимпериалистической» риторикой, линия Чан Кайши на восстановление суверенитета страны объективно проводилась в русле реализации договора о Китае.

В историографии советского периода итог китайской революции обычно трактовался как ее поражение. Действительно, эта революция не переросла в социалистическую и ограничилась решением общенациональных задач. Объединение Китая, пусть во многом формальное и незавершенное, произошло на основе принципиально новой, гоминьдановской, государственности, имевшей историческую перспективу. И хотя Китай был еще очень далек от обретения великодержавного статуса в международных отношениях, первый, самый трудный и важный шаг по пути восстановления его суверенитета был сделан.

В международном плане революция, начавшаяся под знаком отрицания Вашингтонской системы, в конечном счете привела к ее укреплению и открыла дорогу к претворению в жизнь решений Вашингтонской конференции (12 ноября 1921 г. — 6 февраля 1922 г.). Руководимый Чан Кайши Китай стал органичной частью Вашингтонской системы международных отношений, а его усиление уравновешивало СССР и Японию и способствовало поддержанию регионального равновесия.

Советско-японское соглашение. Завершив «сибирскую экспедицию», Япония более не извлекала из конфронтации с Советским Союзом никаких выгод. Внимательно наблюдая за усилением советского влияния в Китае, она пришла к выводу о необходимости урегулировать отношения с СССР, чтобы уравновесить сближение Москвы и Пекина, разграничить взаимные интересы на Дальнем Востоке и, кроме того, заручиться благожелательным нейтралитетом СССР в отношении японо-американских противоречий.

Импульсом к сближению двух стран послужил ряд событий, пришедшихся на май 1924 г.: подписание советско-китайского

соглашения, принятие Соединенными Штатами дискриминационного закона об иммиграции, установившего мизерную квоту для японцев (в размере сто человек в год), что вызвало шквал критики в Токио, а также выборы в Японии, которые обнаружили заметный рост левых настроений. К власти пришел кабинет Т. Като, лояльно настроенный по отношению к СССР.

По инициативе нового министра иностранных дел К. Сидэхары в конце мая 1924 г. в Пекине открылись официальные советско-японские переговоры на уровне послов двух стран в Китае. В центре обсуждения были общеполитические вопросы, судьба двусторонних договоров, заключенных царской Россией, прекращение оккупации Северного Сахалина.

В январе 1925 г. в Пекине СССР и Япония подписали конвенцию об основных принципах взаимоотношений. Два государства устанавливали дипломатические отношения, брали на себя обязательства о невмешательстве во внутренние дела друг друга и о предоставлении «в пределах возможности» режима наибольшего благоприятствования в торговле.

Важным в конвенции было положение о том, что Портсмутский мирный договор, заключенный Российской империей и Японией в августе 1905 г., оставался в полной силе. Другие российско-японские соглашения, а также проблему российского долга предполагалось обсудить позже на совместной конференции.

Япония обязалась в течение трех месяцев вывести войска с Северного Сахалина, а Советский Союз — предоставить ей на Северном Сахалине нефтяные и угольные концессии сроком от 40 до 50 лет.

Обе стороны заявили, что «не существует никаких тайных соглашений с третьей стороной, направленных друг против друга».

Советский представитель Л. Карахан сопровождал конвенцию двумя нотами. В первой содержалось утверждение о том, что СССР, признав Портсмутский договор, тем не менее «не разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение этого договора». Во второй ноте СССР выражал «искреннее сожаление» по поводу «николаевского инцидента». Вместе с тем Советскому Союзу не удалось добиться от Японии аналогичных извинений за «сибирскую экспедицию».

В целом Советский Союз урегулировал отношения с Японией на выгодных для себя условиях. Портсмутский договор, оставленный в силе, обеспечивал определенные гарантии безопасности СССР, такие, как запрет на ввод японских войск в Маньчжурию,

демилитаризацию советско-корейской границы, всего Сахалина, проливов Татарского и Лаперуза. Кроме того, он признавал Северную Маньчжурию российской сферой влияния и разграничивал интересы двух государств в Китае. При этом СССР не смутило то обстоятельство, что Пекинская конвенция противоречила советско-китайскому соглашению 1924 г. в части, касающейся аннулирования договоров царской России с другими державами относительно Китая.

Тема 6

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И НАРАСТАНИЕ НЕГАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В 1929-1933 гг.

Особенности экономического кризиса и его неравномерное развитие. В 1929—1933 гг. мир пережил самый продолжительный и глубокий экономический кризис XX века, захвативший не только Европу, Северную Америку, но и латиноамериканские, азиатские и африканские страны.

Причины этого явления связаны с комплексом факторов в экономике, политике и духовной жизни. Кризис продемонстрировал исчерпанность классической модели «стихийного рыночного хозяйства» с характерным для нее перепроизводством. Новизна ситуации определялась остротой и потрясениями, которых не знала планета. Кризис охватил политическую сферу и идеологию. В результате он парализовал, а затем опрокинул наметившуюся в 20-е гг. тенденцию к упорядочению международных отношений. Каковы же предпосылки этого влияния? Прежде всего, в указанный период возникла волна депрессии вначале в США и Западной Европе, а затем во всех государствах планеты, хотя и в неодинаковой степени. Наибольший ущерб понесли США, Канада, Германия и Польша (падение производства по сравнению с 1924 г. более чем на 50 %); ощутимый — Австрия, Голландия и Чехословакия (на 30—40 %); сравнительно небольшой — Великобритания,

Япония, Дания, Румыния (20 %). Тяжело переживали кризис страны Латинской Америки. Между государствами развернулись торговые и таможенные войны. Паника в американском деловом мире привела к принятию протекционистского закона Смута — Хаули, вступившего в силу летом 1930 г. В Европе поднялась волна негодования. С протестами выступили более 30 стран, а Франция и Швеция ввели в ответ ограничения на импорт из США.

В 1931 г. на Европу обрушился финансовый шторм. Тогда президент США Г. Гувер внес предложение о моратории на выплату репараций и долгов. Тем временем британский парламент принял решение об отказе от золотого стандарта фунта стерлингов, который наряду с долларом был основой валютной системы. К весне 1932 г. 24 страны мира отказались от фиксированного курса валют. Образовались замкнутые финансовые блоки. Франция, Бельгия, Нидерланды и Швеция, финансовое положение которых было относительно сносным, составили вместе с США «золотой блок», т. е. сохранили обратимость своих валют в золото. Великобритания и ее доминионы вошли в «стерлинговый блок». Германия и несколько европейских стран, отказавшихся от обратимости валют, оказались в третьей группе.

С этим безрадостным фоном, по официальным заявлениям Москвы, контрастировали высокие темпы роста экономики СССР. Развитие экономического кризиса и сопровождающих его политических процессов в западном мире укрепляло веру советского руководства в правильность своего прогноза о скором крушении капитализма и приближение нового революционного подъема.

Кризис охватил традиционные и в меньшей степени новые отрасли хозяйства. Более чем вдвое сократились выпуск средств производства, объемы торговли и транспортных перевозок. Продукция сельского хозяйства не могла найти сбыта на рынке из-за низкой покупательской способности населения, т. к. имели место массовые увольнения и рост цен на промышленные и сырьевые товары. Зерно приходилось сжигать в топках паровозов, а молоко выливать в море. Никогда прежде экономические кризисы не сопровождались социальными последствиями. К концу 1931 — началу 1932 г. насчитывалось более 26 млн безработных, упал уровень жизни средних слоев — основы стабильности в любом обществе.

Как уже было сказано, влияние депрессии прежде всего отразилось на положении ведущих стран. Первые симптомы катастрофы (падение спроса на товары и затоваривание готовой продукцией) были отмечены в США уже летом 1929 г. Однако на по-

верхность эти явления вышли только после двух пиков спекулятивного ажиотажа вокруг акций крупнейших компаний 24 и 29 октября того же года, когда дневные продажи ценных бумаг на Нью-Йоркской фондовой бирже составили соответственно 12,8 и 16,4 млн. Период с июня по октябрь 1929 г. можно назвать временем непосредственного формирования кризисных тенденций. В дальнейшем развитии «великая депрессия» прошла следующие этапы: развертывания (конец 1929 — середина 1931 г.), максимума (конец 1931 — середина 1932 г.) и выхода из кризиса (конец 1932—1933 г.). Распространение «кризисных волн» на новые страны и их затухание происходили асинхронно.

Для США наиболее серьезное падение производства продукции тяжелой промышленности пришлось на вторую половину 1932 — первую половину 1933 г. Характерной чертой ситуации явилось банкротство 130 тыс. промышленных, торговых и финансовых компаний, которые привели к невероятному увеличению количества лиц, лишенных работы (до 25 % трудоспособного населения к 1933 г.). Другим отличительным признаком депрессии стало массовое разорение фермеров, ряды которых пытались пополнить безработные переселенцы из городов. Фактически все запоздалые попытки администрации Г. Гувера бороться с кризисом путем государственного регулирования финансов оказались несостоятельными.

Практически сразу за катастрофой на фондовой бирже Нью-Йорка кризис охватил экономику Германии, развитие и техническое переоснащение которой особенно сильно (из-за проблемы репараций) зависели от зарубежных инвестиций. Непрерывное падение производства продолжалось в стране с конца 1929 г. до августа 1932 г. Бездействовали целые промышленные районы, более чем в 2,5 раза упали объемы внешней торговли, безработица охватила почти 50 % лиц, занимавшихся наемным трудом (абсолютный рекорд среди развитых стран). Сформированное весной 1930 г. правительство Г. Брюнинга попыталось преодолеть кризис путем сокращения расходов на социальное страхование, увеличения налогов, повышения импортных пошлин на сельскохозяйственные продукты, но эти меры только обострили социально-политическую ситуацию.

Вступление в полосу кризиса Великобритании оказалось замедленным по сравнению с США и Германией. Наибольшей глубины кризис достиг только весной 1933 г., поразив преимущественно старые отрасли (добычу угля, выплавку стали, судострое-

ние), а также финансы. Вынужденная отмена в 1931 г. привязки британской валюты к золоту вызвала обесценивание фунта и цепную реакцию падения курсов валют малых стран, входивших в «стерлингвый блок» — Ирландии, Дании, Швеции и др. К 1932 г. впервые за многие десятилетия в платежном балансе Соединенного Королевства возник дефицит.

До Франции волны кризиса докатились в конце 1930 г. Однако сам процесс его преодоления растянулся до 1936 г. Наиболее сложная ситуация в экономике Франции сложилась в 1932 и в 1935 гг., хотя падение производства не было таким глубоким, как в США и Германии. В особенно тяжелом положении оказались металлургия, машиностроение и текстильная промышленность. От кризиса пострадали средние слои в городе и мелкие сельские собственники. Правящая элита страны попыталась встать на путь осуществления системы мер по государственному регулированию экономики, названной во Франции «дирижизмом», особенно в сфере военно-промышленного комплекса.

Апогей экономического кризиса в Италии пришелся на 1932 г., когда по отдельным отраслям промышленности падение производства составило 300 % от уровня 1929 г. Заметное воздействие на экономическую ситуацию на Апеннинах оказало сокращение объема внешней торговли — к 1934 г. в три раза по сравнению с докризисным периодом. Отличительной чертой внутренней политики правительства Б. Муссолини по преодолению «великой депрессии» стало принудительное объединение частных компаний в 22 промышленных корпорации, осуществленное с 1930 по 1934 гг.

Тесные экономические связи между США и Японией привели к тому, что японская экономика испытала серьезные потрясения, особенно в угольной, металлургической, хлопчатобумажной отрасли и судостроении. Довольно сильно пострадал аграрный сектор японского хозяйства. В то же время общая незавершенность процесса индустриализации (как и в СССР) уменьшила остроту экономической ситуации, а выход из «великой депрессии» был найден в принятии курса на развертывание военно-инфляционной конъюнктуры с отказом от золотого стандарта иены.

Первоначально многие политики и экономисты выступали с позиций свертывания государственного вмешательства в экономику в расчете на «самооздоровление» хозяйственных организмов государств. Однако к 1931 г. стало очевидно, что надеждам на «автосанацию» сбыться не суждено. На этом фоне вызвала интерес в целом сравнительно успешная борьба с кризисом в странах с силь-

ными позициями государственного сектора (Италия, Япония), а также опыт СССР. За использование государственного регулирования стали высказываться теоретики и политики (Дж. Кейнс, Ф. Рузвельт), предлагавшие принять меры к ограничению рыночной стихии и формулированию «правил игры» в макроэкономике. В рамках поворота к государственному вмешательству тем не менее сложились два противоположных варианта действий. Первый был связан с ограничением или ликвидацией демократических свобод и переходом на позиции национальной замкнутости (автаркии). Второй предусматривал сохранение демократических институтов и развитие международного сотрудничества в интересах совместной борьбы с кризисом. Наиболее легким в реализации и доступным для усвоения массами казался комплекс мер первого типа, т. е. государственного регулирования, связанного с созданием мощного ВПК, усилением протекционизма в торговле, ограничением личных прав граждан.

Экономический кризис привел к огромному росту политической напряженности. Прежде всего давление со стороны избирателей испытывали правительства «старых демократий и молодых государств Восточной Европы, а также стран, переживших подобно Германии и России волны смут и переворотов». Однако нарастание внутреннего конфликта в разных странах приносило неодинаковые результаты. В большинстве государств Старого Света — от Португалии до Японии — сохранились традиции авторитарной власти, то же было и в странах Латинской Америки. В СССР, Венгрии и Японии институты примирения противоречивых интересов разных слоев общества вообще не возникали. Депрессия усилила идейную поляризацию. Возникло огромное противоречие между либеральными идеями и авторитаризмом. Одни страны сделали выбор в пользу демократии путем модернизации ее институтов. Другие, напротив, считали необходимым сломать демократические структуры ради концентрации сил на борьбе с экономическим спадом. Немало стран колебалось между диктатурой и ограниченными реформами (Польша, страны Балтии, Румыния, Югославия, Болгария).

Главный «водораздел» происходил между реформистским курсом преодоления трудностей и тоталитарными моделями. В 1929 г. в Великобритании возвратилась к власти лейбористская партия во главе с Р. Макдональдом. Он возглавлял кабинет до 1935 г. (с 1931 г. в правительство были приглашены консерваторы, и оно стало коалиционным). Лозунгом правительства была борьба с кри-

зисом через национальное согласие. И коммунистической, и фашистской опасности британская элита противопоставила сотрудничество умеренных сил — от социал-демократических и либеральных до умеренно правых. Режим сумел добиться консолидации власти, одновременно идя на уступки населению.

Реформизм стал господствующей тенденцией в Испании. В январе 1930 г. возглавлявший с 1923 г. правительство диктатор генерал Примо де Ривера в ответ на предложение короля Альфонса XIII подать в отставку сделал это. В стране была восстановлена конституция. В апреле 1931 г. состоялись муниципальные выборы, на которых сторонники монархии потерпели поражение. Испания стала республикой. Была намечена программа умеренных преобразований, проведение которой осложнялось постоянными конфликтами режима с католической церковью, монархистами, анархистами и коммунистами.

С лета 1932 г. поворот к реформам наметился во Франции. К власти вернулась радикально-социалистическая партия во главе с Э. Эррио (правящая партия до 1936 г.). Она стремилась стабилизировать экономический кризис путем умеренных преобразований. После 1936 г., когда к власти пришло возглавляемое социалистом Л. Блюмом правительство Народного фронта (1936—1938 гг.), реформистские тенденции во Франции даже усилились. Но преобразования шли на фоне чехарды правительств, что влияло на политическую устойчивость.

В 1933 г. мощный всплеск реформизма произошел в США. На президентских выборах 1932 г. убедительную победу одержал представитель демократической партии Ф. Рузвельт, хотя в стране были сильны и фашистские, и коммунистические тенденции. Маневренная социальная политика с приглашением к ней крупного капитала, активизация роли государства в экономике определили «новый курс». Удалось приостановить ухудшение экономической ситуации и добиться занятости населения (на строительстве автомобильных дорог за завтрак, обед и ужин в качестве оплаты). Несмотря на критику оппонентов, сопротивление бизнеса, протесты Конгресса, общество приняло «новый курс». Упрочение позиций позволило Ф. Рузвельту начать подготовку к проведению активной международной политики.

Но либеральный реформизм не был доминирующим течением. В СССР, Германии, Японии, еще раньше в Италии кризис способствовал утверждению тоталитарных моделей с национальной спе-

цифкой, сутью которых были неограниченный диктат, террор в отношении несогласных и сомневающихся.

Вопреки утверждениям советской историографии, СССР не был исключением. Негативное воздействие кризиса было усугублено экономической политикой партии, в руководстве которой господствующим стало сталинистское течение, практически отошедшее от марксистских идей. Стремление распространить прямой контроль правящей партии на все стороны жизни страны не совмещалось с сохранением элементов рыночного хозяйства, как это с 1921 г. допускалось новой экономической политикой. С конца 20-х гг. сталинское руководство ликвидировало остатки экономической свободы в СССР. Национальное производство было введено в жесткие рамки пятилетних планов, было уничтожено крестьянство.

В свою очередь, сами эти планы стали экономической основой для преобразования первоначальной, ленинской модели диктатуры партии, выступающей от имени рабочего класса, в механизм тоталитарного контроля. Заложенный Лениным тип государства с самого начала был репрессивным. Однако он допускал существование в обществе определенной интеллектуальной и общественной оппозиции — при условии безоговорочной лояльности последней к большевикам. Сталин отбросил эту модель. Его воззрениям отвечал тип устройства, при котором господство высшего слоя партийной и чиновничьей бюрократии строилось на абсолютном праве государства не только контролировать все стороны личной и общественной жизни граждан, но и силой навязывать им образ жизни и мышления, соответствующий интересам вождя и его ближайшего окружения. Тоталитарное общество в СССР стало приобретать законченную форму именно в 30-е гг.

В том же направлении эволюционировала политическая система Японии. Изначально рассчитанная на сохранение сильной власти монарха, она фактически создавала неограниченные возможности для внеконституционного правления. Полномочия парламента были ограничены, а его постановления преодолевались волей императора. Но монарх не был свободен в своих решениях. В силу им же однажды изданных указов император в ряде случаев не имел возможности даже назначить главу кабинета, не получив предварительно согласия со стороны руководства вооруженных сил.

За влияние на монарха боролись старая аристократия, из которой формировалось высшее чиновничество, и кадровые воен-

ные. Последние мало зависели от министров кабинета, даже военного, поскольку по закону 1878 г. японский генеральный штаб подчинялся непосредственно императору. Правительство часто было не в состоянии контролировать полевых командиров, особенно если вверенные им войска были дислоцированы не на Японских островах, а на материке (в Корее и Китае). В 30-е гг. влияние военных на внешнюю политику страны было определяющим. Дважды (в 1932 и 1936 гг.) в Японии предпринимались попытки военных переворотов. Хотя обе они не удались, шантаж и угрозы военных в адрес гражданских политиков привели к фактическому отстранению последних от выработки государственных решений.

Советский Союз и Япония были перворазрядными мировыми державами, но в центре европейской и мировой политики оставалась германская проблема. Ситуация в Германии складывалась тревожно. С 1930 по 1932 г. число безработных в стране выросло с 3 до 7 млн человек. Страна попала под удар кризиса, так и не восстановившись после Первой мировой войны. Население не доверяло умеренным партиям — социал-демократам, католикам-центристам и умеренным националистам. Возможности США, Великобритании и Франции оказать экономическую помощь Германии в тот момент были ограничены. Более того, финансовая политика Франции (в частности, ее позиция в вопросе о послевоенных долгах) усугубляла состояние германского хозяйства. Все это способствовало росту восприимчивости масс к националистической пропаганде.

Это ушла Национал-социалистская рабочая партия Германии во главе с А. Гитлером. Критическое положение страны нацисты объясняли враждебными происками западных держав (прежде всего Франции) и отсутствием патриотически настроенного правительства. Бессильной политике «умеренных» нацисты противопоставляли лозунг создания нового германского государства, в котором объединились бы все этнические немцы «в соответствии с правом всех народов на национальное самоопределение», как подчеркивал Гитлер. Обрамляющей идеей платформы нацистов было шовинистическое утверждение о якобы засилии евреев в экономике и политике Германии и ведущих держав мира. Соединенные Штаты рассматривались как один из центров заговора мирового еврейства против Германии. Другим оплотом этого заговора нацисты считали мировой коммунизм.

Меморандум Бриана. Период разрядки международной напряженности оказался непродолжительным. Оборвавшись с наступлением кризиса в мировой экономике, разрядка только наметила перспективу развития международных отношений без войн и конфликтов, сотрудничества в духе взаимной терпимости и компромисса, строительства мирового порядка на основе согласованных усилий.

Эта идея была выдвинута премьер-министром Франции А. Брианом в сентябре 1929 г. Он предложил рассмотреть вопрос о возможности заключения заинтересованными правительствами соглашения в целях установления «между европейскими народами своего рода федеральной связи». Развернутое воплощение эта идея получила в официальном французском Меморандуме об «организации режима европейского федерального союза — пан-Европы», разосланном в мае 1930 г. 27 странам. Документ был направлен и в СССР. В нем говорилось о коллективной ответственности европейских правительств «перед лицом опасности, угрожающей европейскому миру, как с точки зрения политической, так и с точки зрения экономической и социальной, ввиду сохранявшейся несогласованности политических курсов европейских стран». Сама реальность Европы как региона, по мнению Бриана, диктовала необходимость воплотить «принцип солидарности», преодолеть распыление сил в экономической области. Механизм мер по налаживанию сотрудничества мыслился в виде регулярно созываемой Европейской конференции, а исполнительным органом должна была стать Европейская комиссия в Женеве.

Меморандум Бриана вызвал сдержанную реакцию. В Германии французский проект восприняли как очередную попытку свести Германию до положения второстепенной страны и закрепить в Европе преобладание Парижа, поскольку по проекту в федеральный союз не должна была входить Великобритания, СССР и США.

На конференции министров иностранных дел европейских стран — членов Лиги Наций — в сентябре 1930 г. в Женеве было признано, что проект «пан-Европы» жизненно необходим, но вопрос о его реализации должна решить очередная сессия Лиги.

СССР вначале отрицательно отнесся к проекту, поскольку документ игнорировал его как европейскую страну и был направлен против Германии. Нарком иностранных дел М. Литвинов, сменивший Г. Чичерина, в письме дипломатическим представителям Союза в европейских странах в июне 1930 г. подчеркнул, что

«план Бриана имеет своей основной целью борьбу против СССР». В письме далее отмечалось, что смысл «этой затеи заключается в стремлении со стороны Франции к усилению своего влияния на политику европейских стран и даже к установлению своей гегемонии». Такая позиция была продиктована уверенностью в близости мировой революции. На XVI съезде ВКП(б) в докладе Сталина утверждалось, что «подъем революционного движения масс будет нарастать с новой силой... пролетариат, борясь с капиталистической эксплуатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции». Это была явно неверная оценка политической ситуации. Поэтому отказ от участия в плане Бриана был закреплен решением Политбюро. Однако, когда в начале 1931 г. в Москве было получено официальное приглашение присоединиться к работе Европейской комиссии, М. Литвинов высказался за его принятие. В письме Сталину он мотивировал свое мнение необходимостью «иметь в стане врага, по крайней мере, своего наблюдателя». Советская делегация внесла 18 мая 1931 г. на рассмотрение комиссии проект протокола об экономическом ненападении. В ноябре это предложение было одобрено, но принятие окончательного решения потонуло в бумагах из-за противоречий между странами в условиях кризиса.

Проблемы разоружения в начале 30-х гг. Противоречия отчетливо проявились в таком сложном вопросе, как разоружение. Первое столкновение произошло в ходе работы морской конвенции в Лондоне в апреле 1930 г. с участием США, Великобритании, Японии, Франции и Италии.

Как известно, восемь лет назад в ходе работы Вашингтонской конференции был подписан договор пяти этих стран об ограничении морских вооружений, установивший соотношение предельного тоннажа крупных кораблей — линкоров (5,5: 3: 1,676: 1,65), общий их тоннаж, максимальные нормы водоизмещения (35 тыс. т) и предельный калибр орудий (16 дюймов). Этот договор устанавливал примерное равновесие военно-морских сил между великими державами и прекращал гонку вооружений в наиболее дестабилизирующем классе морских вооружений на Тихом океане. Вашингтон и Токио были главными гарантами договора. США обеспечили себе право иметь крупнейший, наряду с Великобританией, военно-морской флот и добились ограничения роста японского флота. Япония, получив в целом меньшую квоту, все же гарантировала себе преимущество в западной части Тихого океана, так как ее ВМФ концентрировался поблизости от Японских островов, а аме-

риканский был рассчитан на просторы Тихого и Атлантического океанов. Кроме того, США и Великобритании запрещалось иметь военно-морские базы на расстоянии менее 5 тыс. км от Японии, а США — укреплять островные владения в Тихом океане. На Лондонской конференции по ограничению и сокращению морских вооружений режим ограничений ужесточился и был распространен на крейсера, эсминцы и подводные лодки. Япония соглашалась, чтобы ее ВМФ по отношению к американскому составлял по общему тоннажу тяжелых крейсеров — 60 %, легких крейсеров и эсминцев — 70 %, подводных лодок — 100 %. США, Великобритания и Япония обязались в течение 1931—1936 гг. не спускать на воду новые линкоры и сдать на слом старые. Хотя Япония претендовала на большее, она согласилась на компромисс, опасаясь разорительной гонки вооружений, которую угрожали навязать ей США. Статус-кво на Тихом океане был сохранен еще на несколько лет. Однако итоги конференции и позиции японского правительства на ней вызвали недовольство военных, настаивавших на больших квотах. Юко Хамагути, глава правительства, ответственный за соглашение по морским вооружениям, был убит японским экстремистом.

На конференции Италия добивалась права увеличить свой военно-морской флот до уровня Франции, последняя же не соглашалась с требованиями США и Великобритании по ограничению строительства средних и легких судов и подводных лодок. Вследствие острых разногласий французская и итальянская делегации покинули конференцию. После этого Муссолини выступил с открытым призывом к пересмотру Версальской системы. Достигнутое в марте 1931 г. при посредничестве Англии итало-французское соглашение по ограничению морских вооружений так и не вступило в силу.

Проблема разоружения во всемирном масштабе была вынесена на обсуждение в феврале 1932 г. на Женевскую конференцию, в работе которой приняли участие представители 63 стран мира, в том числе СССР. На ней было выдвинуто несколько проектов разоружения. В другом проекте французской делегации — плане Тардьё — высказывалась идея создания при Лиге Наций международной армии и полиции, которые должны были действовать в целях предупреждения агрессии. Проект требовал сначала обеспечить безопасность, а затем разоружаться. Под безопасностью понималась вооруженная защита Версальской системы. Французский план поддержали страны Малой Антанты — Польша, Че-

хословакия, Румыния и Югославия. В британском проекте, плане Саймона, предлагалось ограничить сухопутные армии, запретить подводный флот. США выступили с планом Гувера, который был близок к британскому плану. США предлагали сократить мировые вооружения примерно на одну треть.

Главное в германском проекте, поддержанном Италией, было уравнивание Германии с другими великими державами в отношении прав на вооружение: страна требовала или разоружения всех великих держав до ее уровня, или предоставления ей права иметь равную с ними армию. Иными словами, Германия добивалась полной ликвидации военных статей Версальского договора. Германская делегация во главе с канцлером Г. Брюнингом действовала весьма активно. Угрожая покинуть конференцию, немцы добились больших уступок. На состоявшемся в декабре 1932 г. в Женеве совещании представителей Великобритании, Германии, Италии, США и Франции решение о признании права Германии на равенство в вооружениях с некоторыми оговорками было принято. Если учесть, что Лозаннская конференция, проходившая в июне — июле 1932 г., определила сумму заключительного германского платежа в 3 млрд марок в течение 15 лет (по истечении трехлетнего моратория на 1932—1934 гг.), и эта сумма никогда не была выплачена, можно сказать о значительных успехах германской дипломатии. Единственное, что удалось сделать Франции — не допустить в марте 1931 г. в нарушение Версальского договора таможенного союза Германии с Австрией. Францию поддержали ее союзники, а также Великобритания и Италия. Советская делегация 18 февраля 1932 г. в Женеве предложила план Литвинова — «скорейшее, полное и всеобщее разоружение». Но остальные участники конференции отнеслись к идее как к нереальной.

Размежевание между демократической и тоталитарной политическими традициями в мире проявлялось на уровне практической внешней политики. Тоталитарные государства склонялись к силовым решениям внешнеполитических задач, прибегая иногда к дипломатическим маневрам.

Латеранские договоры. Для укрепления фашизма в Италии особое значение имело урегулирование отношений между государством и Ватиканом. Ведь последний не признавал итальянское либеральное государство, не признал он и фашистскую структуру. Поэтому не случайно Муссолини не мог примириться с существованием обширной сферы духовного воздействия, имеющей, пусть даже чисто формально, антигосударственную окраску. Как

показал опыт, уничтожить церковь нельзя. Вернуться к антирелигиозным лозунгам начала 1920-х гг., попытаться изгнать влияние церкви на сферы духовной жизни фашистам было не под силу. Вывод напрашивался сам собой: надо заключать с Ватиканом союз. По мнению диктатора, в обществе не должно оставаться ничего хотя бы в малейшей степени оппозиционного государству. Возможно, что в личном плане для Муссолини сыграло роль и честолюбие, ибо всем в Италии была известна фраза Ф. Криспи — премьер-министра в конце XIX в.: «Величайшим деятелем Италии окажется тот, кто разрешит римский вопрос».

Со своей стороны, Ватикан решил начать переговоры с диктатором лишь после того, как убедился в его силе. На решение Ватикана повлияло и то, что Муссолини не требовал никаких гарантий сохранения светского характера итальянского государства, как это делали либералы. Напротив, он неоднократно говорил о стремлении придать государству религиозный оттенок, о «католической миссии» итальянского народа. В целом атмосфера для переговоров, начавшихся еще в августе 1924 г., была весьма благоприятной. Если же они и длились два с половиной года, то это объяснялось стремлением разрешить весь сложный и запутанный комплекс взаимоотношений. Соглашение о примирении между Ватиканом и Италией было подписано Муссолини и личным представителем папы Пия XI кардиналом Гаспарди в феврале 1929 г. По месту подписания соглашение получило название Латеранского. Оно состояло из трех документов: Политического трактата, Финансовой конвенции и Конкордата. Главными пунктами трактата были, с одной стороны, признание Италией государства Ватикан (небольшой части территории Рима) под верховным суверенитетом Святого понтификата, с другой — признание последним Королевства Италия во главе с династией Савоя. Конечно, реальное значение имело только первое, т. е. признание Италией Ватикана в качестве суверенного государства. Что же касается признания Ватиканом Италии, то Италия и без этого была общепризнанным государством и бесспорным субъектом международного права. «Этот факт, — писал итальянский исследователь Д. Канделоро, — имел преимущественно формальное значение, но с исторической точки зрения был положительным, ибо устранял некоторое недоверие в отношении итальянского государства, которое, хотя в гораздо меньшей степени, чем в эпоху Рисорджименто, могло еще оказывать известное влияние на католиков, особенно послушных воле святого престола». Этот аспект

соглашения не исключал его конкретно-исторического значения. Поскольку носителем государственного суверенитета в момент подписания выступало фашистское государство, то признание церковью Италии означало признание фашизма.

Согласно Финансовой конвенции, государство обязалось выплатить Ватикану огромную по тем временам сумму — 750 млн лир наличными и 1 млрд лир ценными бумагами. Фашисты тем самым обязались выплатить долги, вытекавшие из давних обязательств государства в отношении Ватикана, и накопленные за долгие годы отказа пап от официальных сношений с представителями государственной власти. Не случайно папа Пий XI назвал Муссолини человеком, «ниспосланным Италией провидением».

Подписание франко-советского договора о ненападении. Движение Германии к восстановлению военной мощи и усиление Италии пугало Францию, особенно после того как закончилась провалом попытка установить особые отношения между Парижем и Вашингтоном. В 1932 г., за год до прихода Гитлера к власти, французский премьер-министр Э. Эррио пророчески заявлял: «У меня нет иллюзий. Я убежден, что Германия желает вновь вооружиться... Мы находимся на поворотном пункте истории. Пока что Германия следовала политике подчинения... Теперь она начинает следовать политике самостоятельной постановки вопросов. Завтра это будет политика территориальных требований».

Французские политики предприняли попытку наладить отношения с Москвой. Оканчивался период жесткой конфронтации, хотя отношения между обеими странами были холодными. Серьезное ухудшение советско-французских отношений произошло в связи с исчезновением во Франции одного из лидеров белой эмиграции генерала А. Кутепова, похищенного агентами советской разведки и вывезенного в СССР. Париж бурно протестовал по поводу этой акции, но Москва отклонила протесты, сославшись на отсутствие у французской стороны доказательств. Другим поводом для взаимного недовольства было принятие французским правительством в октябре 1930 г. «антидемпингового» декрета, согласно которому вводился режим специальных разрешений на импорт из СССР некоторых товаров, изготовленных, как утверждали источники, с использованием труда заключенных ГУЛАГа. В ответ на декрет СССР прекратил закупки французских товаров. Третьим поводом недовольства Франции было продолжающееся военное сотрудничество СССР и Германии. В феврале 1930 г. главнокомандующим Черноморского флота В. Орлов посетил Германию, ос-

мотрел все северные верфи страны. На XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г. Сталин отозвался о Франции как о наиболее яркой представительнице антисоветской тенденции.

Тем не менее интерес к улучшению отношений существовал. В Париже надеялись на нейтрализацию антифранцузской направленности советско-германских отношений. В Москве рассчитывали при помощи Франции вступить в Лигу Наций, преодолеть дипломатическую изоляцию и добиться улучшения отношений с французскими союзниками — Польшей и Румынией.

В начале 30-х гг. с подачи Франции СССР стали привлекать к подписанию ряда международных договоров, а также к работе главных международных форумов. Некоторым французским политикам уже не казалась нереальной идея восстановления союзнических отношений конца XIX — начала XX в.

Весной 1930 г. СССР и Франция начали переговоры о заключении пакта о ненападении и временном торговом соглашении. Переговоры проходили очень трудно. Стороны сначала отменили дискриминационные меры торгово-экономического характера, а затем 10 августа 1931 г. парафировали текст пакта. Однако для Парижа было важно замкнуть советско-французские отношения на своих союзниках в Восточной Европе. Французы настаивали на заключении советско-польского договора о ненападении до подписания советско-французского. СССР подписал договоры о ненападении с Финляндией (21 января 1931 г.), Латвией (5 февраля 1931 г.), Эстонией (4 мая 1932 г.). Советско-польский пакт о ненападении был заключен 25 июня 1932 г. Непреодолимые трудности возникли только с Румынией ввиду советско-румынского спора из-за Бессарабии. Согласно советско-французскому договору от 29 января 1932 г., стороны взаимно обязались не прибегать к силе в отношении друг друга и не участвовать во враждебных друг другу коалициях. Они также соглашались воздерживаться от оказания помощи агрессору или агрессорам, если одна из сторон подвергнется нападению третьей страны или группы стран. Кроме того, участники договора обязывались отказаться от дискриминации друг друга в торговле и не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Система гарантийных пактов СССР на востоке Европы и договор с Францией укрепили позиции СССР. Это было особенно важно в связи с событиями в Германии.

30 января 1933 г. президент Германии фельдмаршал П. фон Гинденбург поручил Гитлеру сформировать коалиционное правительство. Численное большинство в нем принадлежало умерен-

ным националистам, но нацисты получили легальный доступ к пропаганде и контроль над репрессивными органами. 27 февраля 1933 г. они организовали провокацию с поджогом здания рейхстага, в которой были обвинены главные конкуренты нацистов — коммунисты. В атмосфере всеобщего страха перед якобы наступающим политическим хаосом на выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. национал-социалистская партия одержала победу. Гитлер был вновь назначен канцлером. 23 марта рейхстаг проголосовал за предоставление канцлеру абсолютных полномочий сроком на четыре года. С этого времени в стране установилась диктатура.

Недавно в германских архивах был найден любопытный документ: телеграмма фельдмаршала Э. фон Людендорфа П. фон Гинденбургу. С 1923 г. первый успел основательно изучить натуру Гитлера и считал его, помимо прочего, авантюристом, неспособным к серьезному руководству страной. После приведения Гитлера к присяге в качестве канцлера фельдмаршал послал своему другу телеграмму: «Назначив Гитлера канцлером рейха, Вы отдали нашу священную германскую отчизну одному из величайших демагогов всех времен. Я предсказываю Вам, что этот злой человек погрузит рейх в пучину и причинит горе нашему народу необъятное. Будущие поколения проклянут Вас в гробу».

Советско-китайская конфронтация. Конфликт на КВЖД. Международные отношения на Дальнем Востоке в значительной степени определялись китайским фактором. Западные государства и Япония обязались уважать интересы друг друга в отношении с Китаем и не стремиться к поиску односторонних выгод. Для европейских держав и США последнее подразумевало прежде всего сдержанность Японии, склонной к расширению сферы своего влияния на китайской территории. Что же касается СССР, то ликвидация единого фронта в Китае в 1927 г. повлекла за собой разрыв между СССР и Гоминьданом. В Москве отказались признать нанкинское правительство Чан Кайши и установить с ним дипломатические отношения. Со второй половины 1927 г. СССР стал оказывать помощь КПК в организации вооруженной борьбы. В декабре 1927 г., обвинив Советский Союз в причастности к созданию Кантонской коммуны, Нанкин закрыл все советские консульства на контролируемой им территории, действовавшие на основании соглашения 1924 г. В Кантоне были убиты несколько советских дипломатов.

С начала 1928 г. СССР взял курс на поощрение гражданской войны в Китае, формировавшийся в контексте принятой VI конгрессом Коминтерна (сентябрь 1928 г.) ультралевой стратегии

«класс против класса». В июле — августе 1928 г. в Москве под руководством Коминтерна состоялся VI съезд КПК, провозгласивший политику советизации Китая. Деятельность КПК переместилась из крупных городов в сельскую глубинку. К началу 30-х гг. КПК сумела создать боеспособную Красную Армию и обширные «советские районы», которые представляли серьезную угрозу для Гоминьдана. На рубеже 1920—30-х гг. страну потрясла серия кровопролитных локальных гражданских войн. Регулярная советская помощь коммунистам оружием и снаряжением порожидала глубокую враждебность в отношениях между Москвой и Нанкином.

Вторым аспектом политики СССР в Китае было развитие линии на обособление его северных районов: Маньчжурии, Синьцзяна, а также МНР, которая не признавала над собой власти китайского государства. Москва рассматривала эти территории не только как «буферные зоны безопасности», но в первую очередь с точки зрения наведения мостов между «революционным советским Китаем» и СССР.

В 20-е гг. эти регионы покрылись густой сетью советских консульств, действовавших в каждом мало-мальски значительном населенном пункте (по 5 в Синьцзяне и МНР, 4 в Маньчжурии). Фактически СССР поддерживал с властями северных районов Китая и Монголией сепаратные дипломатические отношения в обход Нанкина.

Во второй половине 1929 г. Монголия и Тува провозгласили переход к «строительству социализма», что могло свидетельствовать об усилении контроля над ними из Москвы. В Синьцзяне Советский Союз активно вмешивался в сложные местные политические междоусобицы. В 1929—1932 гг. в связи со строительством Туркестано-Сибирской железной дороги экономика и торговля этого региона были переориентированы на северного соседа.

В Маньчжурии советская политика заключалась в усилении влияния на ее политическую и экономическую жизнь за счет возможностей, предоставляемых Китайской Восточной железной дорогой. По образному выражению Н. Бухарина, КВЖД была призвана стать «главной стратегической жилой, нашим революционным пальцем, запущенным в Китай».

К 1928 г. три четверти персонала дороги составляли советские граждане, китайские работники вытеснялись. В «полосе отчуждения» дороги скрывались от преследований китайские коммунисты. КВЖД превратилась в своеобразное «государство в государстве».

Новый правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян в марте 1929 г. предложил советской стороне восстановить паритетность персонала КВЖД, но получил отказ, который мотивировался слабой профессиональной подготовкой китайских работников. В мае маньчжурская полиция устроила обыск в консульстве СССР в Харбине. Найденные документы, по утверждению местных властей, свидетельствовали о том, что консульство связано с Коминтерном, занимается контрабандой оружия и подстрекательством милитариста Фэн Юйсяна против Гоминьдана. Советский Союз категорически отрицал подлинность найденной документации.

В июле 1929 г. на встрече Чжан Сюэляна и Чан Кайши в Пекине было решено национализировать КВЖД и попытаться вытеснить СССР из Маньчжурии. Лидер Гоминьдана поддержал эту акцию, он считал, что акция послужит шагом к разрушению неравноправных договоров (к которым он относил и Пекинское соглашение 1924 г.), а также рассчитывал на получение части доходов от КВЖД, которые до этого оставались в руках Мукдена.

10—11 июля 1929 г. власти Маньчжурии взяли КВЖД под свой контроль, отстранили советский персонал дороги (часть его была арестована или выслана) и заменили его на русских из числа эмигрантов. В ответ Советский Союз отозвал свои дипломатические представительства из Маньчжурии и прекратил с ней железнодорожное сообщение. К августу 1929 г. была сформирована Особая Дальневосточная армия под командованием В. Блюхера. Она развернула боевые действия в районе, где КВЖД пересекает советско-маньчжурскую границу, и нанесла армии Чжан Сюэляна ряд чувствительных поражений. СССР потребовал размещения в Маньчжурии своих войск на постоянной основе «с целью военной защиты дороги».

США, Англия и Франция предприняли совместный демарш — выразили озабоченность нарушением пакта Бриана — Келлога и призвали к международному посредничеству по урегулированию кризиса. СССР отверг эти предложения и настаивал на двусторонних переговорах с Мукденом. Япония и Германия объявили о своем нейтралитете. Вместе с тем ни одна из держав не признала законной насильственную национализацию КВЖД, чтобы не создавать нежелательный прецедент в отношении всей иностранной собственности в Китае.

Вскоре после начала конфликта генерал Фэн Юйсян поднял антигоминьдановский мятеж в Центральном и Северном Китае и сковал значительные силы Чан Кайши. Чжан Сюэлян не получил

обещанной помощи Нанкина и был вынужден пойти на переговоры с Москвой. Посредником в их организации выступила Германия, представлявшая интересы СССР в Китае.

В декабре 1929 г. в Хабаровске был подписан советско-маньчжурский протокол об урегулировании конфликта. Он предусматривал восстановление положения, существовавшего на КВЖД до 10 июля 1929 г.: возобновление в полном объеме прав СССР на дороге, деятельности всех советских учреждений, в том числе консульств; депортацию из Маньчжурии белогвардейских отрядов, активно участвовавших в боях на стороне Чжан Сюэяна, а также созыв конференции для нормализации отношений. Хотя маньчжурские представители действовали и от имени Гоминьдана, нанкинское правительство не признало Хабаровский протокол, полагая, что делегация Мукдена превысила полномочия и пошла на чрезмерные уступки, но согласилось участвовать в конференции. Конференция проходила в Москве во второй половине 1930 г. и закончилась безрезультатно.

Конфликт на КВЖД завершился поражением маньчжурских властей, действия которых несли в себе изрядную долю авантюризма. Они не смогли адекватно оценить жесткую реакцию СССР, позицию западных держав и возможности Чан Кайши, а их незаконные и недопустимые действия по захвату КВЖД развязали руки СССР в отношении возможности применения силы.

Вместе с тем конфликт, ослабив режим Чжан Сюэяна, нанес серьезный ущерб долгосрочным интересам СССР на Дальнем Востоке. В условиях, когда в Токио усиливались экспансионистские настроения, СССР и Китай должны были бы стать естественными союзниками в сдерживании Японии, в первую очередь в Маньчжурии. Однако этого не произошло. Курс СССР на разжигание китайской революции, подрыв гоминьдановского режима и территориальной целостности Китая дестабилизировал Вашингтонскую систему, шел вразрез с принципами договора девяти держав и противоречил национальным интересам СССР.

Главным итогом советско-китайской конфронтации 1928—1929 гг. стала подготовка почвы для масштабной агрессии Японии в Северном Китае.

Формирование очага войны на Дальнем Востоке. Лондонская морская конференция, о которой говорилось выше, стала победой умеренных и либеральных сил и свидетельствовала о стремлении держав строить политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе на Вашингтонских принципах. В 1922—1930 гг. великие державы, в

первую очередь США и Япония, сумели сохранить отношения на Дальнем Востоке в режиме партнерства. В значительной мере это обстоятельство было связано с умеренной политикой «приспособления» к Вашингтонской системе, которую проводила Япония в период, когда министром иностранных дел там был К. Сидэхара (1924—1927 гг., 1929—1931 гг.).

Концепция К. Сидэхары делала акцент на «коммерциализме» (экономические интересы как основа внешней политики), «интернационализме» (активное участие в работе Лиги Наций), «негативной политике» в отношении Китая (отказ от силового вмешательства в его внутренние дела, овладение новыми китайскими рынками, а не захват территорий) и многостороннем партнерстве с великими державами. В рамках этого курса Япония сохраняла сдержанность в годы китайской революции 1925—1927 гг., нормализовала отношения с Советским Союзом, соблюдала военно-морские ограничения, установленные в Вашингтоне, и участвовала в работе Лондонской конференции. Она существенно сократила военные расходы, составлявшие к началу 20-х гг. около половины государственного бюджета.

Однако умеренная политика К. Сидэхары не имела устойчивой поддержки внутри страны. Руководство армии и флота стремилось повернуть ее в сторону экспансии. Первая попытка была сделана в 1927 г.

В декабре 1926 г. на японский престол взошел император Хирохито, в лице которого военные обрели союзника. Назначенный им премьер-министром и министром иностранных дел генерал Г. Танака в июле 1927 г. представил императору меморандум, излагавший новую внешнеполитическую доктрину, нацеленную на завоевание регионального, а в перспективе — и мирового господства. В этом документе, в частности, говорилось: «...Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравливает на нас Китай... Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне... Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы».

Политику захвата Китая Г. Танака именовал «позитивной», т. е. активной, наступательной. Ее первым шагом он определил

завоевание Маньчжурии и Монголии. При этом не исключалась «необходимость вновь скрестить мечи с Россией в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии».

Вместе с тем меморандум Танака формулировал скорее новую идеологию, нежели программу немедленных действий. Сформировалась фашистская идеология национальной исключительности японцев, которая видела выход из кризиса в продолжении экстенсивного развития за счет внешней экспансии, нацеленной на завоевание региональной, а в перспективе и мировой гегемонии. Она иногда называется милитаристской, поскольку наиболее восприимчивыми к этим идеям оказались японские вооруженные силы.

Новая идеология постепенно превращалась из факта духовной жизни Японии в основу ее государственной политики. В институциональном аспекте этот процесс выразился в превращении японской армии в самодовлеющую силу, которая вышла из-под контроля гражданских правительств и парламента, подчинила своей воле императора и стала определять внутреннюю и внешнюю политику страны.

Трансформация государственности Японии в систему милитаристского, фашистского типа, пропитанную идеологией национальной исключительности, явилась содержательным аналогом нацистского переворота в Германии. Вместе с тем этот процесс протекал в плавных, растянутых во времени и менее доступных зарубежному наблюдателю формах, отразивших своеобразие японской политической культуры.

Внешняя политика Японии еще со времен «реставрации Мэйдзи» постоянно испытывала на себе воздействие гегемонистских идей, но, в конечном счете, руководствовалась все же интересами национальной безопасности. Полное подчинение внешнеполитического курса фашистской идеологии произошло в начале 30-х гг. и впервые проявилось в связи с «маньчжурским инцидентом».

Новый кабинет усилил давление на правителя Маньчжурии Чжан Цзолина с целью вынудить его принять жесткую прояпонскую ориентацию. Однако Чжан умело противостоял напору Токио, пригласив американских советников и начав поиск взаимопонимания с СССР. Тогда группа офицеров Квантунской армии составила заговор и в июле 1928 г. убила Чжан Цзолина, взорвав его поезд на пути из Пекина в Мукден. Заговорщики рассчитывали, что маршал Чжан Сюэлян, преемник и сын покойного, моло-

дой еще человек, будет более податлив японскому влиянию, но просчитались. «Молодой маршал» усилил ориентацию на США, а в декабре 1928 г. признал правительство Нанкина и объявил Маньчжурию частью гоминьдановского Китая.

Император и парламентские круги проявили недовольство армейской «инициативой снизу», опасаясь выхода Квантунской армии из-под контроля. Япония еще не была готова к активным действиям. В феврале 1929 г. Г. Танака ушел в отставку, а его меморандум был на некоторое время отложен в сторону. В июле 1929 г. Япония признала гоминьдановский Китай.

18 сентября 1931 г. на железнодорожном полотне принадлежавшей Японии Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) в районе местечка Лютяогоу, недалеко от Мукдена, произошел взрыв поезда. Этот взрыв, организованный, как выяснилось впоследствии, японскими агентами, был объявлен диверсией китайской военной охраны. Под предлогом обеспечения безопасности движения поездов 18 сентября в зону дороги были введены две роты японских солдат, которые были встречены выстрелами китайской дорожной охраны. Японские солдаты открыли ответный огонь, а затем в ходе продолжившейся перестрелки напали на казармы китайской полиции и регулярных китайских войск.

С 1919 г. на части Ляодунского полуострова в Маньчжурии (провинция Гуаньдун, в западной транскрипции — Квантун; не путать с совр. кит. пров. Гуандун. — *А. Ш.*), до Первой мировой войны бывшей германской колонии, были дислоцированы японские вооруженные силы — Квантунская армия. В соответствии с японскими оперативными планами эта армия в случае возникновения чрезвычайной обстановки должна была перейти в наступление против Северо-Восточной армии Китая и занять полосу вдоль Южно-Маньчжурской железной дороги к югу от г. Чанчуня. Этот план вступил в силу. К вечеру следующего дня (19 сентября) японские силы заняли города Мукден и Чанчунь. Китайские войска стали в беспорядке отступать.

Особенность ситуации заключалась в том, что военные действия в Маньчжурии были начаты по инициативе самих японских военных — командования Квантунской армии. Японское правительство в Токио не санкционировало действий военных. Выступая за превращение Маньчжурии в зону японского преобладания, правительство в то же время было намерено добиваться этого политическими и экономическими средствами, хо-

ты и при использовании угрозы силы. Однако военная верхушка действовала методами прямой агрессии, ставя гражданские власти перед фактом. В силу специфики функционирования государственной власти Японии правительство в Токио далеко не всегда могло контролировать действия военных. Поэтому командование японскими вооруженными силами на материке обладало высокой автономностью в своих действиях в Китае. Агрессивность поведения японских военных на материке могла снижаться в случае прихода к власти в Токио относительно осторожных политиков, и напротив — она могла возрастать, если правительство в столице возглавляли единомышленники руководства Квантунской армии.

В период событий в Маньчжурии японские войска насчитывали там всего лишь 10 тыс. человек, в то время как численность китайской армии в этом регионе доходила до 300 тысяч. Но Чан Кайши заранее отказался от вооруженной борьбы. Он отправил телеграмму маршалу Чжан Сюэляну, в которой охарактеризовал действия японской армии как заурядную провокацию. Во избежание расширения конфликта он предложил воздерживаться от оказания сопротивления японским силам. Учитывая внутреннюю слабость Китая, Чан Кайши считал крупномасштабную войну с Японией губительной в силу неспособности китайских вооруженных сил противостоять японским на поле боя.

По той же причине правительство Чан Кайши формально не объявляло войну Японии и не разрывало с ней дипломатических отношений. Непосредственных переговоров с японской стороной Чан Кайши тоже избегал, придерживаясь выжидательной тактики и рассчитывая выиграть время для укрепления обороноспособности Китая. Надежды на урегулирование ситуации китайская сторона связывала с посредничеством Лиги Наций и США. Китайское руководство надеялось при этом использовать противоречия между Японией и другими державами.

21 сентября 1931 г. китайское правительство передало в Лигу Наций в Женеве послание, в котором, ссылаясь на статью 11 Устава Лиги, оно призывало обратить внимание на конфликт между Китаем и Японией и принять меры для предупреждения эскалации конфликта и восстановления статус-кво.

В сентябре — декабре 1931 г. Совет Лиги Наций неоднократно обсуждал маньчжурский вопрос. Он осудил Японию и постановил создать комиссию из авторитетных представителей США, Брита-

нии, Франции, Германии и Италии во главе с англичанином лордом В. Литтоном для изучения обстановки на месте. Ссылаясь на противоречивость поступающей информации, Совет уклонился от введения санкций против Японии и решил вернуться к этому вопросу после завершения работы комиссии Литтона.

Тем временем Квантунская армия расширяла зону оккупации. В октябре — ноябре 1931 г. она овладела Северной Маньчжурией и вышла к границам СССР. Удивительная легкость ее военных успехов предопределила исход борьбы между умеренными и фашистскими элементами в японском руководстве: в декабре 1931 г. правительство Вакацуки — Сидэхара ушло в отставку, новый же кабинет К. Инукаи был близок к фашистским кругам.

Захват Маньчжурии создавал угрозу безопасности Советского Союза. Япония грубо нарушила Портсмутский договор, который не только определял север Маньчжурии как сферу российского влияния, но и запрещал присутствие японских войск на всей ее территории.

Вместе с тем Япония всячески стремилась избежать столкновения с СССР. С началом вторжения она обратилась к Москве с просьбой о соблюдении нейтралитета, напомнив о собственном нейтралитете в советско-китайском конфликте 1929 г. Япония поясняла, что ею, как ранее Советским Союзом, будто бы движет лишь стремление оградить свои интересы от враждебных посягательств китайских властей, и обещала строго блюсти интересы СССР. Новые оккупационные власти демонстрировали подчеркнутую лояльность по отношению к советским учреждениям и персоналу КВЖД.

Советская печать в резких выражениях заклемила агрессию. Вместе с тем Советский Союз официально заявил о своем нейтралитете и невмешательстве в конфликт. Он с недоверием отнесся к миротворческим усилиям Лиги Наций и даже отказался пропустить комиссию В. Литтона через свою территорию.

В декабре 1931 г. новый министр иностранных дел Японии К. Иосидзава находился проездом в Москве. В беседе с ним нарком М. Литвинов предложил заключить советско-японский пакт о ненападении. Такие предложения СССР регулярно делал Японии в 1926—1930 гг., но они отклонялись. На этот раз японский министр обещал подумать.

Советский Союз не случайно поставил вопрос о пакте в самый разгар конфликта. С одной стороны, он заботился о защите своих

интересов в Маньчжурии и безопасности дальневосточных границ. С другой стороны, СССР соотносил этот конфликт с ходом гражданской войны в Китае, полагая, что интервенция Японии подрывает позиции и авторитет Гоминьдана и тем самым объективно способствует развитию китайской революции. В пользу этого соображения свидетельствовали военные успехи коммунистов, создание ими в ноябре 1931 г. Временного центрального рабоче-крестьянского правительства Китая, объединившего «советские районы», созыв первого Всекитайского съезда Советов.

Заклучив пакт, СССР и Япония могли бы разграничить интересы и взаимно гарантировать «свободу рук» в Китае, имея в виду, что никакие их действия в отношении Китая не повлекут за собой столкновения двух государств. В Москве считали, что Япония, обезопасив дальневосточный тыл, могла бы умереннее продвигаться в глубь китайской территории. В этом случае Гоминьдан был бы вынужден вступить в войну, ослабив тем самым давление на «советские районы», а Советский Союз мог бы без оглядки на Японию помогать китайским коммунистам, подрывавшим режим Гоминьдана в борьбе за советский Китай.

В Токио взвешивали заманчивое советское предложение. По этому поводу в правящих кругах и прессе велись широкие дискуссии. В течение года Япония уклонялась от однозначного ответа. Она опасалась, что пакт будет расценен в мире как сговор за счет Китая, что могло бы повлечь за собой недопустимое ухудшение отношений с Западом. Вместе с тем, оставляя открытой дверь для договоренности с Москвой, Япония получала возможность воздействовать на западные державы, пугая их перспективой сближения с СССР. Одновременно, подчеркивая свое неприятие коммунистической идеологии, Япония давала понять, что в случае одобрения Лигой Наций ее действий она могла бы превратить Маньчжурию в барьер на пути советской экспансии в Китае.

Дипломатические маневры СССР и Японии создали сложную политическую ситуацию, в которой западные державы оказались разобщенными. Великобритания, по существу, поддержала Японию. Полагая, что Маньчжурия рано или поздно попала бы в руки СССР, она выбрала позицию, которая не препятствовала бы обострению советско-японских противоречий.

США были настроены критически. Они считали, что Японией движут чисто экспансионистские устремления, а не соображения «сдерживания СССР» или «борьбы с большевизацией Китая».

Американский представитель принял участие в заседании Совета Лиги Наций по маньчжурскому вопросу. Впервые США пошли на тесное сотрудничество с этой организацией.

7 января 1932 г. государственный секретарь США Дж. Стимсон обратился к Японии и Китаю с идентичными нотами, в которых была обозначена политика США в отношении японских захватов. Эта политика получила известность как «доктрина Стимсона». Соединенные Штаты заявили, что не признают никаких действий, нарушающих суверенитет и целостность Китая, принцип «открытых дверей», а также любые соглашения, легализующие аннексию Маньчжурии.

США надеялись, что доктрина Стимсона послужит основой для коллективного демарша государств, подписавших договор о Китае. Однако большинство участников договора уклонилось от этого, а Великобритания даже заявила, что Япония «лучше, чем кто-либо, соблюдает в Маньчжурии принцип "открытых дверей"».

Поощряемая бездействием международного сообщества, Япония в январе 1932 г. попыталась захватить Шанхай. Установив контроль над этим крупнейшим портом и торгово-промышленным центром, она могла бы претендовать на господствующее положение в Центральном Китае.

8 Шанхае японские войска впервые столкнулись с ожесточенным сопротивлением китайской армии. Расчеты на молниеносный захват города не оправдались. Боевые действия приняли характер, угрожающий местной международной колонии.

На этот раз англосаксонские державы оказали решительное противодействие японской агрессии. Из Пёрл-Харбора и Сингапура в Шанхай двинулись корабли американского и английского флотов. Япония была вынуждена отступить. «Шанхайский инцидент» показал, что она не может рассчитывать на безнаказанность, распространяя свою экспансию на Центральный Китай.

Временно отказавшись от мысли о дальнейших захватах, фашистские круги Японии решили закрепить аннексию Маньчжурии. 1 марта 1932 г. на ее территории было учреждено государство с причудливым названием Маньчжоу-го (в переводе с кит. — Маньчжурская империя), столицей которого был объявлен Чанчунь.

Японские военные власти торопились завершить организацию нового государства до приезда в Маньчжурию комиссии В. Литтона, чтобы поставить великие державы перед свершившимся фактом. Главой нового «государства» стал Пу И, последний предста-

витель династии Цин, царствовавшей в Китае до Синхайской революции 1911–1913 гг. Весь чиновнический аппарат Маньчжоу-го полностью находился под контролем Квантунской армии, ей же принадлежала вся полнота власти. Несколько позже японцы присоединили провинцию Жэхэ, завладев в общей сложности территорией около 2 млн км² с населением более 30 млн человек.

В начале мукденских событий японское правительство заявило о том, что не имеет территориальных притязаний в Маньчжурии. Но оно не могло помешать командованию войск на материке осуществить его собственные планы. События развивались при минимальном участии кабинета в Токио. Правительство К. Инукаи было вынуждено санкционировать действия военных в Китае. Однако сам премьер-министр выступил против признания Маньчжоу-го как независимого государства. В мае 1932 г. в обстановке шовинистической истерии он был убит в Токио во время путча, организованного экстремистски настроенными японскими офицерами.

Ни одна из великих держав, за исключением самой Японии, не признала Маньчжоу-го. Даже новый токийский кабинет только в сентябре 1932 г. подписал с ним протокол о взаимном сотрудничестве в обеспечении национальной безопасности и о размещении на территории Маньчжоу-го японских войск. Командующий Квантунской армией по должности был послом Японии в Чанчуне. Он и был фактическим правителем Маньчжурии.

Комиссия Литтона по расследованию событий в Маньчжурии по поручению Лиги Наций прибыла на место лишь в апреле 1932 г., когда японские силы уже не только завершили оккупацию, но и успели создать структуры управления нового псевдогосударства Маньчжоу-го. Позиция самого Литтона заключалась, по его собственным словам, не в том, чтобы заставить Японию уйти из Маньчжурии, а в том, чтобы создать условия, позволяющие ей там остаться.

Работа по расследованию и сбору материала продолжалась в течение двух месяцев. В сентябре комиссия закончила составление доклада, который был опубликован в октябре 1932 г. Доклад и явился поводом для новой дискуссии в Лиге Наций о маньчжурских событиях. Комиссия пришла к выводу о том, что акции японской стороны 18 сентября 1931 г. были спланированной агрессией, а не действиями в целях самообороны. В докладе констатировалось, что Маньчжурия является территорией Китая и японско-ки-

тайский конфликт возник из-за того, что Япония в течение длительного времени осуществляла полицейские и административные функции в зоне, граничащей с принадлежавшей ей Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД).

Отмечая успехи правительства в Нанкине в деле объединения страны, комиссия отвергла исходную концепцию японской стороны, в соответствии с которой Китай рассматривался как «дезорганизованное государство». Эта концепция не была признана достаточным оправданием для действий японских вооруженных сил. В докладе также указывалось, что Маньчжоу-го является образованием, созданным по воле Японии, а не в результате движения местного населения за самоопределение Маньчжурии. Наконец, комиссия признала факт нарушения Японией международных договоров и Устава Лиги Наций вследствие захвата японскими войсками Маньчжурии и отделения от остальной части Китая.

По сравнению с констатирующей частью рекомендации комиссии были более осторожными. В них не содержалось предложений о санкциях против Японии. Напротив, отмечалось, что конфликт не может быть решен простым восстановлением статус-кво. В докладе многократно подчеркивалось наличие у Японии особых интересов в Маньчжурии и указывалось на необходимость эти интересы обеспечить. При этом, правда, комиссия Литтона рекомендовала не признавать Маньчжоу-го в качестве независимого государства, а предлагала созвать международную конференцию для определения нового статуса Маньчжурии как автономной единицы в составе Китая.

Одновременно Маньчжурии предлагалось гарантировать внутреннюю и внешнюю безопасность посредством создания корпуса жандармерии с участием иностранных инструкторов. Иностранных советников предлагалось также назначить на должности в маньчжурском провинциальном правительстве и в его финансовых структурах. Разрешение маньчжурского вопроса предлагалось на основе учета мнений заинтересованных государств, включая Китай, Японию, СССР и западные державы, при соблюдении принципа «открытых дверей» в Китае. Таким образом, авторы доклада высказывались за «интернационализацию» проблемы Маньчжурии и установление над ней международного контроля.

В ноябре 1932 г. в Женеве доклад В. Литтона был поставлен на обсуждение Совета Лиги. В ходе дискуссии японский представитель И. Мацуока выступил против принятия доклада за основу

разрешения маньчжурского вопроса. Вопрос был передан на рассмотрение Ассамблеи Лиги Наций. Ее заседания начались в декабре. Многие малые страны готовы были поддержать предложения Китая о санкциях против Японии и настаивали на непризнании законности японских действий в Маньчжурии и легитимности режима Маньчжоу-го. Однако Великобритания, Франция и Италия стремились умиротворить Японию, и их делегаты, по сути дела, вновь высказались за проведение (при содействии Лиги Наций) прямых переговоров Японии и Китая с целью разрешения конфликта.

Эта позиция во многом совпадала с мнением самой японской стороны. Представитель Японии в Лиге угрожал, что в случае принятия Ассамблеей точки зрения малых стран Япония выйдет из состава Лиги Наций. Ассамблея не пришла ни к какому решению, а доклад комиссии Литтона по инициативе британской стороны был передан для дальнейшего обсуждения в «комитет девятнадцати», созданный в марте 1932 г. для наблюдения за развитием маньчжурского вопроса.

Подготовленный комитетом компромиссный проект резолюции, исключая упоминание о непризнании Маньчжоу-го, тем не менее не удовлетворил японскую сторону. США и Китай также выступили против проекта резолюции. В итоге проект был отклонен.

Одновременно с данным процессом действовала советская сторона. Взамен обязательства Японии воздерживаться от применения силы она была готова обещать ни при каких обстоятельствах не вводить свои войска в Маньчжурию для защиты КВЖД, продать дорогу маньчжурскому правительству, признать его де-факто (но не де-юре) и даже заключить с ним договор о ненападении. Стремясь продемонстрировать японской стороне свое лояльное отношение к Маньчжоу-го, Советское правительство даже разрешило открыть на советской территории маньчжурские консульства. При определенных обстоятельствах также не исключалось признание Маньчжоу-го де-юре. Однако японская сторона отказывалась от переговоров о пакте и не давала официального ответа на советское предложение в течение года. Формальные доводы Токио против пакта были разнообразны. Отмечалось, что он слишком напоминает военный союз и его заключение несвоевременно, указывалось на неготовность общественного мнения Японии принять такой пакт, делались ссылки на наличие других до-

говоров между Японией и СССР, гарантировавших стабильность их отношений и т. д.

В 1932 г. на советско-японские обсуждения стал влиять китайский фактор. Китайское правительство, опасаясь сближения СССР с Маньчжоу-го, решило предложить Москве заключить пакт о ненападении с Китаем и одновременно восстановить дипломатические отношения, разорванные в 1929 г. Советские руководители не поверили в искренность намерений Китая, но сочли, что в возможность советско-китайского пакта может поверить Япония, которая в этом случае ради его срыва согласится на заключение пакта с СССР. Поэтому переговоры с Китаем начались, и о них было сообщено в прессе. Через полгода, 12 декабря 1932 г., советско-китайские дипломатические отношения были в самом деле восстановлены. Однако реакция Токио оказалась противоположной ожидаемой. Советско-китайское сближение только насторожило Японию. 13 декабря 1932 г. японское правительство официально отклонило советское предложение об открытии переговоров по вопросу о пакте.

Ужесточение позиции Лиги Наций по маньчжурскому вопросу произошло в начале 1933 г. в связи с новыми агрессивными акциями японских войск в Китае. В январе 1933 г. японские силы захватили город Шаньхайгуань у восточной оконечности Великой Китайской стены, открывавший ворота из Маньчжурии во Внутренний Китай. 20 февраля японское командование потребовало вывода китайских войск с территории Жэхэ, расположенной между Маньчжоу-го и Великой стеной к северо-востоку от нее. На следующий день японские войска начали наступление на эту провинцию.

В такой обстановке Ассамблея Лиги Наций 24 февраля 1933 г. абсолютным большинством одобрила доклад комиссии В. Литтона. В резолюции признавались «особые права и интересы» Японии в Маньчжурии, однако ее захват объявлялся незаконным, суверенитет Китая над этой территорией подтверждался. Члены Лиги обязывались не признавать Маньчжоу-го де-юре и де-факто, а Японии предлагалось вывести оттуда войска.

В связи с принятием этого документа японский делегат заявил о невозможности сотрудничества японского правительства с Лигой, и члены японской делегации покинули зал заседаний Ассамблеи. 27 марта 1933 г. японское правительство официально объявило о выходе из Лиги Наций.

Тема 7

НАРАСТАНИЕ ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ В МИРЕ В 1933-1939 гг.

Внешнеполитическая подготовка Германии к войне. Основу внешнеполитической программы немецкого национал-социализма составляли планы полного господства Великой Германии над континентальной Европой. Сердцевиной этих планов являлся захват «жизненного пространства» на Востоке. Присоединение соседних государств, разгром Советского Союза и экономическая эксплуатация занятых территорий рассматривались идеологами национал-социализма как решающее условие и предпосылка для полного господства в Европе и основа последующей борьбы за гегемонию в мире.

Внешнеполитическая программа Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСРПГ) выводилась из необходимости поэтапного продвижения как к конечным, так и к промежуточным целям. Отсюда в предвоенной внешней политике Германии можно выделить три этапа, осуществление которых предшествовало открытой борьбе за господство в Европе. Первый этап (1933—1935) — внутренняя консолидация фашистского режима, наращивание вооружений, укрепление внешнеполитических позиций путем разрушения существующего соотношения сил в Европе; второй этап (1935—1937) — переход к открытой гонке вооружений, отказ от территориального статус-кво, установленного Версальским договором, акции по нагнетанию международной напряженности (вмешательство в гражданскую войну в Испании, создание политического блока Берлин — Рим — Токио); третий этап (1937—1939) — переход к агрессивным действиям в Европе, захват территорий суверенных государств, форсированная военно-экономическая, идеологическая и политико-дипломатическая подготовка к войне за европейское господство.

Достижение внешнеполитических целей представлялось лидерам национал-социализма возможным только при помощи силы, причем в разных ее проявлениях: путем скрытой угрозы, демонстрации либо открытого применения. Война рассматривалась как неизбежное средство решения конечной цели — установления имперского господства в Европе, поэтому она с самого начала

существования фашистского режима считалась легитимным и единственно реальным средством осуществления внешнеполитической программы.

Несмотря на то, что А. Гитлер с самого начала активно убеждал мир в исключительно мирных намерениях, в западных государствах возникла обеспокоенность направлением перемен в Германии после прихода к власти национал-социалистов, хотя антикоммунистические высказывания Гитлера приветствовались. Однако симптомы строительства тоталитарной системы и особенно преследование евреев вызывали осуждение на Западе.

Наилучший способ влияния на политику Германии виделся в ее более тесных связях с Западом даже ценой неизбежных concessions и уступок. В этом плане важнейшим моментом осуществления внешнеполитической программы Германии стал «пакт четырех» как способ изменить существовавшую систему международных отношений в Европе. «Политический договор о согласии и сотрудничестве» между Великобританией, Францией, Италией и Германией был предложен Б. Муссолини и подписан 15 июля 1933 г. в Риме. Проект документа насчитывал шесть статей. Две из них, первая и четвертая, регулировали определяющие направления взаимодействия ведущих держав. Взаимодействие строилось на «эффективной политике сотрудничества» и согласованной разработке совместной позиции по всем международным и европейским проблемам, включая колониальные. Проект предусматривал, что договаривающиеся стороны будут в своем кругу не только принимать решения, касающиеся других государств, но и смогут действовать ради «склонения третьих сторон к одобрению политики мира». Б. Муссолини был убежден, что принцип равенства государств — не более чем вредное фразерство, а Лига Наций парализована поисками единства среди более чем 50 государств и многого не в состоянии достичь. Директорат же четырех держав по образцу Священного союза и Европейского концерна XIX века мог, по представлению Б. Муссолини, намного эффективнее влиять на состояние международного устройства, а заодно исправить ошибки, допущенные на мирных конференциях после Первой мировой войны. Таким образом, «пакт четырех» был попыткой модифицировать Версальскую систему.

Политическое руководство «Третьего рейха», хотя и отдавало предпочтение двусторонним соглашениям, на первом порах с большим энтузиазмом отнеслось к «пакту четырех». Преимущества были очевидными: Германия не только полностью уравнива-

лась в правах с ведущими государствами Западной Европы, но и становилась членом «директории четырех», которая претендовала на руководство общеевропейской политикой. За Германией признавалось равенство прав в области вооружений. Благодаря «пакту четырех» Гитлер надеялся, в лучшем случае, на проведение ревизии границ, хотя и под формальной эгидой Лиги Наций, в худшем — на спасение от международной изоляции.

Переговоры о «пакте четырех» вызвали недовольство в других европейских государствах, особенно в Польше, Франции. Вскоре они приобрели нежелательный для Германии характер. Поправки, внесенные Великобританией и особенно Францией, лишили первоначальный проект Б. Муссолини привлекательности для германской внешней политики. В измененном виде пакт создавал определенную опасность для нацистских планов ревизии Версальской системы.

Так, статья первая в окончательной редакции требовала от договаривающихся сторон «прилагать всесторонние усилия, чтобы в рамках Лиги Наций проводить политику эффективного сотрудничества». Однако и отказаться от подписания «пакта четырех» Германия уже не могла: она оказалась бы перед перспективой изоляции и столкновения с объединенным фронтом Италии, Великобритании и Франции. Гитлер проявил «уступчивость»: подписав пакт, он не собирался его выполнять. «Пакт четырех» оказался «мертворожденным ребенком» и никогда не вступил в силу (не был ратифицирован Германией и Францией).

Тем не менее принято считать, что он принес немалый ущерб политическому климату в Европе, так как содействовал подрыву существовавшего положения путем попытки пересмотра Версальской системы, отхода от принципов Лиги Наций в направлении традиционной политики силы.

Второй этап в развитии предвоенной внешней политики фашистской Германии характеризуется расширенным строительством вооруженных сил и усилением гонки вооружений; новыми нарушениями международных обязательств, связанных с отказом от территориальных установлений Версальского и Локарнского договоров; значительным усилением международного положения «Третьего рейха» путем создания политического блока Берлин — Рим — Токио; максимальным использованием в своих агрессивных интересах обострения ситуации в любом районе континента и за его пределами.

В марте 1933 г. английский премьер-министр Дж. Макдональд представил в Женеве на конференции по разоружению следующий план: Германии предлагалось удвоить ее рейхсвер, т. е. довести армию до 200 тыс. человек, одновременно на столько же уменьшить численность французских вооруженных сил. Предполагалось количественно сократить армии всех европейских стран, увеличить только германскую. По мнению Дж. Макдональда, политика концессий и уступок была наилучшей для влияния Запада на Германию. Однако Гитлера, почувствовавшего слабость плана, не удовлетворяли предусмотренные планом ограничения морских и военно-воздушных вооружений и пятилетний контрольный период. В октябре 1933 г. Германия покинула Женевскую конференцию, а вместе с тем и Лигу Наций, мотивируя причину демарша необходимостью придерживаться полного равноправия Германии среди европейских государств. Чтобы успокоить международное мнение, Гитлер еще 17 мая выступил с мягкой речью, уверяя в своих мирных намерениях. В Лиге Наций речь была принята с удовлетворением, а в Великобритании даже хвалили германского лидера за реализм и умеренность.

Далее, в нарушение соответствующих статей Версальского договора, в субботу 9 марта 1935 г. Г. Геринг официально объявил о том, что в Германии имеется военный аэродром, а это пактом запрещалось. Одновременно Лондону было передано предложение, чтобы в Берлин прибыли британские политики для переговоров о вооружениях. 13 марта министр Дж. Саймон выразил согласие. В очередную субботу 16 марта 1935 г. было оглашено постановление правительства «Третьего рейха» о создании вооруженных сил (с тех пор Гитлер обнародовал важные решения именно по субботам).

Создание германского военно-воздушного флота, введение в стране всеобщей воинской обязанности и курс на увеличение армии в мирное время от 300 до 500 тыс. человек вызвали сильное замешательство Запада. Французский посол А. Франсуа-Понсе попросил аудиенции у Гитлера и выразил протест против явного нарушения Версальского договора. Фюрер ответил, что меры, предпринятые Германией, носят чисто оборонительный характер, и Франции опасаться нечего. «Ваш главный враг не Германия, а коммунизм», — сказал он. У А. Франсуа-Понсе не осталось никаких сомнений: Гитлер не собирается чем-либо угрожать Франции либо Великобритании, а его решимость направлена на Советский Союз.

Разрушение Германией основ послевоенного устройства встревожило европейские государства. Собравшись 11—14 апреля 1935 г.

в Стрезе, городке на севере Италии, руководители правительств Великобритании, Франции и Италии осудили нарушение Германией военных статей Версальского договора и пригрозили общим противодействием подобным нарушениям. В дипломатии стал фигурировать новый термин — «фронт Стрезы». Согласованная позиция трех держав принудила фашистское руководство Германии на определенное время прекратить попытки подрыва Версальской системы и искать иные обходные варианты. Следует отметить, что несмотря на идеологические симпатии к фашистскому режиму в Германии, даже Б. Муссолини не во всем поддерживал Гитлера, наоборот — по многим вопросам на первых порах с ним не соглашался. Будучи недовольной результатами Парижской мирной конференции, Италия все же оставалась государством-победителем, а не побежденным, как Германия, и сохраняла достоинство, подобно Великобритании и Франции. Считая себя покровителем Австрии, Б. Муссолини имел претензии к Гитлеру по поводу попыток фашистского путча в Австрии и убийства канцлера Э. Дольфуса. Он позитивно высказывался в отношении проявленного с определенных пор Францией стремления к политическому сближению. Это нашло выражение в подписанном Б. Муссолини и П. Лавалем 7 января 1935 г. в Риме соглашении по спорным вопросам в Африке. Многие говорили о том, что П. Лаваль во время визита выразил устное согласие на аннексию Италией Абиссинии.

Жалоба Франции на поведение Германии была рассмотрена на заседании Совета Лиги Наций, который 17 апреля 1935 г. принял резолюцию против самовольной ремилитаризации. Резолюция встретила резкую критику Гитлера. В выступлении 21 мая он, в свою очередь, обвинил Францию в нарушении Рейнского договора и, в частности, атаковал советско-французский договор от 2 мая и франко-чехословацкий — от 16 мая 1935 г., заявив, что это военный союз против Германии, подобный соглашениям Франции и России перед Первой мировой войной.

Вопреки критике Германия смогла за очень короткий исторический отрезок провести грандиозную работу по милитаризации страны. С 1934 по 1940 г. ее военное производство выросло в 22 раза! А общая численность армии за семь предвоенных лет возросла со 105 тыс. до 4 млн человек, т. е. более чем в 35 раз.

Другим направлением, которое отражало нарастающую агрессивность Германии, стала оккупация демилитаризованной Рейнской зоны. Гитлер объявил советско-французский договор 1935 г.

о взаимопомощи несовместимым с Локарнскими соглашениями, т. е. нарушающим их, а потому освобождающим Германию от ее обязательств по демилитаризации Рейнской области. Для ее захвата был выбран соответствующий момент когда мир был занят итальянской агрессией в Абиссинии. А непосредственным поводом стала ратификация 27 февраля 1936 г. французским парламентом советско-французского договора. Германские войска вошли в Рейнскую область 7 марта 1936 г. Казалось: вот основание, чтобы поставить на место зарвавшихся руководителей нацистской Германии. Тем более, что Гитлер выставил для этой операции всего одну дивизию. Как позднее вспоминал он сам, «48 часов, что последовали после вступления в Рейнскую область, были самым напряженным периодом моей жизни. Если бы французы начали движение в Рейнскую область, нам пришлось бы с позором отступить, потому что силы, которыми мы располагали, были недостаточны даже для слабого сопротивления». В том же духе говорил о французах В. Кейтель: «Они могли бы нас легко выбросить, и я лично ничуть этим не был бы удивлен. Но после того, как Гитлер увидел, что ему все сходит с рук... вот тогда одна акция начала сменять другую».

Это был один из критических моментов в истории межъевропейских отношений после Первой мировой войны. Демилитаризованный статус Рейнской области считался наиболее весомой гарантией против германской агрессии на Запад. Первой реакцией на вхождение германских войск в зону была жалоба Франции и Бельгии в Лигу Наций. Затем представители Франции, Бельгии, Великобритании и Италии собрались в Лондоне, где 19 марта 1936 г. озвучили лишь «текст предложений» в адрес Германии. Их суть — призыв к Германии о согласии, чтобы взаимосвязь между франко-советским договором и Локарнским соглашением была рассмотрена Постоянной палатой Международного правосудия в Гааге и чтобы немцы воздержались от дальнейшего направления войск в Рейнскую область. Не последовало даже ожидаемой решительной реакции со стороны Франции. Ее генштаб высказался против военной операции. Не более решительными были и гражданские власти. Вылетев срочно для консультаций в Лондон, министр иностранных дел П.-Э. Фланден был встречен заявлением о том, что английское правительство не считает ремилитаризацию Рейнской области грубым нарушением Локарно, поскольку угрозы вторжения во Францию нет. Дело завершилось опубликованием звучных протестов, поддержанных Лигой Наций, и заявлением о проведении англо-французских военных пе-

реговоров (которые не много значили, ибо англичане избегали обсуждения конкретных обязательств по взаимопомощи). В дальнейшем Великобритания призвала Францию и Германию найти пути к соглашению о сохранении статус-кво в Европе.

Демилитаризация Рейнской области особенно беспокоила Бельгию, где поняли, что страна не может рассчитывать на гарантии безопасности со стороны участников Рейнского договора. 14 октября 1936 г. бельгийское правительство сообщило, что Бельгия является нейтральным государством и всеми силами будет защищать свою независимость. Новый курс означал выход Бельгии из обязательств по Локарнским соглашениям и договоренностям, заключенным 19 марта 1936 г. в Лондоне. Тем не менее правительства Великобритании и Франции в 1937 г. подтвердили свои обязательства помощи Бельгии в соответствии с этими документами. Берлин также в заявлении от 13 октября 1937 г. подтвердил неприкосновенность и нерушимость бельгийских границ, исключением из чего могло стать лишь участие Бельгии «в военной акции против Германии в ходе вооруженного конфликта, в который была бы впутана Германия».

Поворот к кардинальному изменению международных позиций фашистской Германии произошел в связи с заключением англо-германского военно-морского соглашения от 18 июня 1935 г. Соглашение было прямой реакцией Лондона на германскую критику договоров Франции с СССР и Чехословакией и имело политические последствия для развития ситуации в Европе, а в перспективе — и военные результаты. Согласно заключенному договору, Берлин добровольно брал на себя обязательство ограничивать тоннаж своего военно-морского флота 35 % флота Британского содружества наций (в том числе по подводным лодкам — 45 %, а в «отдельном случае» за Германией оставлялось право достигать паритета в этом классе судов).

Великобритания сочла договор удачным для себя, поскольку он жестко обязывал Германию иметь флот, по размерам не превышающий третью часть британского флота. В действительности речь шла не об ограничении германских морских вооружений, а, как минимум, о четырехкратном увеличении их по сравнению с флотом, существовавшим на момент подписания договора. Понятно, что такое увеличение дестабилизировало закрепленный уровень морских вооружений в других странах. Тем более, что увеличенный военно-морской флот «Третьего рейха» располагался в Северном и Балтийском морях и представлял опасность для

государств этого региона. Таким образом, договор предопределил рост морских вооружений буквально во всех европейских странах. Вопреки расчетам британских стратегов англо-германское морское соглашение не только не стабилизировало гонку вооружений, но и, нарушая существовавшее соотношение сил на море в пользу потенциального агрессора, наносило явный ущерб делу мира и безопасности народов Европы.

Для внешней политики фашистской Германии заключенное соглашение явилось крупным успехом. Гитлер рассматривал его как решительный шаг к двустороннему широкому сотрудничеству, «не отягощенному пактами о коллективной безопасности». Соглашение наградило Германию, вопреки установленным ограничениям, правом увеличения своего военного флота. Это оказалось тем стратегическим преимуществом, которое в скором времени создало реальную угрозу морским державам — США и Великобритании. Соглашение принесло Германии и непосредственные внешнеполитические выгоды. «Фронт Стрезы» был прорван, изоляция на международной арене окончательно ликвидирована. Великобритания односторонне одобрила морские вооружения «Третьего рейха», над которыми отныне практически был утрачен контроль. В результате Берлин приобрел позиции, опираясь на которые в скором времени смог отказаться от всех международных соглашений и гарантий по обеспечению мира. Это соглашение нанесло тяжелый удар в первую очередь по позициям Франции, которая на протяжении 15 лет делала ставку на сохранение основы и духа Версальского мирного договора.

Британская политика содействовала приобретению политического капитала потенциальным агрессором в тот момент, когда он имел в этом особую потребность. Этим соглашением Лондон желал приобрести «свободу рук» для защиты своих тихоокеанских владений от японской угрозы, однако просчитался. Англо-германское морское соглашение не развязало руки британской политике. Оно увеличило свободу внешнеполитического маневра «Третьего рейха» и в результате заставило Великобританию расплыть свои силы между несколькими «горячими точками».

В середине 1930-х гг. существенные изменения переживали германо-американские отношения, в ходе которых обострились финансово-экономические проблемы. Гитлеровская Германия в 1933 г. фактически прекратила все платежи по внешним государственным и коммерческим долгам, а в 1934 г. подтвердила это официально. В ответ на протесты Государственного департамента

США официальные германские лица мотивировали свою позицию недостатком валюты и предложили Вашингтону заключить новый торговый договор, который расширил бы экспорт германских товаров. В этом случае Германия обещала не только продолжить выплату процентов по займам, но и увеличить закупки американского сырья при условии предоставления ей новых кредитов.

США были заинтересованы в получении процентов по займам и расширении своей внешней торговли, особенно в экспорте сельскохозяйственной продукции. Специально созданная комиссия констатировала, что торговая война с Германией невыгодна для американской стороны, потому что будет означать резкое уменьшение американского экспорта, создаст угрозу интересам более чем миллиона американцев, имеющих вклады в германскую экономику, вызовет недовольство большой группы американцев германского происхождения. С другой стороны, заключение нового торгового договора не позволит США избежать ущерба из-за специфических германских требований. Комиссия пришла к выводу, что лучше оставить все без изменений.

В результате германский рынок уходил из рук США. А экономическая экспансия Германии за пределами США еще более обостряла противоречия между обеими странами, принуждая американских монополистов искать более эффективные средства борьбы с опасным ростом германской конкуренции.

Вопрос сохранения мира в Европе. Международные отношения в 1933—1937 гг. характеризовались серьезными изменениями как в экономике, так и в политике большинства государств мира. Не оправившись от потрясений мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., их экономика оказалась в состоянии длительного застоя. В этих условиях сильнее обычного обострились все внутренние и внешние противоречия. Особой остроты они достигли в Европе. Здесь в ряде стран происходила фашизация государственного аппарата и сопутствующая ей ликвидация буржуазно-демократических свобод. В 1936 г. из 26 европейских государств только в 10 сохранились эти свободы. Наиболее реакционной и агрессивной формой фашизма стал германский национал-социализм. В напряженной международной обстановке актуальной оказалась тема угрозы новой мировой войны. Вопросы ее предотвращения активно обсуждались буржуазным миром на Всемирной конференции по разоружению в Женеве. Коммунистические силы этот же вопрос поставили перед Коминтерном.

XIII пленум Исполкома Коммунистического Интернационала, состоявшийся в ноябре — декабре 1933 г., дал характеристику фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала». Фашистская Германия характеризовалась как главный поджигатель войны в Европе. На VII конгрессе Коминтерна, проходившем летом 1935 г., СССР определил в качестве неотложной задачи борьбу против угрозы новой войны, которую готовили агрессивные фашистские державы. Успех этой борьбы конгресс поставил в зависимость от формирования коммунистами единого рабочего фронта, широкого антифашистского фронта в европейских странах, а также единого антиимпериалистического фронта в колониальных и зависимых странах. Тактикой Коминтерна отныне стало создание в европейских странах правительств единого рабочего и народного фронта. В Германии и Италии программа Коминтерна была встречена враждебно, руководящие круги других европейских государств также оценивали ее отрицательно. Тем не менее программа имела успех. В ряде государств, в том числе в Испании, Франции и Чили на парламентских выборах победили левые силы и были созданы правительства народного фронта. Они развернули широкую борьбу против распространения фашизма в своих странах.

Участие СССР во Всемирной конференции по разоружению в Женеве ознаменовалось прежде всего инициативой об определении агрессора, изложенной 6 февраля 1933 г. М. Литвиновым. Конференция одобрила этот проект и создала под председательством греческого дипломата Н. Политиса специальную комиссию по подготовке проекта постановления. Рапорт комиссии Н. Политиса был представлен уже 24 мая, однако вопреки позитивному отношению со стороны многих делегаций соответствующая конвенция в итоге не была подписана. Вместе с тем СССР сумел заинтересовать некоторые государства подписанием региональной конвенции по этому вопросу. Соответствующие переговоры проходили в советском посольстве в Лондоне, и вскоре было согласовано, что будут подписаны три конвенции: региональная, всеобщая и двусторонняя.

Региональную конвенцию по вопросу определения агрессии подписали в Лондоне 3 июля 1933 г. восемь государств: Афганистан, Иран, Латвия, Польша, Румыния, СССР, Турция, Эстония. 27 июля этот документ подписала также Финляндия. Статья 2 конвенции определяла, что агрессором будет признано любое государство, которое первым допустит одно из следующих дей-

ствий: 1) объявление войны другому государству; 2) вторжение регулярной армии на территорию другого государства, хотя бы и без объявления войны; 3) бомбардировку территории другого государства сухопутными, морскими или воздушными силами; 4) блокаду морского побережья либо портов другого государства; 5) поддержку партизанам, которые осуществляют вторжение на территорию другого государства. Статья 3 гласила, что «любые обстоятельства политического, военного, экономического либо иного характера не могут служить невинностью либо оправданием агрессии, предусмотренной в статье 2». К конвенции давалось приложение с пояснением, что акт агрессии не может быть оправдан политической, экономической или социальной системой какого-либо государства, проблемами его руководства, беспорядками, забастовками, революциями, контрреволюциями или гражданскими войнами. На следующий день, 4 июля, в Лондоне была подписана подобная конвенция, которая имела всеобщий характер. Ее подписали представители СССР, Чехословакии, Румынии, Югославии, Турции, а 5 июля двустороннюю конвенцию подписали СССР и Литва.

Конвенция об определении агрессии была признана дипломатией важным политическим событием мирового значения, усиливающим прочность границ и чувство национальной безопасности.

В этот период изменилось отношение Советского Союза к Лиге Наций, на что немалое влияние оказал кризис «духа Рапалло» в советско-германских отношениях из-за антикоммунистических высказываний А. Гитлера. В сентябре 1934 г. 30 государств обратились к СССР с приглашением о вступлении в Лигу Наций. После согласия Москвы и рекомендации Совета Лиги 18 сентября 1934 г. Ассамблея Лиги Наций приняла СССР в свою организацию и включила в число постоянных членов Совета Лиги. За принятие Советского Союза в Лигу голосовало 39 членов Ассамблеи, три голоса были против: Голландии, Португалии и Швейцарии. В то же время за предоставление ему места постоянного члена Совета Лиги результат голосования был несколько иным: 40 голосов «за» и 7 «воздержавшихся».

Последующая деятельность СССР в Лиге Наций пришлась на период усиливающихся агрессивных действий государств «оси» Берлин — Рим. Советский Союз в этих условиях действовал ради усиления мирных инициатив Лиги и осуждения актов агрессии. Одновременно многие государства-члены не избавились от опасений, что СССР стремится использовать свою позицию в Лиге для

распространения коммунистической доктрины. Вступление Советского Союза в сентябре 1939 г. в войну против Польши не вызвало реакции со стороны Лиги Наций. Но вину за развязывание войны с Финляндией Лига возложила только на Москву и 14 декабря 1939 г. исключила СССР из своих рядов.

Очередной этап улучшения советско-французских отношений наступил в период, когда в Германии уже правил А. Гитлер, а сама страна покинула Всемирную конференцию по разоружению и Лигу Наций. В то время Франция позитивно оценила договоры, заключенные Советским Союзом с различными государствами, а также подписанную по его инициативе Лондонскую конвенцию об определении агрессора. Советско-французские визиты и дипломатические контакты оживились летом и осенью 1933 г., а в декабре того же года начались переговоры министра иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкура с послом СССР в Париже В. Довгалевским. Они касались заключения многостороннего договора, названного Восточным пактом, который согласно советской концепции должен был охватить СССР, Францию, Польшу, Чехословакию и Прибалтийские государства. Дальнейшие переговоры в феврале 1934 г. продолжил новый министр иностранных дел Франции Л. Барту. Он предложил включить в пакт Германию, исходя из того, что любая гарантия о ненападении и взаимной помощи с ее участием создавала бы в Центральной и Восточной Европе новое политическое качество. После оживленных консультаций, проведенных в Женеве, Лондоне и Варшаве, был наконец сформулирован проект Восточного пакта, который предполагалось сложить из трех договоров: регионального (с участием СССР, Германии, Польши, Чехословакии и Прибалтийских государств), обязывающего стороны к взаимной помощи, а в случае агрессии — к поведению в соответствии с Договором о Лиге Наций; советско-французского, предполагающего присоединение СССР к гарантиям в соответствии с Рейнским пактом; генерального (с участием всех сторон первых двух договоров), содержащего общие положения о взаимодействии во имя мира в Европе.

Польская дипломатия, которой руководил Ю. Бек (с ноября 1932 г.), с самого начала критически отнеслась к Восточному пакту. Особое нежелание возбуждала вероятность гарантий безопасности Польши со стороны СССР. Ю. Бек выдвигал, кроме того, различные предостережения относительно Чехословакии, а с Германией надеялся улучшить двусторонние отношения на основе специально подписанной декларации (26 января 1934 г.). В то же

время однозначно негативную позицию относительно Восточного пакта заняла Германия, о чем свидетельствовало заявление, сделанное в Берлине 8 сентября 1934 г. После смерти Л. Барту (погиб 9 октября 1934 г. в Марселе вместе с королем Югославии Александром I в результате взрыва бомбы) переговоры о Восточном пакте проводил его преемник П. Лаваль, но без особой убежденности. Первоначально он декларировал продолжение линии Л. Барту, но вскоре оказалось, что основное внимание направляется на соглашение с Германией и Италией. Еще 5 декабря 1934 г. П. Лаваль подписал с советским послом В. Потемкиным декларацию о продолжении деятельности по заключению Восточного пакта, который к тому времени уже был мертвой идеей. И все же он оказался тем политиком, который подписал в Париже 2 мая 1935 г. договор о взаимной помощи между СССР и Францией. Статья 1 документа гласила, что в случае угрозы нападения со стороны одного из европейских государств «Франция и СССР обязуются взаимно приступить к немедленным консультациям с целью принятия шагов, необходимых, чтобы гарантировать соблюдение положений статьи 10 Устава Лиги Наций». Приложенный к договору протокол ясно подчеркивал, что «переговоры, завершившиеся подписанием настоящего Договора, были первоначально начаты с целью восполнения договора о безопасности, охватывающего страны северо-восточной Европы» и заверял, что оба правительства будут и далее стремиться к заключению более широкого регионального договора.

П. Лаваль как министр и премьер-министр (с 7 июня 1935 г.) не придавал большого значения подписанному договору и многое сделал, чтобы уменьшить его значение и оттянуть ратификацию (которая произошла только 27 февраля 1936 г., уже после его отставки). С советско-французским договором определенным образом был связан договор о взаимной помощи между СССР и Чехословакией, подписанный в Праге 16 мая 1935 г. Он содержал почти те же положения, что и предыдущий договор, с одной существенной особенностью, содержащейся в приложенном протоколе. Оба правительства утверждали, что «обязательства по взаимной помощи будут действительными между ними только тогда, когда для исполнения условий, изложенных в настоящем договоре, Франция придет на помощь стороне — жертве нападения».

Новым подтверждением неэффективности советско-французских попыток создать новую систему европейской безопасности

стали германо-польские отношения. Когда 30 января 1933 г. к власти в Германии пришел А. Гитлер, польская дипломатия первоначально решила, что это придаст больше шансов делу укрепления западной границы и усиления национальной безопасности. Первая официальная встреча польского посла с Гитлером произошла 2 мая 1933 г. После нее Гитлер подчеркнул, что прежде чем возникнут благоприятные условия для реализации главных целей, для его правления необходимо и полезно соглашение с Польшей. В мае 1933 г. обозначились признаки разрядки и сближения между обоими государствами. Проект германо-польской декларации о неприменении силы был вручен Ю. Пилсудскому в ноябре, а 26 января 1934 г. указанный документ был подписан в Берлине. Декларация имела ссылку на принципы пакта Бриана — Келлога и утверждала, что международные обязательства обоих правительств не препятствуют мирному развитию двусторонних отношений и не противоречат данной декларации. Однако в ней отсутствовала запись о признании территориального статуса-кво и границ, в чем нуждалась Польша. Соглашение вызвало удивление в Москве, а в Париже и Лондоне было встречено сдержанно, поскольку нарушало утвердившиеся взгляды на европейскую безопасность. 7 марта 1934 г. был также подписан германо-польский протокол о прекращении экономической войны, длившейся с 1925 г.

Вразрез с планами СССР и Франции развивались и отношения в Малой Антанте, члены которой (Чехословакия, Румыния, Югославия) пошли по пути обеспечения безопасности в своем регионе собственными силами. Организационный договор Малой Антанты был подписан в Женеве 16 февраля 1933 г. Его преамбула гласила, что целью участников являются действия, направленные на «окончательную стабилизацию условий в Средней Европе» и «создание руководящего органа» их совместной политики. Формировался Постоянный совет государств Малой Антанты в составе министров иностранных дел. Существенное значение имела статья 6: «В будущем любой политический договор, заключенный одним из государств Малой Антанты, любой односторонний акт, изменяющий существующую политическую ситуацию одного из государств Малой Антанты относительно третьего государства, а также любой экономический договор, влекущий важные политические последствия, потребует единодушного согласия Совета Малой Антанты».

Прежде чем Малая Антанта смогла укрепиться, на Балканах возникла новая группировка, объединившая Грецию, Югославию, Румынию и Турцию. Эти государства подписали в Афинах 9 февраля 1934 г. пакт о Балканском соглашении, создавший так называемую Балканскую Антанту. Главным поводом организации нового блока была обеспокоенность балканских государств направлением политических перемен в Германии и Италии и нарастанием агрессивных тенденций в фашистских государствах. Сильное влияние на формирование группировки оказали Франция и Великобритания, считавшие, что таким способом они сохраняют влияние в регионе. Первоначальный антифашистский характер Балканской Антанты вскоре ослаб. Это было результатом спада активности и возможностью Франции на Балканах и растущей активности — в первую очередь экономической, а затем и политической — Германии в этой части Европы, а также внутренних перемен в некоторых балканских государствах.

Малая Антанта, как и Балканская Антанта, потеряла свое значение после заключения 24 января 1937 г. инспирированного Берлином договора о дружбе между Югославией и Болгарией в Белграде. Вслед за ним 25 марта 1937 г. Югославия подписала политический договор с Италией. Вопреки упомянутой статье 6 договора Малой Антанты Югославия вообще не проинформировала своих партнеров о содержании договора и намерении его подписать. Югославия полностью одобрила аннексию Эфиопии Италией.

Важнейшим внешнеполитическим достижением итальянского лидера Б. Муссолини стала поддержка его планов в отношении Эфиопии со стороны французского премьер-министра П. Лаваля. Для диктатора это имело огромное значение, ибо приближало его к реализации великой цели — созданию колониальной империи в Африке и уравнения с Великобританией и Францией, которые владели значительными африканскими колониями.

С конца 70-х гг. XIX в. итальянцы владели Эритреей на побережье Красного моря и частью Сомали (Итальянское Сомали) на побережье Индийского океана. Эти колонии, однако, не соединялись между собой, так как от побережья их отделяли Французское и Британское Сомали, а со стороны материка — независимая Эфиопия. Кроме Франции, особое значение для Б. Муссолини имела позиция Германии и Великобритании. Получение поддержки Гитлера оказалось простым в условиях процесса активизации фашистских режимов в обоих государствах. Впрочем, дуче позже заплатил за эту поддержку уступками в отношении Австрии.

Значительно труднее было заручиться пониманием экспансии со стороны Великобритании. Эфиопия граничила с Суданом, который вместе с Египтом и Суэцким каналом имел для имперской британской стратегии 30-х гг. жизненно важное значение. Господство в этом регионе обеспечивало доступ к Ближнему Востоку и гарантировало контроль над коммуникациями из Средиземного моря в Индию. Кроме того, Великобритания на определенном этапе была уверена, что так называемый «фронт Стрезы» — итало-франко-британское сотрудничество в соответствии с соглашением от 14 апреля 1935 г. — будет продолжаться. Агрессивные намерения Италии не нашли поддержки, их пытались сдержать. Все же Лондон стремился не допустить изоляции Б. Муссолини от Запада и поэтому искал некий компромисс чрезвычайным амбициям дуче. Когда эти усилия не принесли результата, Великобритания довольно быстро смирилась с агрессией.

Итало-эфиопская война началась с инцидента в Уол-Уол, местности в глубинах Эфиопии, где 5 декабря 1934 г. произошло вооруженное итало-эфиопское столкновение. И далее пользуясь отсутствием точно обозначенной границы в пустынной местности, итальянцы все более углублялись на эфиопскую территорию. Жалобы в Лигу Наций направляли и Эфиопия, и Италия. Вскоре стало понятно, что Италия не собирается мирно решать конфликт. Но когда Эфиопия 16 и 17 марта 1935 г. обратилась в Лигу, прося о помощи в соответствии со статьей 15 Устава, там все внимание было приковано к Германии, объявившей о курсе на ремилитаризацию. В ноте в Женеву Б. Муссолини объяснял, что его военные приготовления вызваны охраной своей колонии от потенциального вторжения Эфиопии. К концу августа итальянские силы насчитывали здесь до 350 тыс. солдат. По инициативе Лондона министры иностранных дел Италии, Франции и Великобритании 16—18 августа обсуждали проекты разрешения конфликта; в частности, строительство итальянцами железной дороги через территорию Эфиопии для соединения Эритреи и Сомали. Б. Муссолини отверг все проекты и потребовал признать его протекторат над Эфиопией. 6 сентября Совет Лиги Наций образовал «Комитет пяти» (Великобритания, Франция, Испания, Польша и Турция) для анализа сути спора и выработки способа его разрешения.

3 октября 1935 г. Италия начала прямую агрессию против Эфиопии. Лига Наций признала Италию агрессором и 11 октября приняла решение о санкциях против ее («за» 50 государств, «против» — Италия, Албания, Австрия и Венгрия). США, согласно

закону о нейтралитете от 31 августа 1935 г., приняли решение запретить поставки оружия обеим воюющим сторонам. Такой запрет ударил по Абиссинии, ибо в отличие от Италии она не имела необходимых запасов современного вооружения. Президент Ф. Рузвельт призывал к ограничению торговли всеми товарами с Италией, но без успеха, так как торговые обороты США с этим государством, особенно нефтью, за период войны значительно возросли. Делегат Канады в Лиге Наций предложил включить в список товаров, которые не могут быть проданы Италии, нефть, сталь и железо, но данное предложение при голосовании не нашло необходимой поддержки.

Позиция Великобритании, которая вместе с Советским Союзом наиболее последовательно выступала против действий Италии в Африке, стала меняться. Со временем победило мнение «реалистов», согласно которому экспансию Италии в Абиссинии сдержать уже не удастся. Ухудшение положения эфиопских войск с начала 1936 г. и перспектива итальянской аннексии склонили короля Хайле Селлассие I к удивившему мир предложению стать британским протекторатом либо доминионом. Великобритания, видя отсутствие реальной перспективы на поддержку данной концепции со стороны других государств, не согласилась. Лига Наций еще неоднократно занималась вопросом войны, но все с меньшим успехом. Чрезвычайная сессия Совета Лиги 20 апреля 1936 г. едва смогла принять призыв к Италии во всем конфликте руководствоваться духом Лиги Наций. Тем временем итальянская армия побеждала. 5 мая была занята Аддис-Абеба, а 9 мая 1936 г. итальянское правительство огласило декрет об аннексии Эфиопии. На этом война не прекратилась, и эфиопы по-прежнему удерживали большую часть территории государства. Но одновременно многие государства стали отменять прежние антиитальянские санкции. Постепенно они признавали суверенитет Италии над Эфиопией: Великобритания — 18 ноября, Франция — 21 ноября 1936 г. США и СССР аннексии Эфиопии не признали. Италия 11 декабря 1937 г. вышла из Лиги Наций, а из своих владений — Эритреи, Эфиопии и Итальянского Сомали — создала колониальное образование под названием «Итальянская Восточная Африка».

Сближению между Римом и Берлином способствовала итальянская агрессия в Эфиопии, а также гражданская война в Испании. В феврале 1936 г. парламентские выборы в Испании выиграли социалисты и коммунисты, объединенные в Народный фронт. Против правительства, обвиненного в поддержке левых сил, 18 июля взбун-

товались подразделения под командованием генерала Франко, дислоцированные в Испанском Марокко. Так началась гражданская война, которая разделила всю нацию. Гражданская война в Испании имела серьезные последствия для всего мира. С самого начала мятеж поддержали Италия и Германия. переброска подразделений генерала Франко осуществлялась самолетами фашистских правительств. Особую возможность усиления влияния Италии в бассейне Средиземного моря усматривал в связи с испанскими событиями Б. Муссолини. Он послал в Испанию полки и дивизии численностью около 70 тыс. человек. «Третий рейх» также активно поддерживал Франко, используя испанскую войну как испытательный полигон. Уже в декабре 1936 г. немецкие подразделения насчитывали там не менее 20 тыс. человек. Авиационная часть легион «Кондор», которая бомбардировками 26 апреля 1937 г. целиком уничтожила баскский город Гернику, состояла из более 100 самолетов и 7-тысячного обслуживающего персонала.

Германия и Италия трактовали испанскую войну как начало сражения между фашизмом и коммунизмом. 18 ноября 1936 г. они официально признали ставку генерала Франко в Бургосе легальным испанским правительством. Тогда же итальянцы подписали с ним протокол о совместной борьбе против коммунизма.

В гражданскую войну в Испании были вовлечены также СССР и Коминтерн. Советский Союз, оставаясь официально нейтральным, поставлял республиканскому правительству вооружение и военную технику, а Коминтерн осуществлял пропагандистскую поддержку и организовывал выезды добровольцев на испанский фронт. В рядах республиканской армии воевали люди из многих стран Европы — не только коммунисты, но и представители широких левых сил, объединенные в интернациональные бригады.

Во Франции с 4 июня 1936 г. действовало правительство левого Народного фронта во главе с Л. Блюмом, которое вопреки нажиму коммунистов отказалось от помощи республиканскому правительству Испании. Похожую позицию строгого нейтралитета и невмешательства заняла Великобритания. Оба государства явились инициаторами соглашения о невмешательстве в испанскую войну. Документ до конца августа подписали более 20 европейских государств, в числе которых Франция, Великобритания, СССР, Бельгия, Польша, а также Германия, Италия, Португалия. На основе данного соглашения в Лондоне 9 сентября 1936 г. был сформирован международный Комитет по невмешательству.

Итальянский флот развил необычную активность в бассейне Средиземного моря, германские войска концентрировались в Марокко. На французские, британские и советские корабли совершались атаки «неопознанных» подводных лодок. В этих условиях Франция выступила инициатором международной конференции в Нионе (около Женевы). В день ее завершения, 14 сентября 1937 г., Болгария, Великобритания, Греция, Египет, Румыния, СССР, Турция, Франция, Югославия подписали договор о борьбе с пиратством. Он устанавливал, что плавания в Средиземном море будут контролировать британский и французский флоты, а в территориальных водах — соответствующие государства. Италия не участвовала в конференции, но договор поддержала.

Франция и Великобритания были против внесения вопроса об Испании на Ассамблею Лиги Наций. Но правительство Дж. Альвареса настояло на обсуждении, которое состоялось 12 декабря 1936 г. На нем дело дошло лишь до призыва к лондонскому Комитету по невмешательству усилить свою позитивную деятельность. С тех пор почти на всех заседаниях Совета и Ассамблеи Лиги Наций поднимался вопрос об испанской войне, но без конкретных результатов. Совет смог только провести резолюцию 27 мая 1937 г. о немедленном и полном выводе всех иностранных сил из Испании.

После прихода к власти в Великобритании в мае 1937 г. правительства Н. Чемберлена Комитет по невмешательству окончательно потерял значение. Новый премьер-министр стремился к урегулированию спорных вопросов с Италией. С этой целью 16 апреля 1938 г. он подписал в Риме целую серию британо-итальянских договоров. Н. Чемберлен также выдвинул мало-вразумительное предложение «о пропорциональной эвакуации из Испании иностранных добровольцев».

Армия Франко заняла Мадрид 28 марта 1939 г. Еще ранее, 27 февраля, Великобритания и Франция официально признали легальным правительство генерала Франко. Члены республиканского правительства и многие участники гражданской войны нашли прибежище в Мексике и признавались властями этой страны единственным легальным правительством Испании. Мексика не поддерживала дипломатических отношений с правительством Франко до самой смерти диктатора в 1976 г.

Обострение военного противостояния в Азии. Бессилие Лиги Наций в отношении маньчжурских событий 1931—1932 гг. было одним из наиболее грозных симптомов кризиса послевоенного международного устройства. Осмелев, Япония продолжала поли-

тику агрессии в Китае. Обозначились явные признаки кризиса Вашингтонской системы на Дальнем Востоке.

Командование японской Квантунской армии, расположенной в Маньчжурии, постоянно провоцировало конфликты на принадлежавшей Советскому Союзу Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) и на границах СССР и МНР. Для того чтобы устранить один из источников конфликтов, советское правительство в 1933 г. сделало предложение о продаже КВЖД. После длительных переговоров в марте 1935 г. было подписано соглашение о продаже Советским Союзом этой дороги правительству Маньчжоу-Го за 140 млн иен. Тем самым СССР признал де-факто это марионеточное государство. Москва была не единственной в этом вопросе. В 1932 г. Маньчжоу-Го признала Япония, в 1934 — Сальвадор, Доминика, Ватикан, в 1937 — Италия, Испания, Германия, в 1938 — Польша и в 1939 — Венгрия и Словакия.

Несмотря на это, источник войны не был устранен. «Партия войны» в Японии была очень влиятельной. В то время как министр иностранных дел К. Хирота произносил речи о мире, командование армии инспирировало новые провокации в Харбине, Мукдене. Не проходило недели без инцидентов на границе. 7 июля 1937 г. с небольшой стычки возле моста Лугоуцяо (называемого также мостом Марко Поло) началась японско-китайская война. Наступление в Северном Китае принесло японцам крупный успех. В конце июля были заняты Пекин и Цянзин; наступление развивалось на юг. Вторым театром войны была долина реки Янцзы, где проходили ожесточенные сражения. Однако военные действия для Китая развивались неудачно.

В первой фазе конфликта США не определили к нему своей позиции и продолжали политику нейтралитета. Поставляя вооружения, сырье и другую продукцию и в Китай, и в Японию, президент Ф. Рузвельт считал, что такой подход более полезен для Китая, так как он в то время был лишен иных источников снабжения. Однако уже с октября Ф. Рузвельт стал однозначно обвинять Японию в агрессии; в речи 5 октября в Чикаго он вопреки американской стратегии изоляционизма предложил установление карантина против агрессоров. В мире такое предложение стало связываться с действиями Германии, Японии и Италии.

Курс СССР на нейтрализацию японской угрозы. До 1937 г. советско-китайские отношения были довольно холодными и ограниченными. В самом Китае в этот период сохранялось относительное спокойствие. Япония усиливала свое господство в Маньчжурии, а

нанкинское правительство боролось с китайскими коммунистами, стремясь одновременно консолидировать свою власть и приступить к необходимым реформам. Были попытки расширения и обучения армии с помощью немецких советников. Престиж гоминьдановского правительства несколько вырос после повторного избрания Китая в 1936 г. в Совет Лиги Наций. Это правительство использовало женевскую трибуну для напоминания международной общественности, что никогда не признает отторжения северовосточных провинций и существования Маньчжоу-Го.

17 июля 1937 г., после начала японско-китайской войны, Чан Кайши выступил с призывом к всеобщей борьбе с агрессором. Организация национального отпора японской агрессии повлияла на повторное установление контактов и даже сотрудничества между Гоминьданом и китайскими коммунистами (первый раз такое сотрудничество имело место в 1923—1927 гг.). 15 июля 1937 г. произошла встреча Чан Кайши и Джоу Эньлая, а 22 августа руководитель Гоминьдана согласился на превращение китайской коммунистической Красной Армии в 8-ю армию, включенную в совместную борьбу с Японией. Формальное соглашение о сотрудничестве обеих политических сил в борьбе с японской агрессией было заключено 23 сентября 1937 г. Однако война, как отмечено выше, для Китая развивалась неудачно.

После начала агрессии Японии в Китае и установления сотрудничества между китайскими коммунистами и Гоминьданом наступило улучшение отношений с Советским Союзом, что подтверждалось подписанием в Нанкине 21 августа 1937 г. советско-китайского договора о ненападении. В преамбуле документа имелась ссылка на пакт Бриана — Келлога, который подписали оба государства. Сущность договора содержала статья 1: «Обе высокие договаривающиеся стороны торжественно подтверждают, что осуждают прибегание к войне в целях разрешения международных споров и отказываются от нее как средства реализации национальной политики в своих взаимных отношениях. Вследствие заявленного они обязуются воздерживаться от всякого нападения друг на друга, как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами». Договор был подписан на пять лет с возможностью последующего продления на двухлетние периоды.

В сентябре, после подписания договора, в Москву прибыла китайская военная делегация на переговоры о поставках советских вооружений в Китай. Вооружения (артиллерия, танки, почти 1300 боевых самолетов) начали прибывать в Китай уже в конце

года. Оружие передавалось исключительно правительству Гоминьдана и не попадало войскам китайских коммунистов. Начиная с 1938 г. более 2 тыс. советских летчиков, среди которых было много участников гражданской войны в Испании, приняло непосредственное участие в войне с японцами.

Укреплению международных позиций СССР в середине 30-х гг. послужило установление дипломатических отношений с США. Инициатором выступил американский президент Ф. Рузвельт, пришедший к власти в 1933 г. Он осознавал, что политика непризнания Советского Союза неконструктивна. Она препятствовала расширению рынков сбыта США, игнорировала международный потенциал СССР в вопросах мировой и европейской безопасности, мешала налаживанию совместных усилий по стабилизации обстановки на Дальнем Востоке, где расширялась японская агрессия. 10 октября 1933 г. Ф. Рузвельт обратился с посланием к М. Калинину, в котором предлагал начать переговоры об установлении дипломатических отношений.

16 ноября стороны обменялись письмами, которыми закрепились дипломатические отношения между двумя странами. Стороны обязывались уважать суверенитет друг друга, воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела, не создавать, не субсидировать и не поддерживать какие бы то ни было военные организации или группы, которые имели бы целью вооруженную борьбу против другой стороны. Акт установления отношений между СССР и США открыл новую полосу нормализации отношений СССР с рядом государств Европы и Америки. В том же 1933 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Испанией; в 1934 — между СССР и странами Малой Антанты (Чехословакия и Румыния), Болгарией и Венгрией. Всего за период 1933—1935 гг. 11 государств Европы и Америки установили дипломатические отношения с Советским Союзом.

Подписание Японией в ноябре 1936 г. антикоминтерновского пакта и заключение советско-китайского договора ухудшило советско-японские отношения. План экспансии Маньчжоу-Го Внутренней Монголии (с 1 ноября 1924 г. Монгольской Народной Республики), а также японские притязания на Приамурье создавали очаги напряжения между обоими государствами. Первый вооруженный конфликт вспыхнул 29 июля 1938 г. В тот день японские полки атаковали советские участки у озера Хасан в районе Владивостока. Японские войска захватили плацдармы на советской

стороне границы. После нескольких дней контратак советская дивизия возвратила утерянные районы, но позже японские подразделения снова заняли часть территории у озера Хасан. Получив подкрепление, советские войска изгнали японцев, после чего было объявлено перемирие и создана демаркационная комиссия для уточнения линии границы на спорном участке.

Значительно более серьезный вооруженный конфликт произошел летом 1939 г. у реки Халхин-Гол на пограничных территориях МНР, союзной с СССР. Оба государства объединял официальный протокол, подписанный 12 марта 1936 г., который гарантировал «безопасность дружественной Советскому Союзу республики на Дальнем Востоке». Протокол предусматривал, что в случае военного нападения на территорию СССР или МНР со стороны третьего государства советское и монгольское правительства обязуются «оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь». Соглашение вступало в силу с момента подписания. Хотя японская военщина и продолжала прежний курс на организацию провокаций, но продолжительное время не рисковала напасть на Монголию.

Начиная с 11 мая 1939 г. имели место стычки между подразделениями МНР и Маньчжоу-Го. В начале июля, когда в действие вступили на стороне МНР советские войска под командованием генерала Г. Жукова, а также на стороне Маньчжоу-Го японская Квантунская армия, бои приобрели широкий размах. Операция с участием нескольких сотен танков, самолетов и тяжелой артиллерии была очень упорной. 8 июля началось четырехдневное сражение, а в августе новые японские силы столкнулись с советскими подразделениями в кровавой трехдневной битве. Только в конце августа значительно превосходящие советские силы разбили японские войска, а 16 сентября В. Молотов и Ш. Того подписали договор о перемирии. Сражение на Халхин-Голе имело существенное значение для обоих государств. СССР продолжительное время учитывал вероятность новой японской агрессии на Дальнем Востоке. Япония скорректировала территориальные притязания, начав приготовление экспансии в направлении Юго-Восточной Азии.

Война в Китае усиливала международное напряжение, существовавшее до тех пор только в Европе либо спровоцированное европейскими государствами (Италия в Абиссинии). Ею следовало заняться Лиге Наций, которая и предприняла определенные шаги.

Жалоба на действия Японии там была оглашена 12 сентября 1937 г. Конфликтом занялась созданная еще в 1933 г. Комиссия по делам Дальнего Востока, в которую входили и США. Комиссия приняла декларацию осуждения Японии за жестокие бомбардировки китайских городов. Одновременно отмечалась невозможность обвинить Японию в нарушении Устава Лиги Наций как не являющуюся ее членом. Было констатировано только игнорирование требований пакта Бриана — Келлога и договора девяти государств от 1922 г. как части Вашингтонской системы. Но конкретных антияпонских действий Лига не предприняла. Как в Европе мир сохраняли путем уступок Германии и Италии, так и в Азии стремились не слишком обострять отношения с Японией. В Женеве всего лишь было принято решение о созыве конференции девяти участников вашингтонских договоров.

Вопреки ожиданию, на конференцию в Брюссель (3—24 ноября 1937 г.) прибыли представители не девяти, а девятнадцати стран, в том числе СССР; Германия протестовала против ее созыва. Япония, будучи участником Вашингтонского договора, представителя на конференцию не прислала. Правительство Японии выступило против конференции и в письме ее участникам утверждало, что Вашингтонский договор устарел, пакт Бриана — Келлога не соответствует реалиям, и вмешательство других государств в японско-китайские противоречия недопустимо. На конференции господствовало стремление подтолкнуть воюющие стороны к самостоятельному поиску мира.

Представители Китая настаивали на принятии против Японии коллективных санкций, причем не политических, а экономических, которые вынудили бы ее склониться к миру. Однако ведущие государства выдвинули множество аргументов против этой стратегии. Единственным достижением Брюссельской конференции было принятие декларации осуждения неспровоцированной японской агрессии в Китае (при возражении Италии). Признавалось также нарушение Японией Вашингтонского договора и пакта Бриана — Келлога, но никаких санкций против нее не предпринималось. 30 сентября 1938 г. Совет Лиги Наций призвал Японию подчиниться процедуре разрешения конфликта в соответствии с Уставом этой организации. Это был лишь жест со стороны государств, бессильных усмирить европейский конфликт, и Япония делала из этого соответствующие выводы. Налицо было крушение Вашингтонской системы.

Вместе с тем Токио стремился сохранять отношения с Великобританией и США. Вопреки этому американско-японские отношения обострились. Непосредственным поводом стала бомбардировка японцами в декабре 1937 г. американских и британских судов на реке Янцзы. Решительную позицию Вашингтона смягчило только извинение японского министра иностранных дел. После нового японского наступления в Китае в июле 1938 г. американская позиция стала еще более критичной; было наложено так называемое моральное эмбарго на поставки вооружений Японии. Одновременно Вашингтон и Лондон предоставили кредит китайскому правительству.

Успехи в Китае и рост влияния военных сил вели к существенному изменению международной стратегии Японии. 3 ноября 1938 г. премьером Ф. Канозэ была объявлена цель установления Японией «нового устройства в Восточной Азии». Стабилизация и порядок должны были основываться на трехстороннем союзе Япония — Маньчжоу-Го — Китай. При этом имелись в виду два про-японских правительства в Китае: пекинское, созданное в декабре 1937 г., и нанкинское, существовавшее с марта 1938 г. Японский парламент принял закон о «всеобщей мобилизации нации», который дал возможность милитаризации экономики и переключения бюджета на военные цели. Предпринимались попытки различными методами лишить Китай финансовой и военной помощи со стороны Великобритании и Франции. С начала 1939 г. Япония заняла несколько принадлежащих им островов в районе Южного Китая, приблизилась к американским Филиппинам и Гуаму. Летом госдепартамент США предупредил о предстоящем разрыве с 1 января 1940 г. американско-японского торгового договора.

Все сказанное выше свидетельствовало об остром кризисе Вашингтонской системы и фактическом крушении и без того неустойчивого после Первой мировой войны равновесия сил на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Международные отношения в Западном полушарии. Положение в Северной и Южной Америке было в межвоенный период значительно более стабильным и спокойным, чем в Европе или на Дальнем Востоке. В Латинской Америке, правда, вспыхивали локальные войны, имелись значительные социально-политические движения и радикальная трансформация внутренних систем, что непосредственно влияло на международную среду, но в итоге регион оставался вне эпицентра мировых конфликтов.

Если Соединенные Штаты Америки уже со второй половины 1919 г. не выказывали интереса к глобальной политической организации (Лиге Наций), то латиноамериканские государства активно участвовали в первом этапе ее деятельности. Среди членов-учредителей и государств, приглашенных Парижской мирной конференцией к участию в Лиге, было 17 латиноамериканских стран и Канада. В Южной Америке идея Лиги Наций первоначально была популярной, став источником намерений многих государств (на деле не реализованных) создать региональную Лигу Наций, которая заменила бы неприязненно воспринимаемый многими Панамериканский союз. Очень скоро латиноамериканские государства прониклись скептицизмом относительно Лиги, выражением чего стал выход из этой организации следующих стран: Аргентины (при сохранении формального членства, 1920 г.), Бразилии (1926 г.), Венесуэлы (1938 г.), Гаити (1942 г.), Гватемалы (1936 г.), Гондураса (1936 г.), Коста-Рики (1925 г.), Никарагуа (1936 г.), Парагвая (1935 г.), Перу (1939 г.), Сальвадора (1937 г.), Чили (1938 г.). Мексика стала членом Лиги только в 1931 г. и до конца межвоенного периода активно участвовала в ее деятельности.

Другим латиноамериканским акцентом, который вышел за рамки региона, было принятие в 1923 г. договора Гондрас, осуждавшего «вооруженный мир», т. е. чрезмерное вооружение, и предлагавшего создание региональной системы арбитража как способа разрешения международных конфликтов, не нашедших дипломатических путей урегулирования. Еще более звучной инициативой того времени стал Южноамериканский антивоенный договор о ненападении и примирении (пакт Ламаса Сааведры от 10 октября 1933 г., Рио-де-Жанейро), который кроме 20 американских государств подписали 11 европейских.

Наибольшее значение для международных отношений в Западном полушарии имели перемены в глобальной стратегии США. Выход из активной европейской политики после Версальского договора, а позже законы о нейтралитете повлияли на формирование новых приоритетов внешней деятельности США, направленных к тому пор на два региона: Латинскую Америку и Дальний Восток. Вопреки идеалистично-демократической фразеологии президента В. Вильсона и его преемников латиноамериканская политика США до конца 20-х гг. продолжала предыдущие тенденции. Об этом свидетельствовали стремления к дальнейшему ослаблению британского влияния и удержанию Центральноамериканского ре-

гиона в сфере непосредственного влияния США. В 20-е гг. такие государства, как Куба, Панама, Никарагуа, Гаити и Доминиканская Республика считались неформальным протекторатом США; тут даже доходило до непосредственной вооруженной интервенции и разных по продолжительности периодов оккупации. В Пуэрто-Рико, как и на Филиппинах, силой договора 1898 г. сохранялась власть США колониального типа.

Большое значение для отношений на всем Западном полушарии имело американско-мексиканское соседство. Тут стыковались не только два великих государства региона, но и две великие цивилизации: англоговорящая и латиноамериканская. Все латиноамериканские страны внимательно следили за начинаниями США в отношении Мексики, извлекая из этого соответствующие уроки. Эти уроки не были оптимистичными, ибо с начала 30-х гг. США подходили с беспокойством, а позже и неуважением к переменам по другую сторону Рио-Гранде. Победоносную мексиканскую революцию считали лишь националистическим движением, обремененным радикальными лозунгами, реализация которых могла угрожать интересам США. Только спустя десятилетие было замечено, что после мексиканской революции преобразается государство, вводятся социальные реформы, влияющие на смягчение внутренних конфликтов, демократизируется политическая система, пусть ограниченно в сравнении с североамериканскими образцами, но все же существенно на латиноамериканском уровне. В Мексике тогда успешно внедрялись два важных принципа демократического правления: гражданский контроль над вооруженными силами и мирная (с 1920 г.) передача власти победившим на выборах президентам.

Изменения в американо-мексиканских отношениях в 30-е гг. были связаны с принципиальным переосмыслением политики США в отношении Латинской Америки, вытекающим из провозглашения так называемой политики добрососедства. Выразительные элементы этой политики вводились президентом Г. Гувером (1929—1933) параллельно с отказом от доктрины Вильсона о признании государств, новой интерпретацией доктрины Монро и выводом военно-морских подразделений из Никарагуа. Принципиальные и прочные изменения латиноамериканской политики США связаны с тремя сроками президентства Ф. Рузвельта, начиная с 1933 г. Его широко известная формула введения политики добрососедства была продолжением более раннего утверждения:

«Если одностороннее вмешательство во внутренние дела других государств мы заменим сотрудничеством, получим больше порядка на континенте и уменьшим собственную непопулярность». Декларация Ф. Рузвельта вскоре нашла выражение в конкретных поступках, которые увеличили популярность президента. Например, в 1934 г. была упразднена поправка Платта, дававшая США право на вмешательство во внутренние дела Кубы, а в 1936 г. из нового договора с Панамой исключены права США на гарантию независимости и конституционного порядка в этом государстве. В 1934 г. окончилась также оккупация Гаити американскими войсками.

Наиболее трудным испытанием для новой американской политики стало отношение к акту национализации зарубежных нефтяных владений в Мексике, который огласил 18 марта 1938 г. президент Л. Карденас. Это был прецедент для того времени (если не считать менее радикальные действия Боливии в 1937 г.). Мексиканский акт трактовался многими державами как опасный пример для других стран. Ф. Рузвельт, однако, не осудил Л. Карденаса и сохранил дружественное соседское сотрудничество с Мексикой.

Другим важным элементом эволюции международных отношений в Западном полушарии были изменения, которые произошли в панамериканском движении. В это время Панамериканский союз окреп и усилил свою роль в процессе регионального сотрудничества, урегулирования конфликтов и стабилизации. Панамериканизм как движение с определенными традициями (с 1889 г.) стал своего рода примером для рождающегося панъевропейского движения.

Процесс реформирования панамериканского движения и уменьшения в нем гегемонии США развивался в 20—30-е гг. XX в. Острая дискуссия о признании принципа невмешательства во внутренние дела государств проходила на VI Панамериканской конференции в Гаване в 1928 г. Несмотря на нажим латиноамериканских стран, США добились переноса решения по этому делу на следующую конференцию. Однако в конце того же года американские государства смогли одобрить в Вашингтоне пакт, который признал арбитраж обязательным средством разрешения международных конфликтов. Перелом в отношениях между американскими государствами наступил только на VII Панамериканской конференции в Монтевидео в декабре 1933 г. Политика добрососедства, провозгла-

шенная тогда Соединенными Штатами Америки, сделала возможным принятие принципа ненападения; в частности, было согласовано, что территориальные приобретения, осуществленные путем силы, не будут признаваться американскими государствами, и установлено, что иностранцы должны соблюдать законы страны, в которой находятся.

Дальнейший прогресс получил развитие в Буэнос-Айресе на чрезвычайной межамериканской конференции по сохранению мира (декабрь 1936 г.). Среди целой серии подписанных тогда пактов и конвенций особое значение имела Буэнос-Айресская декларация, которая развивала идею «солидарной демократии» на полушарии. Она содержала принципы, составляющие панамериканское движение, в том числе признание нелегальным силовое возмещение финансовых обязательств. На VIII конференции американских государств в Лиме был создан постоянный механизм политических консультаций в формате периодических встреч министров иностранных дел. Таким образом, Панамериканский союз и панамериканское движение (т. е. связанные с Союзом институты и организации, пропагандирующие региональное сотрудничество) в межвоенный период прошли знаменательную эволюцию. Введение новых принципов этого движения демократизировало правила функционирования Панамериканского союза и привело к более партнерским по характеру отношениям между США и латиноамериканскими государствами.

В условиях, когда международное напряжение и противоречия в Европе достигли такой степени, что подводили к опасности мировой войны, а на Дальнем Востоке появились очаги чрезвычайно опасных конфликтов, в Западном полушарии происходил обратный процесс — стабилизация международных отношений и рост взаимодействия между государствами региона.

В этом процессе активно участвовало и государство северной части американского континента — Канада. XIX век и период Первой мировой войны считаются «британским веком истории Канады». Это было весьма полезное для страны время: несмотря на случаи напряженности и кризисы, шел процесс постоянного экономического прогресса, а двуязычное общество смогло выработать формы сосуществования и сотрудничества. Межвоенные годы стали для Канады переходным этапом. Еще преобладали ее связи с Великобританией, но постепенно все больше интересов сближало Канаду с южным соседом — США. В период складывания версальского порядка она теснее сотрудничала с британской

делегацией, чем с американской. Канада, в отличие от США, подписала мирный договор с Германией и вошла в Лигу Наций, а в 1927 г. и в Совет Лиги. Уже тогда в рамках Лиги Канада стала специализироваться на посреднических и миротворческих акциях. С начала 20-х гг. росла роль Канады в международной среде, о чем свидетельствуют первые, самостоятельно подписанные межгосударственные договоры и установление дипломатических отношений с отдельными государствами. Канада вместе с Южно-Африканским Союзом создавала влиятельные группы нажима, добиваясь реформирования отношений внутри Британской империи. Вестминстерский устав 1931 г. признал за Канадой полный суверенитет в рамках Британского Содружества Наций. Все же до конца 30-х гг. Канада держалась вблизи Великобритании, поддерживая ее политику умиротворения и занимая подобную позицию относительно других конфликтов эпохи.

Одновременно (особенно во второй половине 30-х гг.) активизировались канадско-американские отношения. Канада позитивно ответила на усилия США в области консолидации государств Западного полушария на фоне приближающейся войны. Она не участвовала в работе Панамериканского союза, а с латиноамериканскими странами поддерживала не слишком интенсивные, но бесконфликтные торговые связи. Заявление президента Ф. Рузвельта (август 1938 г.) о непосредственной помощи со стороны США в случае угрозы Канаде, и особенно Огденсбургский договор 1940 г. о совместной защите континента означали настоящий перелом в канадской внешней политике, начиная «век Америки».

Межвоенные годы ознаменовались большими переменами как внутренних, так и международных позиций двух самых больших государств Южной Америки: Бразилии и Аргентины. Мировой экономической кризис рубежа 20—30-х гг. сильно поразил бразильское хозяйство, опиравшееся на кофейную монокультуру. Это усилило социальное напряжение и содействовало победе политической революции, во главе которой стоял Ж. Варгас. В 1930 г. в Бразилии наступил конец так называемой Старой Республики и начался длившийся четверть века период господства Ж. Варгаса в политической жизни страны. Бразилия, соперничая с Аргентиной, продолжала традиционную политику союза с США. Изменения, которые Ж. Варгас ввел в 1937 г., провозгласив, в частности, эстадо ново (авторитарно-корпоративный способ осуществления власти), ухудшили бразильско-американские отношения. Другим средством напряжения во взаимных отношениях

стала реализация концепции Ж. Варгаса о необходимости достижения равновесия во внешней политике Бразилии. Он намеревался увеличить самостоятельность страны в международных отношениях, используя соперничество держав в Западном полушарии. В определенный период это приводило к усилению контактов и экономического взаимодействия между Бразилией и «Третьим рейхом» и ухудшению отношений с США. Однако когда стала приближаться война, Бразилия отказалась от своих дипломатических маневров и полностью поддержала совместные действия государств Западного полушария.

В межвоенный период Аргентина поддерживала близкие политические и экономические связи с Европой, в особенности с Великобританией. Уменьшение аргентинского экспорта в Европу в начале 30-х гг. имело катастрофические последствия для экономики страны. Аргентина не смогла найти эффективного средства против изменений, происходящих на мировом рынке. Именно тогда закончился «золотой век» Аргентины и началась эпоха тяжелого кризиса и политической дестабилизации.

Перемены в Африке в межвоенный период. В межвоенной Африке наиболее значительные международные перемены произошли в северной и северо-восточной части континента. В Египте главным фактором изменений было развитие национального движения. В конце 1918 г. сформировалась партия Вафд, которая приобрела сильную общественную поддержку в борьбе за независимость страны. В Лондоне концепция предоставления суверенитета Египту первоначально считалась преждевременной и даже опасной для интересов Британской империи. Лидеров Вафд высылали, а против демонстрантов использовали войска. Однако уже во второй половине 1919 г. в британском внешнеполитическом ведомстве стали рассуждать о проектах реформирования отношений между Великобританией и Египтом. Более других в необходимости такой реформы был убежден Высокий британский комиссар в Каире генерал Е. Алленби, именно он настаивал на принятии решения. Оно приобрело силу в феврале 1922 г., когда было объявлено окончание британского протектората над Египтом. Функции, которые оставил себе Лондон в Египте, оставались по-прежнему очень значительными. Великобритания гарантировала оборону Египта, охрану интересов иностранцев и господство над коммуникациями, важными для империи. В принципе изменилась только форма британского господства в этой стране.

Касаясь Судана, следует заметить, что с точки зрения интересов Египта там ситуация даже ухудшилась. На основании соглашения от 1899 г. Судан оставался британско-египетским кондоминиумом. Но, использовав покушение на английского генерала в Каире, британцы вынудили Египет вывести свои войска из Судана.

Изменение международной ситуации в регионе Северо-Восточной Африки и дальнейший рост национального движения привели к тому, что во второй половине 30-х гг. Великобритания существенно модифицировала свою политику относительно Египта. Лондонский договор в августе 1936 г. признал суверенитет Египта и положил конец военной оккупации страны британскими вооруженными силами. В районе Суэцкого канала они, однако, оставались и далее — еще минимум на двадцать лет. Великобритания ушла также из Судана, восстановив там прежнее совместное управление с Египтом.

В Северной Африке наибольшую международную известность приобрело восстание племен в горном районе Риф в июле 1920 г. на территории Испанского Марокко. В том же году повстанцы провозгласили создание Рифской республики и решительно защищали свою независимость. Испанские войска оказались бессильными в борьбе с восставшими, и только помощь французских сил во главе с маршалом А. Петеном привела к ликвидации этой республики в мае 1926 г.

С декабря 1934 г. не только региональные, но и глобальные международные отношения осложнились итальянской агрессией в Эфиопии. Итало-эфиопским конфликтом были всерьез заняты европейские державы, США и Лига Наций. Однако с декабря 1934 до октября 1935 г., когда конфликт нарастал и его возможно было сдержать, западные державы и Лига проявили характерную для того периода уступчивость относительно агрессивных действий. Когда в октябре 1935 г. вспыхнула итало-эфиопская война, Лига Наций все же наложила ограничительные санкции на Италию. Они оказались весьма неэффективными, так как Германия полностью солидаризировалась с Италией, а торговля нефтью, наиболее уязвимым для итальянцев продуктом, без препятствий шла со многими государствами, в том числе и с США.

В Западной Африке (Того, Камерун, Намибия) и Восточной (Руанда и Бурунди, Танганьика) в межвоенный период существовала мандатная система. Мандаты типа В и С над прежними немецкими колониями получили Великобритания, Франция, Бель-

гия и Южно-Африканский союз. Слабостью мандатной системы было отсутствие ясных критериев и сроков окончания колониализма в Африке. Опека Лиги Наций над подмандатными территориями несомненно способствовала урегулированию многих пограничных, административных и гуманитарных проблем африканских народов. Однако один из держателей мандатов, Южно-Африканская Республика, проводила политику непосредственного включения в свой состав территорий, которыми управляла.

Создание политического блока фашистских государств. Как отмечено выше, на сближение, а позже — установление военно-политического союза между Италией и «Третьим рейхом» повлияли два события: итальянская агрессия в Абиссинии и гражданская война в Испании. Координация немецко-итальянских действий после взрыва гражданской войны в Испании свидетельствовала о единстве позиций Германии и Италии в европейских делах. Кроме того, Муссолини был обязан Гитлеру за его солидарность в эфиопском вопросе, в то же время Францию и Великобританию он считал инспираторами декларации Лиги Наций и противниками итальянских интересов в Африке. Фактором италяно-германского сближения было также одинаковое отношение к британо-французскому приглашению в июле 1936 г. участвовать в запланированном западном пакте, так называемом «новом Локкарно». Дипломатия Италии и Германии согласованно бойкотировала эти намерения.

На оформление совместного фронта против западной демократии повлияли переговоры немецкого министра Г. Франка в Риме в сентябре 1936 г., а в особенности визит министра иностранных дел Италии Г. Чиано в Берлин 22—26 октября 1936 г. 23 октября он подписал несколько соглашений. Они касались преимущественно текущих дел: сотрудничества в Испании, отношения к СССР, расширения экономического взаимодействия. Вскоре на митинге в Милане 1 ноября Б. Муссолини провозгласил создание «оси» Рим — Берлин. В то время это была декларация, опережающая действительность, ибо между обоими диктаторами, как и их правительствами, сохранялись разногласия, в первую очередь в балканских и придонайских вопросах. Однако курс на углубление союза оказался выразительно очерченным, а идеологическая связь и эскалация агрессивных актов неумолимо сближали оба государства. Очередными действиями на этом пути был визит Б. Муссолини в Германию в сентябре 1937 г. и визит А. Гитлера в

Италию 3—8 мая 1938 г. Во время визита на банкете в венецианском дворце Гитлер сообщил: «Таким образом в Европе возник блок из 120 млн человек, полных решимости встать на страже своих извечных прав на жизнь и сопротивляться всем тем силам, которые противодействовали бы естественному развитию этих государств».

Одновременно оформлялся антикоминтерновский пакт. В 1935 г. в Берлине начались первые переговоры между представителями Германии и Японии. Перспектива союза казалась заманчивой милитаристским кругам обоих государств. Гитлер, разочаровавшийся в поведении Великобритании, видел, что союз с Японией способен стать болезненной угрозой британским имперским интересам. После агрессии против Китая политика Японии приводила к постоянному напряжению в отношениях с СССР. VII конгресс Коминтерна, проходивший в августе того же года в Москве, осудил Германию и Японию как «поджигателей войны». Планируя столкновение с советским коммунизмом, Гитлер усматривал в экспансивности Японии на Дальнем Востоке выгодное для себя обстоятельство. Антибританские и антисоветские цели Японии свидетельствовали, что в Токио тоже преобладало мнение о важности союза с Германией.

В первой половине 1936 г. переговоры, шедшие преимущественно в Берлине, ускорились, и уже в июне японское правительство было ознакомлено с проектом договора. Как в Токио, так и в Берлине осознавали, что значительно выгоднее будет по многим соображениям выйти за рамки традиционной формулы двустороннего политического договора и подчеркнуть в нем общие цели борьбы с международным коммунизмом. Идеологический характер соглашения был призван смягчить беспокойство западных демократий германо-японским сближением и даже сделать документ открытым для других.

Так называемый антикоминтерновский пакт был подписан в Берлине 25 ноября 1936 г. Он был заключен на пять лет и открыт для других участников, «внутренний мир которых окажется под угрозой разлагающей деятельности Коммунистического Интернационала». Сущность открытой части договора содержалась в первой статье: «Высокие договаривающиеся государства постановляют взаимно информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала, согласовывать необходимые средства обороны и реализовывать их в тесном сотрудничестве». Прило-

женный к договору дополнительный протокол не вносил ничего нового. В то же время важным являлось тайное дополнительное соглашение, которое было однозначно направлено против Советского Союза. В случае международного конфликта Германия и Япония обязывались «не предпринимать ничего, что бы укрепило положение СССР». Оба государства обязались также «не заключать без взаимного согласия никаких политических договоров с СССР, противоречащих духу данного соглашения».

О тайном приложении к антикоминтерновскому пакту Италия не была проинформирована. Однако борьбу с коммунизмом Б. Муссолини вполне поддерживал, и 6 ноября 1937 г. в Риме был подписан трехсторонний протокол представителями правительств Германии, Италии и Японии о присоединении Италии к антикоминтерновскому пакту. В его преамбуле утверждалось, в частности: «Италия, которая с первых минут деятельности фашистского правительства боролась с непреклонной последовательностью против этой угрозы и уничтожила на своей территории Коммунистический Интернационал, постановила встать против общего врага плечом к плечу с Германией и Японией, также подпитываемыми такой же волей обороны перед Коммунистическим Интернационалом». Только после подписания этого документа итальянцы заявили, что их уже ничто не объединяет с Лигой Наций, и 11 декабря 1937 г. вышли из этой организации.

Таким образом, было положено начало создания «оси» Берлин — Рим — Токио. В 1939 г. к антикоминтерновскому пакту присоединились Венгрия, Маньчжоу-Го и Испания. Германия предпринимала попытки втянуть в пакт Польшу, но позиция министра иностранных дел Ю. Бека была негативной; он считал, что внутренние органы в состоянии дать полный отпор коммунистической пропаганде на территории своего государства.

Политика умиротворения фашистских агрессоров. Несмотря на нарастающую опасность германской и японской агрессии, руководящие круги Великобритании, США и Франции не готовили ей отпор. Ради удовлетворения собственных стратегических интересов они были готовы пойти на такие уступки Германии, которые были второстепенными с их точки зрения, не затрагивали непосредственных интересов великих держав, но при этом погашали бы агрессивные дальнейшие намерения Берлина и Токио. Официальное же объяснение утверждало, что только таким путем можно избежать войны и, достигнув необходимой степени удов-

летворения диктаторов, склонить их к мирному сотрудничеству. Запад также был не против использования потенциальных агрессоров в целях ослабления СССР. Сказывалась и невозможность осуществлять реальный контроль над военным потенциалом Германии от имени Лиги Наций. Все в совокупности явилось причиной, которая обусловила проведение западными государствами политики умиротворения агрессоров.

С 1935 г. из-за попустительства Запада соотношение военных сил стало быстро меняться. В марте не последовало реакции на отказ Германии от положений Версальского трактата о вооружениях. Даже после этого Запад был еще в состоянии сдерживать Гитлера, заставив его уйти из Рейнской области. Однако этого не случилось. Среди немецкого генералитета усилились позиции Гитлера как безошибочного вождя. Поведение Великобритании и Франции убедило его в упадке их воли к борьбе и в принятии ими стратегии умиротворения ценой любых уступок.

Остается открытым вопрос, какое из государств предопределило политику умиротворения. Во Франции преобладает мнение, что в 1930-е гг. ее активная политика против Германии могла проводиться только в опоре на Великобританию. В Лондоне чаще всего подчеркивают, что если бы Франция, более других терпящая от издержек политики Гитлера, решилась на последовательные выступления, Великобритания обязательно пришла бы ей на помощь. Но, по словам У. Черчилля, французские правительства «неоднократно находили объяснение собственного пацифизма в пацифизме британском».

Консервативное правительство Н. Чемберлена, придя к власти в Великобритании в мае 1937 г., активно проводило указанную политику. Министр иностранных дел его правительства Э. Галифакс оказался более угодным для государств «оси», чем его предшественник А. Иден; 19 ноября 1937 г. при встрече с Гитлером он подчеркнул, что Германия «по праву может считаться бастионом Запада против большевизма». Он дал понять, что Великобритания не будет препятствовать «исправлению» Версальских соглашений и захвату Германией Австрии, Чехословакии и Гданьска. Сходную позицию занимали и США. Заместитель государственного секретаря США Дж. Уоллес заявил, что Версаль и Лига Наций являются основными причинами «непорядка в мире». Это был основной тезис, который использовали и гитлеровцы для оправдания своей реваншистской политики.

Франция была обеспокоена нарастающей угрозой ее границам и позициям в Европе. Однако под натиском английского правительства и внутренней реакции французское правительство поддержало политику умиротворения Германии, повело линию на свертывание сотрудничества с Советским Союзом и начало возлагать надежды на сговор с Германией.

Пользуясь попустительством со стороны западных держав, фашистская Германия и Италия действовали все более нахально. В частности, Гитлер решил осуществить провозглашенный в «Майн кампф» аншлюс Австрии. Ранее он уже предпринимал соответствующие шаги. Правда, в июле 1934 г. в Вене провалился фашистский путч, но 11 июля 1936 г. был подписан двусторонний германо-австрийский договор, который свидетельствовал об определенном успехе Берлина. В документе германская сторона декларировала суверенитет Австрии, признавала национал-социалистское движение в этой стране целиком делом внутренним, а венское правительство заявляло, что его политика в целом исходит из убеждения, что Австрия является государством германским.

Названный договор успокоил общественное мнение, поскольку акцент делался на уважении независимости Австрии. Но 12 февраля 1938 г. австрийский канцлер К. Шушниг был вызван к Гитлеру. Ему предъявили требования для исполнения в течение нескольких дней: объявить амнистию нацистам, назначить их лидера 3. Инкварт министром внутренних дел. Попытки К. Шушнига получить поддержку западных держав — гарантов Версальского договора, статья 80 которого, а также статья 88 Сен-Жерменского договора от 10 сентября 1919 г. запрещали аншлюс — ничего не дали. К. Шушниг был вынужден выполнить требования гитлеровцев. Это стало прелюдией к захвату Австрии. 20 февраля 1938 г. Гитлер объявил в рейхстаге, что Германия возьмет под свою защиту немцев, которые проживают за пределами страны, это значит, прежде всего в Австрии и Чехословакии.

В ответ К. Шушниг предложил провести в своей стране 13 марта 1938 г. плебисцит по вопросу: должна ли Австрия оставаться независимой, или должна присоединиться к Германии. Одновременно он обратился за помощью к Великобритании, Франции и Италии.

Гитлеровцы понимали, что австрийский народ проголосует за сохранение независимости. Они решили сорвать плебисцит, при этом уже не опасаясь реакции Запада. Министр иностранных дел И. Риббентроп 11 марта 1938 г. встретился в Лондоне с англий-

ским коллегой Э. Галифаксом. Из переговоров И. Риббентроп понял, что Великобритания не предпримет шагов против аншлюса, более того, окажет «умиротворяющее» воздействие на другие страны. Позиция Лондона предопределила фактический нейтралитет Франции, которая все больше придерживалась руслу английской политики. Б. Муссолини тоже постепенно приходил к выводу о неизбежности захвата Гитлером Австрии. В этом его убеждал подписанный германо-австрийский договор о взаимном регулировании отношений, который означал лишение Италии роли покровителя Австрии. Дуче даже отказался принять австрийского посла, хотя и поддерживал идею плебисцита. Обеспечив невмешательство западных держав, Гитлер в ультимативном порядке потребовал от австрийского правительства отменить плебисцит, а от самого К. Шушнига — уйти в отставку. Австрийское правительство под угрозой военного вторжения и бомбардировки Вены капитулировало; канцлером был назначен Зейс Инкварт. 12 марта, за день до плебисцита, гитлеровские механизированные соединения вступили в Вену. 13 марта Берлин официально объявил о присоединении Австрии к «Третьему рейху», на следующий день — об образовании Великой Германии. Под надзором германских властей 10 апреля все же был организован плебисцит, в ходе которого 99,73 % проголосовавших высказались за присоединение к Германии.

Лига Наций вообще не занялась делом Австрии, поскольку ни одно государство официально этого не потребовало. Австрию просто вычеркнули из списка государств-членов, объяснив, что как субъект международного права она перестала существовать. В начале апреля 1938 г. правительства Великобритании, Франции и США упразднили свои дипломатические миссии в Вене, чем фактически признали захват Австрии; уже в апреле Лондон ходатайствовал перед Берлином об аккредитации своего генконсула в Вене. С утерей престижного положения в Австрии Б. Муссолини переориентировал свои усилия на сближение с Великобританией ради получения преимуществ в регионах Средиземноморья и Ближнего Востока.

После аншлюса ситуация в Европе принципиально изменилась. «Третий рейх» увеличился на 80 тыс. км² и 7 млн жителей, приобрел границы с Италией, Венгрией и Югославией, что значительно улучшило его стратегическое положение и представляло новые возможности экспансии в направлении Балкан. Но на пер-

вом плане для Гитлера было территориальное деление Чехословакии. Политика Запада относительно Австрии и удачное завершение аншлюса еще более склоняли его к новым захватам. Через пять дней после захвата Австрии Гитлер заявил, что в Чехословакии «угнетают немцев». В этой стране, преимущественно в Судетской области, проживало более 3 млн немцев (23 % населения страны). Гитлеровская агентура еще в 1933 г. создала там так называемую судетско-немецкую партию во главе с К. Гейнлейном. Нацистские лидеры начали непосредственную подготовку к захвату Чехословакии. Эта страна, имевшая высокоразвитую промышленность, запасы полезных ископаемых, валютные накопления и резервы квалифицированной рабочей силы, представляла лакомый кусок для Гитлера, который развернул всестороннюю подготовку к войне за господство в Европе. Однако захват Чехословакии, выгодно размещенной стратегически, имевшей сильную военную промышленность, представлял собой более трудную задачу, чем аншлюс Австрии.

К тому же Чехословакия имела договор о взаимопомощи с Францией и СССР. Вооруженные силы Чехословакии и ее западной союзницы Франции вместе превосходили немецкие войска в два раза. Приняв все это во внимание и делая ставку на политику попустительства со стороны западных держав, гитлеровцы положили в основу захвата Чехословакии вмешательство в ее внутренние дела, причем роль «троянского коня» отводилась судетско-немецкой партии К. Гейнлейна. С весны 1938 г. она раздула массовую пропагандистскую кампанию в прессе и на радио Германии. Правительство в Праге обвинялось в проведении «чешского террора» и эскалации преследований немецкого населения в Чехословакии. Другим постоянным мотивом нацистской пропаганды было обвинение Чехословакии как базы большевизма в Средней Европе и «приводного ремня» Коминтерна.

Напряженное положение в Европе, созданное в связи с постоянными провокациями нацистов в Судетах, приобрело в мае 1938 г. характер международного кризиса. Правительство Чехословакии объявило частичную мобилизацию армии. Советский Союз выступил против провокаций фашистов. Французский премьер Л. Блюм еще 14 марта 1938 г. заявил о готовности выполнить обязательства по франко-чехословацкому договору. Правительство Германии временно отступило для того, чтобы более основательно подготовиться для нападения на Чехословакию.

Как свидетельствует архив британского правительства за 1938 г., им в величайшей тайне был разработан детальный план, который в конце концов лег в основу Мюнхенского соглашения и который предопределил раздел, а потом и захват Чехословакии. Новый премьер-министр Франции Э. Даладье (с 8 апреля 1938 г.) оказался активным сторонником соглашения с Германией и недопущения войны из-за Чехословакии. Активный натиск на Чехословакию оказывали и США. 15 сентября Н. Чемберлен без консультации с французами как союзниками встретился с Гитлером в его резиденции в Берхтесгадене. Гитлер заявил, что он решил присоединить Судетскую область к Германии. Н. Чемберлен согласился, что это «единственный выход из возникшей ситуации». В Париже и Вашингтоне его позицию разделяли. 19 сентября чехословацкому правительству был передан англо-французский меморандум, который предусматривал отделение от Чехословакии и передачу Германии всех областей с преимущественным немецким населением. Великобритания заявила о своей готовности участвовать в международных гарантиях новых границ Чехословакии при условии ликвидации чехословацких пактов с другими государствами, в том числе, СССР.

21 сентября 1938 г. президент Э. Бенеш был принужден объявить, что Чехословакия «с горечью принимает франко-британское предложение». На следующий день Н. Чемберлен, получив согласие Э. Бенеша, выехал на новую встречу с Гитлером. Однако последний в Годесбергском меморандуме потребовал передачи Германии и тех чехословацких районов, в которых проживало меньшинство немцев. Он заявил также о необходимости удовлетворить территориальные претензии Польши и Венгрии за счет Чехословакии. Одновременно гитлеровцы накаляли обстановку, концентрируя войска у границы. Польское правительство по их подсказке тоже выдвинуло войска к чехословацкой границе, заявив о претензии на Тешинскую область, занятую чехами в 1919 г. Советский Союз предупредил Польшу, что в случае ее нападения на Чехословакию будет рассматривать это как акт агрессии и разорвет советско-польский пакт о ненападении.

24 сентября 1938 г. под натиском масс Э. Бенеш отверг гитлеровский меморандум. Лихорадочные британо-французские действия не приносили успеха. Тогда 27 сентября Великобритания передала в Прагу новый план, составленный в соответствии с требованиями гитлеровцев. Н. Чемберлен заявил по радио о своей готовности снова выехать на встречу с Гитлером. Американский

президент Ф. Рузвельт опубликовал послание с призывом созвать международную конференцию с участием Германии, Великобритании, Франции, Италии и Чехословакии, но без СССР.

На следующий день Гитлер дал согласие на созыв конференции при условии участия в ней Италии. Согласился и Э. Бенеш, попросив Ф. Рузвельта быть арбитром. 29 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция руководителей правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии. Представителей Чехословакии в зал заседания не допустили. Конференция в Мюнхене завершила подготовленный сговор вдохновителей политики умиротворения — Н. Чемберлена и Э. Даладье — с фашистскими агрессорами. В подписанном в ночь на 30 сентября соглашении говорилось об отторжении от Чехословакии Судетской области и других районов с преобладающим немецким населением и передаче их Германии до 10 октября. Занятие этих районов немецкими войсками предполагалось начать 1 октября.

Около 1.30 ночи Н. Чемберлен и Э. Даладье вручили чехословацкой делегации текст принятого Мюнхенского соглашения, даже не требуя соответствующего ответа, так как считали план принятым окончательно. Через несколько часов чехословацкое правительство заявило, что принимает договор. Документ начинался с утверждения: «Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия, принимая во внимание достигнутое уже в принципе соглашение об уступке Германии территории, населенной судетскими немцами, согласились о ниже указанных сроках и условиях этой передачи прав...». Далее определялось, что эвакуация данной территории осуществится с 1 по 10 октября, а ее способ определяет международная комиссия, составленная из представителей Германии, Великобритании, Франции, Италии и Чехословакии. Одновременно (1 октября) Н. Чемберлен добился от Гитлера согласия на подписание декларации, которая предусматривала двусторонние консультации и обязательства решать все спорные вопросы путем переговоров. Британский премьер считал, что тем самым гарантировал своему народу и Европе мир как минимум на период одного поколения. Практически это был пакт о ненападении между Германией и Великобританией. Подобную декларацию подписала 6 декабря 1938 г. с Германией и Франция.

Силезский Тешин был занят польскими войсками 1 октября, Венгрии передавалась от Чехословакии южная полоса Словакии и Закарпатской Украины между 5 и 10 ноября 1938 г. согласно

арбитражному решению министров иностранных дел Германии и Италии.

На протяжении всего периода после Второй мировой войны среди политиков и историков не прекращается дискуссия: кто же открыл «ящик Пандоры» и развязал руки демонам войны? Иными словами: кто ответственен за мюнхенскую политику умиротворения? В Англии эта проблема весьма остро стояла в 60-е гг., когда возникла своеобразная «мюнхенская волна» и утвердилась «ревизионистская школа», поставившая целью подправить исторические представления о 30-х гг. Сторонники школы реабилитации не только отдельных политиков Великобритании, но и весь мюнхенский внешнеполитический курс как вынужденный и необходимый. Главный акцент они ставили на особую психологическую атмосферу того периода, на укоренившийся на Британских островах климат умиротворения, согласно которому британский народ не желал воевать с гитлеровской Германией. Действительно, с пацифистскими настроениями вынуждены были считаться все предвоенные британские кабинеты. Они руководствовались результатами так называемого «плебисцита мира», организованного под эгидой Лиги Наций во многих европейских странах в 1934—1935 гг. В ходе плебисцита из 11,5 млн опрошенных британцев более 10 млн высказались за всеобщее разоружение и использование против агрессора экономических санкций. Свыше 2 млн из них выразили отрицательное отношение к любой войне, даже в том случае, если экономические санкции не достигнут цели. Результаты плебисцита оказали определенное воздействие на правительство, склонив его к курсу умиротворения уступками таким агрессорам, как Гитлер и Муссолини.

Новый баланс сил, нацеленных на противодействие политике умиротворения, мог потенциально возникнуть в Центральной и Восточной Европе, но там не сложился соответствующий центр. Более того, в регионе имелись собственные проблемы. Наиболее значительной слабостью Балтийской Антанты была разница между Литвой, с одной стороны, и Латвией и Эстонией — с другой. Эстония и Латвия, граничащие с СССР, весь межвоенный период опасались этого соседства. С Польшей, вторым по значению государством региона, оба балтийских государства имели традиционно хорошие отношения. В то же время Литва, не имеющая общей границы с Советским Союзом и конфликтующая с Польшей, практически постоянно стремилась поправить отношения с Москвой. Эстония и Латвия не были особо заинтересованы развитием собы-

тий в Германии, а для Литвы они имели значение из-за ее спора за Клайпеду. Все государства региона относились с большим недоверием к предложениям и действиям СССР.

Наибольшее беспокойство вызывали польско-литовские отношения. Правительство в Каунасе стремилось придать как можно более широкий европейский резонанс спору о Виленщине и отказывалось от установления дипломатических отношений с Варшавой. Некоторое время оно даже утверждало, что находится в состоянии войны с Польшей. Напряжение между обеими странами усилилось с начала 1938 г., после закончившихся неудачей переговоров. 11 марта произошел пограничный инцидент. По Польше прокатилась волна антилитовских демонстраций. В дни, когда Европа была поглощена аншлюсом Австрии, Ю. Бек решил на острую политику в отношении Литвы. 17 марта ей был предъявлен ультиматум с требованием установления дипломатических отношений с Польшей до 31 марта. Для ответа был отведен срок в 48 часов. Одновременная концентрация воинских подразделений на границе должна была усилить вес польского требования. Каунас был вынужден позитивно ответить на ультиматум. Подобный способ решения спорных вопросов заставил Францию и Великобританию усомниться в правильности поддержания союзнических отношений с Польшей, а в СССР заговорили об агрессивном внешнем курсе не только Германии, но и Польши.

Скандинавские государства, сотрудничая между собой скорее на экономической, чем на политической основе, смогли согласовать совместную позицию в определении принципов нейтралитета. Она содержалась в декларации, подписанной правительствами Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции в Стокгольме 27 мая 1938 г. Документ основывался на положениях XIII Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о правах и обязательствах нейтральных государств в случае войны на море. К сожалению, декларация не принималась во внимание после вспыхнувшего мирового конфликта.

Ситуация второй половины 30-х гг., в особенности возникновение «оси» Рим — Берлин, создание антагонистических блоков и неэффективность Лиги Наций склонили Швейцарию к необходимости подчеркнуть специфическую роль в Европе. 29 апреля 1938 г. Совет кантонов Швейцарии принял меморандум, в котором подчеркивались постоянство и неслучайность нейтралитета этого государства, а вступление в свое время Швейцарии в Лигу Наций объяснялось «уступкой принципу международной соли-

дарности». Все годы членства в Лиге Швейцария сохраняла военный нейтралитет и участвовала лишь в экономических и финансовых санкциях. Негативные изменения в Европе предопределили включение в меморандум пункта об отказе Швейцарии в дальнейшем участвовать в каких-либо санкциях, провозглашенных Лигой и возвращении к полному нейтралитету.

Предвоенный политический кризис. К 1939 г. перед непосредственной опасностью нападения фашистской Германии оказалась Польша. Однако ее руководящие круги продолжали надеяться на возможность проведения прежнего курса, рассчитанного на сотрудничество с «Третьим рейхом». Министр иностранных дел Польши Ю. Бек принял за истину заявление Гитлера, сделанное в беседе с ним 5 января 1939 г.: «Каждая польская дивизия, сражаясь с Россией, соответственно сохранит одну германскую дивизию». Ю. Бек подтвердил готовность Польши сотрудничать с фашистским рейхом в войне против СССР. Это же он повторил 29 января во время встречи с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом и не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и выход к Черному морю. Руководящие круги Польши стремились к тому, чтобы германские войска двигались на СССР не через их территорию, а через территории других стран, в частности, через Румынию и Финляндию. При этом Польша настаивала, чтобы Румыния непосредственно выступила против Украины и чтобы все действия синхронизировались с политическими выступлениями Японии.

Однако реально события развивались не так, как желало польское правительство. 14 марта 1939 г. путем отрыва от Чехословакии было образовано Словацкое государство под протекторатом Германии. Польша и Венгрия признали новое государство на следующий день — раньше самой Германии. Вслед за этим немецкие войска без сопротивления заняли Чехию, и 16 марта на ее территории декретом канцлера «Третьего рейха» был образован протекторат Чехии и Моравии. Аннексия Чехии означала разрыв Гитлером Мюнхенского соглашения. Немцы увеличили свою территорию, приобрели большое количество вооружений и вместе с современной промышленностью, в особенности оборонной, включили для своих нужд. Против захвата Чехословакии резко запротестовали США, согласованные ноты протеста вручили германскому МИД послы Франции и Великобритании. Нарком иностранных дел М. Литвинов от имени Советского правительства в ноте 17 марта 1939 г. подчеркивал: «Несмотря на отсутствие какого-либо выражения воли чешского на-

рода, нельзя не признать оккупацию Чехии германскими войсками и последующие акции германского правительства актом произвола, насилия и агрессии».

Сразу после ликвидации чехословацкого государства резко усилилось давление Германии на Румынию. Связанная военным союзом с последней, Польша, тем не менее, не имела намерения ей помогать. Польский посол в Париже Ю. Лукасевич неоднократно напоминал французским представителям, что польско-румынский договор 1921 г. касается только случая войны с Советским Союзом. Такая позиция как нельзя лучше соответствовала интересам Гитлера, который в свою очередь поставил целью «добиться по возможности изолированного решения польского вопроса». Только в этом случае вермахт мог рассчитывать на успех «молниеносной» кампании.

Между тем Германия начала прямую дипломатическую подготовку войны с Польшей. 21 марта 1939 г. И. Риббентроп в ультимативной форме потребовал от польского правительства согласия на присоединение к Германии Гданьска и на строительство через территорию Польши экстерриториальной автострады в Восточную Пруссию. В этот момент Ю. Бек, наконец, был вынужден признать, что он неправильно оценил роль Польши во внешней политике Германии. Однако он продолжал надеяться, что из-за враждебности Гитлера к СССР Германия не будет заинтересована в войне против Польши. Гитлеровская дипломатия мастерски поддерживала иллюзии польских руководителей, продолжая обсуждать с ними планы совместного похода на Советский Союз.

Под этим прикрытием Берлин стремился решить две основные задачи предстоящей польской кампании: не допустить заключения тройственного пакта о взаимопомощи между СССР, Великобританией и Францией и удержать западные государства, прежде всего Великобританию, от вмешательства в войну на Востоке. В связи с этим основные усилия фашистской дипломатии во время предвоенного политического кризиса были направлены на Москву и Лондон. Параллельно Германия продолжала свои агрессивные действия: 22 марта она захватила Клайпеду, ранее принадлежавшую Германии и имевшую в межвоенный период статус автономной области Литвы, а на следующий день навязала Румынии кабальное экономическое соглашение о добыче нефти, дающее возможность контролировать ее экономику. Германская печать развернула инспирированную сверху антипольскую кампанию. Успехи Гитлера подталкивали Муссолини к стремлению демонстриро-

вать свою великодержавную позицию. 7 апреля 1939 г. итальянские войска вторглись в Албанию, и уже 3 июня там была принята конституция, закрепляющая фашистский режим.

Государства — гаранты передачи Клайпеды Литве (согласно Парижской конвенции от 8 мая 1924 г.) не отреагировали на очередной акт агрессии со стороны Германии. Аннексия Албании вызвала лишь «обеспокоенность британского правительства поведением Италии». Но явная подготовка агрессивных действий против Польши заставила Лондон и Париж принципиально пересмотреть политику в отношении Германии. В Великобритании и Франции понимали, что захват Польши «Третьим рейхом» привел бы к резкому ухудшению их собственного положения. Британское правительство 30 марта рассмотрело данный вопрос и приняло декларацию о предоставлении Польше английской помощи. Этот документ Н. Чемберлен рассматривал только как способ запугать немцев. 6 апреля было опубликовано британо-польское коммюнике, в котором указывалось, что односторонние английские гарантии Польше заменяются двусторонними обязательствами о взаимной помощи. Вслед за этим, 13 апреля Польше предоставлялись французские гарантии, а Румынии и Греции — англо-французские.

Польское правительство рассматривало английские гарантии по-своему, рассчитывая, что они создадут благоприятные условия для достижения такого соглашения с Германией, к которому оно все время стремилось. Ю. Бек заявлял, что английские и французские гарантии не закрывают двери для новых переговоров с Германией. Даже 28 августа он оценивал «общее положение Польши как не самое плохое». Эти просчеты польского министерства иностранных дел могли опровергнуть два распоряжения Гитлера, хотя из-за своей секретности они стали известными значительно позднее. Еще 3 апреля 1939 г. было издано распоряжение о подготовке германских войск к нападению на Польшу 1 сентября. 11 апреля был утвержден оперативный план польской кампании под кодовым названием «Фаль Вайс».

С начала 1939 г. стало усиливаться сотрудничество фашистских государств. В первую очередь укреплялась «ось» Берлин — Рим, хотя Б. Муссолини пришлось преодолеть нежелание многих своих политиков иметь тесный союз с Германией. Они подчеркивали, что Италия в случае такого союза будет лишь сателлитом, втянутым в реализацию целей более сильного партнера. Союз с Германией не был популярным в итальянском обществе. Но

Б. Муссолини, опасавшийся изоляции на международной арене после агрессии в Эфиопии и занятия Албании, видел, что только «Третий рейх» может поддержать его имперские амбиции. Заключение британо-польского союза и оживление франко-польского взаимодействия также повлияло на решение обоих диктаторов продемонстрировать свое единство. Некоторое время немецкая дипломатия сохраняла надежду довести дело до трехстороннего пакта с участием Японии, но японское правительство проинформировало Берлин в апреле, что пока не собирается принимать обязательств, направленных против Запада.

6—7 мая 1939 г. в Милане прошли переговоры министров иностранных дел Германии и Италии, а 22 мая во время визита Г. Чиано в Берлин был подписан пакт о дружбе и союзе (так называемый «стальной»). Пакт подтверждал установление «навсегда» германо-итальянской границы, что прекращало немецкое заселение Южного Тироля, подчеркивал «общие интересы», взаимную политическую и дипломатическую поддержку. Особо важной была статья 3, предусматривавшая взаимную «поддержку всеми своими сухопутными, морскими и воздушными силами» союзной стороны в случае «втягивания» ее в войну.

Подписание «стального пакта» не означало идентичности целей обоих диктаторов. Когда Берлин решил на атаку Запада и Польши, а проблемой оставались только очередность и срок, Б. Муссолини утверждал, что Италия не готова к войне и требуется не менее трех лет для пополнения вооружений. Более того, дуче считал, что с помощью пакта получит больше возможностей влиять на политику «Третьего рейха» и сдерживать опасные попытки Гитлера. Тот, в свою очередь, не посвящал своего союзника во все стратегические планы, в том числе и об усиливающихся контактах с СССР.

Менялось содержание советской внешнеполитической стратегии. До середины 1930-х гг. Советский Союз демонстрировал, хотя и не всегда последовательно, свое миролюбие и заинтересованность в сохранении мира в условиях капиталистического окружения. Однако набиравшие силу в эти годы террористические методы руководства во внутриполитической жизни СССР находили отражение и в его международной деятельности. Особый — «сталинский» — почерк все более проявлялся во внешнеполитических шагах правительства. Это находило выражение прежде всего в том, что советское руководство давало одностороннюю оценку расстановке и соотношению политических сил в мире. Утвержда-

лось, например, что в центре мировой политики стояла борьба двух систем — капиталистической и социалистической. Отсюда формулировался тезис о том, что СССР является крепостью, окруженной врагами-империалистами, которые только ищут момент, чтобы стереть ее с лица земли. Из этого тезиса вытекал вывод, который настойчиво навязывался советскому народу Сталиным, чтобы оправдать его внутреннюю политику: необходимо укреплять эту крепость (т. е. сталинский режим) и всячески поддерживать закрытый характер советского общества.

В области внешней политики со второй половины 30-х гг. стало отдаваться предпочтение решению возникающих проблем наступательными военными средствами. Возрождались концепция насаждения мировой социалистической революции. Как и в 20-е гг., она рассматривалась в контексте расширения «социалистического базиса войны»; это означало, что Красная Армия, занимая территорию, расширяет не только «базис войны», но и «социалистический базис» вообще. Все вновь занятые территории должны были неизбежно становиться социалистическими.

В конце 30-х гг. вновь был востребован опыт создания подобных планов, связанных с экспортом революции, а взгляды на внешнюю политику приобрели практическое выражение. Сближение СССР с Германией в августе 1939 г. вовсе не означало отказа советского руководства от «наступательной стратегии». Наоборот, такое сближение (точнее, сговор двух диктаторов) создало благоприятные условия для ее успешной и безопасной реализации, о чем свидетельствовали советские акции в Польше, против Финляндии, в Прибалтике и Бессарабии.

Сталинизм игнорировал важный принцип приоритетности общечеловеческих интересов в международных отношениях. Более того, в 1937 г. Сталин сам выдвинул концепцию обострения классовой борьбы в советском обществе. Данная концепция, благодаря самому вождю и его окружению, прежде всего В. Молотову, предопределила субъективный подход к советской внешнеполитической стратегии. Искусственно созданный конфронтационный дух настолько пронизывал действия советского руководства, что мешал трезво оценить ситуацию и реально определить, где враг и где силы, способные стать союзниками СССР. Этому вредил прежде всего антифранцузский и антибританский «синдром» Сталина. Верх брали эмоции и стереотипы, а не рассудок. Командно-административные методы и идеологизированный подход Сталина ко многим внешнеполитическим проблемам осложняли совет-

скую дипломатию. Процесс принятия важных внешнеполитических решений имел узкоэлитарный характер, народ же вообще был лишен участия в формировании внешней политики.

В целях нейтрализации СССР во время польской кампании Гитлер решил добиться германо-советского сближения. Москва заметила эти усилия уже в начале 1939 г. Сам Сталин в докладе на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта сделал акцент на нежелании Советского Союза «таскать каштаны из огня» для Великобритании и Франции. В Берлине это было понято как сигнал к улучшению отношений с «Третьим рейхом». В мае советское руководство продемонстрировало новые тенденции во внешнеполитическом курсе, объявив об отставке М. Литвинова с должности наркома по иностранным делам. С именем М. Литвинова в международных кругах ассоциировалась идея коллективной безопасности и возможность соглашения Советского Союза с Великобританией и Францией. Он же оказался препятствием для советско-германских контактов, которые начались в апреле 1939 г. первоначально по экономическим вопросам.

Начиная с первой половины 1939 г., временный поверенный в делах СССР в Германии Г. Астахов неоднократно информировал Народный комиссариат иностранных дел (НКВД), что в Берлине отмечаются новые тенденции относительно СССР: изменился тон германской прессы, фашистские лидеры воздерживались от выпадов в сторону СССР, чиновники германского МИДа в беседах с советскими дипломатами настойчиво подчеркивали, что у немцев нет намерения развивать экспансию в восточном направлении, что Германия не имеет агрессивных планов против СССР и желает улучшить германо-советские отношения. В первой половине августа советско-германские переговоры активизировались. Стороны уже не только подчеркивали желание нормализовать двусторонние отношения, но и в осторожной форме определяли круг вопросов, по которым возможны поиски конкретных соглашений.

Позиция Гитлера и Риббентропа, по всей вероятности, была понятной Сталину и Молотову. Германия шла к войне. Немцы не скрывали в беседах с советскими представителями, что они не исключают использования силы в отношении Польши. Гитлер и его генералы как огня боялись возможности создания Восточного фронта с участием СССР. Ради этого они готовы были пойти на большие уступки в интересах Советского Союза.

2 августа 1939 г. И. Риббентроп имел беседу с Г. Астаховым. Министр начал с того, что финансово-экономические переговоры

приближаются к позитивному завершению и могут послужить началом улучшения политических отношений. Избегая конкретизации, И. Риббентроп сформулировал общие направления, по которым могли бы развиваться взаимоотношения между Германией и СССР. По его мнению, исходными пунктами двусторонних переговоров могли бы стать: невмешательство во внутренние дела друг друга, идеологическая терпимость, отсутствие противоречий между обеими странами в полосе от Черного до Балтийского моря. И. Риббентроп дал понять о возможности посреднической роли Германии в урегулировании советско-японского конфликта. В конце беседы германский министр заметил, что «разговаривать с русскими немцам, несмотря на всю разницу идеологий, было бы легче, чем с англичанами и французами». Нетрудно было понять, что эта брошенная мимоходом фраза означала: Берлин не исключает возможности соглашения с Лондоном и Парижем. Информировав германского посла в Москве о беседе с Г. Астаховым, И. Риббентроп сообщил: «...я сделал тонкий намек на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши».

12 августа 1939 г. советское полпредство сообщило в МИД Германии о согласии Советского правительства приступить к поэтапному обсуждению экономических и иных поставленных германской стороной вопросов. В беседе Г. Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой МИДа Германии Ю. Шнурре в тот день возник вопрос о возможности заключения советско-германского пакта о ненападении. Таким образом, еще до прибытия британской и французской миссий в Москву, до начала дискуссий о военной конвенции между СССР, Великобританией и Францией о противодействии германской агрессии Москва дала принципиальное согласие на ведение переговоров с Берлином по политическим и территориальным проблемам в Европе и о советско-германских отношениях.

Как следует оценить позицию Советского правительства в эти дни августа 1939 г.? Можно предположить, что у Сталина и Молотова сложилось убеждение в необходимости резкого поворота внешнеполитического курса СССР. Во-первых, угроза войны в Европе стала реальностью. Во-вторых, на переговорах в Москве обозначилась возможность заключения англо-франко-советского политического договора о взаимопомощи. Заключение же конкретной военной конвенции было очень проблематичным, и такой договор без военной конвенции не удовлетворял советское руководство. В-третьих, соглашение с Великобританией и Франци-

ей, объективно направленное против Германии, могло втянуть СССР в европейскую войну, в которой наверняка Красной Армии пришлось бы взять на себя основную тяжесть усилий в борьбе с вермахтом.

В противоположность этой перспективе соглашение с Германией, соответственно оценкам советского руководства, давало Советскому Союзу немедленные и реальные преимущества. СССР получал возможность остаться вне военного конфликта в Европе. Нейтральная позиция в случае войны давала выигрыш во времени. Кроме того (вероломный Сталин наверняка думал так), европейская война могла приобрести затяжной характер, что привело бы к ослаблению двух империалистических группировок, которые, по сталинской концепции, являлись классовыми противниками социализма. Также Сталин надеялся на решение советского территориального интереса, на содействие в урегулировании конфликтов с Японией, на германский кредит в 20 млн марок. Все эти мотивы, как видно, очень существенны.

С другой стороны, сближение с Германией имело не меньшие отрицательные стороны. Договор означал конец советского внешнеполитического курса на создание системы коллективного отпора агрессору. Советский Союз становился как минимум косвенным соучастником агрессивных действий фашистского рейха. Соглашение с Германией должно было произойти за счет Польши, государств Балтии, Юго-Восточной Европы. Кроме того, створ с Германией наносил удар по антифашистской борьбе народов Европы, особенно по коммунистам — активным участникам этой борьбы.

Поворот в советском внешнеполитическом курсе означал, что переговоры военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве теряли смысл, не начавшись. Для Кремля они могли служить всего только последней проверкой позиции Великобритании и Франции, а может, и прикрытием резкого дипломатического маневра, который мгновенно менял военно-политическую ситуацию в Европе.

21 августа 1939 г. Сталин сообщил Гитлеру о согласии принять Риббентропа для завершения работы над договором. Советско-германский пакт о ненападении был подписан 23 августа в Москве В. Молотовым и И. Риббентропом. Он ссылался на предыдущее соглашение от 1926 г. и содержал обязательства воздерживаться от «любого агрессивного действия и любого вмешательства во взаимных отношениях, как самостоятельно, так и

совместно с другими государствами». Сущность заключенного пакта составлял подписанный одновременно тайный дополнительный протокол. Он устанавливал границу их «обоюдных сфер интересов в Восточной Европе». Северная граница Литвы разделяла сферу интересов Германии и СССР. Это означало, что Финляндия, Эстония и Латвия попадали в советскую сферу влияния, это же касалось Бессарабии в Юго-Восточной Европе. О Польше говорилось в статье 2: «В случае наступления территориальных либо политических изменений на территориях, принадлежащих Польскому государству, граница сферы интересов Германии и СССР будет проходить вблизи линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос, будет ли желательным в интересах обеих сторон сохранение независимого Польского государства и в каких границах, станет возможным для окончательного выяснения в ходе дальнейших политических событий. В каждом случае оба правительства разрешат этот вопрос путем дружеского соглашения».

Еще ранее, после того, как в марте 1939 г. германские войска оккупировали всю Чехословакию и захватили Клайпеду, в Лондоне и Париже было принято решение начать тройственные переговоры представителей СССР, Великобритании и Франции. Тогда французское и британское правительства объявили о своих гарантиях Польше и о переговорах с Советским Союзом. Были ли эти переговоры шансом для создания антигитлеровской коалиции и могли ли они составить реальную альтернативу будущему трагическому развитию событий? Сегодня на основе анализа известных фактов можно сделать вывод о том, что такая альтернатива существовала, она была наиболее благоприятной для сохранения международного мира и потенциально создавала преграду на пути агрессивных планов Германии.

Тройственные переговоры были разделены на два этапа. Сначала это были общие политические переговоры, которые привели к принятию 23 июля 1939 г. Великобританией и Францией большинства советских условий, в особенности признания, что политический и военный договоры должны быть подписаны и войти в жизнь одновременно. С 11 августа начались переговоры военных миссий. Через два дня после заключения пакта Молотова — Риббентропа советские власти прервали военные переговоры с Великобританией и Францией. Несмотря на еще предпринимаемые в последние дни августа мирные инициативы, Гитлер понял, что все международные препятствия сняты, и дал приказ

о вторжении в Польшу. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война.

Позиция западных участников переговоров подвергнута справедливой критике и в советской, и в западной историографии. Действительно, на протяжении июля — августа английская позиция была неконструктивной. Второразрядные представители Великобритании, к тому же не имевшие серьезных полномочий, топили переговоры в технических деталях, запрашивая у советских делегатов все новые и новые данные о вооруженных силах. Британская линия отразила нежелание своего правительства идти на широкие обязывающие соглашения с СССР. Английская дипломатия продолжала политику игры на противоречиях, Лондон не исключал возможности нового соглашения с Германией, хотя и предпочитал ему заключение англо-франко-советского договора. Считалось, что без СССР война станет затяжной и ее тяжесть падет на Великобританию и Францию.

После Второй мировой войны советская историография не делала разницы в позициях Великобритании и Франции. Она пользовалась, как правило, термином «англо-французская политика». Между тем французская политика отличалась от британской. Безусловно, в общем плане Франция тоже не пошла на широкое соглашение с СССР, хотя из-за тактических соображений она часто стремилась переложить ответственность за неудачу переговоров на свою британскую союзницу. И все же позиция Франции отличалась от английской. Для Франции опасность германской агрессии была значительно более реальной, чем для Великобритании. Вероятно, именно этот фактор оказывал сильное влияние на французское руководство, которое в решающие августовские дни 1939 г. активно нажимало на польское правительство, рекомендуя ему принять советское требование о согласии на пропуск советских войск через польскую территорию. В самый последний момент переговоров из Парижа пришло согласие на подписание военной конвенции с Советским Союзом (хотя, как известно, СССР к этому времени уже изменил свой внешнеполитический курс в сторону Германии). Все же в целом французская позиция напоминала британскую и была противоречивой и непоследовательной; Франция не содействовала конструктивному завершению переговоров.

Продолжительное время в СССР избегали любой критической оценки советской позиции на тройственных переговорах. В

то же время тщательный анализ переговоров показывает, что жесткая, бескомпромиссная позиция советских представителей не содействовала успешному завершению переговоров и достижению соглашения. Выдвижение со стороны СССР категорического требования о согласии Польши и Румынии на пропуск советских войск через их территории в условиях, когда Польша и Великобритания с этим категорически не соглашались, мешало преодолению переговорного тупика. Известно, что такая линия переговоров, как и вся внешнеполитическая стратегия, определялась Сталиным. Но правда и в том, что советская дипломатия к этому времени была серьезно ослаблена после чисток и репрессий, утратила динамизм и гибкость, свойственные советским дипломатам 1930-х гг.

Следует констатировать, что эгоистические цели преобладали в позициях всех участников трехсторонних переговоров. Они игнорировали смертельную опасность фашизма для всего континента, не смогли подняться над второстепенными интересами и осознать, что человечество оказалось в новой ситуации, когда необходимо было отойти от предшествующих методов и маневров. Кроме того, из сферы международных отношений того времени целиком выпал общечеловеческий моральный фактор. Антигуманная сущность фашизма, его расистская природа к тому моменту уже проявились в полной мере. Но, к сожалению, руководители западных демократий и СССР не смогли противопоставить фашизму гуманистическую программу спасения человечества. Западные страны с их обостренным неприятием социализма и аморальной идеей умиротворения агрессора и сталинизм с его репрессивной сущностью, антидемократической практикой принятия решений и пренебрежением нормами морали не составили общего фронта борьбы против фашизма.

Эти общие факторы в соединении с конкретными обстоятельствами преопределили неудачу тройственных переговоров в августовские дни 1939 г. Ситуацию не изменил и подписанный 25 августа 1939 г. в Лондоне договор о взаимопомощи между Великобританией и Польшей, тайный протокол к которому называл Германию потенциальным агрессором и определял третьи стороны, которым гарантировалась британо-польская помощь: Гданьск, Бельгию, Голландию, Литву и при определенных условиях Латвию и Эстонию.

Тема 8

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Причины, характер и особенности Второй мировой войны. Версальско-Вашингтонская система окончательно пала с началом Второй мировой войны. Главными причинами войны были неравномерность экономического развития и имперские амбиции ведущих держав, приведшие в середине 1930-х гг. к расколу капиталистического мира. В одну из враждовавших между собой группировок вошли Германия, Италия и Япония, во вторую — Великобритания, Франция и США. Военная опасность усилилась, когда в Германии была установлена нацистская диктатура. Англия и Франция прилагали усилия, чтобы отвести от своих стран угрозу германской агрессии, столкнуть фашизм с большевизмом. Это явилось дополнительной причиной будущей войны. Политика западных демократий во второй половине 30-х гг. предопределила крах попыток создания системы коллективной безопасности европейских государств против нарастающей военной опасности. На волне обострившихся противоречий в Европе развернулась невиданная гонка вооружений, милитаризация общественной жизни.

В межвоенные годы США следовали курсу изоляционизма и не играли решающей роли в европейских делах. Основное внимание Вашингтона за пределами Американского континента было приковано к борьбе с милитаристской Японией за сферы влияния на Азиатско-Тихоокеанском театре. Тем не менее США в основном поддерживали Великобританию и Францию, а в 1933 г. установили дипломатические отношения с СССР.

К будущей войне наиболее основательно готовилась Германия. Инициаторами агрессивного курса выступили Германия, Япония и Италия. Развернув лихорадочную подготовку экономики и вооруженных сил своих государств, установив внутри стран террористические фашистские диктатуры, они в середине 30-х гг. открыто начали борьбу за мировое господство.

Англо-франко-американская группировка противопоставила блоку фашистских государств собственное стремление сохранить

доминирующее положение в мире, установленное ею в результате победы в Первой мировой войне. Общие потенциальные силы этой группировки и примыкавших к ней других стран капиталистического мира превосходили силы агрессоров. Однако правящие круги Великобритании, Франции, США понимали, что новая война ничего хорошего им не сулит. Поэтому они были заинтересованы в том, чтобы сохранить, а по возможности и упрочить свои мировые позиции, избежав войны.

Существуют принципиально различные оценки геополитического состояния мира накануне Второй мировой войны. Одни историки настаивают на двухполюсной характеристике. По их мнению, в мире имелись две социально-политические системы (социализм и капитализм), а в рамках капиталистической системы международных отношений — два очага будущей войны (Германия — в Европе, Япония — в Азии). Капиталистический мир вынашивал идею ликвидации первого пролетарского государства — СССР. Другие полагают, что накануне Второй мировой войны существовали три политические системы: буржуазно-демократическая, социалистическая и фашистско-милитаристская. Взаимодействие этих систем, расклад сил между ними могли обеспечить мир или сорвать его. Возможный блок буржуазно-демократической и социалистической систем был реальной альтернативой Второй мировой войне. Только весной 1939 г. Великобритания и Франция начали наконец предпринимать некоторые шаги — правда, запоздалые, половинчатые — по укреплению своих позиций на случай, если война с фашистскими агрессорами окажется неизбежной. Однако мирного альянса не получилось. Буржуазно-демократические страны не пошли на создание блока до начала войны, ибо их руководство рассматривало советский тоталитаризм, ранее провозгласивший «крестовый поход» против капитализма, как угрозу основам цивилизации, мало чем отличавшуюся от фашистской опасности.

В межвоенный период нарастало противоборство трех цивилизаций. Традиционной западной цивилизации противопоставили собственные ценности советская и расистско-нацистская цивилизации. В советской идеологии лидеры и просветители западного мира увидели не только жестокость авторитарного режима, но и растущую привлекательность для зарубежных трудящихся, что граничило с угрозой западному миру. Резко выраженные антицивилизационные черты общественного развития Германии и ряда

других стран Запад отторгал целиком, но не смог противостоять агрессивности нацистской идеологии. Поэтому уникальной особенностью возникновения Второй мировой войны оказался многосторонний цивилизационный кризис.

Ко времени начала войны, пожалуй, лишь Англия, Канада и США оставались центрами сохранения основ западной цивилизации. Остальной мир все больше скатывался в пучину тоталитаризма, что, как следует из анализа причин и последствий мировых войн, создавало угрозу неминуемой гибели человечества.

Позиции западных держав в начальный период войны. В 4 часа 45 минут 1 сентября 1939 г. гитлеровские войска вступили на территорию Польши. Вечером того же дня британский и французский послы вручили идентичные ноты министру иностранных дел Германии И. Риббентропу. В них указывалось, что если германское правительство не предоставит «удовлетворительных заверений» о прекращении военных действий и готовности вывести свои войска с польской территории, то Великобритания и Франция приступят к выполнению своих обязательств относительно Польши.

Нападение Германии на Польшу вызвало тревогу Великобритании и Франции. 3 сентября 1939 г. правительства этих стран во главе с Н. Чемберленом и Э. Даладье объявили войну Германии, но фактически ее не вели. Пока основные силы вермахта громили Польшу, на Западном фронте шла «странная война». 110 французских и 5 британских дивизий не предпринимали никаких серьезных боевых действий против 23 немецких дивизий. «Странная война» была продолжением мюнхенской политики умиротворения агрессора. Ее политический смысл для Великобритании и Франции, по всей видимости, был в том, чтобы не мешать фашистской Германии, разгромив Польшу, двинуться на Советский Союз. Бездеятельность западного противника помогала Германии после захвата Польши проводить активную подготовку к наступлению на Западном фронте и укреплять позиции на Востоке.

В самом начале Второй мировой войны, 5 сентября, Соединенные Штаты Америки заявили о своем нейтралитете относительно войны в Европе. Американские руководящие и монополистические круги рассчитывали неограниченно обогащаться и в перспективе — по мере укрепления собственного могущества и исчерпания сил воюющих сторон — добиться установления своей гегемонии в мире. Используя ослабление конкурентов в Латинской Америке, США сосредоточили внимание на укреплении личных экономических и политических позиций в этом регионе. США посте-

пенно шли на определенное сближение с Великобританией и Францией, остерегаясь чрезмерного роста могущества фашистского блока, который угрожал сорвать указанные планы Соединенных Штатов. В ноябре 1939 г. был видоизменен закон о нейтралитете. Новая его редакция позволяла всем воюющим странам покупать в США вооружение и военные материалы на условиях «кеш энд керри», это значит, «плати наличными и вывози на своих судах».

Противоречивые шаги СССР по обеспечению безопасности своих границ. О начавшемся наступлении Красной Армии на Польшу ее посол в Москве В. Гжибовски был проинформирован ночью 17 сентября 1939 г. специально зачитанной ему нотой. В ней сообщалось, что, поскольку Польское государство и его правительство уже фактически не существуют, Советское правительство отдало приказ Красной Армии вступить на территорию Польши и взять под свое покровительство украинское и белорусское население. Посол отказался принять ноту, мотивируя это тем, что Польша по-прежнему существует, а ее армия сражается с вторгшимися германскими войсками.

Советское наступление стало актом восстановления исторической справедливости и надеждой народов Беларуси и Украины на свое национальное воссоединение. Одновременно оно означало нарушение подписанных и обязующих дву- и многосторонних договоров: Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г.; пакта Бриана — Келлога от 27 августа 1928 г. и протокола М. Литвинова от 9 февраля 1929 г.; советско-польского договора о ненападении от 25 июля 1932 г., в дальнейшем продленного до 31 декабря 1945 г.; трех конвенций об определении агрессора от июля 1933 г., предложенных и сформулированных советской дипломатией; Устава Лиги Наций от 28 июня 1919 г., в которую Советский Союз вступил в 1934 г.; советско-польской декларации о взаимоотношениях от 26 ноября 1938 г.

С международно-правовой точки зрения ситуация была нетипичной, ибо СССР не объявил Польше войну де-факто, лишь утверждая, что Польское государство «фактически» перестало существовать. Польское правительство тоже не объявило войны, тем самым давая понять, что не находится с Советским Союзом в состоянии войны. Это имело определенное значение, так как Франция и Великобритания, ссылаясь на необъявление войны, не выдвинули Москве формального протеста, заявив только, что не соглашаются с советской интерпретацией международного по-

ложения Польши. В. Молотов следующим образом оценил вторжение в Польшу: «...хватило одного молниеносного удара по Польше армии германской, а потом Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого порочного плода Версальской системы, живущего эксплуатацией непольских народов».

Демаркационная советско-германская линия, разделившая территорию Польши, была объявлена 22 сентября 1939 г. Вслед за этим И. Риббентроп предпринял двухдневный визит в Москву, подписав в его завершение 28 сентября 1939 г. договор о границах и дружбе с СССР. Документ состоял из пяти коротких статей, в которых стороны определяли «границы своих взаимных национальных интересов на территории бывшего польского государства» и подчеркивали, что он создает основание взаимной дружбы. Один из трех секретных протоколов, приложенных к договору, передвигал советско-германскую границу на линию Писа — Нарев — Буг — Сан, т. е. дальше на восток по сравнению с предыдущим протоколом, приложенным к договору Молотова — Риббентропа. Взамен Германия отказалась от своих претензий на Литву, которая таким образом становилась целиком сферой влияния СССР.

Территория Восточной Польши, присоединенная к Советскому Союзу, имела площадь около 200 тыс. км² и охватывала исторические земли Западной Беларуси и Западной Украины. Они объединялись соответственно с БССР и УССР и были включены в состав СССР постановлениями Президиума Верховного Совета СССР от 1 и 2 ноября 1939 г. Первоначально Сталин не исключал возможности присоединения Вильно и Виленского края к Белорусской ССР. Однако скоро изменил решение, передав эту территорию Литве по геополитическим соображениям. Белорусская нация была осуждена на территориальные потери.

Положительный сам по себе факт воссоединения белорусской и украинской наций приобретал негативный оттенок оттого, что, во-первых, воссоединенные территории превращались в советскую прифронтовую зону и, во-вторых, социалистические преобразования носили ускоренный характер. С этих территорий советские власти депортировали в течение четырех массовых акций 320—400 тыс. жителей. На основании решения политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. было уничтожено 7300 граждан Западной Беларуси и Западной Украины и около 14 600 военнопленных — преимущественно офицеров и полицейских — из числа узников трех специальных лагерей: Козельска, Медного и Старобельска.

Несмотря на то, что Великобритания была союзницей Польши и признавала существование Польского государства, проявилась ее склонность признать де-факто и результаты советского вторжения. У. Черчилль заявил 1 октября 1939 г.: «То, что российские армии должны были стать на той линии, было ясно и необходимо с точки зрения на опасность, угрожающую России со стороны нацистской Германии. В любом случае линия — там и возник Восточный фронт, по которому нацисты не осмелятся ударить». Выступая в парламенте, премьер-министр Н. Чемберлен согласился с позицией У. Черчилля. В октябре 1940 г. британский посол в Москве С. Криппс представил Советскому правительству меморандум о готовности признания де-факто суверенитета СССР над Эстонией, Литвой, Латвией, Бессарабией, Северной Буковиной (две последние территории были отняты у Румынии в июне 1940 г.) и над частью «бывшего Польского государства». При этом Форин оффис обратил внимание на неудобство употребления термина «бывшее Польское государство», но подчеркивал, что «обстоятельства, касающиеся возможного и фактического признания приобретений Советского Союза, отвечали более раннему анализу британского Министерства иностранных дел. Они сводились к согласию с реальными фактами, выводились из предложения лорда Керзона в 1920 г.».

После воссоединения Западной Беларуси и Западной Украины второй внешнеполитической акцией СССР стала война с Финляндией. Причиной войны было стремление Москвы изменить границу. Советско-финский договор от 21 января 1932 г. гарантировал взаимное ненарушение границ, установленных мирным договором в Дерпте 14 октября 1920 г., и обязывал договаривающиеся стороны к взаимному сдерживанию от всяческих агрессивных действий. Впервые предложение об изменении границы с Финляндией СССР выдвинул весной 1938 г. Речь шла о передаче Советскому Союзу Карельского перешейка и нескольких малых, но стратегически важных островов, и аренде части полуострова Ханко, предназначенной для советской военной базы. Взамен СССР обещал территориально большую часть своей Карелии.

Правительство Финляндии было против этого предложения не только в 1938 г., но и на неоднократных переговорах в 1939 г. 28 ноября 1939 г. СССР денонсировал договор от 1932 г., а 30 ноября его войска атаковали Финляндию. Предполагалась легкая победа, которая давала возможность превращения Финляндии в советскую республику. В городе Териоки на Карельском пере-

шейке Сталин создал Народное правительство Финляндской Демократической Республики во главе с финским коммунистом О. Куусиненом, постоянно проживавшим в СССР. 1 декабря 1939 г. Москва даже установила дипломатические отношения с этим правительством, но в Финляндии оно не получило ни малейшего признания. Война пошла совсем по-иному. Финны защищались чрезвычайно упорно, одновременно наступающая Красная Армия ощущала значительные недостатки в обучении и вооружении.

Очередное зимнее советское наступление оказалось столь же безуспешным, как и предыдущие. Поскольку оборонительные возможности Финляндии постепенно исчерпывались, Франция и Великобритания начали планировать военную экспедицию, которая была призвана оказать финнам помощь. Но она оказалась только намерением. Предложение о посредничестве выдвинул президент США Ф. Рузвельт, на что В. Молотов ответил, что СССР не ведет войны с Финляндией, а напротив, устанавливает дружественные отношения с легальным правительством этой страны (т. е. с «правительством» О. Куусинена).

2 декабря 1939 г. финское правительство обратилось с жалобой на СССР в Лигу Наций. Она рассматривалась 9 и 11 декабря, а 14 декабря Совет Лиги принял единогласное решение (при отсутствии нескольких членов) об исключении Советского Союза из Лиги Наций. Первые мирные переговоры начались в феврале 1940 г. в Стокгольме, и уже в начале марта в Москву прибыла финская правительственная делегация во главе с премьер-министром Р. Рюти. Мирный договор был подписан 12 марта 1940 г.; он лишил Финляндию 10 % национальной территории, включая экономически важную часть Карельского перешейка и большой город Виипури (Выборг). В том же году СССР заключил еще одно соглашение с Финляндией, связанное с ее стремлением совместно со Швецией добиться согласия Лиги Наций в 1938—1939 гг. на частичную милитаризацию Аландских островов. Советско-финляндский договор 11 октября 1940 г. гласил, что «Финляндия обязуется демилитаризовать Аландские острова, не укреплять их и не предоставлять вооруженным силам других государств».

Во внешнеполитических планах СССР, как и фашистской Германии, важное место отводилось Балтийским государствам. В результате агрессивной гитлеровской политики положение этих государств с каждым годом усложнялось. В марте 1939 г. после ликвидации Чехословакии была оккупирована Клайпеда, кото-

рая принадлежала Литве. В первоначальном варианте германского плана вторжения в Польшу фигурировала и частичная оккупация стран Балтии.

Осенью 1939 г. Советское правительство предложило заключить пакты о взаимопомощи правительствам Эстонии, Латвии и Литвы. В результате прошедших в Москве двусторонних переговоров были подписаны указанные договоры: 28 сентября 1939 г. — с Эстонией, 5 октября — с Латвией, 10 октября — с Литвой. Согласно условиям пактов, очень схожих по содержанию, СССР приобретал право разместить на территориях Эстонии, Латвии и Литвы ограниченное количество войск и в определенных пунктах создать военно-морские базы и аэродромы. Советско-литовский договор предусматривал также совместную оборону литовской границы и передачу города Вильно и Виленской области Литве. Одновременно между Советским Союзом и государствами Балтии были подписаны новые торговые соглашения, в соответствии с которыми последние стали приобретать у СССР нефть, железо, хлопок и другое сырье. Это облегчало их экономическое положение, компенсировало утрату значительного объема торгово-экономических связей с западными государствами, нарушенных вследствие войны и исключения балтийского морского пути из сферы международных торговых сношений.

Присутствие советских войск в этот период не оказывало существенного влияния на политические процессы, хотя, естественно, не могло не сыграть роли морально-политического фактора. Активизировались левые силы, стали открыто действовать коммунистические партии, участились митинги, забастовки, имевшие не только экономическую, но и политическую направленность. Процесс ограничения суверенитета стран Балтии неуклонно нарастал. Это отметила конференция министров иностранных дел Балтийской Антанты, состоявшаяся 14—16 марта 1940 г. в Риге. Ее выводы были пессимистическими: признавалось, что не видится реальных возможностей избежать советского господства.

В условиях нараставшей мировой войны, краха ряда крупных и малых государств Европы военно-политическое положение СССР серьезно усложнялось. Захватив Данию и Норвегию, гитлеровские войска в мае 1940 г. вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург, 14 июня — в Париж. Фашистский блицкриг из доктринальной концепции воплощался в угрожающую практику. В этих условиях у советского руководства сформировались представления о не-

обходимости крупных мероприятий по укреплению обороны СССР с использованием территорий Литвы, Латвии и Эстонии в связи с возможной агрессией со стороны Германии. Переговоры об этом вел непосредственно В. Молотов, который стал с мая 1939 г. не только председателем СНК, но и наркомом по иностранным делам СССР. 14 июня 1940 г. руководство Советского Союза добилось от литовского, а 16 июня — от латвийского и эстонского правительств (путем дипломатических нот ультимативного содержания) согласия на ввод на территории их стран дополнительных контингентов советских войск. Даже если признать, что по существу речь шла о мерах по укреплению совместной обороны, то все равно невозможно опровергнуть факты, что при этом В. Молотов и другие советские руководители использовали недопустимую в отношениях между суверенными государствами форму ультиматумов и требования смены правительств дружественных для СССР стран.

14—15 июля в условиях советской оккупации прошли выборы в национальные собрания, во время которых были отобраны парламентарии, послушные Москве. На своих первых заседаниях национальные собрания обратились к высшим советским властям с просьбой о принятии их государств в состав СССР, на что Верховный Совет СССР дал согласие. 3, 5 и 6 августа 1940 г. Литва, Латвия и Эстония перестали существовать, а СССР предпринимал усилия по ликвидации дипломатических представительств этих государств.

При оценке военно-политического характера советской акции в Прибалтике в 1939—1940 гг. необходимо признать, что это была аннексия, которую осуществило сталинское руководство СССР не только с целью защиты Прибалтийских республик от угрозы германской агрессии, но и ради расширения территории страны и получения военно-стратегических преимуществ. Своими действиями Советский Союз в одностороннем порядке нарушил систему договоров 1920—1939 гг., которая вытекала из права народов на самоопределение и регулировала отношения между СССР и каждым из государств этого региона.

Политические процессы в Латвии, Литве и Эстонии имели сильный международный резонанс. Во время этих событий германский посол Ф. Шуленбург неоднократно заверял В. Молотова, что Германия не будет вмешиваться в политические дела государств Балтии, но настаивал на том, чтобы ее экономические интересы в этом регионе были сохранены. Среди крупных госу-

дарств Европы единственно Германия настойчиво рекомендовала Прибалтийским республикам смириться со своей судьбой.

В отличие от Германии, западные государства и США реагировали на данные события резко отрицательно. Лишь министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс некоторое время считал, что советское военное присутствие в Прибалтике носит оборонительный характер. Однако позже, когда там была установлена Советская власть и возник вопрос о вступлении трех стран в состав СССР, госдепартамент США предпринял демарш. В его заявлении был подчеркнут умышленный характер ликвидации мощным соседом территориальной целостности и политической независимости Эстонии, Латвии и Литвы.

Вопреки провозглашенной Советским Союзом цели предотвращения оккупации Прибалтийских республик фашистской Германией их мирное развитие не оказалось обеспеченным. В течение нескольких недель с начала Великой Отечественной войны Красная Армия оставила территорию Прибалтики, на которую вступили войска вермахта. С установлением немецко-фашистской оккупации начался новый трагический акт в новейшей истории стран Балтии.

Внешнеполитические аспекты «странной войны». Несмотря на объявление Францией и Великобританией 3 сентября 1939 г. войны Германии, это не повлекло за собой никаких конкретных действий, кроме сбрасывания пропагандистских листовок над немецкой территорией. На следующий день в Париже был подписан протокол к франко-польскому договору о взаимной помощи. Он, в частности, гласил: «Если договаривающиеся стороны окажутся в состоянии войны с применением настоящего договора, ни одна из них не заключит перемирия или мира без взаимного согласия». В тот же день в Лондоне состоялось заседание британского военного кабинета по вопросу сотрудничества с Францией. Там утверждалось, что разработка союзного плана операции против Германии в целях уменьшения натиска на Польшу является жизненной необходимостью. Было заявлено о предстоящей встрече руководителей правительств, чтобы «в течение нескольких месяцев согласовать межсоюзническую политику ведения войны».

12 сентября состоялось первое заседание Высшего военного совета Великобритании и Франции. Было отмечено, что начало наступательных действий против немцев было бы ошибочным. Н. Чемберлен откровенно подчеркивал, что «нет повода к спеш-

ке, ибо время на нашей стороне». Было согласовано, что британские сухопутные силы станут прибывать во Францию по плану, разработанному генеральными штабами. Оба государства также подписали 12 декабря 1939 г. соглашение, установившее, что совместные военные затраты будут покрываться в пропорции: 1/3 — Франция, 2/3 — Великобритания.

«Странная война» завершилась наступлением немецких войск на Западном фронте. Здесь действия развивались не в пользу союзников. Обойдя «линию Мажино», немцы разорвали франко-британские войска, и английский корпус был вынужден спешно эвакуироваться через порт в Дюнкерке. В течение апреля — июня 1940 г. Германия захватила Данию, Норвегию, Люксембург, Бельгию, Голландию. Была оккупирована также большая часть Франции. На неоккупированной ее части с центром в городе Виши был установлен профашистский режим, во главе правительства стал 84-летний маршал А. Петен, сразу признавший поражение Франции. Германско-французское перемирие было подписано 22 июня 1940 г. в Компьене, а несколькими днями ранее, 18 июня, Ш. де Голль провозгласил в Лондоне манифест, призывающий к борьбе за освобождение Франции, и объявил об образовании Комитета свободной Франции.

С поражением Франции Великобритания потеряла своего главного партнера по коалиции. Правительство У. Черчилля, которое пришло к власти 10 мая 1940 г., высказалось за политику активного сопротивления фашистским государствам. Оно исходило из того, что в новой ситуации продолжение мюнхенской линии угрожало Великобритании поражением. 7 августа новое правительство заключило соглашение с движением Ш. де Голля, но прежде всего активизировало свои отношения с Вашингтоном.

Международная политика США тоже претерпевала эволюцию. Президент Ф. Рузвельт 5 сентября 1939 г. провозгласил нейтралитет по отношению к войне в Европе. Согласно закону о нейтралитете от 1937 г., запрещался экспорт оружия и военного снаряжения для воюющих сторон. Этот запрет конгресс отменил уже 3 ноября 1939 г., благодаря чему Великобритания и Франция смогли заказать значительное количество вооружений. На этом, пока едва обозначенном пути сближения британо-американских военно-политических целей, существенное значение имело соглашение от 2 сентября 1940 г. в форме обмена нотами, в котором оговаривалось «усиление способности Соединенных Штатов к эффективному сотрудничеству с другими нациями Америки в защи-

те Западного полушария». В соответствии с соглашением США передавали британскому флоту 50 устаревших эсминцев. Взамен Великобритании передавала в аренду США сроком на 99 лет ряд своих территорий для создания военных баз (на островах Ньюфаундленд, Багамских, Тринидад, Ямайка и др.). В течение 1940 г. Великобритания и Франция получили примерно по 600 американских самолетов каждая.

Хотя изоляционистские тенденции относительно войны в Европе в США были сильными, Ф. Рузвельт умело проводил кампанию убеждения своих граждан в том, что нарушение мира также угрожает американскому народу и государству. Не удовлетворяясь рапортами своих дипломатов из Парижа, он принял решение о необходимости более точного изучения ситуации в Европе. С этой миссией в феврале 1940 г. в Берлин, а затем в Париж и Лондон был направлен заместитель госсекретаря С. Уоллес. Он беседовал с Б. Муссолини (дважды), Гитлером, И. Риббентропом, Н. Чемберленом, У. Черчиллем, Э. Даладье и многими другими политиками и пришел к выводу, что любые переговоры с гитлеровской Германией невозможны и непредсказуемы. С этой точки зрения Соединенным Штатам предлагалось предусмотреть в своей стратегии необходимость практического участия в войне.

Захват немцами Голландии и Франции, а также угроза Великобритании заставили Соединенные Штаты обратить более пристальное внимание на их колониальные владения в Северной Африке, Южной Америке и в Карибском бассейне. Было опасение, что Германия может устремиться и к европейским колониям за океаном, что уже непосредственно угрожало США. Поэтому 17 и 18 июня 1940 г. сенат и палата представителей одобрили резолюцию, согласно которой США не признавали в Западном полушарии никакого движения капитала, предпринятого одним неамериканским государством в адрес другого неамериканского государства.

В ноябре 1940 г. Ф. Рузвельт был в третий раз избран президентом. Это означало общественную поддержку отказа от американского изоляционизма и нашло выражение прежде всего в союзе с Великобританией. Уже в декабре Ф. Рузвельт объявил об увеличении помощи странам, отражающим агрессию. 11 марта 1941 г. в связи с исчерпанием валютных и золотых запасов Великобритании в США был принят закон о ленд-лизе, который позволял предоставлять вооружения, военную технику и товары на условиях

ссуды либо дарения противникам Германии и странам, защита которых жизненно необходима для США. Первоначально на эти цели было ассигновано 7 млрд долл., а за период Второй мировой войны выдано более 50 млрд.

Вспыхнувшая в Европе война обусловила усиление внимания США к вопросам консолидации государств Западного полушария. На второй консультативной конференции американских государств в Гаване в июле 1940 г. была принята резолюция о взаимопомощи и оборонном сотрудничестве американских народов. На третьей конференции (январь 1942 г., Рио-де-Жанейро) главной темой был разрыв дипломатических отношений с государствами Тройственного пакта. Канада не ориентировалась на нейтралитет своего соседа и уже 10 сентября 1939 г. объявила войну «Третьему рейху». В том же месяце в Канаде был создан центр авиационной подготовки Великобритании, в котором обучались тысячи летчиков из Канады, Британии, Австралии и Новой Зеландии. В конце войны 25 % кадров английской авиации составляли канадские эскадры. 18 августа 1940 г. было подписано американо-канадское (Огденбургское) соглашение о совместной обороне американского континента. Соглашением был создан Постоянный совместный совет обороны, который продолжал действовать и в конце XX в. Огденбургское соглашение предопределило настоящий перелом в канадской внешней политике. С той поры для страны начался «век Америки», когда вместо Великобритании постепенно лидерство приобретали США как важнейший политический и экономический партнер.

После капитуляции Франции У. Черчилль направил Советскому правительству послание, в котором говорилось: «В прошлом — в самом недавнем прошлом — наши отношения... были омрачены взаимными подозрениями... С тех пор, однако, возник новый фактор, который... делает желательным восстановление обеими странами их прежних связей с тем, чтобы мы могли, в случае необходимости, консультироваться друг с другом относительно тех дел в Европе, которые неизбежно должны интересовать нас обоих».

Тем временем германское командование подготовило план вторжения и оккупации Великобритании («Морской лев»). Гитлеровцы не оставляли надежды, что им удастся добиться капитуляции Великобритании без широких военных операций. 19 июля 1940 г. Гитлер публично предложил Англии выбор: либо продолжение войны, либо мир на выгодных для Германии условиях. Это

предложение было отвергнуто правительством У. Черчилля. Тогда гитлеровцы начали массированные воздушные налеты на британские города и усилили блокаду Великобритании с моря. Эти меры нанесли серьезный ущерб стране, но не смогли сломить стойкости ее защитников.

«Битва за Англию» предопределила решение германского правительства отсрочить вторжение на Британские острова до завершения уже запланированной войны против Советского Союза. Гитлер считал, что, победив СССР, Германия принудит Англию капитулировать.

Одновременно государства «оси» формализовали созданный в 1936—1939 гг. союз, подписав в Берлине 27 сентября 1940 г. пакт между Германией, Италией и Японией (так называемый Тройственный пакт). Он гласил, что Япония признает верховенство Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе, а Германия и Италия принимают во внимание и признают верховенство Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии (ст. 1—2). В следующей статье предусматривалась вероятность дальнейшего расширения войны и утверждалось, что стороны будут «помогать друг другу всеми политическими, экономическими и военными средствами, если одна из трех договаривающихся держав будет атакована государством, не принимающим сейчас участия в войне в Европе либо в китайско-японском конфликте». Статья 5 утверждала, что это соглашение «никоим образом не изменяет политических отношений, существующих между каждой из договаривающихся сторон и Советской Россией». К Тройственному пакту позже присоединились другие государства: Венгрия (20 ноября 1940 г.), Румыния (23 сентября 1940 г.), Словакия (24 ноября 1940 г.), Болгария (1 марта 1941 г.), Югославия (25 марта 1941 г.).

Тройственный пакт, без сомнения, отражал изменение международной ситуации государств «оси» как в Европе, так и в Азии. Япония признавала германскую агрессию в Европе и советско-германский союз, из чего, кстати, вынесла уроки для своей политики. Поражение Квантунской армии в сражении с Красной Армией под Халхин-Голом и пакт Молотова — Риббентропа подтолкнули Японию урегулировать отношения с СССР. После переговоров, начавшихся в июле 1940 г., Япония 13 апреля 1941 г. подписала с Советским Союзом договор о нейтралитете. В то же время Германия и Италия поддерживали в союзе новые стратегические

цели Японии в Азии. Концепция премьер-министра Ф. Канэ от ноября 1938 г. об установлении «нового порядка в Восточной Азии» была расширена с выразительным указанием направления экспансии Японии. Японский порядок в Восточной Азии планировалось распространить на Индокитай, Голландскую Индию и страны Юго-Восточной Азии. Первым шагом в этом направлении было соглашение между французским правительством Виши и Японией от 30 августа 1940 г. В этом соглашении Япония подтверждала суверенитет Франции над Индокитаем, а правительство А. Петена признавало первоочередные права Японии на Дальнем Востоке. В сентябре оба правительства подписали в Ханое конвенцию о создании трех японских авиабаз и размещении нескольких тысяч японских военных на севере Индокитая. Вскоре японцы стали вводить все большие военные контингенты и уже практически считали Индокитай сферой своих действий и доминирования.

Японские политико-милитаристские устремления в направлении «южных морей» и Юго-Восточной Азии потенциально вели к принципиальной смене уклада сил в этом регионе мира. Новые проблемы возникали не только у Великобритании, державы с наибольшими интересами в Азии, но и у США, владеющих Филиппинами и Гуамом. Вероятность американо-японской конфронтации становилась все более правдоподобной. Отсюда в результате усилий Японии в Тройственном союзе появилась запись о возможной совместной борьбе с «державой, не принимающей сейчас участия в войне в Европе».

Наращение советско-германского отчуждения. Анализ событий, которые происходили в Центральной и Восточной Европе в один из наиболее сложных периодов истории конца 30-х — начала 40-х гг. XX в., свидетельствует, что крутые, временами непредсказуемые внешнеполитические виражи ведущих стран Европы, в том числе Советского Союза, привели к серьезным изменениям в расстановке сил, к деформации всей международной ситуации и в результате — к войне.

Решающее значение в возникновении такой ситуации в международных отношениях имел Мюнхен. Его участники — Германия, Италия, Великобритания и Франция — несут главную ответственность за то состояние Европы, которое определяется как предвоенный политический кризис. Позиция советского руководства с августа 1939 по июнь 1941 г. также была противоречивой и

недалновидной в стратегическом плане. С одной стороны, СССР еще в середине 30-х гг. предпринял попытки усмирить агрессора и ограничить его захватнические стремления, а с другой — позже пошел на явный сговор с ним ради достижения своих великодержавных интересов.

Анализ политического курса советского руководства позволяет сделать вывод о том, что вопреки официальным заявлениям его действия в начале войны не были нейтральными. Обращая внимание на это обстоятельство в конце 1939 г., английский посол в Москве А. Сидс подчеркивал, что Советский Союз обеспечивает воюющую Германию. Действительно, советский фактор играл тогда дестабилизирующую роль в международных отношениях. Одним из преступных актов лично Сталина и В. Молотова в отношении советского народа и международной общественности было заключение ряда договоров с гитлеровской Германией и участие СССР на их основе в разделе Центральной и Восточной Европы на сферы влияния. Секретные протоколы к договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 г. и их воплощение в жизнь были грубым нарушением международного и Советского права. В политическом плане они нанесли непоправимый ущерб международному престижу Советского Союза, задержали развертывание освободительной борьбы народов оккупированных Германией стран, затормозили создание единого антифашистского фронта стран и народов, дезориентировали деятельность коммунистического движения за рубежом.

В военно-стратегическом плане эти договоренности дали Гитлеру возможность захватить почти всю континентальную Европу, не опасаясь удара с Востока. В торгово-экономических отношениях Германия приобрела значительно большие выгоды, чем Советский Союз. В условиях войны и британской морской блокады Германия могла получать важное стратегическое сырье только из СССР либо из других стран — транзитом через советскую территорию. Советский Союз подобной экономической зависимости (как и выгоды) не имел. Наконец, в моральном плане партнеры, обманывая друг друга, свои народы и международное сообщество, а затем пряча от них наличие секретных протоколов, вели себя недостойно. Аморальной была и попытка оправдать позорные средства благородными целями, как это сделали Сталин и В. Молотов, объясняя свои акции в Польше, Финляндии и странах Балтии.

Вопреки существующим утверждениям, советско-германские соглашения не образовали эффективного заслона гитлеровской аг-

рессии против Советского Союза. Наоборот, если до 1939—1940 гг. от Баренцева до Черного моря существовал ряд государств, которые были своеобразным буфером между Германией и СССР, то накануне Великой Отечественной войны возникло непосредственное противостояние их вооруженных сил. С августа 1939 до июня 1940 г. положение СССР ухудшилось. Пойдя на сближение с фашистской Германией, страна лишилась своих вероятных союзников. Среди народов этого региона Советский Союз потерял авторитет наравне с Германией-агрессором. По этим причинам в скором будущем для советского народа возникли дополнительные сложности в организации отпора гитлеровской агрессии. Облик СССР оказался дискредитирован во время переговоров В. Молотова с Гитлером и И. Риббентропом в Берлине осенью 1940 г.

Между тем и двусторонние отношения с Германией развивались не лучшим образом. В середине ноября 1940 г., после визита В. Молотова в Берлин, Гитлер встретился с рядом военачальников и разъяснил им, что собирается напасть на СССР. Напрасно они пробовали отговорить его от этой опасной затеи. Когда они доказывали, что это означает войну на два фронта — ситуацию, которая стала губительной для Германии в Первую мировую войну, — он возражал, что нельзя рассчитывать на сохранение спокойных отношений с Советским Союзом, пока сопротивление Великобритании не будет сломлено. 5 декабря начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер представил подробный доклад о плане нападения на СССР, а 18 декабря Гитлер издал директиву № 21 — план «Барбаросса», которая начиналась с категорического утверждения: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет завершена война против Великобритании».

Лидеры «Третьего рейха» рассчитывали на то, что СССР окажется в полной военно-политической изоляции и что классовые антагонизмы помешают объединению его усилий с США и Великобританией, антикоммунизм которых был хорошо известен в Берлине. 3 февраля 1941 г. Гитлер утвердил последний вариант операции «Барбаросса» после совещания со своими военачальниками в Берхтесгадене, в ходе которого были сообщены положения плана. Будущие события покажут, что решение напасть на СССР оказалось наиболее трагичным и губительным из всех важнейших стратегических решений Гитлера.

Итак, «брак по расчету», заключенный между Сталиным и Гитлером, перерос сначала в разногласия, затем в противостояние и, наконец, в открытую враждебность. Из 23 августа 1939 г. выросло 22 июня 1941 г.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз означало превращение войны из европейской в мировую. В связи с этим правомерен вопрос: кто ответственен за расширение масштаба войны? В советской историографии традиционно утверждалось, что Гитлер, поставив целью мировое господство, разжег всемирный военный пожар, а начало войны и ее последующее расширение вызваны исключительно гитлеровской агрессией. Однако это — упрощенное и поверхностное объяснение. Менее всего Гитлер стремился развязать еще одну мировую войну. Немецкий народ и генералы фюрера чувствовали глубокий страх перед любым подобным риском: опыт Первой мировой войны оставил в их памяти глубокие шрамы.

Данный факт вовсе не обеляет прирожденную агрессивность Гитлера. Однако он, несмотря на всю беспринципность, продолжительное время проявлял осторожность в осуществлении своих целей. Военные руководители Германии проявляли еще большую осторожность и тревогу за каждый шаг, который мог бы вызвать вооруженный конфликт. Если бы Гитлер действительно задумывал мировую войну, в которую была втянута Великобритания, он приложил бы усилия по строительству военно-морского флота, способного лишить ее господства на море. Но фактически Гитлер даже не использовал полностью квоту по строительству военных судов, предусмотренную англо-германским военно-морским соглашением 1935 г. Гитлер постоянно заверял своих адмиралов, что они могут не остерегаться войны с Англией.

Как же случилось, что Гитлер ввязался в крупную войну, которой желал избежать? Ответ следует искать не только в агрессивности нацистского фюрера, но и в политике умиротворения и попустительства со стороны западных держав, а также во внезапном их отходе от этой политики весной 1939 г. Перемена политики была настолько резкой и неожиданной, что сделала войну неизбежной, а для Гитлера, уверовавшего в непреодолимый антагонизм между СССР и западными демократиями, — еще и заманчивой. Совокупность этих обстоятельств подтолкнула Гитлера к расширению театра войны, это значит, к нападению на СССР еще до капитуляции Великобритании.

Для участия в войне против Советского Союза Германия привлекла своих союзников — Италию, Венгрию, Румынию, Финляндию, Хорватию (марионеточное государство, созданное на части оккупированной Югославии) и Словакию. Гитлеровцев поддерживали Болгария, Испания, французское правительство Виши. Согласно Тройственному пакту, Германия могла рассчитывать на помощь Японии. Планом «Барбаросса» предусматривалось молниеносное наступление вермахта в глубь территории СССР, окружение и уничтожение главных сил Красной Армии с тем, чтобы «помешать своевременному отходу боеспособных сил противника и уничтожить его на запад от линии Днепр — Двина». Разгром Советского Союза в результате «блицкрига» планировалось завершить до зимы 1941—1942 гг. Для осуществления этого плана были созданы три армейские группы: «Север», «Центр», «Юг».

Складывание и характер деятельности антигитлеровской коалиции. Агрессия Германии против Советского Союза, начавшаяся 22 июня 1941 г., радикально изменила международную ситуацию. С этого момента основная тяжесть борьбы с нацизмом легла на СССР. Западные демократии стали усматривать наибольшую опасность для себя и мира в политике Тройственного пакта. Под воздействием общей для СССР, Великобритании и США смертельной опасности возник своеобразный политический климат, который позволил сблизить многолетних противников — сталинский Советский Союз и Великобританию. Последующее присоединение США к британо-советскому союзу завершило создание «странной» коалиции, очень похожей по своим внешним характеристикам на Антанту. «Странной» она была потому, что Великобритания долго не оформляла союзные отношения с СССР — союзником фашистской Германии до июня 1941 г. Период от сентября 1939 до июня 1941 г. был самым тяжелым в советско-британо-американских отношениях. Он был обусловлен осуждением Лондоном и Вашингтоном пакта Молотова — Риббентропа, нападения СССР на Польшу и Финляндию, включения государств Балтии в состав СССР, а позже — серьезными расхождениями по послевоенным вопросам, в частности, связанным с западной границей СССР и касающимся национальных интересов белорусов. Союзный советско-британский договор был заключен 26 мая 1942 г. Что касается США, то союзное соглашение со своими партнерами Ф. Рузвельт так и не подписал. Общеполитические связи поддерживались на уровне «джентльменских договоренностей».

Неординарность антигитлеровского союза великих держав обычно связывают с идеологическим и социально-экономическим различием сторон. Однако дело не только в этом. В «большой тройке» не сложилась традиционная для такого рода объединений экономическая и политическая круговая порука. В частности, СССР, США и Великобритания не были связаны трехсторонними обязательствами на уровне союзных договоров. С этой точки зрения отношения внутри коалиции никак не укладывались в параметры блока и соответствовали скорее понятию временного союза. «Большая тройка» с самого начала не была единым целым — «водораздел» проходил между англо-американским альянсом и СССР.

Первая советская миссия во главе с генералом Ф. Голиковым прибыла в Лондон 6 июля 1941 г. с поручением, касающимся открытия второго фронта в Европе. 12 июля было подписано временное советско-британское соглашение из двух пунктов, согласно которым стороны обязывались оказывать друг другу поддержку и помощь в совместной борьбе с фашистской Германией и на протяжении войны не вести с нею переговоров, не заключать перемирия или мирного договора, кроме как со взаимного согласия союзников. Это первое официальное соглашение и было началом создания антигитлеровской коалиции. Подчеркнуто общие формулировки документа, видимо, были призваны понемногу переламывать взаимные предубеждения. Большое значение имело принятое правительством США 30 июля 1941 г. решение распространить закон о ленд-лизе на СССР. Правда, эти меры не заменяли прямой военной помощи Советскому Союзу, который принял на себя главный удар фашистских армий. Учитывая, что наиболее эффективным методом борьбы против Германии было бы создание второго фронта в Европе, Сталин поставил этот вопрос 18 июля 1941 г. в письме У. Черчиллю. На Британских островах тогда находились 33 полностью мобилизованные дивизии, однако У. Черчилль в ответном послании 21 июля писал, что у Великобритании нет возможности создать второй фронт.

Несмотря на первые союзные контакты, на Западе первоначально преобладало убеждение, что СССР не имеет в данной войне больших шансов. Речь шла о том, чтобы через помощь Москве максимально ослабить гитлеровскую военную машину. Со временем, однако, такой взгляд стал меняться в пользу признания Советского Союза надежным и сильным участником коалиции. Большую роль в этом сыграл советник президента Ф. Рузвельта

Г. Гопкинс, который в конце июля — в период наибольших успехов германских войск — прибыл в Москву. Он убедился, что в советском обществе присутствует огромная воля к победе и оборонительные возможности Красной Армии еще большие. Такое мнение он высказал также У. Черчиллю, задержавшись на обратном пути в Лондоне.

В августе 1941 г. на острове Ньюфаундленд состоялась встреча Ф. Рузвельта и У. Черчилля, на которой обсуждался вопрос о целях войны. В совместной декларации США и Великобритании, названной «Атлантической хартией», говорилось, что оба государства не стремятся к территориальным приобретениям и не согласятся ни с какими территориальными изменениями, не подтвержденными согласием народов. Они уважают право народов самим избрать форму правления и стремятся к тому, чтобы народы, лишённые суверенных прав и самоуправления насильственным образом, снова приобрели эти права. Великобритания и США, подчеркивалось в декларации, отстаивают равенство всех стран в торговле и доступе к мировым сырьевым источникам, свободу плавания по морям и считают необходимым разоружение государств, которые могут угрожать агрессией.

В момент объявления «Атлантической хартии» США оставались формально нейтральным государством, не участвующим в войне. Этим необходимо объяснить декларативный и общий характер некоторых статей. Но обнародование демократических принципов в качестве целей войны США и Великобритании имело положительное значение. Эти принципы соответствовали интересам народов, сражавшихся против фашистской агрессии, и содействовали укреплению антифашистской коалиции. Хотя документ не требовал ратификации, он сыграл ключевую роль в процессе формирования программы антигитлеровской коалиции и создания основ будущих глобальных международных отношений.

24 сентября 1941 г. Советское правительство официально присоединилось к «Атлантической хартии», правда, с оговоркой, что практическое использование содержащихся в ней принципов «неизбежно должно соответствовать условиям, потребностям и историческим особенностям той или иной страны». Противоречивость единства коалиции проявилась на самых ранних этапах ее деятельности. В Лондоне и Москве не скрывали взаимных антипатий. У. Черчилль в своей речи 23 июня 1941 г., заявляя о готовности к сотрудничеству, подчеркивал схожесть фашистской и коммунистической систем. Сталин, в свою очередь, часто озву-

вал глубокое недоверие к «английским империалистам». В Лондоне подозревали Москву в намерении в критический момент вступить в переговоры с Гитлером. В Москве мучились сомнениями относительно надежности английского партнера. Особое раздражение Сталина и его окружения вызвала «Атлантическая хартия». Почти все ее разделы включали положения, близкие по содержанию «14 пунктам» В. Вильсона, ставшим основой переговоров о мире в сентябре 1918 г. Правда, если в заявлении Вильсона излагались конкретные требования к Германии и ее союзникам, такие, например, как эвакуация с захваченных территорий и покрытие материального ущерба, то авторы «Атлантической хартии» ограничились общим заявлением об отказе использовать силу и о необходимости разоружения государств, которые угрожают либо могут угрожать агрессией.

Таким образом, еще не оформленный союз в первые месяцы после нападения Германии на СССР в любой момент мог рассыпаться, как карточный домик. Его укрепила первая трехсторонняя конференция, которая состоялась в Москве 29 сентября — 1 октября 1941 г. На ней было согласовано, что США и Великобритания будут доставлять в Советский Союз ежемесячно, до июля 1942 г., 400 самолетов, 500 танков, автомобили и сырье для нужд военной промышленности. Со своей стороны, СССР обязался изыскать возможность поставок некоторых видов сырья. Однако выполнение программы протекало неудовлетворительно. Неоднократно поставки в СССР прерывались на недели и месяцы.

С 15 по 19 декабря 1941 г. в Москве находилась британская делегация во главе с министром иностранных дел А. Иденом. Обе стороны намеревались приготовить многолетний договор и согласовать позиции по основным проблемам послевоенного мира. Сталин стремился соединить договор с признанием Великобританией советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г., что означало бы поддержку советского нападения на Польшу. А. Идею не мог согласиться с этим, потому, кроме коммюнике, других документов в ходе его визита подписано не было.

Консолидация наций в борьбе с фашистской агрессией активизировалась после того, как, став жертвой нападения Японии в Тихом океане, США и Великобритания объявили в первую очередь войну ей. До этого, в течение 1941 г., американо-японские отношения переживали резкий спад из-за того, что после образования Тройственного союза Соединенные Штаты увеличили помощь правительству Чан Кайши и ограничили торговлю с Япони-

ей. Начавшиеся 16 апреля двусторонние переговоры зашли в тупик, но 26 ноября госсекретарь К. Хэлл предложил комплексный план соглашения, который, в частности, предусматривал уважение территориальной целостности Индокитая и признание Национального правительства Китайской Республики. Фальшивый и унижающий США ответ японцы дали 7 декабря 1941 г. и в тот же день «дополнили» его авиационной атакой на американскую базу Пёрл-Харбор на Гавайях. Вашингтон и Лондон объявили войну Японии 8 декабря, в свою очередь, Германия и Италия объявили войну США 11 декабря.

На стороне союзников против Японии выступили Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский Союз, Индия, Голландия, ряд латиноамериканских стран. Французский комитет национального освобождения, правительства «в изгнании» Польши, Греции, Ирака, Египта, Чехословакии и Китая либо объявили войну Японии и ее союзникам, либо разорвали с ней дипломатические отношения. В декабре 1941 г. после интенсивных консультаций между Москвой и Лондоном британское правительство приняло решение объявить войну сателлитам гитлеровской Германии, принявшим участие в агрессии против Советского Союза.

Таким образом, к концу 1941 г. окончательно определились участники двух воюющих коалиций: с одной стороны, фашистский блок во главе с Германией, Японией и Италией, с другой — антигитлеровская коалиция во главе с СССР, США и Великобританией. В этих условиях возник вопрос о юридическом оформлении военного союза всех государств, которые боролись против фашистских агрессоров. Таким документом явилась подписанная 1 января 1942 г. в Вашингтоне декларация 26 государств, получившая название Декларации Объединенных Наций. Тогда впервые в официальном документе прозвучало предложенное Ф. Рузвельтом определение «Объединенные Нации». Среди 26 государств, подписавших документ, были СССР, США, Великобритания, Китай, Чехословакия, Польша, Индия, Югославия и др.

Во вступительной части декларации ее участники заявляли о своем присоединении к «Атлантической хартии». В документе содержалось чрезвычайно важное положение о том, что для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы, для сохранения человеческих прав и справедливости необходима полная победа над врагом. Такого положения в «Атлантической хартии» не было. Декларация содержала всего два обязательства ее участников. В соответствии с первым пунктом каждое правительство обя-

зывалось использовать все свои ресурсы против тех членов Тройственного пакта (Германия, Япония, Италия) и присоединившихся к ним государств (Румыния, Венгрия, Финляндия, Болгария), с которыми эти правительства находятся в состоянии войны. Второй пункт возлагал на каждое правительство Объединенных Наций обязательство сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного перемирия либо мира с врагом. Это обязательство являлось одним из важнейших признаков коалиции, потому что сущность любой коалиции — широкое военное, политическое, экономическое сотрудничество входящих в нее государств, коллективность действий ее участников.

Декларация Объединенных Наций в международно-правовом порядке закрепляла военно-политический союз антифашистских государств, сохраняя возможность присоединения к нему и других государств. Создание антигитлеровской коалиции во главе с СССР, США и Великобританией явилось важнейшим событием в истории Второй мировой войны, крупнейшим завоеванием народов, которые объединились в борьбе против фашистских агрессоров. Это событие в значительной степени предопределило результат войны.

В 1941 г. ведущие державы Запада — США и Великобритания — оказались в одном лагере с Советским Союзом, предоставляя ему материальную и военную помощь. 26 мая 1942 г. в Лондоне был подписан советско-британский Союзный договор на период войны против гитлеровской Германии и их союзников в Европе, а также о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Договор заменил соглашение от июля 1941 г. и состоял из двух частей. Первая часть касалась сотрудничества и взаимопомощи во время войны, вторая трактовала послевоенное взаимодействие обоих государств. В ней особо подчеркивалось, что данное сотрудничество призвано предотвратить повторную агрессию и нарушение мира Германией. Договор заключался на двадцать лет с возможностью дальнейшего продолжения, если не произойдет отказа. Следует обратить особое внимание на статью 7, содержание которой обязывало стороны не заключать никакого перемирия и не участвовать ни в какой коалиции, направленной против одной из договаривающихся сторон. Договор давал шанс продления советско-британского союза в послевоенный период, чего, однако, не произошло в условиях «холодной войны».

С начала июля 1941 г. проходили переговоры советского посла И. Майского с эмигрантскими правительствами Польши и Че-

хословакии в Лондоне. При участии британских политиков в переговорах польского премьер-министра В. Сикорского с И. Майским было согласовано, что основанием для заключения советско-польского соглашения может стать признание Советским Союзом его договоров с Германией 1939 г. несуществующими. При этом польское правительство сознавало, что перечеркивание советско-германских договоров само по себе не означало аннулирования постановления Верховного Совета СССР о принадлежности Советскому Союзу Западной Беларуси и Западной Украины. Британское правительство также неоднократно напоминало польским представителям, что не будет настаивать на восточной предвоенной границе Польши. Документ, называемый договором Сикорского — Майского, был подписан в Лондоне 30 июля 1941 г. Важнейшая договоренность гласила: «Правительство СССР признает, что советско-германские договоры 1939 г., касающиеся территориальных изменений в Польше, утратили силу» (ст. 1). Договор определял восстановление дипломатических отношений, взаимопомощь в войне против гитлеровской Германии, формирование на советской территории польской армии; приложенный к договору протокол гарантировал амнистию всем польским гражданам, лишенным свободы на территории СССР.

Среди других союзных соглашений необходимо назвать советско-британско-иранский договор. Стратегическое значение Ирана в начале войны было чрезвычайно велико. Через его территорию можно было более безопасно, чем через Мурманск, осуществлять поставки в СССР. Но на Иран сильное влияние оказывала Германия, которая угрожала не только поставкам, но и советской южной границе. В этой ситуации СССР и Великобритания потребовали от шаха Р. Пехлеви ограничения деятельности гитлеровцев в Иране, но получили отказ. Поэтому советские и британские войска вступили в Иран, и 8 сентября 1941 г. представители обоих государств заключили с новым иранским правительством соглашение о дислокации своих войск в этой стране. 29 января 1942 г., вскоре после отречения шаха от престола, в Тегеране был подписан трехсторонний договор о союзном взаимодействии и территориальной целостности Ирана.

Вступление США в войну помогло придать официальный вид советско-американскому союзу. После коротких переговоров 11 июня 1942 г. в Вашингтоне был подписан договор между правительствами обеих стран о принципах взаимной помощи в ведении войны

против агрессии. Он подчеркивал общие цели, вытекающие из «Атлантической хартии» и Декларации Объединенных Наций, а также детально регулировал вопросы оборонного сотрудничества.

Установление англо-американо-советских союзнических отношений означало серьезное поражение антисоветских элементов в руководящих кругах США и Великобритании. Образование коалиции содействовало укреплению и расширению взаимопонимания и сотрудничества между народами крупнейших мировых держав: США, СССР, Великобритании, Франции, Китая — и значительно расширяло социальную базу всемирной борьбы против фашизма, в деле консолидации антифашистских сил внутри этих стран.

С начала 1942 г. агрессивному блоку противостоял мощный фронт стран антигитлеровской коалиции. Однако на данном этапе войны произошло только резкое возрастание потенциальных возможностей антигитлеровской коалиции, поскольку развертывание военного потенциала Советского Союза еще не завершилось, а мобилизация огромных экономических и военных ресурсов США только начиналась. Расширение масштабов войны привело к резкому увеличению численности вооруженных сил воюющих стран. Если в 1939 г. под ружьем находились 14—15 млн человек, то к весне 1942 г. — уже более 35 млн. Особенно значительно возросли численно армии и флоты крупнейших государств.

Сразу после образования антигитлеровской коалиции встал вопрос об открытии второго фронта в Европе. Этот вопрос Советское правительство инициировало перед Великобританией уже в июле 1941 г., предлагая создать фронт против Германии в Северной Франции и на Севере (в Арктике). У. Черчилль обсуждал эту тему с И. Майским в августе. Он высказался за второй фронт на Ближнем Востоке и подчеркнул, что его открытие в данный момент невозможно и вряд ли станет возможным даже весной 1942 г. Сталин охарактеризовал такую позицию как пассивно-выжидательную. Осенью 1941 г. в связи с катастрофическим ухудшением военного положения СССР он еще раз поставил перед Великобританией вопрос об открытии второго фронта. Во время московских переговоров в декабре британский министр иностранных дел А. Идеи ограничился общим заявлением об усилиях Великобритании в деле открытия второго фронта в ближайшее время.

В это время Советское Верховное командование, несмотря на неблагоприятные погодные условия, сумело организовать ряд наступательных операций на советско-германском фронте. 6 де-

кабря 1941 г. советские войска перешли в контрнаступление на центральном участке фронта и вскоре разгромили гитлеровские войска под Москвой. Победа под Москвой явилась первым крупным контрнаступлением Красной Армии и серьезным поражением германской армии во Второй мировой войне. Окончательно был сорван план молниеносной войны, развеян миф о непобедимости вермахта. Начался коренной поворот в войне.

Под влиянием событий на советско-германском фронте происходило изменение позиций Великобритании и США относительно второго фронта в Европе. Настойчивое требование Советского Союза к союзникам открыть фронт в Западной Европе вынудило Ф. Рузвельта поручить своим военным проанализировать такую возможность. Американское командование признало необходимым и возможным начать военные действия в Европе в 1942 г. Этот вывод был сделан 28 февраля 1942 г. А 1 апреля Ф. Рузвельту был представлен план высадки союзнических войск в Западную Европу, подготовленный начальником штаба армии США генералом Дж. Маршаллом. Предусматривались совместные наступательные действия англо-американских вооруженных сил и согласованный с Советским Союзом удар по противнику. Вторжение в Северную Францию предполагалось весной 1943 г. силами 30 американских и 18 британских дивизий.

Во время визита в Лондон в мае 1942 г. В. Молотов прежде всего поставил вопрос о втором фронте, но встретил противодействие британского премьера, сославшегося на многочисленные трудности. Стороны условились возвратиться к этому вопросу позже, когда В. Молотов побывает в Вашингтоне и на обратном пути еще раз посетит Лондон. 29 мая В. Молотов прибыл в Вашингтон, где изложил точку зрения Советского правительства о необходимости открыть второй фронт в 1942 г. Ф. Рузвельт заверял, что у США и Великобритании такая же цель: как можно скорее высадиться в Европе. Но конкретного обещания относительно высадки в 1942 г. он не дал, увязав переброску войск с необходимостью сократить военные поставки Советскому Союзу.

В конце концов американская сторона согласилась включить в коммюнике пункт об открытии второго фронта в Европе в 1942 г. ради психологического давления на противника. 9 июня В. Молотов возвратился в Лондон и получил от У. Черчилля согласие относительно второго фронта на тех же основаниях, что и от Ф. Рузвельта. 12 июня советско-американское и советско-британское коммюнике о «полной договоренности относительно не-

отложных задач по созданию второго фронта в Европе в 1942 г.» были опубликованы в печати. Попытка сталинского руководства трактовать запись в коммюнике как обязательную вызвала обсуждение вопроса о втором фронте на британо-американской конференции в Вашингтоне 18—25 июля 1942 г. На ней руководители обоих правительств приняли решение отказаться от вторжения в Европу в 1942 г., сославшись на неподготовленность.

Нелегкую миссию сообщить Советскому правительству о данном решении взял на себя У. Черчилль. Вместе с британским премьером Ф. Рузвельт направил в Москву А. Гарримана. Прибыв в советскую столицу 12 августа, они сразу были приняты Сталиным и В. Молотовым. Переговоры проходили в очень тяжелое для СССР время: немецко-фашистская армада рвалась к Сталинграду и на Кавказ. Беседы носили напряженный характер. Советское руководство было вынуждено смириться с отказом открыть второй фронт в 1942 г. У. Черчилль выполнил свою миссию, более того, он покинул Москву с уверенностью, что Сталин не потерял решимости сражаться даже без открытия фронта в Западной Европе в 1942 г.

Постоянной темой встреч и дискуссий о совместной политико-военной стратегии западных союзников была война с Японией на Дальнем Востоке и на Тихом океане. После поражения Японии в крупной авиационно-морской битве в июне 1942 г. у атолла Мидуэй ситуация союзников в этом регионе значительно улучшилась. Японское правительство приняло решение об ограничении военных действий Курильскими островами и северной частью южных морей, а позже огласило независимость отдельных оккупированных стран: Бирмы и Филиппин. Начиная с 1942 г. усиливалось сотрудничество США с правительством Чан Кайши, которого Вашингтон поддерживал значительными ссудами и поставками в рамках ленд-лиза.

Британские и американские войска высадились в Северной Африке — в районах Касабланки, Арана и Алжира — 8 ноября 1942 г. Французский адмирал Ж. Дарлан, который считался премьерником А. Петена, отдал приказ о прекращении любого сопротивления союзникам. Высадка в Африке не заменяла второго фронта в Европе, не оттянула вражеские силы с советско-германского фронта. В то же время она ясно показывала германскому командованию, что союзники не собираются высаживать десант в Западной Европе. Это позволило Гитлеру перекинуть с Запада на Восточный фронт в конце 1942 — начале 1943 г. 27 дивизий.

Коренной перелом в ходе войны. Британо-американская политика неопределенности с открытием второго фронта в Европе не могла продолжаться бесконечно. Эта и другие проблемы требовали от У. Черчилля и Ф. Рузвельта выработать общую позицию, чему и были посвящены встречи на высшем уровне в 1943 г. в Касабланке, Вашингтоне и Квебеке. В первую очередь необходимо было обсудить проблему взаимоотношений с Советским Союзом. Великобритания и США понимали, что им необходимо перейти к более активным военным действиям, иначе Европа, как показала Сталинградская победа, могла быть освобождена от гитлеровских агрессоров без их участия.

14—23 января состоялась британо-американская встреча в Касабланке. Относительно ситуации, которая сложилась во Французской Северной Африке, позиции Ф. Рузвельта и У. Черчилля существенно разошлись. При назначении руководителя французской администрации в Северной Африке Ф. Рузвельт поддержал генерала А. Жиро, У. Черчилль — генерала Ш. де Голля. В результате требований организаций движения Сопротивления в Северной Африке был конституирован Французский комитет национального освобождения (ФКНО). Председателями его стали одновременно А. Жиро и Ш. де Голль. Ф. Рузвельт затронул проблему войны с Японией. Он высказался за то, чтобы Советский Союз присоединился к борьбе против Японии после того, как Германия будет выведена из войны. Ф. Рузвельт также выступил с важным заявлением: США и Великобритания будут продолжать войну с Германией, Японией и Италией до их капитуляции. Отсюда встречу в Касабланке часто называют конференцией о безоговорочной капитуляции.

Во время встречи в Касабланке важнейшим стал вопрос о перспективах военных действий союзников в Европе. Каждый из участников совещания понимал, что потребуется вторжение в Европу через пролив Ла-Манш. Тем не менее У. Черчилль настаивал на вторжении в Европу через Балканы, утверждая, что Балканы — это «наиболее уязвимое подбрюшье Европы». С военной точки зрения это была трудная и опасная операция. Однако У. Черчилль намеревался не допустить туда Красную Армию. Ф. Рузвельт возражал против балканского варианта. Был принят «промежуточный» план — развертывание военных операций против Италии, в частности, оккупация итальянских островов в Средиземном море, включая крупнейший — Сицилию.

Участники совещания попытались утаить от Советского правительства новое нарушение их обязательств относительно второго фронта. Совместное послание У. Черчилля и Ф. Рузвельта от 27 января 1943 г. было составлено в общих выражениях и не называло конкретных операций и сроков. По настоянию Сталина У. Черчилль в новом послании (по согласованию с Ф. Рузвельтом) сообщил дату вторжения англо-американских вооруженных сил на европейский континент — август или сентябрь 1943 г. Советское руководство потребовало сократить этот срок и нанести противнику удар весной либо в начале лета.

Проблема открытия второго фронта обсуждалась и на последующих отдельных конференциях руководителей правительств США и Великобритании, которые проходили в Вашингтоне (12—25 мая 1943 г.) и Квебеке (14—24 августа 1943 г.).

К началу Вашингтонской встречи военно-стратегическая обстановка в мире изменилась в пользу антифашистской коалиции в результате исторических побед Советского Союза под Сталинградом и на Кавказе, а союзников — в Северной Африке. В послании Ф. Рузвельту от 26 мая 1943 г. Сталин писал о подготовке новых контрударов, но их успех, — утверждал он, — во многом «будет зависеть также от того, насколько быстрыми и активными будут британо-американские военные действия в Европе».

Союзники сознавали, что вопрос об открытии второго фронта приобрел острый характер. Тем не менее они ограничились подтверждением ранее принятого в Касабланке решения открыть второй фронт во Франции в мае 1944 г. При этом Ф. Рузвельт не согласился с предложением У. Черчилля о развитии военных операций союзников на юге Европы, в частности, на Балканах. Советское правительство протестовало против нарушения Великобританией и Соединенными Штатами принятых на себя обязательств и заявило, что «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос». Среди других важных решений конференции в Квебеке было утверждение плана действий в Азии против Японии и подписание американо-британского соглашения о совместной работе над созданием атомной бомбы, разработка которой уже велась в США.

Важным вопросом на конференции в Квебеке была подготовка акта капитуляции Италии, где к тому времени произошли переломные события. В результате высадки и наступления американо-британских войск на Апеннинский полуостров Большой фа-

шистский совет 24 июля 1943 г. отказал Б. Муссолини в доверии, а король Виктор Эммануил III сместил его с поста премьер-министра и отдал приказ о его аресте. Во главе итальянского правительства стал маршал П. Бадольо, который начал переговоры с Д. Эйзенхауэром, Верховным командующим вооруженных сил союзников. Б. Муссолини был интернирован правительством П. Бадольо, но 12 сентября освобожден гитлеровскими десантниками. 23 сентября он провозгласил на севере Италии так называемую Итальянскую Социальную Республику. Это было эфемерное образование, находящееся под полным контролем гитлеровцев.

3 сентября военные действия в Италии были прекращены. В тот же день было заключено перемирие между правительствами США и Великобритании, действующими от имени Объединенных Наций, и итальянским правительством. Акт капитуляции Италии был подписан на острове Мальта 29 сентября 1943 г., а позже протоколом в городе Бриндизи от 9 ноября частично изменен. В частности, название мальтийского документа «Акт капитуляции Италии» было заменено на «Дополнительные условия перемирия с Италией» и было приписано, что маршал П. Бадольо принял представленное постановление «безоговорочно». 13 октября правительство П. Бадольо объявило войну Германии, и в этой связи США, Великобритания и СССР в тот же день приняли декларацию о признании Италии на стороне союзников.

Развитие событий на театрах военных действий ставило перед антигитлеровской коалицией важные вопросы, требующие неотложного обсуждения и решения: открытие второго фронта в Европе и сокращение сроков ведения войны. Все более неотложной становилась и проблема послевоенного упорядочения Европы и мира. Эти вопросы были в центре внимания Московской и Тегеранской конференций союзников.

19–30 октября 1943 г. состоялась конференция министров иностранных дел СССР (В. Молотова), США (К. Хэлла) и Великобритании (А. Идена) в Москве. Во время конференции были обсуждены важные проблемы: германский вопрос, положение в Италии, вопросы об Австрии, о путях обеспечения безопасности в послевоенный период, о создании международной организации, призванной обеспечить мир. А. Идеи и К. Хэлл заверили, что согласно решению Квебекской конференции, второй фронт будет открыт в Европе в 1944 г. 30 октября была принята Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности, которую подписал, кроме СССР, США и Великобритании, также предста-

витель Китая. Эти государства высказались за продолжение войны до безоговорочной капитуляции стран Тройственного союза, договорились создать международную организацию по поддержанию мира и безопасности, основанную на принципе суверенного равенства всех ее участников. Декларация заложила фундамент будущей Организации Объединенных Наций (ООН).

При обсуждении германского вопроса британский министр изложил план расчленения Германии, американский госсекретарь предложил подождать, а советская сторона воздержалась от его обсуждения. На конференции были решены многие вопросы, связанные с выходом из фашистской коалиции отдельных ее членов. Для этого были созданы две международные комиссии — Европейская консультативная комиссия (ЕКК) и Консультативный совет по вопросам Италии. В ЕКК вошли представители трех государств; на нее была возложена задача изучать европейские вопросы, связанные с завершением военных действий, и готовить совместные рекомендации для своих правительств. Местонахождением ЕКК был определен Лондон.

Московская конференция разработала Декларацию об ответственности гитлеровцев за содеянные преступления. Документ был подписан Ф. Рузвельтом, Сталиным и У. Черчиллем от имени Объединенных Наций. Конференция приняла Декларацию об Австрии, в которой аншлюс признавался несуществующим и недействительным, ставилась цель восстановить независимую и демократическую Австрию. В Декларации об Италии подчеркивалась необходимость полностью уничтожить фашизм и установить демократический режим в этой стране. Московская конференция считается одной из важнейших дипломатических встреч периода Второй мировой войны. Ее решения свидетельствуют о достижении высшей степени солидарности и сотрудничества союзников.

В ноябре 1943 г. Сталин наконец согласился встретиться с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Это была первая встреча руководителей «большой тройки», она проходила в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. У. Черчилль предложил Ф. Рузвельту встретиться накануне в Каире, но, приехав туда, обнаружил, что Ф. Рузвельт перехитрил его и пригласил еще и Чан Кайши. На Каирской конференции 26 ноября 1943 г. была принята совместная декларация, в которой три союзника наметили «отнять у Японии острова на Тихом океане, которыми она овладела, либо которые оккупировала с начала Первой мировой войны в 1914 г., и вернуть Китайской Республике все территории, которые

Япония отняла у Китая, в частности, Маньчжурию, Формозу и острова Рыбачьи».

У. Черчиллю не удалось создать в Каире «группировку» против Сталина. Он и Ф. Рузвельт прибыли в Тегеран, не имея согласованного плана; президент США желал именно этого. После побед под Сталинградом и Курском Ф. Рузвельт стремился к соглашению со Сталиным, даже без У. Черчилля. Позже Ф. Рузвельту за такое поведение будут предъявлены серьезные обвинения, в частности, за то, что он «целиком надеялся на личные контакты и игнорировал факт, что целью Сталина является установление коммунизма во всем мире». А тогда, в ходе конференции, почти сразу был получен ответ на вопрос о втором фронте в Европе. У. Черчилль надеялся, что Сталина могут привлечь действия в Средиземноморье, и настаивал на открытии фронта здесь. Ф. Рузвельт спросил мнение Сталина. Последний без колебания ответил: фронт должен быть открыт операцией «Оверлорд» — высадкой десанта союзников в Северной Франции. Его поддержал Ф. Рузвельт; У. Черчилль с неохотой согласился. Так было принято важнейшее решение — определен дальнейший ход войны. Средиземноморье отходило на второй план.

Среди других проблем выделялась польская. Польское эмигрантское правительство настаивало на возвращении восточной границы страны, существовавшей до 1 сентября 1939 г. Ф. Рузвельту не было дела до того, что происходит в Польше. У. Черчилль признавал обязательства, которые Великобритания взяла перед Польшей, гарантируя ее независимость, но одновременно признавал и справедливость советских требований на районы, захваченные Польшей в 1920 г. — территории Западной Беларуси и Западной Украины. С точки зрения этнических принципов эти требования были справедливыми. На конференции решили, что Польша передаст Советскому Союзу эти области и получит в качестве компенсации значительную часть территории Восточной Германии.

На конференции произошло интересное событие. Сталин пообещал Ф. Рузвельту, что СССР вступит в войну с Японией, когда Германия будет разбита. Это значительно упрощало задачу: русские вместе с американцами принимали на себя основной удар японской армии. В глазах Ф. Рузвельта акции Сталина поднялись.

В Декларации трех государств, опубликованной после конференции, руководители США, СССР и Великобритании заявляли о сотрудничестве не только в войне против «оси», но и в послевоенном устройстве мира. Конференция в Тегеране явилась важной

вехой в международных делах. Две мировые державы — СССР и США — продемонстрировали сближение, взаимные подозрения уменьшились. Вместе с Великобританией они приняли обязательство быть вместе до разгрома агрессора.

Москва и Лондон активно обсуждали послевоенную тематику уже во второй половине 1941 — первой половине 1942 г. Сталин давал понять, что СССР стремится к максимальному ослаблению Германии и ее расчленению, к пересмотру западных границ Польши и к восстановлению государственной структуры Европы версальского образца. Наступившее после этого предложение подписать в рамках союзного договора секретный протокол, который определил бы сферы влияния в Европе, говорило само за себя. В конце ноября 1941 г. У. Черчилль высказался за отделение Восточной Пруссии от Германии. Сталин с готовностью пошел навстречу. Посол СССР в Великобритании И. Майский, которому поручалось держать эту проблему в «горячем состоянии», предложил для послевоенных отношений с Германией три метода, чтобы предотвратить развязывание ею новой войны: во-первых, разоружение, во-вторых, экономические меры и, в-третьих, раздробление Германии.

Однако с начала 1943 г. Сталин стал отдавать предпочтение выжидательной позиции. Для этого имелись веские основания. После победы под Сталинградом требования Советского правительства значительно возросли. Появились козыри для большой внешнеполитической игры, подготовка к которой повелась по нескольким направлениям. Одно из них — определение послевоенных границ Польши.

Второе направление — судьба всей Германии. Уже в 1943 г. у западных союзников сдержанность Сталина вызвала подозрение в том, что он стремится к советизации послевоенной Германии. Много волнений и дипломатических кривотолков в связи с этим вызвало создание в Советском Союзе комитета «Свободная Германия». Утверждения Советского правительства, что комитет не является политической организацией, никого не убедили: примерно треть состава комитета была рекрутирована из рядов распущенного в 1943 г. Коминтерна и московской радиовещательной службы на немецком языке. Возникал вопрос: не собирается ли Кремль создать «домашнее» советское правительство для Германии.

Годом позже масла в огонь подлило советское предложение создать в первый период союзной оккупации центральное германское правительство и иные центральные органы управления. Ста-

лин и В. Молотов высказались также ^нецелесообразности послевоенного расчленения Германии. Сталина не миновала распространенная ошибка о возможности быстрого развала «Третьего рейха» еще в ходе военных действий. Он считал, что такое развитие событий вполне вероятно при условии серьезного поражения Германии на фронте. Ожидание внутреннего взрыва в Германии порождало надежды на ее советизацию. В этом случае расчленение Германии теряло всякий смысл, в то время как планы формирования центрального германского правительства становились актуальной необходимостью. В США и Великобритании достаточно быстро отыскивали эту логическую связь.

Большинство американских и британских политиков и дипломатов исходило из предположения, что после окончания войны политика СССР не изменится к лучшему, а имперский характер внешней политики усилится. Поэтому они не гнушались идеи бескровного завершения войны путем сговора с гитлеровским окружением и недопущения Советского Союза в бывшую сферу влияния Германии в Европе и на Балканах. И хотя такие мысли не одобрялись официальными Лондоном и Вашингтоном, все же идея витала в воздухе. Усиление антиправительственных настроений среди части германского общества, вывод рурских промышленников весной 1943 г. о том, что война проиграна «Третьим рейхом» и следует срочно искать из нее выход — все это предопределило соответствующие неотложные шаги западных государств. Они увеличили сбор развединформации об оппозиционных группах в Германии. С начала 1943 г. расширились контакты с антигитлеровскими элементами. Общий смысл программы сводился к следующим четырем пунктам: 1) устранение Гитлера; 2) заключение сепаратного мира с США и Великобританией, в результате которого армии союзников оккупируют Германию; 3) продолжение сопротивления вермахта на Восточном фронте с целью недопущения СССР в Европу; 4) сохранение Германии в качестве центрального звена антибольшевистского санитарного кордона.

В этом направлении работали и военные планирующие органы Великобритании. В Комитете начальников штабов вопрос о расчленении Германии был проанализирован в соответствии с теорией глобального взаимодействия трех великих держав в послевоенном мире. Анализ, сделанный в июне — августе 1944 г., выявил приверженность британских военных к возможной конфронтации Великобритании и США с Советским Союзом. Расчленение Германии предполагалось для того, чтобы с учетом кон-

фронтации с Кремлем использовать материальные и людские ресурсы западной части Германии на случай войны с СССР (так называемый план «Ренкин»).

Однако предложенный сценарий вызвал серьезное беспокойство британской дипломатии. По мнению Форин оффис, призывы к резкой смене курса прозвучали несвоевременно. Такая постановка вопроса в условиях незавершенной войны в Европе и заинтересованности западных союзников в участии СССР в войне против Японии означала ревизию основ внешней политики Великобритании, краеугольным камнем которой оставался британо-советский договор о союзе и взаимопомощи. Демарш Министерства иностранных дел не поколебал позиции начальников штабов. Они настаивали, чтобы все послевоенные расчеты строились на предполагаемой конфронтации Великобритании с СССР. Военно-промышленный потенциал Германии планировалось использовать для укрепления позиций западного блока в Европе.

Форин оффис вынужден был отступить. В специальном меморандуме было подчеркнуто, что Советский Союз может оказаться потенциальным противником. 4 октября 1944 г. на встрече А. Идена с начальниками штабов было решено, что составление планов войны с Россией должно продолжаться, однако в условиях особой секретности. По всей вероятности, эти данные стали известны Сталину сразу после Крымской конференции.

Стремительное наступление союзников во Франции и Бельгии в начале операции «Оверлорд» подтверждало расчеты на реализацию плана «Ренкин». Однако в ноябре 1944 г. движение британо-американских армий замедлилось. Когда же в декабре вермахт, впервые за весь период войны на два фронта, начал решительное контрнаступление на западном направлении, открылось реальное состояние дел. Армии союзников были обескровлены, коммуникации растянуты, стратегическая инициатива потеряна. Решение вопросов о будущем Европы в духе плана «Ренкин» не состоялось.

Как отмечалось, одним из активно обсуждаемых вопросов послевоенного устройства была польская тема. Уже в ноябре 1941 г. британскому правительству стала известна советская точка зрения о пересмотре восточной границы Польши. До победы под Сталинградом Сталин не поднимал польский вопрос. Разгром противника на Волге позволил ему начать политическую игру. Одно из направлений игры касалось определения послевоенных границ Польши и решения вопроса о польском правительстве. С эмигрантским польским правительством в Лондоне отношения у

Сталинского руководства не складывались. Это подтвердила и бесперспективность переговоров по территориальному вопросу в мае — июне 1942 г.

В результате Москва обратилась к испробованному, хотя и не всегда удачному, методу создания альтернативного правительства, готового подписать соглашения, столь необходимые для СССР. Осуществление этой скрупулезно рассчитанной политико-дипломатической акции советского руководства началось с января 1943 г. В Кремле прислушались к «просьбе» польских эмигрантов в Советском Союзе о создании патриотической организации, которая содействовала бы делу освобождения Польши, в том числе формированию новой армии. Основу организации составили уцелевшие после жестоких сталинских чисток члены польской секции Коминтерна. Им разрешили обратиться с письмом к В. Молотову. Письмо подписали член секретариата и политбюро компартии Польши А. Лямпе и редактор журнала «Новые горизонты» В. Василевская. Характерно, что в документе акцент был сделан на необходимость борьбы с антикоммунистической политикой «польских эксплуататорских классов», для чего предлагалось создать Союз польских патриотов (СПП). О создании армии практически не упоминалось. В апреле 1943 г. СПП опубликовал декларацию, в которой территории, отошедшие к Польше по мирному договору 1921 г., объявлялись захваченной чужой территорией.

Через несколько дней лондонское эмигрантское правительство Польши выразило возмущение декларацией, и вскоре в адрес Москвы посыпались, до того дипломатично удерживаемые, обвинения в связи с катынским расстрелом польских военнослужащих. Все это создало ситуацию, которую Кремль счел очень удачной для разрыва с лондонскими поляками, что и было сделано безотлагательно — 25 апреля 1943 г. Именно с этого момента коренным образом меняется содержание польского вопроса — польские территориальные проблемы становятся производной от политического соотношения великих держав. Существенно, что в самый разгар войны на столе «большой тройки» появилось яблоко раздора, в результате чего многократно усилилось соперничество между великими державами. В польском вопросе присутствовал и национальный белорусский интерес, так как речь шла о послевоенной судьбе Западной Беларуси. Кроме того, среди жертв катынского расстрела, ставшего разменной картой во внешнеполитической борьбе, было немало белорусов.

О намерении СССР создать новое польское правительство было недвусмысленно заявлено в передовой статье газеты «Известия» от 9 июля 1943 г. Тогда же госдепартамент США сделал однозначный вывод о том, что Сталин готовит советизацию Польши.

Попытки примирить Кремль с польским правительством в Лондоне заканчивались безрезультатно. На Тегеранской конференции эту миссию взял на себя Ф. Рузвельт. Единственное, чего он достиг, это согласие Сталина с тем, что Советский Союз желает иметь в облике Польши сильного и дружественного соседа. Надеясь на примирение Советского и польского эмигрантского правительств в будущем, У. Черчилль и Ф. Рузвельт, вопреки позиции своих дипломатических ведомств, пошли на соглашение по территориальному вопросу. В секретном протоколе конференции было записано решение о переносе на запад польско-германской границы и признании «линии Керзона» в качестве советско-польской границы. К Польше отходила также Восточная Пруссия, за исключением Кенигсберга и Клайпеды, которые передавались Советскому Союзу.

После окончания конференции англичане попытались уговорить «своих» поляков принять тегеранскую формулу и принудить Сталина возобновить отношения с польским правительством в изгнании. Однако попытки У. Черчилля достигнуть компромисса с польским премьером С. Миколайчиком не дали эффекта. Предложение У. Черчилля отложить решение вопроса до конца войны Сталиным было отвергнуто. Попытки США и Великобритании нажать на Кремль вызвали контршантаж. В своем послании У. Черчиллю от 23 марта 1944 г. Сталин пригрозил, что такие попытки вызовут обратный результат.

Открытие второго фронта в Европе, его военно-политические аспекты. 6 июня 1944 г. англо-американские войска успешно высадились в Нормандии и, не встретив значительного сопротивления со стороны противника, начали изгнание немецко-фашистских войск из Франции, Бельгии, Нидерландов. Своими действиями западные союзники отвлекли часть германских дивизий с Восточного фронта. Их армия под общим командованием генерала Д. Эйзенхауэра достаточно быстро продвигалась по Западной Европе.

Летом 1944 г. положение Германии стало катастрофическим. Армия несла колоссальные потери. Военное производство резко упало. Все больше нарастало недовольство политикой фюрера. Сокрушительные удары по гитлеровским полчищам вызвали глубокий кризис в правящих кругах стран — сателлитов Германии;

экономическая разруха и гитлеровский гнет предельно обострили бедность населения. В этих государствах усиливалось антифашистское национально-освободительное движение.

Активные военные действия союзников в Западной Европе заставили Германию осенью 1944 г. предпринять срочные меры по укреплению своих западных рубежей. Особое внимание было уделено обороне Рура и Саара, а также устья реки Шельда. Возникновение немецкого оборонительного вала явилось нежелательным событием для союзников. В это же время между американскими и британскими военными руководителями возникли разногласия относительно стратегии войны в Европе. Кроме американского военного плана и британского плана фельдмаршала Б. Монтгомери, имевших локальный характер, главнокомандующий Д. Эйзенхауэр предложил собственную концепцию «стратегии широкого фронта». Включая в себя в качестве составных компонентов предыдущие намерения, этот план предусматривал наступление союзных армий на всем Западном фронте.

Одновременно стал известен один из вариантов будущего устройства Германии, составленный американским министром финансов Г. Моргентау. План включал ликвидацию тяжелой промышленности и переустройство внутренней системы Германии с целью лишения ее источников агрессивности. Ф. Рузвельт первоначально был сторонником концепции Г. Моргентау и пытался убедить в ее правильности У. Черчилля во время их встречи в Квебеке.

Стратегия союзников на европейском театре рассматривалась на II Квебекской конференции (Канада), которая проходила 11—16 сентября 1944 г. Это была первая в 1944 г. встреча западных союзников в верхах; необходимость в таких встречах уменьшилась накануне долгожданной победы. Конференция определила перспективы дальнейших военных действий и приняла решения по важнейшим стратегическим проблемам. В частности, было признано необходимым «как можно скорее уничтожить германские вооруженные силы и занять центральную часть Германии». Были одобрены основные положения плана Д. Эйзенхауэра: проведение наступательных операций на широком фронте с главным ударом на его левом фланге. Участники конференции акцентировали внимание на необходимости занятия важнейших районов Европы до появления там советских войск. Относительно восточного союзника разногласия остались. У. Черчилль стоял за координацию политической стратегии против Сталина,

Ф. Рузвельт эти планы не поддерживал. Но у У. Черчилля были и другие неприятности. Англия была на грани: запасы валюты исчерпаны, потеряны две трети экспорта. Для нее конец войны и прекращение поставок по ленд-лизу угрожали катастрофой. Поэтому У. Черчилль предлагал участие Великобритании в операциях на Тихом океане после завершения войны в Европе.

В Квебеке было решено, что авиация союзников перейдет к независимой бомбардировке, чтобы принудить Германию сдаться без наступательных сухопутных боев. Политическое решение фактически сводилось к проведению тактики «выжженной земли» ради уничтожения индустрии и превращения Германии в «страну в основном аграрную». Британский военный кабинет возражал против такого решения. Возвратившись в Вашингтон, Ф. Рузвельт тоже передумал. План «аграризации» был отвергнут.

В своей стратегии на европейском театре военных действий участники антифашистской коалиции исходили из того, что одной из важнейших задач послевоенного устройства Европы и создания прочного мира является освобождение малых стран и восстановление их независимости и суверенитета. Это в полной мере относилось как к странам, поработанным германским фашизмом, так и к сателлитам Германии — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии. 13 мая 1944 г. правительства «большой тройки» обратились со специальным заявлением к союзникам Гитлера. В нем говорилось, что путем выхода из войны и прекращения сотрудничества с Германией, путем сопротивления нацистским силам всеми доступными средствами эти страны смогут сократить продолжительность войны, уменьшить свои собственные жертвы и содействовать победе союзников. Заявление правительств трех держав сыграло важную роль в расколе фашистского блока.

В августе 1944 г. советские войска начали Яско-Кишиневскую операцию и разгромили одну из крупнейших фашистских группировок, которая прикрывала подступы к Балканам. Стремительное продвижение Красной Армии в глубь Румынии ускорило вооруженное восстание и свержение прогерманского режима Й. Антонеску. 12 сентября было заключено перемирие с государствами антифашистской коалиции: Румыния присоединилась к ним и приняла участие в войне против Германии и Венгрии. Румыния стала первым капитулировавшим сателлитом Германии и получила послевоенную награду — территорию Трансильвании, отнятую у нее Венгрией в 1940 г.

Важные события происходили в Болгарии. Борьба болгарского народа против немецких оккупантов помешала царскому правительству Болгарии направить войска на германо-советский фронт. Но правители Болгарии оставались в союзе с Германией и оказывали ей всестороннюю помощь. Советское правительство сочло недостаточным объявленный Болгарией 26 августа 1944 г. «полный нейтралитет» и потребовало от болгарского правительства немедленно прекратить пропуск германских войск на румынскую территорию. Поскольку данное требование выполнено не было, СССР 5 сентября объявил войну Болгарии. Советские войска вступили на болгарскую территорию, не встретив какого-либо сопротивления, напротив, население встречало их как освободителей. 9 сентября царское правительство было свергнуто.

28 сентября 1944 г. в Москве между СССР, США, Великобританией, с одной стороны, и Болгарией — с другой, было подписано соглашение о перемирии. На Болгарию возлагались обязательства оказывать своими войсками содействие в войне с Германией и ее оставшимися союзниками, эвакуировать свои воинские подразделения с греческой и югославской территорий, распустить фашистские организации, возратить собственность граждан Объединенных Наций и заплатить репарации Греции и Югославии. Размер возмещаемого ущерба планировалось определить позднее.

Финское правительство с весны 1944 г. зондировало условия, на которых Финляндия могла бы выйти из войны. С этой целью в конце марта 1944 г. делегация финского правительства в составе Ю. Паасикиви и К. Энкеля побывала в Москве и получила советские условия перемирия. 19 апреля правительство заявило о том, что не в состоянии их выполнить, ссылаясь преимущественно на единственную трудность: невозможность по «техническим причинам» интернировать немецкие войска на территории Финляндии. Новый удар по финским войскам в июне — августе 1944 г. на Карельском перешейке и в Южной Карелии поставил финскую армию в критическое положение. Правительство Финляндии попросило помощи у Германии. Гитлер выделил финнам поддержку для продолжения войны с СССР.

Только после того, как гитлеровские войска были выбиты из Прибалтики, финские правители решились на разрыв с Германией и выход из войны. 1 августа 1944 г. президент Р. Рюти ушел в отставку. Его место занял К. Маннергейм, главнокомандующий войсками. Он отказался от обязательств страны перед Германией

и предложил Советскому Союзу возобновить переговоры о перемирии. Предварительными условиями для начала переговоров Советское правительство определило: немедленный разрыв отношений с Германией, вывод германских войск с финской территории в двухнедельный срок либо, в случае невывода, разоружение и передачу их союзникам в качестве военнопленных. Эти условия финское правительство приняло 2 сентября.

19 сентября 1944 г. в Москве Финляндия подписала соглашение о перемирии с СССР и Великобританией. В соответствии с ним восстанавливалась советско-финляндская граница 1940 г.; СССР отказывался от своих прав на аренду полуострова Ханко, а Финляндия предоставляла Советскому Союзу в аренду территорию в районе Порккала-Удд, передавала область Петсамо (Печенга) и уплачивала 300 млн долл. репараций на протяжении 6 лет. По общему мнению, Финляндия заключила мир — в высшей степени уступчивый. Он обеспечил сохранение демократической Финляндии на протяжении всего послевоенного периода.

После выхода из войны Финляндии Германия сохранила только одного союзника — Венгрию, которая, в свою очередь, оказалась в трудном положении. Уже в начале сентября 1944 г. венгерское правительство обсуждало вопрос о выходе страны из войны. 15 октября адмирал М. Хорти по радио объявил о намерении заключить перемирие со странами антигитлеровской коалиции. Но он опоздал. Немцы интернировали его и передали власть вождю фашистской организации «Перекрещенные стрелы» Ф. Салаши. Война на стороне Германии продолжалась. В декабре 1944 г. в городе Дебрецен было создано временное правительство Венгрии, которое обратилось к СССР с просьбой о перемирии и объявило войну Германии. 20 января 1945 г. в Москве Венгрия заключила с СССР, США и Великобританией соглашение о перемирии, которое аннулировало все оккупационные акты Венгрии относительно Чехословакии, Югославии и Румынии.

К концу 1944 г. от германского рейха с сателлитами оставалось нечто подобное уменьшенной территории монархии Габсбургов: Хорватия, Словения, большая часть Чехословакии, часть Венгрии, Северная Италия.

Осенью 1944 г. Красная Армия ускорила наступление в Чехословакии и Югославии. В результате сфера влияния СССР в Центральной и Восточной Европе приобрела реальные очертания. Сердцевинной реализацией этой стратегии сталинского руководства оставался польский вопрос.

За подозрениями западных союзников в намерении Сталина осуществить советизацию Польши последовали давно спланированные действия. Созданная еще 1 января 1944 г. из числа «московских» поляков «Крайова рада народов» (КРН, председатель В. Берут) была использована для формирования нового правительства: 21 июля 1944 г. был образован Польский комитет национального освобождения (ПКНО, председатель Э. Осубка-Моравский). КРН объявила себя временным парламентом, а ПКНО — временным правительством. 26 июля это временное правительство подписало соглашение с СССР, а на следующий день — протокол о польских границах. Предусматривалось передать Польше южную часть Восточной Пруссии и Гданьск с прилегающей областью, перенести польскую границу на линию Одер — Нейсе с включением Щецина в состав Польши. В качестве «акта доброй воли» Польше передавалась также западная часть Белостокской области, населенная преимущественно белорусами.

По случайному стечению обстоятельств или по злой воле Сталина все эти мероприятия совпали с приездом в Москву в конце июля 1944 г. лидера лондонских поляков. Дипломатическим цинизмом прозвучало предложение С. Миколайчику занять должность премьер-министра в новом правительстве, от которого он, естественно, отказался. Таким же неудачным был и второй раунд переговоров с лондонским правительством, который проходил в Москве в присутствии У. Черчилля. Последний, раздраженный упрямством С. Миколайчика, дал согласие Великобритании на изменение польских границ как на западе, так и на востоке.

И в дальнейшем Советское правительство ни на минуту не оставляло без внимания польский вопрос. Готовилось признание будущего люблинского правительства. Для этого необходимо было найти поддержку в рядах западных союзников. Ш. де Голль, который надеялся получить от Сталина «добро» на частичную аннексию Рейнской области, с готовностью поддержал во время встречи со Сталиным 2 декабря 1944 г. советский вариант решения польского вопроса. Таким образом, в фундамент был положен последний камень, и 31 декабря 1944 г. КРН на своем съезде реорганизовала ПКНО во Временное правительство Польши. 5 января 1945 г. оно было признано Советским Союзом.

Сателлизация Москвой национальных правительств Югославии и Чехословакии не была столь явной и немедленной, как это стало в Польше. Дело в том, что успешные операции Красной Армии и свержение в ряде стран Европы фашистских и профа-

шистских режимов активизировали деятельность демократических сил в странах Центральной и Восточной Европы. Сталинскому руководству приходилось с этим считаться. Поэтому ставка делалась на последовательное укрепление влияния прокоммунистического крыла в демократическом лагере той или иной страны. Так, в Югославии широкий размах приобрело партизанское движение, руководимое коммунистами во главе с И. Б. Тито. В декабре 1943 г. было создано контролируемое ими Югославское демократическое федеративное государство. Королевское эмигрантское правительство лишилось полномочий. Признание Советским Союзом Национального комитета освобождения во главе с И. Б. Тито в качестве высшего органа власти Югославии обострило советско-британские отношения. У. Черчилль, делавший все для укрепления британского влияния на Балканах, упорно отстаивал сохранение полномочий зависимого от Великобритании королевского правительства. Особенно напряженные дискуссии по этой проблеме развернулись в ходе советско-английских переговоров в октябре 1944 г. во время приезда У. Черчилля в Москву.

1 ноября между И. Б. Тито и премьер-министром королевского правительства И. Шубашичем состоялось соглашение о создании объединенного правительства. Устанавливалось, что вопрос о форме государственного устройства страны будет решен по окончании войны народом посредством свободного волеизъявления. До этого король лишался права возвращаться в страну. Король отправил И. Шубашича в отставку, а эмигрантское правительство саботировало соглашение. СССР публично заявил об одобрении им соглашения Тито — Шубашича.

Еще 12 декабря 1943 г. СССР подписал с эмигрантским правительством Чехословакии договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Документ содержал взаимное обязательство «оказывать друг другу военную и другую помощь» в войне против Германии и ее союзников в Европе и не заключать с ними перемирия или мира иначе, как с взаимного согласия. Договор обязывал стороны оказывать друг другу военную и иную поддержку также и в послевоенный период в случае вовлечения одной из них в военные действия с Германией или каким-либо государством, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне. Стороны договорились о тесном сотрудничестве после войны на началах взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

В договоре содержалось обязательство не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против другой стороны.

В Чехословакии немедленно после освобождения ее территории от немецко-фашистских захватчиков восстановилась национальная власть. По советско-чехословацкому соглашению от 8 мая 1944 г. освобождаемая Красной Армией территория Чехословакии, как только она переставала быть зоной непосредственных военных операций, полностью переходила под суверенное управление чехословацких правительственных и общественных органов. Образование, состав и характер этих органов должны были находиться в исключительной компетенции правительства Чехословацкой Республики. На деле военно-политические органы Красной Армии стремились воспользоваться любой возможностью для внедрения во властные чехословацкие структуры лояльных для СССР представителей.

Стремясь усилить послевоенное влияние Великобритании в Юго-Восточной Европе, У. Черчилль длительное время пытался осуществить это в союзе с Ф. Рузвельтом против русских, но безуспешно. Решив достичь целей непосредственно, британский премьер-министр в октябре 1944 г. приехал в Москву. Сталину понравилось его предложение о разделе сфер влияния; для самого советского вождя это было основой политики. Взбодренный конструктивным духом переговоров, У. Черчилль написал на клочке бумаги: «Румыния — 90 % русская; Греция — 90 % английская; Югославия и Венгрия — 50/50 %; Болгария — 75 % русская». Сталин прочитал и поставил «галочку» — размашисто, синим карандашом. Наступила пауза, после У. Черчилль сказал: «Не кажется ли несколько циничным, что мы так, экспромтом, уладили вопросы, столь важные для миллионов людей? Нужно сжечь бумагу». Сталин ответил: «Да нет, пусть она хранится у вас». У. Черчилль не знал, что синяя «галочка» «по Сталину» означала несогласие в отдельном. Действительно, на следующий день В. Молотов настаивал, чтобы Венгрия и Болгария стали русскими на 80 %. Точные цифры для У. Черчилля уже не имели значения: сработал общий принцип. Сияя от радости, он по возвращении домой заявил в палате общин: «Наши отношения с Советской Россией никогда не были более тесными, близкими и сердечными, чем теперь».

Тем временем, начиная от высадки союзников в июне и до декабря 1944 г., большая часть Франции была освобождена от фашистских оккупантов. Союзные войска вышли к укрепленной

линии «Зигфрид». Немецкому командованию удалось задержать противника на границе Германии и в Голландии, а затем, воспользовавшись его задержкой, перейти в контрнаступление в декабре 1944 г. Германское контрнаступление проходило в районе Арденн и в направлении городов Льеж, Седан, Живе. Был прорван фронт шириной 40 км, разделены и поставлены в трудные условия американские и британские войска. Над союзными войсками нависла угроза второго Дюнкерка.

У. Черчилль в послании Сталину 6 января 1945 г. просил для облегчения положения войск в Арденнах начать «крупное русское наступление». Ради этого срок наступления Красной Армии был перенесен с 20 на 12 января, а само оно превратилось в гигантский бросок от Вислы до Одера. Гитлер был вынужден отказаться от инициативы в Арденнах и перекинуть две танковые армии с Западного фронта на Восточный. Армии союзников снова перешли в наступление.

Решения великих держав о послевоенном мироустройстве. В 1944 г. члены антифашистской коалиции активно обсуждали перспективы формирования системы послевоенных международных отношений. С 1 по 22 июля 1944 г. в городе Бреттон-Вудс (США) проходила конференция Объединенных Наций по валютным и финансовым вопросам. Ее результатом стало подписание 45 государствами конвенции об образовании Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР).

Накануне конференции в Ялте Ф. Рузвельт, У. Черчилль и Чан Кайши обменялись мнениями по вопросам ведения войны против Германии и Японии в ходе встречи 2 января 1945 г. на Мальте. Крымская (Ялтинская) конференция глав «большой тройки» проходила с 4 по 11 февраля 1945 г. Она была посвящена проблемам войны в Европе. В официальном коммюнике об итогах конференции, подписанном Ф. Рузвельтом, И. Сталиным и У. Черчиллем, отмечалось: «Мы рассмотрели и определили военные планы трех союзных держав в целях окончательного разгрома общего врага... Были полностью согласованы и детально спланированы сроки, размеры и координация новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии нашими армиями и военно-воздушными силами с востока, запада, севера и юга».

На конференции был рассмотрен центральный политический вопрос — об отношении союзников к Германии после ее пораже-

ния, о будущем этого государства. Здесь основополагающее значение относительно побежденной Германии приобретали договоренности на принципах ее демократизации и демилитаризации. Решались принципиальные вопросы о характере верховной власти на германской территории, о разделе ее на зоны оккупации государств-победителей: СССР, Великобритании и США. Было согласовано, что кроме трех держав, Франция должна также получить в Германии свою оккупационную зону, которую следует образовать из английской и американской зон. В результате дискуссии относительно возмещения военного ущерба было установлено, что Германия будет осуществлять компенсацию в трех формах: а) единовременной контрибуции, взимаемой в течение двух лет после капитуляции; б) годовых поставок товаров из произведенной продукции в течение периода, который будет определен дополнительно; в) использования труда немцев. Создавалась Межсоюзническая комиссия по репарациям, которая в своей деятельности должна была руководствоваться принципом, что общая сумма репараций составит 20 млрд долл. и что 50 % этой суммы достанется Советскому Союзу.

Проблемы Дальнего Востока заняли на конференции незначительное место. После нескольких обсуждений было принято Ялтинское соглашение, согласно которому СССР обязывался вступить в войну против Японии через 2—3 месяца после поражения Германии. За это США и Великобритания щедро «вознаградили» Москву, правда, за счет Китая и Японии. В частности, Советскому Союзу возвращался Южный Сахалин, который Россия потеряла в результате поражения в русско-японской войне, и передавались Курильские острова — японская территория, которую в 1875 г. Россия, исходя из стратегических интересов, обменяла на право владения всем Сахалином.

В Ялте была принята Декларация об освобожденной Европе, а также второй итоговый документ — «Единство в организации мира, как и в ведении войны». По существу, они создали тот образец мирных отношений, который целиком соответствовал объективным условиям мирового развития. В Декларации была ясно определена согласованная перспектива: «Установление порядка в Европе и перестройка национальной экономической жизни должны быть достигнуты таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создаст демократические учреждения по их собственному выбору».

Однако между тем, что было записано в Ялте по европейским проблемам, и тем, что входило в намерения советских руководителей, имелась большая разница. Так, ялтинские решения практически передавали судьбу Центральной и Восточной Европы в руки Сталина, который, как известно, раскрыл стратегические намерения относительно этой части континента еще при заключении пакта Молотова — Риббентропа в августе 1939 г. В секретном протоколе он добивался восстановления границ, близко напоминавших бывшие царские. В числе его приобретений оказались три прибалтийских государства, Бессарабия, Буковина, так называемые восточные провинции Польши и часть Финляндии. Все это было потеряно в 1941 г. Но Красная Армия отвоевала снова не только эти территории, но и всю Центральную и Восточную Европу, в том числе Польшу. И Сталин на вершине победы не собирался идти на уступки по таким пунктам, как установление советской гегемонии и контроля над данным регионом.

Польскую проблему считали первоочередной Сталин и частично У. Черчилль. Последний имел долг чести относительно Польши: из-за нее главным образом Великобритания начала войну против Германии. Вокруг польского вопроса в Крыму разгорелась жесткая борьба, в которой самое активное участие принял У. Черчилль с несущественной поддержкой со стороны Ф. Рузвельта. Они все же публично добились такого польского урегулирования, которое предусматривало создание временного польского правительства национального единства и проведение свободных выборов.

В Декларации об освобожденной Европе, которую сопровождало соглашение о Польше, предусматривались свободные выборы и установление нормальных демократических свобод во всей Центральной и Восточной Европе. Это были, без сомнения, солидные дипломатические вердикты. Ф. Рузвельт и У. Черчилль подписали документы, которые целиком соответствовали западным критериям, но Сталин трактовал их иначе. Уже в ближайшем будущем он проигнорировал их и по-своему интерпретировал такие западные понятия, как свободные выборы и демократические свободы. Тем самым Сталин не выполнил принятые в Ялте обязательства.

Значительная часть конференции была посвящена аспектам создания международной организации безопасности. Ф. Рузвельт предложил руководствоваться принципом «обеспечения мира минимум на 50 лет». В дискуссиях на эту тему внимание было скон-

центрировано в первую очередь на проблемах, не решенных на конференции в Думбартон-Оксе (близ Вашингтона). Было согласовано, что учредительная конференция всемирной организации откроется в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. В частности, в поддержку приглашения на нее двух советских республик — Белоруссии и Украины — в качестве членов-учредителей высказались США и Великобритания.

Еще ранее, после Тегеранской конференции, было решено обсудить все вопросы создания международной конференции безопасности на специальной конференции в Думбартон-Оксе. В первой части конференции, открывшейся 21 августа 1944 г., участвовали делегации Великобритании, СССР и США; во второй части (29 сентября — 7 декабря) приняла участие еще и китайская делегация. Конференция конкретизировала идею всеобщей международной организации с учетом ранее принятых «Атлантической хартии», Декларации Объединенных Наций, а также подписанной 30 октября 1943 г. в Тегеране Декларации четырех держав.

Одним из первых вопросов, которые обсуждались в Думбартон-Оксе, было название будущей организации. Из вариантов «Международная организация безопасности», «Всемирный союз», «Объединенные Нации» выбрали последний. Далее было согласовано, что основным документом организации будет Устав, а главными органами — Генеральная Ассамблея, Генеральный секретариат и Совет Безопасности. Много споров вызвала компетенция Генерального секретаря и одного из органов — Экономического и Социального Совета. Для дальнейшего разрешения были оставлены проблемы организации голосования в Совете Безопасности (проблема вето) и участия советских республик в будущей организации.

Учредительная конференция в Сан-Франциско началась с участием 46 государств. Уже в ходе заседаний было принято решение о приглашении дополнительно Аргентины, Белоруссии, Дании и Украины. Не нашло поддержки предложение о приглашении Польши (действующее в Варшаве временное правительство не признавали США и Великобритания, а эмигрантское правительство в Лондоне не признавал СССР). Но факт участия Польши 1 января 1942 г. в принятии Декларации Объединенных Наций предопределил право подписания ею Устава ООН 16 октября 1945 г. в качестве члена-учредителя.

Главной проблемой конференции в Сан-Франциско было определение прерогатив Генеральной Ассамблеи и Совета Безопаснос-

ти. Группа малых и средних государств активно проводила кампанию увеличения роли Ассамблеи и уменьшения — Совета Безопасности. Предлагалось во всех вопросах придать Генассамблее высшие права, а для ослабления специального статуса членов Совета Безопасности увеличить их число. Однако благодаря согласованной позиции СССР, США и Великобритании в итоговых решениях сохранялись особая ответственность и права великих держав области международной безопасности. Было решено, что Совет Безопасности будет насчитывать 11 членов (5 постоянных и 6 непостоянных), как предлагала конференция в Думбартон-Оксе. Конференция в Сан-Франциско завершилась 26 июня торжественным подписанием Устава ООН и Статута Международного Суда.

Безоговорочная капитуляция фашистской Германии. 8 мая 1945 г. около 23 часов в Карлсхорсте, пригороде Берлина, в присутствии представителей СССР, США, Великобритании и Франции от имени германского верховного командования В. Кейтель, К. Фридебург, Ф. Штумпф подписали «Акт о военной капитуляции» Германии. На основании Акта германские вооруженные силы, как и в целом «Третий фашистский рейх», перестали существовать. 24 мая 1945 г. правительство К. Деница было распущено, а его члены арестованы. Такая же мера была предпринята и в отношении руководителей высших командных органов — Верховного главнокомандования вермахта и Главнокомандования сухопутными войсками, которые расценивались как военные преступники и должны были предстать перед Международным военным трибуналом.

После ликвидации фашистского рейха в Германии некоторое время не существовало государственной власти. Четыре державы признали необходимым осуществлять совместное руководство Германией. С этой целью 5 июня 1945 г. представители США, СССР, Великобритании и Франции подписали в Берлине Декларацию о поражении Германии и взятии на себя верховной власти этой страны. Декларация стала генеральным документом об условиях капитуляции фашистской Германии. Она зафиксировала полное поражение и безоговорочную капитуляцию Германии и определила, что Великобритания, СССР, США и Франция «берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которую имели германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство либо власть». Все вооруженные силы Германии, где бы они ни разме-

шались, подлежали полному разоружению и передавали свои вооружения и имущество союзным командующим или офицерам.

6 июня были также опубликованы в сокращенном виде заключенные ранее четырьмя державами соглашения о контрольном механизме и о зонах оккупации Германии. В Соглашении о контрольном механизме в Германии указывалось, что верховная власть в стране будет осуществляться американским, британским, советским и французским главнокомандующими оккупационными силами, каждым в своей зоне. Четверо главнокомандующих составляли Контрольный совет, который обеспечивал согласование их действий в зонах, разработку и принятие решений по главным военным, политическим, экономическим вопросам, общим для Германии. Управление районом «Большого Берлина» возлагалось на межсоюзную комендатуру, которая действовала под общим руководством Контрольного совета. Берлин определялся местонахождением этого совета.

Соглашение о зонах оккупации Германии установило ее раздел на четыре зоны: восточную — Советского Союза, северо-западную — Великобритании, юго-западную — США и западную — Франции. Район «Большого Берлина», разделенный на четыре сектора, занимали вооруженные силы каждой из четырех держав. Исходя из соглашения о зонах оккупации, Великобритания и США должны были вывести свои войска из тех районов советской зоны, в которых они оказались в ходе войны. У. Черчилль не желал делать этого, однако советское руководство предупредило его, что в противном случае не пропустит союзников в определенные для них секторы Берлина. 25 ноября было подписано соглашение между правительствами Великобритании, США, СССР и Франции о дополнительных требованиях относительно Германии. Союзники объявили об упразднении всех германских вооруженных сил, разведывательных, тайных и военно-политических служб СС, СА, СД и гестапо.

В июле — августе 1945 г. работа по созданию четырехстороннего контрольного механизма в Германии была в основном завершена. Контрольный совет, военные администрации в зонах, межсоюзная комендатура Берлина приступили к практической деятельности. Правда с самого начала выявилось резкое расхождение между руководством оккупационных зон в подходах к решению главных задач восстановления мирной жизни немецкого народа. Разногласия пролегли по линии представлений Востока и Запада о сущности демократизации.

Очередная встреча руководителей трех великих держав состоялась в Потсдаме с 17 июля по 2 августа 1945 г. Во главе американской делегации стоял президент Г. Трумен (президент Ф. Рузвельт умер 12 апреля 1945 г.); британской — на первом этапе конференции У. Черчилль, а с 28 июля премьер-министр К. Эттли. Советскую делегацию возглавлял И. Сталин. На конференции обсуждались проблемы, связанные с завершением войны в Европе и формированием послевоенных международных отношений. Несмотря на то, что к этому моменту уже проявились существенные политические разногласия между союзными государствами, в Потсдаме они смогли принять важнейшие решения для будущего послевоенной Европы.

Первую группу потсдамских положений составила подготовка мирных договоров и механизмов сотрудничества великих держав после войны. С этой целью создавался Совет министров иностранных дел (СМИД) пяти государств: Великобритании, Китая, СССР, США и Франции (Китай и Франция приглашались к участию). Предусматривалось, что СМИД «будет собираться планомерно в Лондоне, который станет штаб-квартирой совместного секретариата» либо в других столицах. Среди первоочередных задач СМИД выделялись: а) выработка мирного договора с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией; б) разработка предложений по урегулированию нерешенных территориальных вопросов в связи с завершением войны в Европе; в) подготовка мирного договора для Германии, который «немецкое правительство примет, когда сформируется способное для этого правительство». Кроме того, СМИД поручалось заниматься другими вопросами, вытекающими из «соглашения правительств, участвующих в Совете». Одновременно было решено распустить Европейскую консультативную комиссию в связи с тем, что она выполнила свои задачи.

Акт о безоговорочной капитуляции Германии имел сугубо военный характер и не содержал политических статей. Только в Потсдаме государства-победители на высшем уровне приняли принципиальное политическое решение относительно Германии. Согласно ему, высшую власть в Германии осуществляли главнокомандующие вооруженными силами Великобритании, СССР, США и Франции, каждый в своей зоне оккупации. Координация же союзной политики в области контроля над Германией и действий «в вопросах, касающихся Германии как целостности», поручалась союзному Контрольному совету.

В потсдамских решениях определялись также цели оккупации Германии. Оккупация должна была привести к **демилитаризации** страны — ликвидации всей германской промышленности, которая могла быть использована для военного производства, и к уничтожению всех вооружений. Второй целью была **денацификация** — роспуск всех национал-социалистских институтов и недопущение какой-либо пропаганды фашизма. Военные преступники и лица, «принимавшие участие в планировании или исполнении национал-социалистских мероприятий», подвергались преследованию. Следующей целью было восстановление германской политической жизни на принципах **демократизации** — воспитания немцев через распространение демократических идей. Четвертой целью определялась **децентрализация** — развитие местного самоуправления и проведение выборов в территориальные советы. Наконец, оккупация была призвана обеспечить **декартелизацию** — «устранение существующей чрезмерной концентрации экономической мощи, выражающейся в особенности в виде картелей, синдикатов и трестов».

Примечательно, что не предвиделось образования германского центрального правительства, назначались только государственные секретари для руководства важными административными вопросами, подчиненные союзному Контрольному совету.

Кроме того, союзники постановили, что при организации германской экономики главный акцент будет сделан на развитии сельского хозяйства и мирном производстве продукции преимущественно для внутренних потребностей. Устанавливался надзор над промышленностью и всеми экономическими и финансовыми международными связями с целью «недопущения возникновения в Германии военного потенциала». Объявлялось намерение сохранять в стране уровень жизни, не превышающий «среднего жизненного уровня в европейских странах» (под европейскими странами здесь подразумевались все страны континента, исключая Великобританию и СССР). Привлекало внимание также постановление, согласно которому в период осуществления оккупации «немцы будут трактоваться как единая экономическая целостность», из чего вытекала необходимость сохранения единой финансовой и банковской системы.

Непросто достигалось согласие в вопросе репараций с Германии. В то время как Советский Союз был заинтересован в их максимальном размере, западные державы заняли более умеренную

позицию, опасаясь, что чрезмерное ослабление немецкой экономики потребует финансирования приобретения продовольствия для местного населения оккупационными властями. В итоге была принята формула, которая предусматривала после выплаты репараций оставлять столько ресурсов, чтобы «немецкий народ был в состоянии существовать без помощи извне». Репарационные требования СССР предстояло удовлетворить путем конфискации соответствующего имущества из советской оккупационной зоны. Советский Союз обязывался гарантировать возмещение ущерба Польше из своей части репараций. Репарационные претензии США и Великобритании, а также других государств покрывались из западных зон. Устанавливалось, что СССР получит дополнительно из западных оккупационных зон 10 % промышленного оборудования, которое не является необходимым для немецкой мирной экономики, «без какой-либо оплаты» и 15 % такого же оборудования взамен за равнозначные поставки продовольствием, углем и другой продукцией. Реализация репараций должна была осуществиться в течение двух лет.

Важной частью Потсдамской конференции были дискуссии и решения о Польше, в особенности о западной границе и выборах. У. Черчилль неоднократно высказывал сомнения относительно предложенной границы по Одере и Нейсе, считая, что «владение этой территорией не пойдет Польше на пользу»: оно будет подрывать экономическое положение немцев и возложит на оккупационные власти чрезмерный груз снабжения западной части Германии продовольствием и топливом. Британская делегация также сформулировала в Потсдаме вопросы, касающиеся Польши: о свободных выборах, свободе печати и религии, отношении к полякам, возвращающимся из-за границы. От ответа на эти вопросы зависела британская позиция в отношении границы по Одере и Нейсе. Прибывшие в Потсдам 24 июля представители польского Временного правительства национального единства успокоили британцев в важнейшем вопросе, а именно: выборы будут проведены максимально быстро, не позже начала будущего года.

На Потсдамской конференции три великие державы окончательно достигли согласия по вопросам польского правительства и западной польской границы. Временное правительство национального единства признавалось Лондоном и Вашингтоном, с ним устанавливались дипломатические отношения, а признание бывшего польского правительства отзывалось. Земли, принадлежав-

шие Германии восточнее Одера и Нейсе, включая часть Восточной Пруссии, не отошедшей к СССР, и бывший свободный город Гданьск передавались в управление польского государства, а «окончательно установление западной польской границы должно быть отложено до мирной конференции». Однако последующее решение держав о выселении немецкого населения с территории Польши, Чехословакии и Венгрии укрепило договоренность о границах.

Отношения вокруг Тихоокеанского и Африканского театров войны. Место и роль Африки в глобальной стратегии воюющих государств оценены далеко не полностью. Традиционно подчеркивается роль континента как сырьевой базы и резервуара значительных людских ресурсов, а также как удобного плацдарма для нанесения удара по «южному подбрюшью» Европы. В целом считается, что континент остался в стороне от главных событий Второй мировой войны. Однако рассекреченные официальные документы того периода как союзных держав, так и государств «оси», свидетельствуют, что на определенном этапе именно в Африке обе стороны конфликта искали ключ к победе в глобальном противостоянии.

После разгрома Франции в мае — июне 1940 г. британская армия решала две ключевые задачи — обороны метрополии и удержания Средиземноморья, Северной Африки и Ближнего Востока, через которые пролегли ее жизненно важные коммуникации, ведущие от империи на Восток. Великобритания рассматривала Африку, особенно ее северо-восточную часть, как ключевую позицию для сохранения своей колониальной империи. Если бы германской армии удалось захватить Суэцкий канал и Ближний Восток, Британская империя, по мнению ее руководителей, рухнула бы. Поэтому Африку необходимо было сохранить во что бы то ни стало.

В первой половине 1941 г. руководство Великобритании было уверено, что Германия, достигнув мирового господства, нанесет очередной удар либо по Гибралтару и Марокко, либо по Суэцу, либо по обоим направлениям одновременно. Стратегические преимущества такой операции были очевидными. На счастье У. Черчилля, Гитлер не воспользовался этим шансом. Он, как известно, считал, что с Англией покончено, ее окончательный разгром — дело времени, и был убежден, что после разгрома СССР капитулирует и Великобритания.

Позже, после июня 1941 г., путь к победе британские генералы видели в концепции «стягивания обруча» вокруг Германии по периферии Европы: переносе основных военных операций в Африку и осуществлении (в будущем) решающего удара по Германии через «черный ход» — из Северной Африки через Сицилию, Сардинию, Италию либо через Балканы. Они считали, что вторжение в Западную Европу через Ла-Манш может осуществиться только после поражения Германии на юге Европы. Эту концепцию Великобритания отстаивала во взаимоотношениях с США и настойчиво втягивала своего могущественного союзника в битвы на африканском континенте.

Соединенные Штаты, исходя из собственного опыта Первой мировой войны, стремились максимально оттянуть свое участие в европейском конфликте. Однако постепенно Ф. Рузвельт преобразовывал США из «арсенала демократии» в военного союзника Великобритании. В то же время американские военные и политики считали, что основным должен быть европейский театр войны, а военные действия должны вестись коалициями. Поэтому, несмотря на вероятные успехи на Дальнем Востоке, в США были убеждены, что главное — разбить Германию. Принцип «Германия — прежде всего» выводился из того, что эта страна — самая могущественная среди государств «оси». Было очевидно, что если отложить удар по Германии на несколько лет ради войны с Японией, то ее разгром станет не только более сложным, но, не исключено, и невозможным. К тому же Соединенные Штаты считали реальной угрозой вторжения Германии в Латинскую Америку из Африки и высказывали решимость не допустить этого.

Кроме стратегических целей, учитывались намерения из сферы национального престижа. США хотели играть роль ведущей державы. Этой роли соответствовала формула «войну следует выиграть лобовым ударом по Германии в Северо-Западной Европе, чего бы это ни стоило». Все остальные операции, включая Дальний Восток, Средиземное море, Ближний Восток и Африку, рассматривались Ф. Рузвельтом не только как второстепенные, но и как нежелательное отклонение от основной цели.

Таким образом, между стратегическими концепциями США и Великобритании имелись существенные различия. Британцы считали американское военное искусство слишком прямолинейным. Споры о том, где должен быть открыт второй фронт — в Европе или Африке — продолжались два года и закончились 8 ноября

1942 г. высадкой союзных войск в Марокко и Алжире. Этой кульминации предшествовали острые дискуссии между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Проблема выбора — европейский или африканский театр военных действий — стала предметом обсуждения на I и II Вашингтонских конференциях на высшем уровне. На этих конференциях американцы скептически отнеслись к предложенной У. Черчиллем операции «Джимнаст» в Северной Африке (позже переименованной в «Торч»). Военное министерство США заявило: «Если мы сейчас возьмем обязательства относительно Северо-Западной Африки, то допустим большую ошибку».

У. Черчилль отстаивал стратегическую концепцию Великобритании умело и последовательно. В декабре 1941 г., когда существовала опасность, что США направят главные усилия на Дальний Восток, он поддержал принцип «Германия — прежде всего». В июле 1942 г. он твердо отказался от открытия второго фронта в Европе, однозначно высказавшись за высадку войск в Северо-Западной Африке. Как отмечал начальник имперского Генерального штаба Великобритании А. Брук, американские генералы заявляли, что англичане обманом втянули их в боевые действия в Африке.

Итак, в 1941–1942 гг. Африке отводилось важное место на встречах в верхах при рассмотрении вопросов стратегии. Но и в 1943–1945 гг., когда на африканском континенте уже не было войск Тройственного союза, роль Африки в глобальной стратегии оставалась предметом дискуссий на Каирской, Тегеранской и Ялтинской конференциях. Существовало еще одно обстоятельство, которое повышало значение Африки в глазах союзников. Над этим континентом проходила трасса переброски самолетов, которые перегонялись из США в Бразилию, Африку и далее направлялись на все театры военных действий — в Европу и Ближний Восток, в страны Юго-Восточной Азии и на Дальний Восток. Этим путем были переброшены десятки тысяч самолетов, в том числе 4 тыс. для Красной Армии. Для обслуживания этой армады в Африке американцы построили сеть промежуточных аэродромов, метео- и радиостанций, ремонтных мастерских и заводов по сборке самолетов. Этот маршрут американцы называли «дорогой жизни».

Анализируя результаты Второй мировой войны, некоторые военачальники и ученые высказывали мнение, что одним из крупнейших просчетов Гитлера, не позволивших Германии достичь победы, была недооценка Африки как плацдарма для нанесения решающих ударов по союзным армиям.

На Тихоокеанском театре войны приближающийся разгром фашистской Германии предопределял судьбу Японии. До вступления Советского Союза в войну англо-американская блокада не смогла отрезать Японию от важнейших источников обеспечения стратегическим сырьем и вооружениями. По-прежнему из Северо-Восточного Китая Япония получала железную руду, сталь и каменный уголь, из Южного и Центрального Китая — продовольствие. Японская военщина надеялась, что страна имеет реальные возможности для сопротивления. Расчет делался на то, что ее сухопутные войска почти не участвовали в боях и смогут успешно сопротивляться как на оккупированных территориях, так и на собственной. Японские войска продолжали удерживать территории Китая, Кореи, Филиппин, Индокитая, Бирмы, Малайи, Индонезии. Продолжительную войну против Японии после разгрома Германии предполагало и командование вооруженных сил США и Великобритании. Планами предусматривалось завершение боевых действий к концу 1946 г. Соответственно Япония надеялась на заключение мира на выгодных для себя условиях.

Одновременно с ухудшением состояния на фронтах Второй мировой войны в правящих кругах Японии усиливалось движение за выход из войны. В «партию мира» входили известные деятели, среди них бывшие премьеры Вакацуки, Акада, Канозэ, министры иностранных дел С. Того и М. Сигемицу, представители придворных кругов и др. Эта группировка считала, что война проиграна и необходимо искать выход из нее путем компромиссного мира. Для этого предполагалось использовать противоречия между Великобританией, США и СССР, между Гоминьданом и компартией Китая.

Правительство К. Койсо попыталось дипломатическим путем достигнуть компромиссного мира. Сначала оно сделало попытку выступить посредником между СССР и Германией, но Сталин отказался вести переговоры о прекращении войны с германским агрессором. Тогда японские правители стали искать пути к заключению мира с Соединенными Штатами Америки и Великобританией, зная, что среди влиятельных кругов этих стран существует заинтересованность в сохранении Японии в качестве реальной силы, которая будет противостоять СССР и коммунистическим движениям в Китае, Корею и других странах Азии. Однако японская дипломатия не проявила достаточной прозорливости и умения реально оценивать ситуацию. 5 апреля 1945 г. Советское

правительство денонсировало пакт с Японией о нейтралитете от 13 апреля 1941 г., хотя войны еще не объявило. Тем самым выполнялось обязательство перед США и Великобританией и упреждался их возможный сговор с Японией за плечами СССР.

Все же японские руководящие круги надеялись, что СССР не предпримет каких-либо решительных мер, поскольку вдоль советской границы размещалась мощная Квантунская армия, почти не тронутая войной.

26 июля 1945 г. США, Великобритания и Китай приняли Потсдамскую декларацию. Они призвали Японию капитулировать и предупредили, что дальнейшее сопротивление приведет к быстрому и полному ее разгрому. Сталин отказался подписывать этот документ на том основании, что СССР не объявлял Японии войны. Потсдамская декларация сформулировала основные принципы, которые должны были применяться к Японии после ее капитуляции: полное искоренение милитаризма; оккупация Японии для реализации целей, содержащихся в декларации; выполнение условий Каирской декларации, ограничивавшей суверенитет Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые будут названы союзниками; разрушение японской армии; суровое наказание военных преступников; искоренение всех препятствий для возрождения и укрепления демократических тенденций среди японского народа; установление свободы слова, религий и мышления, а также уважения к основным человеческим правам. Союзники обязались вывести оккупационные войска, как только будет создано правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа.

Под натиском военных кругов премьер К. Судзуки 28 июля заявил об отказе принять Потсдамскую декларацию. Отказ не отвечал собственной позиции премьера. Однако он, как и вся Япония, оказался в западне: он мог допустить почетную, а не позорную безоговорочную капитуляцию во имя сохранения императорской династии. И даже согласие на почетный мир обернулось для него угрозой смерти от радикально-патриотических военных.

До лета 1945 г. американское наступление против Японии заключалось в «перескакивании с острова на остров» и давало возможность господствовать на море. Силами и средствами для высадки десанта на основные японские острова американцы не располагали. Поэтому они рассчитывали на вступление в войну СССР. Одновременно США стремились к сохранению собственного стратеги-

ческого перевеса. 6 и 9 августа 1945 г. американская авиация сбросила атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки, хотя в этом не было военной необходимости. Впервые в истории было использовано оружие массового поражения, от которого погибли или стали калеками 447 тыс. мирных жителей. Бомбардировка Хиросимы и Нагасаки стала предвестником атомного шантажа — одного из рычагов послевоенного устройства мира.

После отказа Японии от безоговорочной капитуляции американцы пришли к выводу, что войну необходимо продолжать, но их мнения относительно способов разделились. Командование военно-морского флота было убеждено, что блокада вынудит японцев быстро сдаться; командование военно-воздушных сил так же надеялось на эффект от бомбардировок. Г. Трумэн, как и Ф. Рузвельт до него, помнил предостережение армейского командования о том, что военная победа над Японией будет стоить миллиона американских жизней. Для правящей партии США такая победа обернулась бы катастрофой.

Альтернатива существовала: участие СССР в войне на Дальнем Востоке. На Потсдамской конференции Сталин подтвердил обязательство вступить в войну против Японии. Действительно, 8 августа японский посол К. Сато был вызван в НКВД, где ему от имени Советского правительства было вручено заявление, в котором говорилось, что Япония осталась единственной великой державой, которая отказалась капитулировать и стоит за продолжение войны, и указывалось, что Советский Союз присоединяется к заявлению трех великих держав от 26 июля и начиная с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией.

Вступление в войну СССР уже не вызвало прежнего энтузиазма США. После окончания войны в Европе Соединенным Штатам не хотелось стать обязанными русским за победу на Дальнем Востоке. Более того, после споров по европейским проблемам Г. Трумэну не хотелось, чтобы советские войска подключились к последнему этапу войны, в которой ранее они не участвовали. Без сомнения, Сталин вступал в войну по тем же причинам.

После вступления СССР в войну поражение Японии было предreshено. 10 августа министр иностранных дел С. Того направил через посредничество Швеции и Швейцарии телеграммы с сообщением о согласии Японии принять условия Потсдамской декларации, но с условием сохранения прерогатив императора. Одновременно это сообщение было передано советскому послу в

Токио. 11 августа государственный секретарь США Д. Бирнс от имени союзников дал ответ, в котором указывалось, что с «момента капитуляции власть императора и японского правительства относительно руководства государством будет подчинена Верховному командующему союзных держав, который предпримет такие шаги, которые сочтет необходимыми для осуществления условий капитуляции».

Японская «военщина» сочла эти условия неприемлемыми и настаивала на сопротивлении, чтобы обеспечить «почетные условия» капитуляции. Тогда утром 14 августа было созвано объединенное совещание Высшего совета по руководству войной и кабинета министров с участием императора. Последний заявил о безотлагательном принятии условий капитуляции. Вечером в Швейцарию была направлена телеграмма, в которой правительства США, Великобритании, СССР и Китая уведомялись о принятии Японией условий Потсдамской декларации. Радикальные офицеры ночью 14 августа захватили императорский дворец, чтобы помешать радиопередаче о капитуляции. Не получив поддержки, заговорщики на лужайке возле императорского дворца совершили хакари.

В тот же день, 14 августа 1945 г., в Москве был подписан договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и Китаем, который провозглашал войну против Японии до победного конца, а также послевоенное сотрудничество с Советским Союзом. Дополнительными нотами в связи с договором определялся порядок управления КВЖД, признавался суверенитет Китая над Маньчжурией (после ликвидации в августе 1945 г. Маньчжоу-Го), выражалось согласие Китая на независимость Внутренней Монголии (МНР), если голосование ее населения это подтвердит.

15 августа японский император по радио объявил о капитуляции своей страны. Советское командование официально известило о намерении продолжать активные военные действия до тех пор, пока японцы не начнут складывать оружие. Москва непременно хотела добиться военного разгрома и капитуляции Японии с использованием боевых операций и иных принудительных мер.

Официальное подписание акта безоговорочной капитуляции состоялось 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури». От имени японского императора, правительства и императорского генерального штаба документ подписали министр иностранных дел М. Сигемицу и начальник генерального штаба

генерал И. Умэдзу. От имени союзных наций акт подписал генерал Д. Макартур. Высшее советское командование не было допущено к акту. От Советского Союза его подписал генерал-лейтенант К. Деревянко. Капитуляцией Японии завершилась Вторая мировая война.

Международные отношения в период завершения Второй мировой войны. Вторая мировая война, планировавшаяся агрессорами как ряд малых молниеносных войн, превратилась в глобальный вооруженный конфликт. В нем на различных этапах с обеих сторон одновременно участвовало от 8 до 12,8 млн человек, от 84 до 163 тыс. орудий, от 6,5 до 18,8 тыс. самолетов. Общий театр военных действий в 5,5 раза превышал территории, охваченные Первой мировой войной. Всего же в войну 1939—1945 гг. были втянуты 64 государства с совокупным населением в 1,7 млрд человек. Потери, понесенные в результате войны, поражают своими масштабами. Погибло более 50 млн человек, и если учитывать постоянно уточняющиеся данные по потерям СССР (они колеблются от 21,78 млн до 30 млн), эта цифра не может быть названа окончательной. Только в лагерях смерти уничтожено 11 млн жизней. Экономика большинства воевавших стран была подорвана.

Угрожающее расширение масштабов войны в ее начальный период побудило к консолидации сил против агрессоров. Кардинальное изменение ситуации после нападения Германии на СССР предопределило создание мощной антигитлеровской коалиции, которая повела освободительную войну против нацистской Германии и ее союзников. Коалиция успешно довела до завершения разгром агрессоров, несмотря на разногласия, особенно на последнем этапе Второй мировой войны.

На этом этапе войны нарастали противоречия между СССР и западными демократиями, закладывавшие предпосылки для нового раскола мирового сообщества на враждебные лагеря. Инициатором разногласий выступали главным образом страны Запада. Они с излишней подозрительностью относились к намерениям союзников, особенно при определении сфер интересов в странах Центральной и Восточной Европы. Советский Союз расценил стремление правящих кругов США и Великобритании добиться изменения состава правительств Польши, Болгарии и Румынии, проведения там «подлинно демократических» выборов как намерение привести к власти в этих странах силы, не дружественные СССР, восстановить «санитарный кордон» у его западных границ,

лишить его плодов победы. Одновременно велась борьба за Юго-Восточную Европу.

США и Великобритания стремились обеспечить себе гарантированный доступ на рынки государств Центральной и Восточной Европы, а главное — сохранить свое политическое влияние и геостратегическое положение в послевоенной Европе. Советская сторона пыталась найти компромисс. В. Молотов в беседах один на один с министром иностранных дел Великобритании Э. Бевином и государственным секретарем США Дж. Бирнсом предложил прибегнуть к методу увязок. В частности, предлагалось, чтобы США и Англия определили по своему усмотрению условия мира с Италией в обмен на невмешательство в дела Румынии. Компромисса найти не удалось.

Советское руководство на завершающем этапе войны ориентировалось на сохранение политики взаимодействия с союзниками. Мир был необходим стране, народу, его поддержание не противоречило и интересам режима личной власти Сталина. Советский Союз был обескровлен, но в то же время обладал, вероятно, самой мощной в мире сухопутной армией. Его войска занимали огромную территорию в Европе и Азии. Авторитет Красной Армии, разгромившей главные силы Германии, в глазах народов был высок. Вблизи советских границ не осталось государств, способных серьезно угрожать безопасности СССР.

В сложившейся геополитической ситуации западные союзники допускали, что Советский Союз потенциально способен в соответствии с военно-стратегической доктриной 1930-х гг. создать угрозу новой войны — за мировое господство пролетариата. Поэтому США, обладая ядерным оружием, торопились получить козырь политического и военного давления на СССР. Атомные бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки стали инструментом американской политики. В Вашингтоне и Лондоне склонялись к тому, что любые уступки СССР, поиск компромиссов бессмысленны, поскольку они не только не приведут к существенному улучшению отношений, а лишь поощрят Москву к экспансии. Зарождалась стратегия политического, идеологического, а затем и военного давления на СССР.

Отсутствие взаимного доверия между союзниками ясно показала состоявшаяся после окончания войны в Европе Потсдамская конференция. В последний раз им удалось выработать ряд важных решений о совместной политике в отношении Германии, ме-

ханизмах сотрудничества после войны (СМИД), подготовке мирных договоров, проблемах государств Центральной и Восточной Европы. Одновременно Потсдамская конференция стала предвестником послевоенного противостояния двух международных идеологических и военно-политических лагерей — капиталистического и социалистического.

Итак, на завершающем этапе Второй мировой войны в политике США и Великобритании возросли имперские тенденции. Москва сделала вывод, что Запад не собирается учитывать интересы СССР как члена «Большой тройки» и намерен решать спорные вопросы с позиции силы. Советский Союз рассчитывал, как минимум, на равные геополитические права с США и Великобританией в послевоенном устройстве мира.

Но и у сталинского руководства имелись собственные корыстные расчеты, весьма далекие от провозглашенных им благородных идеалов справедливости. Красная Армия освобождала народные массы Европы от коричневой чумы, а кремлевское руководство стремилось распространить свое преобладающее влияние, а затем и тоталитарный режим на страны Центральной и Юго-Западной Европы. Не случайно на всех конференциях «Большой тройки» речь зачастую шла о размежевании сфер влияния в Европе и Азии, только на сей раз между британо-американским блоком и Советским Союзом. Так, уже в годы войны закладывались основы новой, биполярной системы международных отношений, сложившейся в послевоенные годы.

Военные последствия, поставившие на грань уничтожения цивилизацию, заставили активизироваться ее жизнеспособные силы. Победа над фашизмом упрочила позиции демократии, обеспечила путь к медленному выздоровлению цивилизации. Об этом свидетельствует факт оформления на завершающем этапе войны действительной структуры мирового сообщества — Организации Объединенных Наций, инициировавшей противодействие тоталитарным тенденциям в развитии, имперским амбициям отдельных государств. В послевоенный период этот процесс укрепили акты Нюрнбергского и Токийского международных трибуналов, осудивших фашизм, тоталитаризм, наказавших главарей преступных режимов, а также широкое антивоенное движение, способствовавшее принятию международных пактов о запрете на производство, распространение и применение оружия массового поражения.

Тема 9**БЕЛАРУСЬ****В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ****В 1918–1945 гг.**

Характерной особенностью системы международных отношений в Европе периода 1918–1945 гг. было появление в числе ее участников ряда новых независимых государств, возникших в результате распада Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй. Особенно активно рождение новых государственных образований происходило на территории бывшей Российской империи. В борьбе за независимость участвовали и белорусы. В 1916 г. на первых конференциях представителей народов Российской империи, состоявшихся в Швеции и Швейцарии, белорусские делегаты поставили на повестку дня белорусский вопрос как требование национальной самостоятельности для белорусов и борьбы с их ассимиляцией.

В 1918–1919 гг. белорусский вопрос стал одной из проблем региональной восточно-европейской политики и был «легитимизирован» фактом провозглашения двух белорусских государств — ВНР и БССР. В период послевоенного переустройства Европы Беларусь находилась в эпицентре революционных изменений, военных действий, перекройки границ, оккупации и разделов. Несмотря на то, что ни ВНР, ни БССР не могли активно влиять на процессы, которые происходили на территории Беларуси и вокруг нее, они уже не были пассивными созерцателями и объектами политики других государств. Значительный вклад, прежде всего морально-политический, в борьбу за независимость и территориальную целостность Беларуси внесла дипломатия ВНР. Однако в целом первая попытка выхода Беларуси на международную арену, которая охватывает 1918–1923 гг., оказалась не весьма удачной. Ни ВНР, ни БССР не утвердились в европейском сообществе независимых государств.

С наступлением периода стабилизации международных отношений белорусская проблематика временно исчезла с повестки дня международной политики региона Восточной Европы. Интерес к Беларуси, изменению территориально-политического статуса БССР и Западной Беларуси, входившей в состав Польши,

вновь пробудился у главных политических игроков этого региона в преддверии и в годы Второй мировой войны. Беларусь вновь стала объектом раздела на сферы влияния, перекройки территорий, военных действий и оккупации.

На заключительном этапе войны произошел второй выход белорусского государства (Белорусской ССР) на международную арену. Это нашло выражение в факте включения БССР в число государств — первоначальных членов ООН — и внешнеполитической деятельности республики. Однако и вторая попытка выхода Беларуси на международную арену не завершилась ее утверждением в качестве независимого и суверенного государства. В составе унитарного СССР союзные республики, даже члены ООН, не могли проводить самостоятельной внешней политики. Освобождение от нацистской оккупации и вступление в ООН не принесли независимости, хотя и создали для этого задел на будущее, который удалось реализовать в 1991 г.

Дипломатия Белорусской Народной Республики (ВНР). Провозглашение ВНР. В результате свержения династии Романовых, Февральской и Октябрьской революций 1917 г. на просторах многонациональной Российской империи активизировалось национально-освободительное движение. В этом контексте ускорилась эволюция белорусского движения от общей идеи свободной Беларуси к ее конкретизации в направлении независимого государственного самоопределения.

В декабре 1917 г. в Минске состоялся I Всебелорусский съезд, делегаты которого представляли все слои белорусского общества, разные политические силы и организации. Однако большевистские власти не позволили съезду завершить свою работу. Несмотря на то, что делегаты съезда поддержали идею автономии Беларуси в составе Российской демократической республики, большевики разогнали съезд, как только он принял резолюцию о создании белорусского органа советской власти вместо претендующих на нее чужих комиссаров. После разгона съезда его делегаты организовали Раду (Совет) Всебелорусского съезда и избрали ее исполком. Незаконное насилие, учиненное большевиками над делегатами съезда, привело к тому, что Рада поставила своей задачей подготовку вооруженной борьбы за идеалы белорусской государственности.

Разгон Всебелорусского съезда совпал с началом мирных переговоров в Брест-Литовске между государствами Четвертого со-

юза и Советской Россией. Исполком Всебелорусского съезда направил в Брест-Литовск делегацию в составе А. Цвикевича, С. Рак-Михайловского и И. Середы для защиты прав и интересов Беларуси при подписании мирного договора. Членов этой делегации можно считать первыми дипломатическими представителями Белорусской Народной Республики.

19 января 1918 г. исполком Всебелорусского съезда опубликовал Декларацию Белорусской мирной делегации, которая была направлена в Брест-Литовск. В этом документе излагались основные принципы и направления внешнеполитической деятельности будущей БНР. Некоторые его пункты, касающиеся международной дипломатии и экономической политики, были практически идентичны американской внешнеполитической доктрине, изложенной 8 января 1918 г. в «14 пунктах» президента В. Вильсона.

В первом пункте декларации говорилось, что вся Беларусь в своих этнографических границах является единой и неделимой и входит как равноправная автономная часть в Российскую Федеративную Демократическую Республику. Национальным меньшинствам, проживающим на территории Беларуси, гарантировалась национально-персональная автономия. В целях сохранения целостности Беларуси предполагалось скорейшее воссоединение ее оккупированных частей и их освобождение от оккупационных войск. Для оказания помощи Беларуси в восстановлении ее экономики воюющим государствам предлагалось создать международный фонд, за счет которого на родину должны были быть возвращены беженцы и возмещены убытки населению. После репатриации беженцев намечалось провести свободное голосование взрослого населения Беларуси по вопросу государственной принадлежности.

В основу всеобщего демократического мира декларация предлагала положить мир без аннексий и контрибуций и принцип самоопределения народов. Вопрос о судьбе оккупированных территорий различных государств должен был решаться путем свободного голосования населения, после возвращения беженцев и вывода оккупационных войск. Во всеобщей мирной конференции должны были участвовать представители всех нейтральных государств и народов, не имеющих государственной независимости, но желающих осуществить свое право на самоопределение. Народ, считавший свои интересы нарушенными, имел право требовать пересмотра мирного договора.

После подписания мирного договора в воевавших государствах постепенно проводилось всеобщее разоружение и переход к системе милиции. Аннулировались все тайные договоры, заключенные в годы мировой войны, и упразднялась тайная дипломатия. Декларация предусматривала учреждение международной организации по охране мира — Лиги народов, введение обязательного международного арбитража, упразднение национальных и религиозных ограничений во всех странах, свободу иммиграции и эмиграции, персональную автономию для национальных меньшинств.

Особый раздел декларации посвящался международным отношениям в экономической сфере. Экономические договоры, заключенные между двумя или несколькими государствами, не должны были допускать экономической блокады какого-либо государства. Они призваны были обеспечивать свободу торговли, отмену таможенных пошлин, право наибольшего благоприятствования в экономических отношениях для заключивших их государств.

Полномочия белорусских представителей не были признаны делегациями, которые вели переговоры в Брест-Литовске. Однако белорусские представители получили статус советников делегации Украинской Народной Республики (УНР), которая была официально допущена на переговоры. Белорусская делегация встретилась с членами германской делегации и передала им меморандум, в котором говорилось о создании целостного белорусского государства в его этнографических и исторических границах. В документе выражался протест против условий мирного договора, по которым часть белорусских территорий отходила к Германии, а также против того, что договор не предусматривал выплату компенсации белорусскому населению за ущерб, причиненный в ходе войны.

21 февраля 1918 г. в связи с эвакуацией из Минска в Смоленск Облисполкомзапа Исполком Рады Всебелорусского съезда издал «Першую Устауную грамату да народау Беларусь. В ней объявлялось о создании временного правительства Беларуси — Народного секретариата. Главой правительства стал один из лидеров Белорусской социалистической громады И. Я. Воронко. Он же возглавил и первое правительство БНР, созданное после принятия Третьей Уставной грамоты, заняв в нем также пост министра (народного секретаря) иностранных дел. 9 марта 1918 г. Исполком Рады Всебелорусского съезда принял Вторую Уставную грамоту, которая провозглашала Белорусскую Народную Республику в границах расселения и численного перевеса белорусского населения.

19 марта 1918 г. Исполком Рады Всебелорусского съезда был переименован в Раду БНР. Ход мирных переговоров в Брест-Литовске и результаты переговоров радикализировали позицию сторонников независимости. 25 марта 1918 г. Рада БНР приняла Третью Уставную грамоту, которая провозгласила независимость нового государства — Белорусской Народной Республики. В тексте этого документа говорилось: «Год назад народы Беларусі разам з народам! Расіі скнулі яро расшскага царызму, яш найцяжэй прышснну быу Беларусь; не пытаючыся народу, ён кшуу наш край у пажар вайны, якая чыста зруйнавала гарады і вёскі беларусыя. Цяпер мы, Рада Беларускай Народнай Рэспублікі, сьюдаем з роднага краю апошнія яро дзяржаўнай залежнасьць, якое гвалтам нахнулі расейскія цары на наш вольны і незалежны край. Ад гэтага часу Беларускай Народнай Рэспубліка абвешчаецца незалежнай і вольнай дзяржавай...»

Грамота заявляла о том, что старые государственные связи теряют свою силу, так как именно они позволили чужому правительству (имелось в виду правительство РСФСР) заключить в Бресте грабительский для Беларуси мир, разделивший ее на части. Поэтому правительство БНР будет стремиться установить отношения с заинтересованными государствами с целью пересмотра той части Брестского мирного договора, которая касается Беларуси, и подписать мирный договор со всеми воевавшими государствами. Заявлялось также о том, что народы Беларуси путем созыва Учредительного сейма сами решат вопрос о будущей государственности.

В Третьей Уставной грамоте Рады БНР говорилось, что территория БНР должна охватить все земли, на которых преобладало белорусское население: Могилевщину, белорусские части Минщины, Гродненщины (включая Гродно, Белосток и др.), Виленщину, Витебщину, Смоленщину, Черниговщину и пограничные части соседних губерний, заселенные белорусами.

3 марта 1918 г. в Бресте между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Советской Россией — с другой, был подписан мирный договор на условиях, продиктованных Германией. Территория Беларуси была разделена по линии Двинск — Свентяны — Лида — Пружаны — Брест. Западная часть Беларуси — Гродненская губерния и часть Виленской губернии с Вильно — включалась в состав Германии. Данная территория получила название Восточной Пруссии, а населявшие ее жители становилось подданными Германии. Территория на запад

от линии Рига — Двинск — Свентяны — Лида — Пружаны отходила к Литве. Центральная часть — Минская губерния, часть Витебской и Могилевской губерний — объявлялась временно оккупированной территорией. Восточные районы Беларуси оставались в составе РСФСР, а десять уездов Гродненщины, Могилевщины, Минщины и Черниговщины отходили к Украинской Народной Республике в соответствии с мирным договором между УНР и государствами Четвертого союза.

Внешнеполитические цели и задачи БНР. Во внешнеполитической деятельности главными задачами правительства БНР были: признание независимости Беларуси зарубежными государствами, установление дипломатических отношений с соседними государствами и решение вопроса о границах. Помимо этого дипломатия БНР занималась возвращением на родину беженцев из России, Украины, Северного Кавказа и других государств и регионов, получением денежных займов у правительств УНР, Юго-Восточного союза и других государств, установлением торгово-экономических отношений с соседними государствами.

В 1918 г. внешнеполитическими приоритетами БНР были отношения с Германией, Советской Россией, Украиной и Литвой. В радиотелеграмме, отправленной 18 апреля 1918 г., глава делегации БНР по внешним переговорам А. Цвикевич сообщал правительствам всех европейских государств, в том числе Советской России, о провозглашении независимости БНР, основных принципах ее государственного строительства, территории и государственных границах. В телеграмме говорилось, что БНР не может признать Брестский мир, поскольку он нарушает территориальную целостность Беларуси, и выражалось стремление вступить в переговоры о дружественных отношениях и государственных границах с соседними и другими европейскими государствами.

Одной из первоочередных задач правительства БНР было определение границ провозглашенного государства и их последующее международно-правовое признание путем заключения с соседними странами договоров о государственных границах. Этой важной работой занимались созданные вскоре после провозглашения независимости БНР Стратегическая комиссия при Раде БНР и Комиссия по международным делам при Народном секретариате.

В декларации Народного секретариата БНР от 21 мая 1918 г. отмечалось, что границы Беларуси следует проводить по национальному принципу, учитывая также исторические, географические и экономические моменты. В частности, в этом документе говорилось:

«Опираясь на эти условия, мы должны добиться границы нашей с Литвой по Виленщине и Гродненщине, с Украиной по Гомельщине, Минщине, Полесью и Черниговщине». Решать сложные вопросы, связанные с установлением государственных границ со своими соседями, правительство БНР собиралось путем взаимного согласия, для чего предлагало провести соответствующие переговоры с Литвой и Украиной. Что касалось границы с Польшей, то БНР считала, что этой границей должна была стать старая граница Польского королевства с Гродненской губернией. По мнению правительства БНР, поскольку поляки этот факт признали, то между Беларусью и Польшей в этом вопросе никакого спора быть не может.

Вопрос о границах являлся для Рады и правительства БНР одним из самых сложных. Все соседние государства имели территориальные претензии к БНР и стремились расширить свои пространственные пределы за счет присоединения белорусских земель. При этом, если Германия, Литва, Латвия и Украина претендовали на определенные части территории Беларуси, которые они считали своими, то Советская Россия и Польша рассчитывали при благоприятных обстоятельствах полностью завладеть территорией провозглашенного государства и таким образом решить для себя белорусский вопрос.

В числе первых с территориальными претензиями на белорусские земли выступили польские политические круги, которые стремились расширить границы будущего Польского государства на восток от линии, установленной Брестским мирным договором. В марте 1918 г. в Берлине на неофициальной встрече представителей польских правительственных кругов и депутатов рейхстага обсуждался вопрос о передаче Польше Минской, Гродненской и Белостокской губерний в качестве компенсации за отказ от претензий на познанские земли. Виленская Белорусская Рада выразила решительный протест из-за возможного раздела белорусских земель и самой идеи компенсации Польше белорусскими территориями. Она заявила, что Гродненская, большая часть Виленской губерний и Августовский уезд Сувалковской губернии населены в основном белорусами.

В марте и августе 1918 г. главы Рады и правительства БНР дважды направляли немецкому канцлеру Г. Гертлину телеграммы, в которых выражали протест по поводу планируемого отторжения части территории Беларуси с целью увеличения территории польского государства и высказывали надежду, что Германия не допустит попрания национальных прав Беларуси.

Вскоре после провозглашения независимости в руководстве БНР обнаружили тенденции к «федерализации». Белорусская дипломатическая миссия в Киеве признала невозможным в ближайшем будущем существование Беларуси в изолированной самостоятельной форме и высказалась за необходимость федерации с одним из соседних государств. Невозможность самостоятельно существования Беларуси мотивировалась экономической зависимостью от более сильных соседей и отсутствием у Беларуси выхода к морю. Члены дипломатической миссии на Украине считали, что у белорусского государства есть две возможности выхода из сложившейся ситуации — федерация с Украиной или федерация с Литвой, опирающейся на Германию и связанной с ней государственными конвенциями.

Сторонники федерации с Литвой апеллировали к слабости Литвы в культурном и экономическом отношениях, что исключало возможность порабощения Беларуси Литвой, и к возможности сохранения за Беларусью западных и северо-западных областей, переданных Литве по Брестскому миру. Сторонники федерации с Украиной обосновывали свой выбор возможностью получения от южной соседки необходимых товаров и продовольствия, родством вступавших в федерацию народов и получением выхода к Черному морю. Однако, учитывая всю важность вопроса о вступлении в федерацию с иностранными государствами и сильный разброс в позициях разных политических сил, Рада и правительство БНР решили отложить решение этого вопроса до созыва Учредительного сейма.

Борьба правительства БНР за независимость и неделимость Беларуси в ее исторических и этнографических границах уже в 1918 г. принесла результаты. Соседние государства, претендующие на белорусские земли, были поставлены перед тем фактом, что на этнической белорусской территории провозглашено государство, имеющее наибольшие исторические, правовые и иные основания считать эти земли своими, т. е. белорусскими. Провозглашение БНР и ее внешнеполитическую деятельность не могли проигнорировать большевики, которые вынуждены были в ответ на это провозгласить белорусскую государственность на советской основе. Следует отметить, что границы ССРБ, установленные Северо-Западной областной конференцией РСДРП в декабре 1918 г., практически совпадали с этническими границами Беларуси, обозначенными в Третьей Уставной грамоте Рады БНР.

Отношения с Украинской Народной Республикой. В течение 1918 г. правительство БНР вело переговоры с правительством УНР по вопросу установления государственной границы между Украиной и Беларусью. С этой целью была создана совместная белорусско-украинская комиссия. Стратегической комиссией и Комиссией международных дел БНР были разработаны предложения о белорусско-украинской и белорусско-российской границах, которые должны были проходить по территории Черниговской, Калужской, Смоленской, Тверской и Псковской губерний. Подробное описание границ БНР было направлено правительствам Германии, Украины, РСФСР и Латвии.

Делегация БНР в Киеве 28 апреля 1918 г. представила украинской стороне проект Прелиминарного договора между УНР и БНР по вопросу о государственных границах. В преамбуле обращалось внимание на невозможность быстрого решения этого вопроса ввиду предстоящих переговоров с РСФСР и желательность согласованного выступления Беларуси и Украины на мирных переговорах с правительством Советской России. Проект договора предусматривал установление границы между УНР и БНР по обоюдному соглашению и без участия третьей стороны. Белорусское правительство обязалось изыскать пути к удовлетворению насущных потребностей Украины в определении ее границ. В свою очередь, правительство УНР обязалось оказать дружественную поддержку правительству БНР в его переговорах с «Великороссией о признании независимости БНР и в вопросе о проведении белорусско-великорусской границы».

В соответствии с подготовленным в августе 1918 г. проектом мирного договора между РСФСР и УНР к Украине отходили Пинский, Мозырский, Речицкий уезды Минской губернии, Гомельский уезд Могилевской губернии с рекой Припять и железнодорожной линией Пинск — Гомель, Мглинский, Суражский, Стародубский, Новозыбковский и часть Городянского уезда Черниговской губернии. Проект российско-украинского договора вызвал резкий протест со стороны белорусской миссии в Киеве. Следует отметить, что территориальные устремления Украины в отношении Беларуси поддерживались правительством Германии, имевшей планы присоединить Белосточчину к Германии, а Гродненщину и Виленщину отдать Литве.

Министру иностранных дел УНР была направлена официальная нота дипломатической миссии БНР в Киеве, в которой выра-

жалась уверенность, что Украина как дружественное Беларуси государство не допустит решения вопроса о границе без непосредственного участия белорусской делегации. Правительство БНР выступало за установление государственных границ между БНР, УНР и Советской Россией по этнографическому принципу. Дипломатическая миссия БНР в Киеве протестовала также против «украинизации» южных белорусских поветов.

В ходе переговоров с УНР белорусское правительство стремилось добиться признания БНР и установить с Украиной торгово-экономические отношения. Вопрос о границах решено было отложить до лучших времен. В вопросе признания правительство БНР достигло успеха. Украинская Народная Республика была первым государством, которое признало БНР 24 апреля 1918 г. Между БНР и УНР были установлены дипломатические отношения, состоялся обмен дипломатическими представительствами.

В апреле 1918 г. на Украину была направлена Чрезвычайная делегация правительства ВНР под руководством А. Цвикевича, которая образовала в Киеве белорусскую миссию. В компетенцию дипломатических представителей БНР входило решение вопроса о предоставлении займа для Беларуси и возобновлении товарного обмена между двумя странами. Правительство УНР предоставило правительству БНР денежный заем, который, однако, удалось получить только частично, поскольку после захвата Украины Советской Россией средства УНР в германских банках были арестованы. В апреле 1918 г. в Киеве была также открыта Белорусская торговая палата, которая действовала до апреля 1919 г. В июле 1918 г. ее глава М. Довнар-Запольский подписал с представителями УНР торговое соглашение.

В августе 1919 г. был разработан проект секретного договора между БНР и УНР, который предусматривал создание белорусско-украинской федерации. Предусматривалось проведение согласованной внешней политики в установлении контактов между дипломатическими представительствами БНР и УНР, создание военного союза для обороны территории двух стран, в первую очередь для их освобождения от «большевистской оккупации», установление границы по этнографическому принципу с экономическими поправками, принятие торговой конвенции.

Ставка на Германию. Руководители БНР искали поддержки и у Германии, которая признала независимость УНР и заключила с ней мирный договор, поддерживала антибольшевистские правительства на Кавказе и Литовскую Тарибу. Германская политика в

отношении национальных регионов бывшей Российской империи порождала надежды у лидеров БНР на то, что и в отношении Беларуси она будет такой же. Весной 1918 г. деятели БНР стали предпринимать попытки нормализации отношений с Германией с тем, чтобы добиться ее поддержки в строительстве независимого белорусского государства. Работа велась по двум направлениям: развитие отношений с правительственными учреждениями в Берлине и с германскими военными кругами на Восточном фронте.

10 марта 1918 г., на следующий день после принятия Второй Уставной грамоты, правительство БНР известило правительство Германии о провозглашении БНР. 5 апреля 1918 г. правительство БНР обратилось к германскому канцлеру с просьбой об официальном признании независимости Беларуси. Однако Германия отказалась признать независимость провозглашенного белорусского государства. В ответ на Вторую и Третью Уставные грамоты рейхсканцлер уведомил Народный секретариат, что Берлин рассматривает Беларусь как часть Советской России и по условиям Брестского мира не может без согласия правительства РСФСР признать новые государства, возникшие на территории бывшей Российской империи.

Не получив ожидаемой поддержки со стороны правительства Германии, руководители БНР решили обратиться непосредственно к кайзеру Вильгельму II. Возможно, к этому их подтолкнул его рескрипт от 23 марта 1918 г. о признании независимости Литовской Республики. 25 апреля 1918 г. на закрытом заседании Рады после горячей дискуссии большинством голосов был принят текст телеграммы германскому императору. В тот же день она была отправлена в Берлин. Рада БНР выражала благодарность за «вызваленне Беларусі нямецшмі войскам! з цяжкага ушску, чужога пануючага здэку і анархіі» и просила кайзера закрепить усилия Рады БНР «дзеля умацавання дзяржаўнае незалежнасці і непадзельнасці краю у сувязі з Германскай Імперыяй». Однако этот вынужденный шаг не достиг ожидаемого результата. Ответа из Берлина не последовало. Зато верноподданническая телеграмма привела к отставке первого Народного секретариата и расколу Рады.

В тот же день, 25 апреля 1918 г., делегация БНР в Киеве вручила послу Германии при правительстве УНР мемориал по белорусскому вопросу. В документе предлагалось признать независимость БНР и содействовать сохранению территориальной целостности белорусского государства, выражалась готовность на установление конструктивных отношений с немецкими оккупацион-

ными властями. Правительство БНР пыталось убедить Германию в том, что той не выгодно ни сильная Украина, ни сильная Польша, и одновременно заинтересовать Берлин Беларусью как буфером между Польшей и Россией. Оно настаивало на том, что этнографическая Беларусь, которая исконно тяготела к Западу, не даст возможности стать сильными государствами ни Польше, ни России. Белорусские дипломаты стремились убедить посла Германии в необходимости признания БНР, облегчить условия оккупации и нормализовать отношение оккупационных военных властей к правительству и Раде БНР, а также заинтересовать Германию белорусским рынком.

В отличие от политиков в Берлине представители германского военного командования на Восточном фронте проявляли больший интерес к белорусскому вопросу. Передислоцировавшийся в мае в Минск штаб германской 10-й армии расширил права Рады и Народного секретариата. Командующий 10-й армией генерал Э. фон Фалькенган предоставил Раде право иметь при немецких комендантах своих советников, право свободного передвижения и участия в решении всех хозяйственных, культурно-просветительских и профессиональных вопросов вместе с оккупационными властями. Немцы передали в компетенцию органов БНР торговлю, промышленность, социальное обеспечение, разрешили их деятельность в сфере международной политики. Немецкая военная администрация полагала, что эта «дзяржаўная праца» не выходит за рамки норм, закрепленных в конвенциях и правилах войны.

27 августа 1918 г. между Советской Россией и Германией был подписан Добавочный договор, по которому германская армия освобождала белорусскую территорию восточнее реки Березины. При этом Германия обязалась не вмешиваться в отношения между РСФСР и новыми республиками, возникшими на территории бывшей Российской империи, и не поддерживать образование новых государств на этой территории. Рада БНР выразила протест против условий этого договора, но ее протест был проигнорирован немцами.

В октябре 1918 г. Берлин посетила делегация БНР с целью добиться от нового германского правительства официального признания независимости Беларуси, предоставления правительству БНР функций государственного строительства и управления и военной помощи в организации самообороны. Однако новый глава правительства Германии Макс Баденский отказался принять белорусскую делегацию.

После Ноябрьской революции в Германии и завершения Первой мировой войны немецкие войска по требованию Антанты покинули территорию Литвы и Беларуси. Вместо них территорию Западной Беларуси заняли польские войска. Одновременное наступление со стороны Красной Армии и польских войск вынудило руководство БНР в декабре 1918 г. покинуть пределы Беларуси и перейти на положение правительства в изгнании. Одним из важнейших центров белорусской политической эмиграции стала Германия.

В марте 1919 г. в Берлин прибыл А. Луцкевич, возглавивший правительство БНР в октябре 1918 г. В столице Германии была создана чрезвычайная дипломатическая миссия БНР, ставшая первым дипломатическим представительством республики за пределами бывшей Российской империи. Дипломатическая миссия БНР была зарегистрирована немецкими властями, ее сотрудники обеспечены продовольственными карточками. В Берлине была основана Белорусская служба печати и телеграфной информации (Белорусское пресс-бюро).

В 1920 г. деятели БНР пытались заручиться поддержкой Германии, рассматривая ее как страну, способную составить противовес «империалистическим устремлениям» Польши и РСФСР. В июле 1920 г. правительство БНР направило в Берлин И. Воронко с полномочиями Чрезвычайного и Полномочного посла БНР в Германии. Ему было поручено добиваться признания правительством Германии независимости и суверенности Беларуси, просить ее поддержки в отношении вывода с территории Беларуси всех оккупационных войск, прозондировать возможности налаживания немецко-белорусского товарообмена и предоставления Германией денежной ссуды для БНР.

Однако немецкое правительство отказалось признавать независимость Беларуси, поскольку ее территория была оккупирована поляками и большевиками, а правительство БНР никем не было признано. Берлин, связанный условиями Версальского мирного договора, также не мог признать БНР де-юре прежде, чем это сделали бы страны Антанты. Вместе с тем, как отмечал министр иностранных дел Германии В. Симоне в инструкции немецким дипломатическим представителям от 4 ноября 1920 г., Германия признавала БНР де-факто.

Переговоры с РСФСР. Понимая, что будущее белорусской государственности в значительной степени зависит от Советской

России, правительство БНР неоднократно делало попытки установить с ней дипломатические отношения и заключить договоры о признании независимости и государственных границах. 25 марта 1918 г. главой делегации БНР по внешним переговорам в Киеве и Москве был назначен А. Цвикевич. Делегация получила полномочия вести переговоры и подписывать договоры о границах между Беларусью и Россией; о белорусско-российском почтовом, дорожном, тарифном, таможенном урегулировании. С августа 1918 г. А. Цвикевич исполнял обязанности представителя чрезвычайной миссии БНР в Москве.

В мае 1918 г. он, как руководитель делегации БНР по внешним переговорам, обратился к представителю РСФСР на Украине Х. Раковскому с заявлением о признании Второй и Третьей Уставных грамот и с просьбой о направлении во все европейские государства радиотелеграммы о провозглашении независимости БНР, а также с предложением о заключении между БНР и РСФСР договора о признании и государственных границах. А. Цвикевич на встрече с Х. Раковским выразил стремление правительства БНР установить тесные отношения с советским правительством и просил советскую делегацию поддержать Беларусь в споре о границах с Украиной.

В Москве было открыто генеральное консульство БНР. 30 мая 1918 г. Народный секретариат назначил генеральным консулом А. Бурбиса, который имел полномочия дипломатического представителя при правительстве и наркомате иностранных дел РСФСР. Он был уполномочен заключать с РСФСР соглашения о возобновлении товарообмена, налаживании железнодорожного сообщения, почтовой и телеграфной связи. Учитывая непростую внутриполитическую обстановку в условиях оккупации, Народный секретариат предписал своему дипломатическому представителю работать в контакте с германским послом в Москве В. Мирбахом.

В сентябре 1918 г. в ходе официального визита в Киев чрезвычайной правительственной делегации БНР во главе с А. Луцкевичем состоялись его переговоры с Х. Раковским, на которых обсуждался вопрос о границах и возможность федерации БНР с Советской Россией. Делегация БНР также вручила представителю СНК декларацию протеста Рады БНР по поводу заключения между Россией и Германией Добавочного договора. Х. Раковский пригласил А. Луцкевича посетить Москву. Зная официальную версию Германии не признавать независимость БНР без предварительного решения этого вопроса Советской Россией, глава бело-

русской делегации высказался за необходимость поездки в Москву. Путем компромисса с РСФСР А. Луцкевич надеялся сохранить целостность белорусского государства.

Приближение большевистских войск к Минску Рада пыталась использовать для активизации контактов с советским правительством. Чтобы показать свою лояльность к Советской России, Рада в сентябре 1918 г. сформировала однородное социалистическое правительство во главе с лидером социал-демократической партии А. Луцкевичем. В ноябре 1918 г. он по приглашению Советского правительства посетил Москву. По некоторым данным, состоялась его встреча с В. Лениным. На переговорах с представителями правительства РСФСР обсуждались вопросы провозглашения белорусского государства на советской основе и включения в состав белорусского советского правительства представителей социал-демократов. А. Луцкевич выразил согласие на федерацию БНР с Советской Россией при условии сохранения независимости Беларуси. Была достигнута договоренность о продолжении переговоров после вывода из Минска немецких войск. Однако после занятия значительной части Беларуси частями Красной Армии и провозглашения ССРБ интерес ленинского правительства к переговорам и контактам с правительством БНР исчез.

Контакты возобновились весной — летом 1920 г. в связи с польско-советской войной. По поручению президиума Рады и правительства БНР представитель Белорусской партии социалистов-революционеров П. Бодунова провела переговоры с представителями ЦК РКП(б) и ВЦИК «о признании полной государственной независимости и суверенности Беларуси в ее этнографических границах». В Москве она поставила перед советскими представителями шесть вопросов: признание полной независимости БНР; помощь в организации белорусской армии; признание правительства В. Ластовского; широкая материальная помощь белорусским организациям и правительству; освобождение из тюрем белорусских эсеров и других политических деятелей; повсеместная и широкая культурно-просветительская работа в Восточной Беларуси.

Советское правительство в ответ заявило, что в принципе оно за признание независимости всех самоопределившихся народов, в том числе и Беларуси, если ее народ этого пожелает. Было сказано, что для Советской России было бы лучше граничить на Западе с независимой Беларусью, чем с Польшей. Не возражало ленинское правительство в принципе против постановки вопроса о при-

знании правительства В. Ластовского. П. Бодуновой также обещали положительно рассмотреть дела белорусских деятелей и способствовать культурно-просветительской работе в Восточной Беларуси.

Правительство В. Ластовского предприняло еще одну попытку наладить отношения с СНК РСФСР. В результате предварительных переговоров с наркомом иностранных дел Г. Чичериным 3 июля 1920 г. в Москву приехали представители правительства БНР. Им было поручено провести переговоры с представителями Советского правительства о признании БНР. Однако 12 июля 1920 г. был подписан советско-литовский мирный договор, по которому РСФСР признавала независимость Литвы. По этому договору часть белорусских территорий отходила к Литве. Руководство БНР направило правительству РСФСР ноту протеста, которая осталась без ответа. В августе 1920 г. глава Народной Рады П. Кречевский направил СНК РСФСР ноту, в которой говорилось о необходимости участия делегации БНР в советско-польских мирных переговорах. Однако и она была проигнорирована Советским правительством. РСФСР официально не признавала БНР, хотя и вела с правительством БНР переговоры, что свидетельствовало о его признании Москвой де-факто.

Проблема международного признания БНР. После провозглашения независимости руководство БНР предпринимало усилия, направленные на международное признание белорусского государства. Правительство БНР направило делегации в Киев, Москву, Берлин, Копенгаген, Берн, Варшаву, Швейцарию и США. В письме президенту В. Вильсону подчеркивалось, что единственным спасением от продвижения большевистской революции на Запад может стать признание независимости БНР. Однако правительства государств Западной Европы и США считали, что признание БНР способствовало бы упрочению положения РСФСР, поскольку лишало эти государства возможности иметь непосредственную границу с Советской Россией. Поэтому к просьбам БНР, как и других новопровозглашенных государств на территории бывшей Российской империи, они отнеслись весьма сдержанно.

16 июня 1918 г. А. Цвикевич от имени правительства БНР вручил дипломатическому представителю США ноту о государственной независимости Беларуси. Ему было поручено вступить с правительством США или его представителями в переговоры относительно признания БНР. Такие же полномочия глава делегации БНР получил относительно представителей правительств

Французской республики и Британской империи. Правительство БНР не теряло надежды на помощь Германии в поддержке государственного строительства Беларуси. В октябре 1918 г. были направлены ноты главе рейхстага и канцлеру Германии с целью добиться признания независимости Белорусской Народной Республики.

Осенью 1918 г. правительство БНР обратилось к правительству Австрийской империи с просьбой о признании Беларуси «самостоятельной республикой, окончательно отделившейся от России». В обращении говорилось о необходимости сохранить Беларусь в естественных исторических, этнографических и экономических границах, приводились исторические факты, доказывающие право белорусского народа на собственную независимость, выражалась надежда на установление добрых союзнических отношений с Австрией.

8 декабря 1918 г. правительственная делегация БНР прибыла на совещание в г. Яссы, где присутствовали представители США, Англии, Франции. Делегации было поручено ознакомить союзников с белорусским вопросом и стремлением белорусского народа к независимости, для чего был подготовлен меморандум об историческом развитии белорусского народа и карта этнографических границ Беларуси.

В борьбе за международное признание БНР не удалось достичь значительных успехов, однако несколько новых независимых государств, возникших в Европе после окончания Первой мировой войны, де-юре признали провозглашенное белорусское государство и установили с ним дипломатические отношения. Это были УНР, Финляндия, Чехословакия, Латвия, Литва, Эстония. Отношения де-факто БНР поддерживала с Советской Россией, Польшей, Германией, Болгарией, Турцией.

Главным препятствием в вопросе признания БНР зарубежные правительства считали нестабильность ситуации на территории бывшей Российской империи и отсутствие у правительства БНР контроля над территорией Беларуси. В частности, министр иностранных дел Дании в связи с обращением правительства БНР о признании высказал сочувствие белорусскому делу, однако отрицательно ответил на просьбу, подчеркнув, что вопрос о признании может быть поставлен только после того, как международное положение БНР окончательно определится, в частности, после «признания белорусского правительства странами Антанты». Копенга-

ген запретил открытие консульства БНР в Дании из-за «отсутствия территории у белорусского правительства».

Председатель правительства А. Луцкевич писал председателю Рады БНР И. Лесику 29 октября 1919 г., что страны Европы много обещают, но не торопятся реализовывать свои обещания. Западные государства не признали независимость Беларуси и не оказывали ей реальной помощи. Франция, Бельгия, Англия, США много раз обещали подписать с БНР торговые соглашения, однако ни одного соглашения так и не было заключено. А. Луцкевич с горечью отмечал, что БНР не имеет территории, столицы, государственного аппарата, армии, финансов, что отрицательно сказывается на решении вопроса о признании и эффективности дипломатии БНР.

В 1918 г. началось формирование сети постоянных представительств БНР за границей. Летом 1918 г. были установлены консульские отношения с правительствами УНР, Дона, Северного Кавказа, Литвы, Латвии, Чехословакии и РСФСР. В 1918—1921 гг. дипломатические представительства БНР действовали в Болгарии (консульское отделение в Софии), Германии (миссия и консульство в Берлине), Грузии (миссия в Тбилиси), Дании (консульство в Копенгагене), Латвии (военно-дипломатическая миссия и консульство в Риге), Литве (дипломатическая миссия и консульство в Ковно), РСФСР (консульство в Москве), Турции (консульство в Стамбуле), Украине (миссия, консульство и торгово-промышленная палата в Киеве), Финляндии (миссия в Хельсинки), Франции (миссия в Париже), Чехословакии (миссия и консульство в Праге), Эстонии (паспортный отдел Рижской военно-дипломатической миссии в Таллине), Югославии (консульское отделение в Белграде).

Основными задачами представительств БНР являлось информирование общественности в странах пребывания о положении и проблемах Беларуси, обеспечение моральной, материальной и финансовой поддержки борьбы за независимость и неделимость Беларуси, организация белорусов за пределами этнической родины, защита прав белорусов за рубежом, налаживание экономических и культурных связей Беларуси с зарубежными государствами.

Одной из форм международной деятельности БНР за границей было создание информационных, или пресс-бюро, при дипломатических представительствах, военно-дипломатических миссиях и других представительствах за рубежом. Основной целью этих учреждений была работа по информированию мирового сообщества о Беларуси, состоянии белорусского вопроса и деятельности

правительства БНР. Первое пресс-бюро было открыто при Чрезвычайной миссии БНР в Берлине в 1919 г. Оно издавало специальный бюллетень на белорусском и немецком языках. В том же году пресс-бюро было открыто при военно-дипломатической миссии БНР в Риге. Аналогичные информационные отделы при дипломатических представительствах были открыты в Ковно и Копенгагене.

Формы международной деятельности БНР совершенствовались. Если в 1918 г. это были в основном чрезвычайные делегации и дипломатические миссии, то в 1919—1920 гг. БНР имела в ряде стран действующие дипломатические представительства. Значительно увеличилось количество консульских учреждений за границей, появились военно-дипломатические миссии, информационные бюро. Из-за нехватки квалифицированных кадров правительство БНР направляло за границу чрезвычайные миссии с конкретными поручениями и на небольшой срок. Часто белорусские дипломаты представляли интересы БНР сразу в нескольких странах. Например, И. Воронко был уполномочен в июле 1918 г. представлять БНР одновременно в Литве, Молдове, Грузии, Украине и государственных образованиях на юге России (Дон, Кубань и др.).

Участие делегации БНР в Парижской мирной конференции. 22 января 1919 г. Совет Народных Министров БНР обратился к председателю Парижской мирной конференции с меморандумом, в котором призвал этот международный форум поддержать законное желание белорусского народа получить государственную независимость и допустить на конференцию делегатов БНР. В период с января по май 1919 г. интересы Беларуси на конференции представлял Д. Семашко, входивший в состав делегации Литвы. В условиях охлаждения белорусско-литовских отношений на конференцию была направлена самостоятельная белорусская делегация, которую в июне 1919 г. возглавил руководитель правительства БНР А. Луцкевич. Делегация представила конференции вышеупомянутый меморандум и карту с этнографическими границами Беларуси. «Справа 12-мигьённага Беларускага народу, зуслм ясна выя-**Biyinara** свае жаданне незалежнасць, не можа быць аддана на развязку Маскоўскаму ураду, не можа лчыцца унутранай справай Расіі», — говорилось в меморандуме. Правительство БНР обратилось к конференции «развязаць беларускае пытанне ва усёй яго шырыш і даць Беларускаму народу помач у яго дзяржаўным будаўніцтве у этнаграфічных межах».

Однако попытки добиться признания БНР и решить на конференции «белорусский вопрос» завершились неудачей. Белорусская делегация, как и ряд других делегаций новопровозглашенных государств, не получила разрешения участвовать в работе руководящих органов конференции. Французские дипломаты в беседе с А. Луцкевичем прямо заявили: «Калі б Вы мелі хаця б кавалак зямлі, дзе был б гаспадарамі, пытанне аб прызнанні незалежнасці БНР было б вырашана станоуча, і Вы атрымалі б дапамогу». Еще до приезда белорусской делегации в Париж восточно-европейские земли были разделены Антантой на зоны влияния Англии и Франции. Беларусь вместе с Польшей отошла в зону влияния Франции.

А. Луцкевич в Париже встречался с представителями других делегаций, военно-политических и экономических кругов западных стран. Белорусская делегация прилагала значительные усилия, чтобы заинтересовать великие державы возможностями белорусской экономики и перспективами иностранных капиталовложений. Делегация настойчиво добивалась организации белорусской армии из бывших военнослужащих белорусов, оказавшихся во Франции и Африке. В июне 1919 г. А. Луцкевич заключил с представителями правительства Франции торговое соглашение, которое, однако, не вошло в силу.

Представители БНР участвовали в совместных акциях делегаций новых государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи. В июне 1919 г. делегации семи республик: БНР, УНР, Латвии, Эстонии, Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа — обратились к конференции с просьбой незамедлительно признать их независимость, однако это обращение было проигнорировано руководителями конференции. Делегация БНР установила отношения с кругами, представлявшими бывшую Российскую империю. Бывший министр иностранных дел России Б. Сазонов официально заявил английской прессе об автономии Беларуси в составе России. Российская делегация выражала готовность поддержать самостоятельность Беларуси, выступала против ее раздела между Польшей и Советской Россией. Естественно, что все эти заявления не были бескорыстными: представители белого движения искали возможность использовать белорусов в вооруженном выступлении против Советской России. Российские монархические круги твердо стояли на почве сохранения «единой и неделимой России».

Белорусская проблематика рассматривалась на конференции в контексте русского и польского вопросов. Делегация БНР подготовила протест против антибелорусской политики поляков и послала его в Палату депутатов, сенат Франции, всем делегациям-участникам мирной конференции, английскому премьер-министру Д. Ллойд-Джорджу. Однако, стремясь использовать Польшу в борьбе против РСФСР, конференция оставила нерешенным вопрос о восточной границе Польши. В декабре 1919 г. Верховный совет Антанты утвердил временную линию восточной границы Польши (так называемая «линия Камбона», которая с июля 1920 г. стала называться «линией Керзона»). В основу этой пограничной линии был положен этнографический принцип.

На мирной конференции делегация БНР столкнулась с противодействием литовской делегации, которая отказалась от совместных действий, выступила против обсуждения «белорусского вопроса», особенно вопроса о Виленщине и Гродненщине. Стремясь дискредитировать делегацию БНР, литовцы распространяли информацию о том, что правительство БНР «висит в воздухе» и «проживает в курьерских поездах всей Европы». В отчете правительства перед Радой БНР (декабрь 1919 г.) глава правительства А. Луцкевич указывал, что в лице литовской делегации на Парижской мирной конференции белорусы «найшли больших врагов, чьим нават у расшскай дэлегацыі».

Иначе складывались отношения с Латвией. Делегация Латвии на Парижской мирной конференции в специальном меморандуме (апрель 1919 г.) поддержала БНР и ее стремление к независимости. Между правительствами БНР и Латвии в августе 1919 г. в Париже было подписано соглашение о границе, в соответствии с которым граница должна быть определена двусторонней комиссией на основе этнографического фактора. Министр иностранных дел Латвии обещал правительству БНР военную помощь в борьбе с большевиками. Латвия, Эстония и Финляндия заявляли о своей заинтересованности в том, чтобы БНР вошла в Союз Балтийских государств. Однако после подписания мирного договора РСФСР и Латвией от 11 августа 1920 г. Латвия разорвала дипломатические отношения с БНР и предложила правительству В. Ластовского покинуть территорию Латвии. Президиум Рады и правительство БНР переехали в столицу Литвы Ковно (Каунас).

Отношения с Польшей и Литвой. Самоликвидация правительства БНР. Польская политика на востоке базировалась на двух основных принципах: обеспечить польскому государству за-

щиту от Советской России путем перенесения своих границ как можно дальше на восток; сохранить в сфере польского влияния все земли бывшей Речи Посполитой. С провозглашением 11 ноября 1918 г. Польского независимого государства ее правительство активизировало свою политику на востоке, претендуя как минимум на Виленскую и Гродненскую губернии. В декабре 1918 г. и январе 1919 г. премьер-министр и министр иностранных дел БНР А. Луцкевич направил министру иностранных дел Польши ноты протеста. Правительство БНР энергично выступало против проведения выборов в польский Сейм на этнических белорусских землях, присоединения к Польше Белостокских земель, всеобщей мобилизации в польскую армию белорусов. Польское правительство оставило эти ноты протеста без ответа.

Во второй половине 1919 г. дипломатия БНР активизировала отношения с Польшей, поддержав ее планы создания польско-белорусской федерации. В августе 1919 г. в Париже состоялась встреча между А. Луцкевичем и премьер-министром Польши И. Падеревским. По приглашению И. Падеревского глава правительства БНР в сентябре 1919 г. прибыл в Варшаву, где ему был оказан далеко не дипломатический прием. Только после 51 дня мучительного ожидания А. Луцкевич был принят «начальником» Польского государства Ю. Пилсудским. В октябре и ноябре 1919 г. между ними состоялись две встречи, в результате которых Ю. Пилсудский дал согласие на созыв Рады БНР при условии, что она прекратит свою деятельность после проведения на белорусских землях плебисцита о присоединении Беларуси к Польше. Несмотря на жесткий тон заявлений польского руководителя, А. Луцкевич и его сторонники были вынуждены мириться с этими требованиями, поскольку поляки являлись реальными хозяевами в Беларуси. Выбирая из двух зол, А. Луцкевич считал, что федерация с Польшей лучше, чем черная реакция в виде «единой и неделимой России», которая может наступить в случае поражения большевиков.

Сессия Рады БНР состоялась в Минске в декабре 1919 г. и завершилась расколом Рады и правительства. Одно правительство продолжал возглавлять А. Луцкевич, во главе другого стал В. Ластовский. Раскол в руководстве БНР стимулировал поиски сильных внешнеполитических союзников. После отказа стран Антанты на Парижской мирной конференции признать независимость БНР А. Луцкевич и его окружение ориентировались на союз с Польшей, за которой стояла Франция. В. Ластовский ориентировался

на Литву, которую поддерживала Германия. Неудачная попытка найти взаимопонимание с руководством БНР вызвала раздражение Ю. Пилсудского. Он заявил, что намерен пойти на серьезные уступки в деле культурного развития белорусов, однако политических уступок в пользу «белорусской фикции» делать не желает.

Дипломатические усилия БНР в 1920 г. были сконцентрированы на борьбе против раздела Беларуси, который планировался Москвой и Варшавой. Весной 1920 г. деятели БНР поставили вопрос о допуске на мирные переговоры, однако их обращения были проигнорированы как советской, так и польской стороной. Разочарование в возможности оказать влияние на ход мирных переговоров между РСФСР и Польшей вынудило правительство В. Ластовского активизировать сотрудничество с Литвой.

11 ноября 1920 г. правительство БНР заключило в Ковно договор с Литвой. Литовское правительство официально признало правительство БНР во главе с В. Ластовским и обязывалось оказывать ему финансовую и дипломатическую поддержку. Правительство БНР обязывалось поддерживать литовское правительство в его борьбе за освобождение виленских земель от польской оккупации. Сразу же после подписания договора Учредительный сейм Литвы принял декларацию, в которой обязался предоставить Восточной Литве (Гродненщине и Виленщине) территориальную автономию с центром в Вильно. Литовское правительство также заверило В. Ластовского, что эти земли будут находиться в составе литовского государства «только на основе федерации». Однако на самом деле литовцы, используя правительство БНР в своих интересах, вели дело к инкорпорации Виленского края в состав Литвы.

В 1920 г. органы БНР были вынуждены окончательно перенести свою деятельность за пределы Беларуси. Руководство БНР и белорусские политические партии боролись против заключения Рижского мирного договора, добивались его пересмотра и протестовали против раздела Беларуси. Правительство В. Ластовского направило 26 меморандумов и деклараций в адрес Лиги Наций, Парижской мирной конференции, держав Антанты и других государств с призывом не допустить несправедливости в отношении Беларуси и не признавать Рижский мир. Однако голос представителей БНР не был услышан. Несмотря на встречи руководителей правительства БНР с представителями Лиги Наций и их интерес, проявленный к решению виленского вопроса, Лига Наций не считала белорусский вопрос международной проблемой.

Одной из последних попыток правительства БНР добиться международного признания было участие ее делегации во главе с председателем правительства В. Ластовским и министром иностранных дел А. Цвикевичем в Генуэзской конференции по экономическим и финансовым вопросам, которая состоялась в апреле — мае 1922 г. Перед делегацией были поставлены задачи добиваться пересмотра Рижского мирного договора, включения в повестку дня конференции вопроса о независимости Беларуси, а также требования о компенсации потерь, понесенных Беларусью в Первой мировой войне. Однако делегации РСФСР и Польши не допустили рассмотрения на конференции белорусского вопроса. Это вынудило делегацию БНР пойти на крайний шаг. В. Ластовский и А. Цвикевич направили заявление в адрес конференции, в котором говорилось об их согласии на присоединение Вильно и Виленского края к Литве. Этот шаг вызвал резкое недовольство белорусской политической эмиграции и привел к отставке правительства В. Ластовского. В 1923 г. правительство БНР возглавил А. Цвикевич.

В марте 1923 г. конференция послов в Париже признала восточные границы Польши, установленные в соответствии с Рижским мирным договором 1921 г., в том числе и включение Вильно и Виленского края в состав Польши. Литовское правительство, которое больше не нуждалось в поддержке правительства БНР по виленскому вопросу, взяло курс на его вытеснение с территории Литвы. Осенью 1923 г. руководящие органы БНР переехали из Ковно в Прагу.

На II Всебелорусской конференции (октябрь 1925 г., Берлин) А. Цвикевич и его сторонники приняли решение прекратить деятельность правительства БНР и признать столицу БССР город Минск «единственным центром белорусского возрождения». Решение о ликвидации правительства БНР было принято в результате сговора А. Цвикевича с представителями ЦК КП(б)Б, которые стремились таким образом деморализовать белорусскую политическую эмиграцию и расколоть руководство БНР. Действия группы А. Цвикевича были объявлены руководителями Рады БНР П. Кречевским и В. Захарко неправомочными, авантюристическими и предательскими. В конце 1920-х гг. после возвращения в БССР большинства участников белорусского движения Рада БНР прекратила свою деятельность в качестве коллегиального органа (от ее имени выступали председатель и его заместитель, одновременно считавшийся главой правительства БНР).

Историческое значение БНР. Образование Белорусской Народной Республики является первой исторической попыткой создания белорусской государственности в XX в. БНР возникла в трудных внешнеполитических условиях, когда территория Беларуси была оккупирована немецкими войсками, все соседние государства претендовали на белорусские земли, а наиболее сильные из них — Советская Россия и Польша — не желали создания самостоятельного белорусского государства. Из-за слабости белорусского национального движения и отсутствия международной поддержки БНР не смогла оформиться как независимое государство. Спустя менее чем два года после провозглашения БНР ее руководящие органы были вынуждены эмигрировать. Республика не смогла достичь широкого международного признания, а ее правительству не удалось уберечь территорию Беларуси от неоднократных оккупации и разделов.

Вместе с тем провозглашение БНР и ее внутренняя и внешняя политика имели важное историческое значение. С провозглашением независимости БНР 25 марта 1918 г. белорусская национальная идея воплотилась в легитимный акт создания нового независимого государства. Конституирование БНР произошло на всех белорусских этнических землях в форме демократической парламентской республики. Факт провозглашения независимости Беларуси, последующая политическая деятельность БНР доказали, что белорусский народ имеет такие же права на свою государственность, как и другие народы Восточной Европы, обретшие свободу в результате краха Российской и Австро-Венгерской империй.

Внешняя политика и дипломатия БНР были направлены на международное признание, укрепление независимости и территориальной целостности Беларуси. Дипломатия БНР имела свои достижения и недостатки. К первым следует отнести институционализацию международных контактов белорусского государства, осуществление двусторонней и многосторонней дипломатии, внешней культурной политики и пропаганды. Благодаря дипломатии БНР белорусский вопрос был выведен на международную арену, а независимость Беларуси признана рядом европейских государств. К недостаткам дипломатической деятельности БНР следует отнести некоторые субъективные обстоятельства. Членам правительства и Рады не хватало опыта, знаний, навыков управленческой и дипломатической работы. Ощущалась острая нехватка квалифицированных дипломатических кадров. Еще более острой была проблема финансово-

го обеспечения внешнеполитических дел. В руководстве БНР не было единства по основополагающим вопросам государственного строительства и внешнеполитической ориентации.

Провозгласив независимость, проявив политическую волю к ее сохранению и укреплению, «отцы-основатели» БНР продемонстрировали столь сильное стремление белорусов к созданию национальной государственности, что их оппоненты в лице большевиков уже не могли его игнорировать. Создание ССРБ было ответом на историческую инициативу лидеров белорусского национального движения.

Внешнеполитические факторы образования БССР. Внешнеполитические соображения имели решающее значение в планах ленинского правительства Советской России по созданию Белорусского советского государства. В конце 1918 г. в руководстве РСФСР возобладала идея о необходимости создания на западных границах советского государства цепи буферных советских республик, чтобы лишить капиталистические страны прямого контакта с большевистской Россией. Провозглашение Белорусской Советской Социалистической Республики 1 января 1919 г. имело своей целью «замкнуть цепь советски-самоопределившихся образований» вокруг Советской России. Такой аргумент был сформулирован I съездом Коммунистической партии большевиков Беларуси (КП(б)Б) в связи с решением о преобразовании Западной коммуны в самостоятельную БССР. Политика Советской России в белорусском вопросе являлась самым важным внешнеполитическим фактором, который определял процессы государственного строительства на территории Беларуси.

Внешнеполитические моменты нашли свое отражение в документах о конституировании Белорусского советского государства. В Манифесте Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Беларуси от 1 января 1919 г. вне закона объявлялась «продажная буржуазная Белорусская рада» (БНР. — В. С.), которой большевики не могли простить ориентации на Германию и страны Антанты. Манифест объяснял всем рабочим, что, «защищая Советскую Белоруссию, они защищают Советскую Россию, защищают мировую Революцию, интересы трудового народа и светлое торжество мирового Социализма». В Манифесте также присутствовал тезис о провозглашении перед всем миром «свободной Белорусской советской республики», что говорило о ее стремлении выйти на международную арену в качестве суверенного государства и добиться международного признания.

Политика ленинского правительства в белорусском вопросе не была принципиальной и быстро менялась в зависимости от обстановки. Хотя БССР была объявлена суверенным государством, но международные военно-политические условия не способствовали укреплению ее независимости. Угроза польской интервенции вынудила большевистское правительство уже на стадии юридического оформления БССР пойти на существенное урезание ее территории. 16 января 1919 г. ЦК РКП(б) без предварительного обсуждения вопроса с правительством ССРБ и Центральным бюро (ЦБ) КП(б)Б принял решение о выделении из состава ССРБ Витебской, Смоленской и Могилевской губерний и передаче их в состав РСФСР. Это решение позднее было проведено через местные Советы и Всебелорусский съезд Советов.

В это же время большевистское руководство разработало план объединения Беларуси и Литвы в одну советскую республику под названием Литовско-Белорусская ССР (Литбел). Вырисовывалась идея создания более устойчивого буферного государства, которое советское правительство рассчитывало использовать для отмежевания РСФСР от Польши, а также подавления инициативы белорусских и литовских национально-демократических партий, которые выступали за признание независимости БНР и Литовской Республики.

22 января 1919 г. вопрос о территории Белорусской Советской Республики и федеративных отношениях с РСФСР был обсужден на заседании ЦК КП(б)Б с участием члена ЦК РКП(б) А. Иоффе. Он изложил известную «буферную» концепцию ЦК РКП(б) относительно образования БССР и очертил перспективы взаимоотношений советских республик, в том числе БССР и РСФСР. Отметив нецелесообразность немедленного включения Белорусской республики в состав Советской России на правах федерации, ибо это «ликвидирует всю выгоду существования буферов-республик», представитель центра передал участникам совещания предложения ЦК РКП(б) ограничить размеры БССР «географически необходимыми границами, т. е. Минской и Гродненской губерниями», и обратиться к РСФСР с предложением о федерации.

Складывание «межгосударственных» (если их можно так назвать) отношений между РСФСР и БССР происходило на основе «революционной целесообразности». Вместе с тем ленинское правительство, исходя из провозглашенного им права наций на самоопределение, стремилось оформить отношения с новыми советскими республиками с учетом тогдашних норм международного

права. В этом смысле принципиальное значение имело постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 31 января 1919 г. «О признании независимости Белорусской Советской Социалистической Республики». В нем подтверждалось, что РСФСР будет всячески помогать трудящимся массам Беларуси в защите свободы и независимости, подчеркивалось, что факт принадлежности Беларуси к бывшей царской империи не накладывает на нее никаких обязательств.

Первые внешнеполитические акции БССР и Литбел. Вопросы международного признания и внешней политики БССР, определения ее границ, отношений с РСФСР и другими советскими республиками нашли определенное отражение в решениях I Всебелорусского съезда Советов (Минск, 2–3 февраля 1919 г.). В принятой съездом Конституции БССР не было положений об основах и принципах внешней политики новообразованного государства. В обращении съезда «Ко всем народам и их правительствам» объявлялась готовность рабочих и крестьян Беларуси жить в мире и дружбе со всеми народами. Высказывалась уверенность, что «самостоятельная Белорусская Советская Социалистическая Республика будет признана всеми народами отдельно, как она признана братской Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой». Съезд обратился ко всем народам и правительствам с предложением вступить в непосредственные дипломатические отношения с БССР, но оно осталось без ответа. Каких-либо попыток добиться международного признания и установления дипломатических отношений с иностранными государствами правительство БССР не предпринимало.

В Декларации об установлении тесной федеративной связи между Советской Белоруссией и РСФСР признавалась необходимость установить прочные экономические и политические связи со своим «старшим братом» — РСФСР. Съезд призвал «все братские независимые социалистические республики» установить по примеру БССР федеративные связи с Советской Россией. I Всебелорусский съезд Советов определил территорию БССР в составе Минской и Гродненской губерний и принял решение об образовании Литовско-Белорусской ССР, в состав которой вошли территории Виленской, Минской, части Ковенской и Гродненской губерний.

Главной внешней и военно-политической проблемой Литовско-Белорусской ССР было предотвращение войны с Польшей. 28 февраля 1919 г. ЦВК Литбел опубликовал Декларацию о внешней политике, в которой высказывалась готовность «решать

все спорные вопросы миром и согласием». В декларации содержался повторный (первый был в Манифесте о создании БССР) призыв «ко всем народам и их правительствам» признать Социалистическую Советскую Республику Литвы и Беларусь и вступить с ней в дипломатические отношения. 1 марта 1919 г. СНК Литбел в ноте к правительствам США, Великобритании, Франции и Японии дал согласие на участие в конференции на Принцевых островах для решения спорных вопросов между правительствами стран, которые образовались на территории бывшей Российской империи. Но все эти предложения остались без ответа. Польша и страны Антанты не признали Литбел и отказывались вступать с ней в переговоры.

В июле 1919 г. в связи с тем, что польские войска оккупировали три четверти территории Беларуси и Литвы, Литбел фактически прекратил свое существование. Юридически он был ликвидирован после подписания мирного договора между РСФСР и Литвой от 12 июля 1920 г. и повторного провозглашения независимости ССРБ 31 июля 1920 г.

Беларусь и польско-советская война. Во время польско-советской войны 1919–1920 гг. Беларусь выступала как объект военной политики и дипломатии Советской России и Польши. 28 января 1920 г. СНК РСФСР выступил с заявлением об основах советской политики относительно Польши, в котором подтверждалось безусловное признание независимости и суверенности Польской Республики. Советское правительство соглашалось на передачу Польше белорусских земель до реки Березина, на 300 км восточнее будущей «линии Керзона», или восточной границы Польши, которая была определена в декабре 1919 г. Парижской мирной конференцией. Но польское правительство рассчитывало захватить всю Беларусь, Украину, Литву и при поддержке Франции отказалось от этих выгодных для него предложений.

Между тем Литва, пользуясь международно-политической обстановкой, возникшей на территории Беларуси после самоликвидации Литбел, решила «прибрать к рукам» белорусские северо-западные земли. На мирных переговорах с РСФСР, которые начались в Москве в мае 1920 г., литовская делегация настаивала на включении в состав Литвы территорий Ковенской, Виленской, Сувалковской и Гродненской губерний (с городами Белосток, Бельск, Гродно, Брест, Кобрин, Пружаны), Новогрудского повета Минской губернии. В ответ делегация РСФСР сослалась на этнографическую карту где проживание литовцев было обозначено

только на территории Сувалковской, Ковенской и западной части Виленской губернии (без Вильни). Но в условиях подготовки контрнаступления против польских войск Советская Россия решила задобрить Литву, передав ей часть белорусских земель.

В соответствии с договором от 12 июля 1920 г. была определена государственная граница между РСФСР и Литвой, в соответствии с которой в состав литовского государства входили Вильнюс (Вильнюс) и часть белорусских этнических земель, в том числе Ошмяны, Браслав, Гродно, Лида, Поставы. На основе этого договора правительство РСФСР в августе 1920 г. передало Литве г. Вильнюс, который Красная Армия заняла 14 июля 1920 г. Литовское правительство, в свою очередь, обещало прекратить деятельность на территории страны антисоветских организаций и групп, в том числе органов БНР.

11 августа 1920 г. в Москве был подписан мирный договор между РСФСР и Латвией, в соответствии с которым Двинский, Режицкий и Люцинский поветы (районы), принадлежавшие до этого Витебской губернии, передавались Латвии. На этих землях площадью около 6 тыс. км² проживало 150 тыс. белорусского населения.

Декларация о повторном провозглашении независимости БССР от 31 июля 1920 г. объявляла республику в границах Минской и Гродненской губерний. Отмечалось, что БССР будет определять свою западную границу по этнографической границе между Беларусью и соседними буржуазными государствами (имелись в виду Польша и Литва). Что касалось границ с РСФСР и Украинской ССР, то Декларация предусматривала их определение путем свободного волеизъявления белорусского народа на районных и губернских съездах Советов в согласовании с правительствами РСФСР и УССР. Декларация от 31 июля 1920 г., подтверждая равноправный характер взаимоотношений между РСФСР и БССР, заявляла о передаче Белорусской республикой «на все время революционных войн» своих вооруженных сил в распоряжение единого командования всех советских республик, которое осуществлялось РСФСР. Также высказывалась готовность согласовывать дипломатические выступления республики с действиями РСФСР.

Вопрос о западной границе БССР решался в ходе польско-советской войны. 11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Д. Керзон предложил заключить перемирие и отвести советские и польские войска на линию Гродно — Яловка — Немировка — Брест и далее по территории Украины до Карпат.

«Линия Керзона» соответствовала в основном этнографической границе между Польшей, с одной стороны, и Беларусью и Украиной — с другой. Но по военно-политическим соображениям она была отклонена как советским, так и польским правительством. После поражения Красной Армии под Варшавой в августе 1920 г. польские войска заняли значительную часть Беларуси. Советское правительство было вынуждено пойти на мирные переговоры.

Мандат РСФСР на определение границ Беларуси. Мирные переговоры с Польшей вела российско-украинская делегация во главе с членом ЦК РКП(б) А. Иоффе. Польская делегация согласилась по требованию РСФСР на самостоятельное участие УССР в переговорах, но решительно выступила против такого же участия БССР. РСФСР также не была сторонником включения БССР в мирные переговоры, ибо это серьезно затрудняло бы для Москвы возможности различных дипломатических комбинаций.

10 сентября 1920 г. Военно-революционный комитет БССР постановил выдать РСФСР «самый широкий мандат на ведение мирных переговоров с Польшей по вопросу, главным образом, определения границ Белоруссии». Передача полномочий правительству РСФСР на ведение переговоров с Польшей была вызвана несколькими причинами. БССР находилась в стадии конституционного оформления, когда большая часть белорусских земель не входила в ее состав. Федеративные отношения с РСФСР развивались на основе объединенных военных и дипломатических действий, которые осуществляло правительство РСФСР. Польша официально не признавала Советскую Беларусь.

Решение вопроса об участии представителей Советской Беларуси в переговорах с Польшей зависело от Москвы. В телефонном разговоре с секретарем ЦБ КП(б) В. Г. Кнориным секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский говорил: «Отдельные представительства Белоруссии в Риге, на наш взгляд, лишние. Беларусь дала полномочия российскому правительству вести переговоры и за Беларусь». Он также заметил, что Украина выступает в Риге как третье государство, которое имеет свою делегацию.

Еще более «искренним» в объяснении нецелесообразности участия белорусской делегации в Рижской мирной конференции был нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин. Свою позицию он объяснял тем, что тяжело пересмотреть состав участников после того, как он определен в прелиминарном мирном договоре. Но самой большой сложностью для российской дипломатии Г. Чичерин считал то, что белорусская делегация «там перевернет все на-

ши дипломатические комбинации». А. Иоффе, руководитель советской делегации на переговорах, говорил председателю ВРК БССР А. Червякову, что «мир заключает Россия с Польшей, но не Белоруссия».

Председатель ВРК БССР А. Червяков и секретарь ВРК П. Клишевский были направлены на участие в рижских переговорах, не получив никакого официального статуса. А. Червяков являлся экспертом российской делегации. Письменно он информировал руководство республики о ходе переговоров, отмечая тот факт, что Беларусь в переговорах участия не принимает «ни под каким видом». В письме от 29 сентября 1920 г. А. Червяков подчеркивал неопределенность представительства Беларуси и своего личного статуса на конференции.

Российско-украинская делегация выступала с некоторыми заявлениями о Беларуси. Польская делегация отстаивала свои интересы, желая аннексировать значительную часть территории Беларуси и Украины. Польша настаивала на границе западнее Минска, на восток от бывшей линии немецких окопов, с чем была вынуждена, в конце концов, согласиться советская делегация. Что касалось вопроса о самоопределении Беларуси, то поляки соглашались рассматривать его только в случае проведения плебисцита на всей территории Беларуси, когда польские и советские войска будут отведены на 25 км от ее западной и восточной этнографической границы.

Рижский мирный договор. 12 октября 1920 г. в Риге был подписан Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира. II Всебелорусский съезд Советов (13–17 декабря 1920 г.) ратифицировал этот договор и подтвердил мандат ВРК правительству РСФСР на права заключения мира и установления границы от имени БССР, а также признал правильность политической линии российско-украинской делегации в деле защиты интересов Советской Беларуси. Как известно, противоположную позицию относительно «позорного мира» заняли руководящие органы БНР и белорусские национальные политические партии и организации.

18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой. В преамбуле отмечалось, что правительство РСФСР подписывает договор «за себя и по уполномочию Белорусской Советской Социалистической Республики». В статье 2 договора говорилось, что стороны «в соответствии с принципами самоопределения народов признают незави-

симось Украины и Белоруссии, а также соглашаются и постановляют, что восточную границу Польши, то есть границу между Россией, Белоруссией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, составляет линия...», после чего давалось подробное описание советско-польской границы. Признание Польшей независимости Украины и Беларуси означало признание ею УССР и БССР де-юре.

В соответствии со статьей 3 Россия и Украина отказывались от всех прав и притязаний на земли, которые расположены на западе от границы. Со своей стороны Польша отказывалась в пользу Украины и Беларуси от всяческих прав и притязаний на земли, которые расположены на восток от этой границы. В соответствии со статьей 7 Польша обязывалась предоставить русским, белорусам и украинцам, которые проживали на ее территории, все права для свободного развития культуры, языка и исполнения религиозных обрядов. Такие же права гарантировались полякам на территории РСФСР, Украины и Беларуси.

По Рижскому мирному договору к Польше отходила белорусская территория площадью 108 тыс. км² с населением более 4 млн человек. За БССР сохранялось только шесть районов Минской губернии (Минский, Борисовский, Бобруйский, Игуменский, Мозырский и Слуцкий) с территорией 52,3 тыс. км², на которой проживало более 1,6 млн человек. Республика занимала тогда только шестую часть этнической территории Беларуси. Рижский мир завершал на определенное время трагическую полосу разделов Беларуси, которая была заложена Брестским миром 1918 г. В начале 20-х гг. белорусские земли входили в состав пяти государств: БССР, РСФСР, Польши, Литвы и Латвии. Известный белорусский политический деятель и географ А. Смолич отмечал в книге «География Беларуси, что политический раздел Беларуси не опирался ни на какие географические основания и что границы новых государств были проведены «по живому телу Беларуси».

Образование и деятельность республиканского НКВД. Юридический статус БССР в 1920—1922 гг. был очень неопределенным и противоречивым. Формально она считалась независимой советской республикой, а фактически являлась автономной областью РСФСР. Ее отношения с РСФСР строились не на равноправных, федеративных началах, а на основе автономии. III съезд КП(б)Б (ноябрь 1920 г.) следующим образом определял государственно-правовой статус БССР: «Беларусь, являясь Социалистической Советской Республикой, одновременно является составной частью РСФСР, и все органы в области совместных мероприя-

тий должны быть подчинены соответственным комиссариатам РСФСР, но иметь определенную свободу в области решения вопросов местного образа жизни, в которых они должны руководствоваться ЦИК и Совнаркомом Беларуси».

Партийно-государственное руководство Беларуси отдавало себе отчет, что заявления о суверенности БССР имеют только «фасадное» внешнеполитическое значение. Секретарь ЦБ КП(б)Б В. Кнорин говорил в октябре 1920 г.: «Беларусь определилась как Советская Республика, которая входит в Российскую Федерацию, и такой она будет».

Некоторое размежевание компетенции между государственными органами обеих республик осуществилось после заключения Договора о военном и хозяйственном союзе между РСФСР и БССР от 21 января 1921 г. Договор, исходя из признания независимости и суверенности каждой из сторон, предусматривал объединение комиссариатов военных и морских дел, внешней торговли, финансов, путей сообщения, почты и телеграфа и др. Объединенные комиссариаты входили в состав СНК РСФСР и имели своих уполномоченных в правительстве БССР. На территорию республики автоматически распространялись решения ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР. Финансы, внешнеполитическая деятельность, военное строительство, транспорт БССР регламентировались руководством РСФСР.

Дипломатическая служба Советской Беларуси начала формироваться после первого провозглашения БССР. В состав правительства Д. Жилуновича вошел В. Фальский — первый нарком иностранных дел БССР. Но в структуре правительства, которая была утверждена на заседании ЦБ КП(б)Б 20 января 1919 г., наркомат иностранных дел уже отсутствовал. В. Фальский был наркомом иностранных дел меньше месяца. 5 февраля 1919 г. сессия ЦИК Беларуси утвердила управляющих наркоматов и их заместителей. Наркомом иностранных дел БССР стал М. Петров, соратник Г. Чичерина. Он входил в состав Малого Президиума ЦИК БССР, который состоял из трех человек: главы Президиума А. Мясникова, министра иностранных дел и министра внутренних дел.

На заседании ЦБ КП(б)Б, которое предшествовало сессии ЦИК от 5 февраля 1919 г., М. Петров заявил, что для Беларуси нет никакой необходимости в проведении самостоятельной внешней политики; достаточно иметь небольшой технический аппарат под руководством одного из членов Президиума ЦИК. ЦБ КП(б)Б исходил из того, что в объединенном правительстве Литбел ко-

миссариаты иностранных, национальных дел, торговли, промышленности не нужны. В связи с этим М. Петров отказался брать на себя полномочия наркома иностранных дел. В составе СНК Литбел пост министра иностранных дел занимал глава СНК В. Мицкевич-Капсукас. В 1919—1920 гг. НКИД БССР фактически не действовал. Боевые действия на территории Беларуси, необходимость жесткой централизации внешней политики в руках Москвы не вызвали необходимости в самостоятельной внешнеполитической деятельности республики.

Только после второго провозглашения независимости БССР 31 июля 1920 г. НКИД республики стал формироваться как внешнеполитический орган. 22 августа 1921 г. СНК БССР утвердил Положение о Народном комиссариате иностранных дел. С этого времени наркомат возглавил глава СНК БССР А. Червяков. НКИД создавался как орган правительства БССР с целью всестороннего осуществления отношений республики с государствами и народами, которые не входили в состав РСФСР. Отношения с советскими республиками должны были регулироваться на основе федеративных принципов.

Формально НКИД республики был наделен достаточно широкими полномочиями, но практически все внешнеполитические функции были переданы НКИД РСФСР. Для оперативной координации партийной и советской работы ЦК РКП(б) и СНК РСФСР направляли в Беларусь своих представителей. Представителем СНК РСФСР в Беларуси и Литве в январе — феврале 1919 г. был А. Иоффе, а представителем НКИД РСФСР — Д. Гопнер. Тем не менее межреспубликанские договоры, которые были заключены между РСФСР и другими советскими республиками в 1920—1921 гг., в том числе Договор о военно-хозяйственном союзе между РСФСР и ССРБ, не предусматривали объединения наркоматов иностранных дел. Республики стремились сохранить хотя бы формальную самостоятельность в международных отношениях.

Как отмечалось в записке заместителя наркома иностранных дел БССР А. Бурбиса наркому иностранных дел РСФСР Г. Чичерину от 30 августа 1921 г., НКИД республики считал необходимым, чтобы вопросы, которые касались Беларуси, решались непосредственно с ее участием. Это, по его мнению, будет содействовать повышению престижа Советской власти в Белорусской Республике, «которая является ближайшей соседкой буржуазного Запада и наиболее выдвинутым на Запад форпостом мировой социальной революции».

24 марта 1921 г. в Москве было открыто Полномочное представительство БССР при СНК РСФСР, которое было образовано на основе Договора о военном и хозяйственном союзе. Инициатива в создании представительства принадлежала белорусскому руководству, которому пришлось преодолевать безразличие НКИД РСФСР. Функции этого органа заключались в представлении правительства республики при правительстве РСФСР, выполнении роли связующего звена в отношении СНК БССР с правительствами иностранных государств и консульских функций.

Полномочное представительство подчинялось НКИД БССР, выполняло все важнейшие функции дипломатического представительства, входило в состав дипломатического корпуса РСФСР и пользовалось иммунитетами и привилегиями, поддерживало официальные контакты с НКИД РСФСР и дипломатическими представительствами в Москве. Кроме обычных функций дипломатического представительства оно выполняло работу по возвращению белорусских специалистов на родину, поиску вывезенных с территории Беларуси материальных ценностей. В БССР интересы РСФСР официально представлял российский консул, который также пользовался дипломатическими иммунитетами и привилегиями. Но НКИД РСФСР не поддерживал взаимного образования консульских учреждений советских республик, обосновывая это единым гражданством РСФСР и союзных с ней республик, их общими интересами. После образования СССР Полномочное представительство БССР при СНК РСФСР было преобразовано в Постоянное представительство БССР при СНК СССР.

Развитие договорных отношений между советскими республиками и расширение их внешнеполитической деятельности требовало создания их дипломатического союза вокруг РСФСР. Важный шаг в этом направлении был сделан в связи с подготовкой к Генуэзской международной конференции по экономическим и финансовым вопросам, которая состоялась в марте — мае 1922 г. 22 февраля 1922 г. в Москве прошло заседание полномочных представителей РСФСР, Украины, Беларуси, Армении, Азербайджана, Грузии, Бухары, Дальневосточной Республики и Хорезма. На нем был подписан договор, в соответствии с которым РСФСР получала полномочия представлять и защищать на конференции интересы всех советских республик, подписывать от их имени договоры и другие акты с иностранными государствами. От имени БССР протокол подписал глава ЦИК и СНК БССР, нарком иностранных дел А. Червяков. Со своей стороны правитель-

ство РСФСР обязывалось твердо защищать интересы республик и информировать их о ходе конференции.

Дипломатическое признание БССР. В соответствии с Рижским договором предусматривалось установление дипломатических отношений между РСФСР, УССР и БССР, с одной стороны, и Польшей — с другой, сразу же после ратификации договора. Но дипломатические отношения между СССР и Польшей были установлены после продолжительных переговоров и признания Польшей СССР. Посол СССР в Польше по совместительству был послом и БССР в этой стране. В феврале 1924 г. в Минске было открыто польское генеральное консульство. Взаимоотношения с Польшей регулировались также через Полномочное представительство БССР в Москве.

Вторым государством капиталистического мира, которое признало БССР де-юре, была Германия. 5 ноября 1922 г. уполномоченные правительств 6 советских республик, в том числе уполномоченный представитель РСФСР и БССР Н. Крестинский и представитель правительства Германии А. Мальцан подписали в Берлине Договор о распространении Рапальского договора между РСФСР и Германией от 16 апреля 1922 г. на соответствующие советские республики. Берлинский договор давал республикам право открывать в Германии государственные торговые бюро на условиях, которые соответствовали правовому статусу торгового представительства РСФСР. Рейхсканцлер Германии А. Вирт заявил полномочному представителю РСФСР и БССР в Германии Н. Крестинскому при подписании Берлинского договора, что Германия признает БССР и устанавливает с ней дипломатические и консульские отношения до ратификации договора.

2 марта 1923 г. полномочный представитель БССР в Германии Н. Крестинский вручил верительную грамоту президенту Германии Ф. Эберту. 13 декабря 1922 г. Президиум ЦИК БССР и 31 декабря 1922 г. рейхстаг Германии ратифицировали Берлинский договор, а 26 октября 1923 г. они обменялись в Берлине ратификационными грамотами.

С конца 1921 г. БССР поддерживала отношения, основанные на признании де-факто, с Латвией, Литвой, Эстонией, Австрией, Чехословакией, Турцией, Италией, Англией. Республика отдельно или вместе с РСФСР и УССР заключила в 1921—1923 гг. 12 международных соглашений, в том числе соглашение с Эпидемической комиссией Лиги Наций, санитарные конвенции с Латви-

ей, Эстонией и Польшей. В декабре 1922 г. делегация БССР принимала участие в Московской конференции по разоружению.

Образование СССР и ограничение внешнеполитических полномочий БССР. Вступление БССР в состав СССР предопределяло начало нового этапа в истории белорусской государственности, привело к значительному изменению места и роли внешнеполитических функций республики. В соответствии с Союзным договором представительство Союза ССР в международных отношениях переходило в руки центральных органов.

Как отмечалось, правительство РСФСР фактически контролировало внутреннюю и внешнюю политику других советских республик еще до создания СССР. Это было очевидно для зарубежных государств. США считали, что теоретическая независимость этих республик существует только для того, чтобы скрыть замаскированные попытки Москвы установить над ними свое господство. В 1924 г. ответственный сотрудник Государственного департамента США Р. Келли писал: «Центром советского мира была так называемая Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, которая, формально признавая независимость различных советских республик, таких как Советская Социалистическая Республика Белая Русь, Украинская Советская Социалистическая Республика, Социалистическая Советская Республика Армения и т. д., эффективно управляла и контролировала внешнюю политику и основные направления внутреннего развития этих государств. Конституция 6 июля 1923 г. закрепила верховную власть Москвы...».

23 июля 1923 г. в связи с вступлением в силу Декларации и Договора об образовании СССР нарком иностранных дел СССР Г. Чичерин направил представителям всех государств, аккредитованных в СССР, в том числе Германии, Великобритании, Китая, ноты с сообщением о передаче НКВД СССР прав на ведение всех международных сношений от имени СССР. 12 сентября 1923 г. глава ЦИК и СНК, нарком иностранных дел БССР А. Червяков выступил с заявлением о передаче правительству СССР полномочий БССР на ведение всех ее международных дел, в том числе на осуществление внешнеторговых сношений, таможенного дела, управление путями сообщений, почтой и телеграфом, заключение концессионных договоров.

30 ноября 1923 г. Президиум ЦИК БССР принял постановление о реорганизации центральных учреждений БССР, на основе которой НКВД БССР был преобразован в Управление уполномо-

ченного НКВД СССР в Беларуси (позже — при СНК БССР) с передачей ему прав, собственности и архива бывшего НКВД Беларуси. Такой же реорганизации подлежали Управление уполномоченного Народного комиссариата внешней торговли РСФСР при СНК БССР (Белвнешторг) и другие управления, образованные в 1921 г.

8 ноября 1923 г. нарком иностранных дел СССР Г. Чичерин утвердил на должность уполномоченного НКВД СССР при СНК БССР М. Итви (Подгорнова), который с 1922 г. работал заместителем наркома иностранных дел БССР. 18 января 1924 г. Президиум ЦИК БССР утвердил Положение о правах и обязанностях уполномоченного НКВД СССР при правительстве союзной республики. В компетенцию уполномоченного входили: информирование республиканских органов о международной политике и действиях НКВД СССР; информирование НКВД СССР о мероприятиях союзной республики в области отношений с иностранными государствами; постановка перед НКВД СССР внешнеполитических вопросов, имеющих особенное значение для союзной республики; руководство всеми органами НКВД СССР на территории союзной республики; решение вопросов, связанных с положением иностранцев на территории союзной республики; исключительное право отношений с консульскими и другими официальными представительствами иностранных государств, которые находятся на территории союзной республики.

Уполномоченный НКВД СССР утверждался и отзывался постановлением СНК СССР по представлению НКВД СССР, которое перед этим согласовывалось с ЦИК союзной республики. Он входил в СНК союзной республики с правом совещательного или решающего голоса в зависимости от соответствующего постановления ЦИК союзной республики. В последующие годы полномочия уполномоченного НКВД СССР уточнялись. В начале 1930-х гг. Управление уполномоченного НКВД СССР при СНК БССР фактически прекратило свою деятельность. Все вопросы, связанные с международными делами республики, решало союзное внешнеполитическое ведомство, исходя из интересов и внешнеполитических расчетов центральных органов власти.

В первые годы после образования СССР продолжали свою деятельность дипломатические представители БССР за границей. В соответствии с Положениями о НКВД СССР (1923 и 1926 гг.) правительство БССР имело возможность назначить специальных секретарей и советников в дипломатические представительства СССР тех стран, которые представляли особый интерес для республики.

С июля 1925 г. на протяжении нескольких лет советником по делам БССР (в ранге атташе) при посольстве СССР в Польше являлся А. Ульянов, который был выдвинут на этот пост белорусским правительством. Он поддерживал постоянную связь с ЦК КП(б)Б и правительством БССР, выполнял их поручения и информировал их о своей дипломатической деятельности. А. Ульянов являлся представителем ЦК КП(б)Б в Польше и выполнял партийные задания ЦК Коммунистической партии Западной Беларуси и Коммунистической партии Польши. В 1927–1928 гг. он исполнял обязанности посла СССР в Польше.

В 1925 г. ЦК КП(б)Б поставил перед ЦК РКП(б) вопрос о введении в состав НКВД СССР и советских представительств за границей граждан БССР с целью работы в центрах белорусской иммиграции (Рига, Варшава, Прага, Данциг). ЦК КП(б)Б настаивал на сохранении за БССР поста советника по белорусским делам в посольстве СССР в Польше в связи с отзывом А. Ульянова. Первый секретарь ЦК КП(б)Б В. Кнорин писал в ЦК ВКП(б) в 1928 г., что НКВД СССР «не в курсе дел белорусской политики и не знает, что происходит в Западной Беларуси...». Настойчивость В. Кнорина дала результаты. В октябре 1928 г. вторым советником Полпредства СССР в Польше был назначен представитель БССР Ф. Бровкович, который с 1930 г. работал первым советником, а в 1931–1932 гг. — исполняющим обязанности советского полпреда в Варшаве.

Сразу же после образования СССР выявилась тенденция со стороны союзного правительства и НКВД СССР злоупотреблять полномочиями, которые были переданы им со стороны БССР, игнорируя ее интересы при проведении внешнеполитических акций. На это обратил внимание полномочный представитель БССР в РСФСР М. Мороз в записке к наркому иностранных дел БССР А. Червякову от 18 мая 1923 г. Он писал: «Очень не доволен передачей полномочий всяким рублиным, лоренцам (сотрудникам НКВД РСФСР. — В. С.) и другим на подписание от имени БССР условий и конвенций. Эти уполномоченные совсем не большие «дипломаты», как и все мы. И мы с большим успехом и с большой выгодой, а главное, с большим желанием для БССР подписали бы эти условия и конвенции». Несмотря на попытки М. Мороза обратить на это внимание НКВД РСФСР, преодолеть явную тенденцию центра на ограничение внешнеполитических полномочий республики было уже невозможно.

БССР, как и другие союзные республики, могла участвовать в разработке внешнеполитической линии СССР через своих представителей в союзных органах власти, через Постоянное представительство БССР при СНК СССР, которое поддерживало контакты с НКВД СССР и иностранными дипломатическими представительствами в Москве. Республика участвовала в разработке союзных актов, которые регулировали деятельность дипломатических и консульских представительств СССР за границей и иностранных государств на территории СССР. Вопросы международного положения СССР и реализации советской внешней политики находили отражение, хоть и довольно скромное, в деятельности всебелорусских съездов Советов, ЦИК БССР и его Президиума, СНК БССР и ЦК КП(б)Б, которые единогласно одобряли и поддерживали стратегическую линию и конкретные акты внешней политики СССР. Партийно-государственные органы БССР не ставили перед союзным руководством никаких внешнеполитических предложений.

Проблема Западной Беларуси в международных отношениях восточноевропейского региона. После заключения Рижского договора советская дипломатия использовала вопрос о притеснении белорусов и украинцев в Польше для оказания нажима на польское правительство. Но для Москвы эта проблема не имела принципиального значения. Она не затрагивалась во время визитов наркома иностранных дел РСФСР и СССР Г. Чичерина в Польшу в 1922 и 1925 гг. Наиболее острые дискуссии по вопросу о национальных меньшинствах произошли в мае 1924 г. Сначала Г. Чичерин направил польскому МИДу ноту протеста против бесчинств польской администрации на территории Западной Беларуси и Западной Украины и нарушения польской стороной обязательств по статье 7 Рижского договора. Варшава оценила советскую ноту как попытку вмешательства во внутренние дела Польши. В новой ноте Москва угрожала прекратить выполнение материальных обязательств по договору. В ответ на это польское правительство потребовало их лояльного выполнения. На этом СССР решил приостановить острую критику положения национальных меньшинств в Польше, тем более, что эта проблема касалась и советских обязательств относительно поляков на территории СССР.

Предметом напряженности в отношениях между СССР, Польшей и Литвой была территориальная принадлежность Вильно (Вильнюса) и Виленского края. Литва с целью противодействия польским претензиям на территорию Виленщины заключила с

СССР 28 сентября 1926 г. Договор о взаимном ненападении и нейтралитете. Договор подтверждал, что мирный договор между РСФСР и Литвой от 12 июля 1920 г. остается «основой отношений» между СССР и Литвой. Это означало, что союзная дипломатия продолжала признавать «суверенной» литовской территорией земли северо-западной Беларуси с городами Вильно, Гродно, Лида, Щучин, Браслав, Поставы, которые находились в то время под юрисдикцией Польши. В виленском конфликте между Польшей и Литвой СССР выступал на стороне Литвы, не признавая вместе с ней решений Лиги Наций о передаче города Вильно и Виленского края Польше.

Польское правительство отрицало существование виленского вопроса и было решительно настроено на удержание этих земель в составе своего государства. В постановлении политического комитета польского правительства от 10 марта 1923 г. говорилось, что «любые попытки оторвать от Польши Виленскую область вызовут с ее стороны вооруженный отпор». В 1926 г. представители польского правительства заявляли советским дипломатам: «В Польше нет никакого виленского вопроса... Виленский вопрос для нас не существует, и мы считаем Вильно и Гродно своими».

Заключив договор 1926 г. с Литвой, СССР фактически отошел от положений Рижского мирного договора 1921 г., статья 3 которого предусматривала отказ Советской России от всяческих прав и претензий на земли, которые находились на запад от границы, установленной договором. По мнению польского правительства, белорусские земли, вошедшие в соответствии с Рижским договором в состав Польши, по советско-литовскому договору 1926 г. считались принадлежавшими СССР. Об этом заместитель министра иностранных дел Польши Р. Кноль заявил 30 сентября 1926 г. полпреду СССР в Польше П. Войкову в связи с подписанием советско-литовского договора. При этом польский дипломат обратил внимание на то, что эти земли должны были бы войти в состав БССР. Советский представитель в ответной ноте на имя польского министра иностранных дел А. Залесского разъяснил, что Советское правительство, подписывая договор с Литвой, ни в коем случае не намеревалось поставить под сомнение Рижский договор.

Советское правительство стремилось использовать территорию Западной Беларуси как плацдарм для подрывных действий, направленных на внутреннее ослабление Польши. Полномочный представитель СССР в Польше П. Войков в записке от 16 октября

1925 г. просил Москву увеличить материальную помощь революционным элементам в Западной Беларуси и Западной Украине. Советские спецслужбы активно противостояли созданию и усилению белорусских и украинских национальных объединений, изъявлявших готовность сотрудничать с польским правительством. Советский Союз оказал поддержку партизанским действиям на восточных территориях Польши (в Западной Беларуси и Западной Украине), в связи с чем польское правительство неоднократно заявляло протесты, которые советская сторона отвергала. Проблема Западной Беларуси хоть и не занимала центрального места в советско-польских отношениях в 1920-е гг., но оказывала негативное влияние на их нормализацию.

Деятельность АРА в Беларуси. Важной и малоизвестной страницей иностранного присутствия на территории Беларуси являлась деятельность Американской администрации помощи (American Relief Administration — АРА), неправительственной гуманитарной организации США. АРА была создана в 1919 г. по распоряжению президента США В. Вильсона для оказания помощи европейским странам, которые пострадали от Первой мировой войны. Несмотря на свой частный характер, она получила значительные денежные средства от правительства США, а ее директором был назначен министр торговли Г. Гувер, который позже стал президентом США. Большая часть помощи АРА, направленная на территорию Советской России, была распределена в Поволжье, которое в 1921—1922 гг. охватил сильный голод.

Часть помощи АРА была выделена для Беларуси. Ее доставкой занимались польское и русское отделения АРА. После образования СССР Русское отделение было переименовано в Советское отделение АРА, которое занималось помощью РСФСР, БССР и УССР. Первые контакты с официальными представителями США по политическим вопросам и программам продовольственной помощи были осуществлены представителями БНР в феврале — марте 1919 г. С лета 1920 г. АРА начала осуществлять продовольственную помощь детям на территориях БССР и УССР.

В отношениях с АРА Советское правительство руководствовалось в первую очередь политическими соображениями, а не заботой об обеспечении жизненных требований населения. Оно стремилось использовать присутствие этой американской организации на советской территории для признания РСФСР правительством США и установления дипломатических отношений с ним.

После освобождения территории Беларуси и Украины от польских войск представители АРА поставили перед Советским правительством вопрос о заключении официального соглашения, которое бы гарантировало безопасность операций по оказанию помощи, и обратили внимание на необходимость оказания помощи Беларуси.

Помощь Беларуси, в отличие от помощи РСФСР, не была направлена на повсеместное обеспечение населения продовольствием и осуществлялась в форме продовольственных посылок, медицинской помощи и помощи беженцам. АРА начала свои операции в Минске, Витебске и Гомеле в январе — феврале 1922 г. Когда американцы приехали в Минск, представители местных властей заявили, что БССР является «независимой республикой» и поэтому соглашение между АРА и РСФСР не может автоматически распространяться на БССР. Такую же позицию занимали и представители УССР. Но белорусы в отличие от украинцев не настаивали на своей позиции и, в конце концов, согласились с мыслью Москвы о том, что не надо разрабатывать особого соглашения между БССР и АРА. УССР же подписала отдельное соглашение с АРА, вследствие чего имела больше возможностей влиять на характер и масштабы американской помощи.

Официальные представители США были удивлены как тем, что правительства БССР и УССР сначала не желали принимать соглашения между АРА и РСФСР, так и тем, что правительство БССР потом отказалось от заключения отдельного соглашения с АРА. Как отмечали сотрудники Государственного департамента США, Вашингтон убедился в том, что Москва образовала «независимую Белорусскую республику» для того, чтобы обмануть Запад. Американцы быстро поняли, что по всем вопросам, которые затрагивали внутреннюю и внешнюю политику советских республик, надо иметь дела с «русскими» и «русским правительством» в Москве. Деятельность АРА в Беларуси содействовала усилению таких настроений.

Как отмечали сотрудники АРА, начало ее деятельности в Советской Беларуси было тяжелым и разочаровывающим. Местные власти были настроены враждебно или равнодушно к их гуманитарной деятельности и не предпринимали никаких значительных усилий, чтобы помочь американцам в охране складов продовольствия, служебных и домашних помещений. Советское правительство молчаливо саботировало помощь Беларуси и Украине, стремясь направить ее в Поволжье. Оно не поддерживало значи-

тельного оказания помощи Беларуси на том основании, что тут условия жизни были не такие ужасные, как на Волге. Соглашаясь с таким предположением, представители АРА в Беларуси отмечали, что в Беларуси положение тяжелое и ей необходима помощь. В соответствии с данными АРА, в «одном из белорусских городков 30 % населения умерло от тифа, а остальные 70 % бегут на запад, чтобы спастись от этой болезни».

Наиболее распространенной формой помощи населению БССР были продовольственные посылки. Каждый американец мог купить посылку с продовольствием, одеждой и другими товарами и через АРА послать ее на советскую территорию отдельному человеку или группе людей. Эта программа была очень популярна в БССР и УССР, поскольку отсюда в США эмигрировало много евреев. Теперь они могли отправить посылки своим землякам, знакомым и друзьям. Хотя советские власти были недовольны такой формой помощи, считая, что она дискриминирует нееврейскую часть населения и поддерживает «мелкую еврейскую буржуазию», пересылка посылок продолжалась.

В 1923 г. в связи с улучшением экономической ситуации в СССР АРА начала сворачивать свою деятельность и в этом же году прекратила существование. В БССР она оставила несколько организаций для завершения своих программ, после заключения отдельных соглашений с правительством СССР. Их выполнение продолжали Американско-еврейский объединенный комитет (Джойнт) и Национальный лютеранский совет. Перед тем как покинуть Беларусь, АРА распределила в Минске остатки одежды среди 30 тыс. детей, которых она обеспечивала продовольствием. Всего в 1919—1924 гг. советская Беларусь (Минск, Витебск и Гомель) получила 2 732 тыс. долл. США, или 4,5 % из 63 млн долл. помощи АРА, направленной на советскую территорию, в том числе 18,5 % американских посылок стоимостью 1069 тыс. долл. США.

27 июня 1923 г. ЦИК БССР в письме на имя уполномоченного АРА в Беларуси выразил горячую благодарность АРА и всему американскому народу «за неутомимую и весьма плодотворную полуторогодичную работу, сделанную им в пределах Белоруссии». В письме, в частности, отмечалось, что благодаря помощи АРА Советская Беларусь спасла тысячи детей, которые оказались на улице в результате долгих войн и оккупации, смогла быстрее обновить сельское хозяйство и промышленность, добиться успехов в культурном строительстве. ЦИК БССР с одобрением конста-

тировал доброжелательные отношения, которые установились между АРА и белорусским правительством.

Экономические и культурные связи. В 20-х — начале 30-х гг. активно развивались торгово-экономические связи БССР. С 1922 по 1932 г. экспорт республики увеличился с 3207 тыс. руб. до 24 800 тыс. руб., т. е. более чем в 7 раз. По темпам роста экспорта БССР вышла на одно из первых мест среди союзных республик. Более чем в 5 раз увеличилась номенклатура вывозимых товаров. Интенсивно развивался импорт, который увеличился с 1205 тыс. руб. в 1922 г. до 6360 тыс. руб. в 1929 г., т. е. почти в 6 раз. Объем товарооборота за этот период увеличился с 4412 тыс. руб. до 26 960 тыс. руб., т. е. более чем в 6 раз. Экспортно-импортные операции характеризовались положительным торговым балансом, который увеличился с 2002 тыс. руб. в 1922 г. до 14 240 тыс. руб. в 1929 г., т. е. более чем в 7 раз.

К концу 20-х гг. внешнеторговые органы БССР преодолели посреднический характер торговли и установили взаимовыгодные торговые отношения с иностранными государствами. Во внешнеторговых операциях БССР участвовали 14 стран света, в том числе основные страны Западной Европы, США, Китай, Иран, Афганистан. Предприятия и объединения Беларуси осуществляли внешнеторговые связи через Управление уполномоченного Народного комиссариата внешней торговли СССР при СНК БССР. Управление выдавало разрешения на ввоз импортных и вывоз экспортных товаров, управляло коммерческой деятельностью Государственной экспортно-импортной конторы (Белвнешторг). Торговые представительства Белвнешторга и Министерства торговли БССР, а также представительства, конторы, бюро лесозаготовительных трестов Беларуси действовали в Берлине, Лондоне, Варшаве, Риге. В белорусском экспорте наиболее значительную роль играли Германия, Латвия, Англия, в импорте — Польша с Данцигом, Германия и Англия. Наиболее крупным импортером белорусских товаров была Германия.

Структура белорусского экспорта приближалась к уровню экономически развитых стран. В 1932 г. удельный вес промышленной продукции в экспорте республики составлял около 60 %. В экспорте преобладали продукты животноводства, технические культуры, лесоматериалы и продукты деревообработки. Доля БССР в общесоюзном экспорте в конце 20-х гг. была небольшой (меньше 1,5 %), но в вывозе некоторых товаров она играла довольно значительную роль. Так, удельный вес БССР в общесоюз-

ном экспорте щетины составлял 22 %, пеньки — 17 %, льна — 5 %. Эти данные касаются экспортных операций республиканских внешнеторговых организаций. С учетом поставок белорусских товаров общесоюзным торговым объединениям доля БССР в экспорте СССР еще больше увеличивалась. С 1926 по 1932 гг. объем промышленного экспорта республики увеличился в 15 раз.

Внешняя торговля БССР играла значительную роль в укреплении экономики республики, являлась важным источником накопления средств для потребностей индустриализации. Поступления в государственный бюджет от всех внешнеторговых операций в конце 1920-х гг. составляли не менее 45 млн руб. Внешнеторговые связи внесли значительный вклад в техническую реконструкцию народного хозяйства, преодоление продовольственного кризиса, стимулирование товарообмена между городом и деревней, укрепление материально-технической базы сельского хозяйства.

В 1920-е гг. происходил процесс становления и развития международных, культурных и научных связей БССР. В начале десятилетия установились персональные контакты белорусских писателей и ученых (Я. Купалы, Я. Коласа, Т. Гартного, В. Пичеты) с иностранными коллегами. Началось знакомство иностранных читателей с белорусской художественной литературой. На белорусский язык были переведены произведения французских, немецких, польских, чешских писателей. Институт белорусской культуры налаживал взаимный обмен книжной продукцией с учебными учреждениями и вузами Англии, Германии, США, Канады, Польши, Чехословакии и других стран.

Белорусские ученые участвовали в ряде международных конгрессов и конференций. Преподаватели БГУ поддерживали связи с А. Эйнштейном. Ученые иностранных государств участвовали в научной конференции по реформе правописания в Минске (1926 г.). Беларусь посетили известные зарубежные писатели и ученые Ян Райнис, Мате Залка, Польш Вайян Кутерье, Зденек Неядлы, Анна Зегерс и др. В 1927 г. Государственная библиотека БССР обменивалась литературой с 90 учреждениями из 23 стран (наиболее активно с Германией, США, Польшей).

Вместе с тем существовали трудности для зарубежных поездок белорусских деятелей культуры. В записке руководства Инбелкульта (ИБК) в СНК БССР (июнь 1925 г.) обращалось внимание на то, что за время существования БССР не было ни одной командировки белорусских писателей за границу, в то время как

наркоматы просвещения РСФСР и УССР практиковали поездки за границу деятелей науки, литературы и искусства. ИБК просил организовать заграничные командировки в Германию и Францию для Т. Гартного, Я. Купалы и К. Чорного. Через некоторое время такие поездки состоялись.

В октябре 1926 г. СНК БССР утвердил Устав Общества культурной связи Советской Беларуси с заграницей как общественной организации, имеющей своей целью установление культурных связей БССР с зарубежными странами. В соответствии с Уставом культурные связи БССР с заграницей понимались как ознакомление зарубежных стран с государственными, социально-экономическими и национально-культурными достижениями Советской Беларуси и ознакомление БССР с положением и культурными достижениями зарубежных стран. В то время наиболее тесные связи поддерживались с общественностью Польши, Чехословакии, стран Балтии. В целом же зарубежные, культурные и общественные контакты БССР были ограниченными и подчинялись политико-идеологическим установкам центра.

В 1919–1929 гг. внешнеполитическая деятельность БССР претерпела эволюцию. Первый этап ее становления охватывал 1919–1922 гг. В это время, особенно в 1921–1922 гг., происходил выход Белорусского советского государства на международную арену. Этот процесс был довольно скромным, наиболее активно проявлялся во взаимоотношениях БССР с соседними странами Восточной Европы. Республика получила юридическое признание своей независимости со стороны РСФСР и других советских республик, а также Польши и Германии. Отношения де-факто поддерживались с рядом европейских стран. БССР принимала активное участие в формировании федеративных отношений с РСФСР и другими советскими республиками, становлении их дипломатического союза, создании СССР.

Внешнеполитическая деятельность БССР в 1919–1922 гг. происходила в очень сложных международных и внутренних условиях, в контексте процессов становления новых государств в Центральной и Восточной Европе, иностранной интервенции и острой политической борьбы по вопросам национально-государственного строительства на территории Беларуси. Созданная по воле и в интересах Советской России, Советская Беларусь выступала в региональной политике как проводник внешнеполитической линии Москвы.

Большинству руководителей БССР были присущи национальный нигилизм и готовность жертвовать национально-государственными интересами белорусского народа для пользы дела революции в Советской России и во всем мире. Незавидная роль объекта иностранной политики более сильных стран и положение буферного государства между РСФСР и Западом предопределили разделы территории Беларуси в 1919—1921 гг., самым значительным из которых был Рижский мир.

Дипломатическая служба БССР формировалась также под решающим влиянием РСФСР и в контексте формирования федеративных отношений между двумя республиками. В рамках дипломатического союза советских республик БССР делегировала свои внешнеполитические полномочия РСФСР. Но одновременно республика осуществляла и самостоятельные акции в отношениях с соседними государствами.

После вхождения в состав СССР начался новый этап внешнеполитической деятельности БССР. Она, в отличие от УССР, не настаивала на сохранении своего дипломатического ведомства. С 1923 г. внешнеполитическая деятельность БССР стала угасать и фактически прекратилась. В 1920-е гг. еще развивались иностранные экономические и культурные связи республики, но и они значительно ослабели в конце десятилетия. Суверенитет БССР приобретал чисто формальный и декларативный характер. С установлением военно-бюрократической модели социализма в СССР, укреплением унитаризма в развитии советской федерации и нарастанием угрозы войны республика попала в международную изоляцию.

Беларусь в геополитике и дипломатии периода Второй мировой войны. Накануне и в начале Второй мировой войны территория Беларуси (БССР и Западная Беларусь, входившая в состав Польши) стала объектом активной дипломатической и военно-политической деятельности со стороны главных акторов международной политики в Восточной Европе — Советского Союза и фашистской Германии.

Руководство Германии, готовясь к войне с Польшей, предложило Советскому правительству заключить Пакт о ненападении и поддержало советскую инициативу о разделении сфер влияния обоих государств в Восточной Европе. 23 августа 1939 г. нарком иностранных дел СССР В. Молотов и министр иностранных дел Германии И. Риббентроп подписали в Москве советско-германский договор о ненападении.

К договору прилагался Дополнительный секретный протокол, который разграничивал сферы взаимных интересов СССР и Германии в Восточной Европе. В соответствии с пунктом 1 протокола, стороны пришли к соглашению, что в случае территориально-политического переустройства областей, входивших в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная часть Литвы станет одновременно границей сфер интересов СССР и Германии. Обе стороны признали интересы Литвы относительно Виленской области. В пункте 2 протокола отмечалось, что в случае территориально-политического переустройства областей, входивших в состав Польского государства, граница интересов СССР и Германии будет проходить приблизительно по линии рек Нарев — Висла — Сан. Это означало, что в сферу интересов СССР кроме Западной Беларуси и Западной Украины входила также часть Польши до Варшавы. Вопрос о сохранении независимости Польши в ее границах стороны оставляли для решения в будущем «в соответствии с дружественным взаимопониманием». В пункте 3 Германия признавала интересы СССР в Бессарабии, которая с 1918 г. входила в состав Румынии.

3 сентября 1939 г., после нападения Германии на Польшу и начала Второй мировой войны, немецкий посол в СССР Ф. Шуленбург поставил перед наркомом иностранных дел В. Молотовым вопрос о возможности СССР «в удобный момент» занять часть Польши, которая была отнесена к «русской сфере влияния». Для оказания давления на советское руководство немецкие войска 9 сентября 1939 г. перешли демаркационную линию, установленную секретным протоколом, заняли Брест и начали двигаться дальше на восток.

В. Молотов во время встречи с Ф. Шуленбургом 10 сентября заявил: в связи с тем, что «Польша разваливается на части», «Советский Союз обязан прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия». В. Молотов честно объяснил немецкому послу суть этой мотивировки. «Такая причина сделает интервенцию Советского Союза пристойной в глазах общественного мнения и даст возможность Советскому Союзу не выглядеть агрессором». На встрече с Ф. Шуленбургом 16 сентября В. Молотов сказал, что Советское правительство собирается следующим образом мотивировать свои действия: «Советский Союз считает своим долгом вмешаться для защиты своих украинских и белорусских братьев и дать возможность этому несчастному населению спокойно трудиться».

17 сентября 1939 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потемкин вручил польскому послу в Москве В. Гжибовскому ноту Советского правительства. В ней говорилось, что поскольку Польское государство фактически прекратило свое существование, Советское правительство отдало распоряжение Красной Армии перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Беларуси. Официально это обосновывалось тем, что Польша стала источником различных случайностей и неожиданностей, которые могут создать угрозу СССР, а действие предыдущих советско-польских договоров прекратилось. Утверждение о том, что Польское государство фактически перестало существовать, противоречило нормам международного права; поскольку временная оккупация не могла являться основанием для прекращения существования государства как субъекта международного права, признанного союзниками и нейтральными странами.

В тот же день войска Красной Армии перешли советско-польскую границу и до 25 сентября заняли всю территорию Западной Беларуси. Большинство белорусского населения искренне приветствовало «освободительный поход» Красной Армии, связывая с ним надежды на освобождение от польского национального угнетения и лучшую жизнь «под Советами». Польская армия, получив соответствующий приказ верховного главнокомандующего, практически не оказала сопротивления советским войскам, которые остановились примерно на «линии Керзона».

28 сентября 1939 г. в Москве В. Молотов и И. Риббентроп подписали Договор о границе и дружбе между СССР и Германией. Он предусматривал «восстановление мира и порядка» на территории «бывшего Польского государства» и установление там «необходимого государственного переустройства» (на запад от определенной границы оно проводилось Германией, на восток — СССР). Правительство СССР и Германии заявили о том, что рассматривают это «переустройство» как «надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами». Договор установил границу между государствами по линии рек Писа — Нарев — Буг — Висла — Сан. Германия обязалась не вмешиваться в дела Западной Украины и Западной Беларуси.

Также был подписан секретный протокол, согласно которому Литва включалась в сферу интересов СССР, а Германия взамен получала часть Польши (Люблинское и часть Варшавского вое-

водства). Предусматривалось изменение германо-литовской границы на юго-западном участке в пользу Германии. 10 января 1941 г. был подписан секретный советско-германский протокол о компенсации за юго-западный «кусочек» Литвы, по которому советское правительство уплачивало Германии 7500 тыс. долл. США, или 31 500 тыс. немецких марок. Согласно второму секретному протоколу, стороны обязались не допускать на своей территории враждебной польской агитации. Доверительный протокол урегулировал вопрос о переселении немцев, проживавших на территории СССР, на запад, а белорусов и украинцев, проживавших на запад от установленной границы, — в СССР.

16 ноября СССР и Германия подписали соглашение о взаимном переселении из СССР лиц немецкой национальности, а из зоны государственных интересов Германии (территории Польши) — лиц украинской, белорусской и литовской национальностей. Процессы переселения граждан в связи с территориальными изменениями в Польше, хотя и декларировались как добровольные, фактически осуществлялись принудительно и противоречили подписанному соглашению. Согласно ему, около 25 тыс. немцев выехали из Западной Беларуси в Германию, а из территории Польши в Беларусь вернулись около 15 тыс. белорусов. Советское правительство не проявило заинтересованности в переселении евреев из зоны немецкой оккупации в СССР. Тем не менее через плохо оборудованную советско-германскую границу в 1939—1940 гг. с занятой немцами польской территории в Западную Украину и Западную Беларусь убежало около 200 тыс. евреев, причем около 120 тыс. из них оказались в Западной Беларуси.

Важным последствием советско-германского договора о ненападении и секретного протокола к нему для Беларуси стало исторически справедливое для белорусского народа событие — объединение Западной Беларуси с БССР. Однако национальное объединение было достигнуто экстремальными средствами в очень сложной международной ситуации. Оно осуществилось благодаря насильственному нарушению Рижского мирного договора 1921 г. и ликвидации Польского государства, явилось результатом сговора диктаторских режимов Сталина и Гитлера. Буквально через несколько недель объединенной Беларуси пришлось заплатить за «освободительный поход» Красной Армии передачей Литве Виленщины с городом Вильно, а потом и других белорусских земель, которые были включены в состав Литовской ССР.

Западная Беларусь, оказавшись под Советами, была быстро включена в состав СССР и БССР. Менее чем через три недели после установления новой власти были объявлены выборы в Народный съезд Западной Беларуси. Выборы состоялись 22 октября 1939 г. под строгим контролем Коммунистической партии и НКВД. 30 октября 1939 г. Народный съезд в Белостоке проголосовал за принятие Западной Беларуси в состав Советского Союза и ее объединение с БССР. Просьбы были удовлетворены Верховным Советом СССР 2 ноября 1939 г. и Верховным Советом БССР 12 ноября 1939 г.

Территория БССР увеличилась с 125,6 тыс. км² до 225,6 тыс. км²; население — с 5 млн 562 тыс. человек до 10 млн 239 тыс. человек. Раздел Беларуси был ликвидирован, а белорусский народ объединился в одном государстве. Однако граница между двумя частями республики оставалась под охраной вплоть до лета 1941 г., когда ее снесли по дороге на Москву немецкие танки.

После объединения Западная Беларусь постепенно советизировалась и очищалась от «ненадежных элементов». Согласно подсчетам белорусского историка А. Хацкевича, с октября 1939 г. по 20 июня 1941 г. в западных областях Беларуси было репрессировано (включая военнопленных польской армии) более 125 тыс. человек, из них депортировано в Сибирь, Казахстан и другие местности СССР более 120 тыс. человек. Другие белорусские и польские историки приводят более высокие цифры жертв депортации. Я. Запрудник отмечает, что до немецкого нападения на СССР из Западной Беларуси (включая Вильно) было депортировано около 300 тыс. человек. Потери населения компенсировались за счет наплыва кадров из других регионов СССР — предпочтительно не белорусов.

Присоединение Виленщины к Литве. Во время похода Красной Армии в Западную Беларусь был освобожден город Вильно, который белорусское руководство рассматривало в качестве будущей столицы Западной Беларуси. В Москве и Берлине в это время зрели иные планы. Напомним, что согласно секретному протоколу к Договору о ненападении от 23 августа 1939 г., предусматривалось включение Литвы с Вильно в состав Германии. Согласно другому секретному протоколу к Договору о дружбе и границах между СССР и Германией, Литва переходила уже в зону советского влияния.

Проблема принадлежности Вильно перешла из сферы советско-германских межгосударственных интересов в сферу советско-

литовских взаимоотношений и в большинстве своем в сферу советской внутренней политики. Приказ о присоединении г. Вильно к Литве советские власти в Западной Беларуси получили в конце сентября 1939 г. Органы НКВД спешили с репрессиями против белорусских политических лидеров на территории Виленщины, стремясь завершить их до передачи области Литве.

Сталин в ходе встречи с литовской делегацией 2 октября 1939 г. отметил, что литовцы, возможно, получают Вильно. Историческое прошлое и стремления литовского народа тесно связаны с городом Вильно, поэтому правительство СССР считало необходимым пойти навстречу этим моральным соображениям. Однако за «моральными соображениями» скрывались великодержавные интересы СССР, направленные на усиление военного присутствия в Литве и на ее будущую инкорпорацию в состав СССР.

3 октября 1939 г. в Москве начались переговоры между правительствами СССР и Литвы, которые завершились подписанием 10 октября Договора о передаче города Вильно и Виленской области Литве и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой. Договор подписали нарком иностранных дел, уполномоченный Президиума Верховного Совета СССР В. Молотов и министр иностранных дел, уполномоченный президента Литвы Ю. Урбшис.

В статье 1 договора говорилось: «В целях укрепления дружбы между СССР и Литвой город Вильно и Виленская область передаются Советским Союзом Литовской Республике с включением их в состав государственной территории Литвы и установлением границ между СССР и Литовской Республикой согласно с прилагаемой картой, причем более детально эта граница будет описана в дополнительном протоколе». Виленщина (территория 7129 км² с населением 457 тыс. жителей) передавалась от Белорусской ССР Литве. Договор предусматривал пропуск советских войск через литовскую территорию, вооружение на льготных условиях литовской армии, неучастие в коалициях, направленных на одну из сторон. СССР обещал Литве не препятствовать ее самостоятельной внутренней и внешней политике, сохранить ее суверенитет. Срок действия договора относительно пунктов о взаимопомощи составлял 15 лет. Конфиденциальный протокол ограничивал количество советского военного контингента в Литве 20 тыс. человек, сухопутных и военно-воздушных сил. Договор предусматривал, что в случае войны одной из сторон с третьим государством другая сторона может оставаться нейтральной.

Против присоединения Вильно и Виленщины к Литве выступило правительство Польши, договор не поддержали Франция и Англия. Еще в начале военной кампании против Польши Германия подталкивала Литву к захвату Виленщины, о чем литовское правительство информировало Лондон. Берлин обещал Литве военную помощь в случае похода на Вильно, но литовское правительство стало на путь мирного разрешения виленского вопроса. Позиция литовского правительства характеризовалась замалчиванием факта добровольной передачи Советским Союзом города Вильно. В декабре 1939 г. премьер-министр Литвы даже заявил, что «Вильно и Виленский край, хоть и косвенно, завоеваны нашей армией».

Цели передачи Виленщины Литве окончательно определились в августе 1940 г., когда Красная Армия заняла Литву, а также Латвию и Эстонию. На VII сессии Верховного Совета СССР был поставлен вопрос о вхождении балтийских республик в состав СССР. Первый секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономаренко от имени правительства и Верховного Совета БССР внес предложение «о присоединении к Литовской Советской Социалистической Республике Свентянского района и частей территории Видовского, Годутишского, Островецкого, Вороновского и Радуньского районов с преобладающим литовским населением». В то время названные районы входили в состав Вилейской и Барановичской областей БССР. Предложение П. Пономаренко вошло в Закон о принятии Литовской ССР в состав СССР от 3 августа 1940 г. В ноябре 1940 г. от Беларуси в пользу Литвы отошли Свентяны (сейчас Швенчонис), Солечники (сейчас Шальчаникай) и известный курорт Друскеники (сейчас Друскининкай). Эта территория составляла 2600 км² с населением 65 тыс. человек.

Единственной силой, которая выразила протест против очередного раздела Беларуси, стала Рада БНР, которая располагалась в Праге. 12 октября 1939 г. Председатель Рады БНР В. Захарко направил протест против подписания договора «о переходе к Литве белорусского города Вильно и белорусских земель Виленской области» президенту Литвы А. Сметоне, где указывалось, что Литва ответственна перед белорусским народом за этот незаконный акт.

Беларусь в планах фашистской Германии. Белорусский вопрос не имел для Германии большого значения после прихода нацистов к власти в 1933 г. До 1940 г. там не разрабатывалось никаких программ расчленения СССР. Однако в Польше белорусским

и украинским вопросами интересовались некоторые государственные органы и разведка. Без учета геополитического фактора Польши (антисоветское сотрудничество с ней или вывод ее из игры как государства) для Германии не было возможности достигнуть непосредственного контакта с границами СССР. Начиная с 1935 г. Гитлер неоднократно пытался склонить польское правительство к совместному походу на СССР, одной из целей которого было бы занятие Украины и Беларуси. Последний раз Гитлер выступил с подобной инициативой в январе 1939 г. во время встречи с польским министром иностранных дел Ю. Беком; однако польское правительство ее не поддержало. На некоторое время проблема Украины и Беларуси исчезла с политического горизонта Германии.

Сторонником расчленения СССР выступал руководитель ведомства внешней политики НСДАП А. Розенберг, который стремился создать на территории Западной Беларуси политический плацдарм для запланированного нападения на СССР. Шеф штаба Розенберга А. Шикеданц писал 14 июня 1939 г. в своем мемориале начальнику рейхсканцелярии Г. Ламерсу, что в случае немецко-польской войны СССР может занять территорию Западной Украины и Западной Беларуси, что ухудшит для Германии перспективы его расчленения. «Земли с белорусским и западноукраинским населением имели бы неоценимое значение, как средства и база для глубокого раскола России... Это был бы соответствующий момент для того, чтобы ввести оба народа в орбиту немецких интересов для отпора России...», — говорилось в мемориале А. Шикеданца.

В 1939–1940 гг. на территории Германии и оккупированных немцами территориях Польши и Чехии, главным образом в Варшаве, Лодзи и Праге, возникло несколько белорусских организаций. Кроме эмигрантов они объединяли белорусов, служивших в польской армии в сентябре 1939 г., а также тех, кто оказался в зоне немецкой оккупации после передачи Виленщины Литве. На базе этих организаций в Берлине образовалось несколько политических объединений белорусской диаспоры — Белорусское представительство, Белорусский комитет самопомощи, группа «Центр». Представители групп надеялись выступить в роли представителей белорусского народа и потенциальных политических партнеров Германии, стремясь навязать ей оптимальные, на их взгляд, рецепты разрешения белорусского вопроса после разгрома СССР. Белорусские группировки стремились достигнуть у немцев призна-

ния и поддержки, чтобы получить наибольшее политическое влияние в Беларуси после ее оккупации немецкими войсками. Созданная 19 июня 1941 г. группа «Центр» (руководитель М. Щорс) претендовала на роль руководителя и координатора деятельности белорусской эмиграции в Германии. Создание этого органа до нападения на СССР свидетельствовало о том, что он собирался объявить себя временным правительством Белоруссии при удобном случае.

После захвата Чехословакии немецкими войсками лидеры белорусской диаспоры в Праге И. Ермаченко и президент рады БНР В. Захарко 20 апреля 1939 г. направили Гитлеру мемориал с просьбой принять во внимание белорусский вопрос в планируемом разгроме и расчленении СССР. Этот документ не был проигнорирован. Белорусских деятелей пригласили 3 августа 1939 г. на конференцию в МИД в Берлине, где их уверили, что Германия против концепции «единой и неразделимой России».

В то время как подавляющее большинство белорусских кругов надеялось на поддержку «Третьего рейха», группа Я. Станкевича и В. Ивановского ориентировалась на западных союзников, считая их главной силой в организации послевоенного строя в Европе. Особые надежды они связывали с возрожденной Польшей, с помощью которой рассчитывали вывести белорусский вопрос на международный форум. Однако в условиях фашистского доминирования в Европе ориентация на Германию была наиболее распространена и выглядела более реалистичной.

Политические цели относительно западных советских республик Гитлер впервые сформулировал 21 июля 1940 г., когда сообщил высшим военным чинам рейха о решении напасть на СССР. По его мнению, на западных просторах СССР следовало создать три отдельных государственных организма — Украину, Беларусь и федерацию Прибалтийских республик. В других высказываниях Гитлер отметил их роль как зависимых от Германии и «свободных от Сталина» республик — буферов «Третьего рейха». В марте 1941 г. он говорил об Украине, Беларуси и балтийских странах как о государствах-протекторатах, которые «должны быть социалистическими, но не иметь собственной интеллигенции». В начале 1941 г. при разработке плана «Барбаросса» главное немецкое командование вооруженных сил предусматривало раздел оккупированных территорий согласно национальной специфике и тактическому разграничению трех воинских формирований: «Север» (Прибалтика), «Центр» (Беларусь) и «Юг» (Украина).

Позиция назначенного министром оккупированных восточных земель А. Розенберга относительно Беларуси была более скептической. Он не планировал признания ее независимого государственного статуса, как, например, Украины. В мае 1941 г. Розенберг высказался за соединение Беларуси с прибалтийскими странами в одном рейхскомисариате «Остланд», что и было потом реализовано во время оккупации.

Оккупационная политика и коллаборационизм. После быстрой оккупации Беларуси ее территория была разделена на несколько отдельных частей. «Генеральный округ Беларутения (Беларусь)», который составлял примерно третью часть территории БССР, был включен в рейхскомисариат «Остланд» с резиденцией в Риге. Он был разделен на десять округов (гебитов): Барановичский, Борисовский, Вилейский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слонимский, Слуцкий. Северо-западные районы Брестской и Белостокской областей присоединили к Восточной Пруссии, южные районы Брестской, Пинской, Полесской и Гомельской областей — к рейхскомисариату «Украина»; северо-западные районы Вилейской области вошли в состав «Генерального округа Литвы»; Витебская, Могилевская, часть Гомельской и Минской областей — в зону армейского тыла. Чтобы компенсировать в пользу Украины и Литвы территориальные потери Беларуси, которые составляли 68 тыс. км², или 30 % от довоенной площади БССР, министерство Розенберга планировало присоединить к «Генеральному округу Беларусь» Смоленщину с городом Смоленском. Однако Гитлер не поддержал этой идеи, и потому довоенная граница БССР и РСФСР сохранилась.

Согласно генеральному плану «Ост», в Беларуси предусматривалось оставить для онемечивания и использования в качестве рабочей силы не более 25 % белорусов, остальных предполагалось уничтожить или переселить на восток. План был рассчитан на 30 лет. В замечаниях к плану «Ост» было записано: «К вопросу о белорусах... Необходимо исходить из того, что белорусы являются наиболее безобидным и потому самым безопасным для нас народом». Тем не менее, и этот «безобидный» народ ожидало незавидное будущее.

С началом советско-германской войны сформулированный Гитлером вопрос о «свободных от Сталина республиках» был снят с повестки дня берлинской политики. Фюрер рассчитывал, что победа над СССР будет одержана быстро, и потому не видел необходимости в политическом сотрудничестве с населением занятых тер-

риторий. Вместо ранее запланированных административных единиц — Прибалтики, Беларуси и Украины — декрет Гитлера от 17 июля 1941 г. предусматривал создание рейхскомиссариатов во главе с немецкими чиновниками, что означало отказ Гитлера от идеи преобразования этих земель в вассальные территории и переход на позицию их полной колонизации.

В документе А. Розенберга от 21 июля 1941 г., направленном шефу главного командования вермахта, руководителю абвера и рейхскомиссариата «Остланд» Х. Лозе, содержались первые инструкции для рейхскомиссариата «Остланд». «Целью деятельности рейхскомиссара Эстонии, Латвии, Литвы и Беларуси является формирование здесь рейхспротектората, а затем преобразование этой территории в часть великогерманского рейха путем привлечения для сотрудничества полноценных с расовой точки зрения элементов и мер по переселению. Балтийское море должно стать внутренним северным морем под властью Германии».

Относительно Беларуси в документе констатировалось, что здесь имеется «достаточно сильно выраженное движение за независимость. Можно допустить, однако, что большевикам удалось подавить это движение». Предусматривалось, что Беларуси необходимо будет взять на себя нелегкую задачу по приему переселенцев из Эстонии, Латвии, Литвы и Польши. Поляков предполагалось переселить не на территорию «генерал-губернаторства Беларутения, а в восточные районы Беларуси (район Смоленска), чтобы они заняли там место русских. Также ставилась задача «...разжигать неприязненное отношение белорусов к России».

Согласно А. Розенбергу, немецкая политическая пропаганда должна постоянно подчеркивать, что большевизм ликвидировал бы все эти народы, если бы германский рейх не взял под защиту их территорию. Отмечалась необходимость предотвращать создание «независимых национальных армий». «Военный суверенитет также должен находиться в руках германского рейха, а не малых народов Остланда». Администрацию муниципалитетов, однако, могли возглавлять и представители местного населения. Необходимо было сформировать надежную эстонскую, латышскую, литовскую и белорусскую полицию.

При решении церковных вопросов рекомендовалось проявлять сдержанность. «Что касается культурной жизни, то нужно сразу пресечь попытки создания собственных эстонских, латышских, литовских и белорусских университетов и вузов. Не нужно препят-

ствовать созданию ремесленных училищ и небольших технических учебных заведений».

Ужасы сталинского режима вызывали у многих белорусов необоснованные надежды, что нацистский «новый порядок» будет более гуманным. В ряде городов и деревень Беларуси немецкие войска встречали с хлебом-солью, а Гитлера называли «освободителем». Белорусские национальные деятели, помня о трагедиях коммунистического и польского режимов, делали ставку на немцев, которые разрешили в белорусском генеральном округе зачатки гражданской администрации и национально-культурной деятельности. Генеральный комиссар В. Кубе терпимо относился к белорусским национальным устремлениям и даже способствовал развитию начального и среднего образования. Согласно его инструкциям, основным языком обучения должен был быть белорусский. В населенных пунктах с преимущественным польским населением допускалось существование школ с польским языком обучения, но и в них белорусский язык оставался обязательным предметом с объемом преподавания 6 часов в неделю. Создание школ с русским языком обучения не допускалось.

Однако население оккупированной Беларуси достаточно быстро изменило свое отношение к немцам от приязненного либо нейтрального на резко враждебное. После убийства генерального комиссара В. Кубе его преемник бригаденфюрер СС, генерал-майор полиции К. фон Готберг стремился совмещать жестокие репрессии с дальнейшими уступками белорусскому национализму. В декабре 1943 г. была создана Белорусская Центральная Рада (БЦР) — вспомогательный орган управления, основной уставной задачей которого было «мобилизовать все силы белорусского народа на уничтожение большевизма».

27 июня 1944 г. БЦР с разрешения немецких властей созвала II Всебелорусский съезд, на котором присутствовало 1039 делегатов. Съезд вынес приговор большевистскому режиму за уничтожение «1 800 000 лучших сыновей нашего народа» и принял краткую резолюцию. Делегаты подтвердили Третью Уставную грамоту БНР от 25 марта 1918 г., заявили о непризнании белорусской государственности в форме БССР, провозгласили окончательный разрыв с Россией, подчеркнув, что «голос Москвы и СССР в белорусских делах не имеет никакой правовой силы». Съезд объявил недействительными договоры и односторонние решения СССР и Польши относительно территории Беларуси. Последним пунктом резолюции провозглашалось, что БЦР является

«единственным действительным представителем белорусского народа с президентом Родославом Островским во главе». По предложению Р. Островского съезд послал телеграмму Гитлеру, в которой убеждал, что «белорусский народ будет решительно бороться вместе с немецким солдатом против нашего общего врага — большевизма».

Беларусь и проблемы восточной границы Польши. Сентябрьская военная акция Германии и СССР против Польши 1939 г. привела к ухудшению советско-польских отношений. Польское эмиграционное правительство, подчиненные ему подпольные военные и политические организации на территории бывшего польского государства, куда входили и земли Западной Украины и Западной Беларуси, фактически находились в состоянии войны как с Германией, так и с СССР. Польское эмиграционное правительство, созданное в октябре 1939 г. во Франции во главе с генералом В. Сикорским, не признавало законности договоров между Германией и СССР относительно Польши, в том числе включения территорий Западной Украины и Западной Беларуси (вместе с Виленщиной) в состав СССР. После 17 сентября 1939 г. СССР в пропаганде польского сопротивления преподносился как «оккупант номер два», союзник «Третьего рейха».

После нападения Германии на СССР польскому правительству под давлением Великобритании пришлось откорректировать свою позицию. 30 июля 1941 г. в Лондоне был заключен договор между СССР и Польшей об установлении дипломатических отношений и о сотрудничестве в войне, который подписали советский посол в Великобритании И. Майский и глава польского эмиграционного правительства генерал В. Сикорский. СССР признавал, что советско-германские соглашения относительно территориальных изменений в Польше утратили силу. Однако такая формулировка давала возможность ее различной интерпретации. Поляки считали Западную Украину и Западную Беларусь своей территорией, Советское правительство тоже не собиралось отказываться от этих земель.

В феврале 1942 г. польское правительство создало Армию Крайову (АК), подпольную военную организацию, которая действовала на территории как Польши, так и Западной Украины, Западной Беларуси и Литвы с целью восстановления польского государства в границах 1 сентября 1939 г. АК придерживалась лозунга «двух врагов» и вела борьбу на два фронта — против немцев и против большевиков.

Среди политических сил Польши в то время существовали две противоположные позиции в отношении восточной границы государства. С одной стороны, Польская рабочая партия, Союз польских патриотов признавали права этнического большинства белорусов и украинцев на территории Западной Беларуси и Западной Украины. С другой стороны, эмиграционное правительство отрицало законность воссоединения белорусов и украинцев в рамках своих национальных государств, выступало за сохранение границы между СССР и Польшей, установленной Рижским мирным договором 1921 г.

Великобритания и США, хотя и не признавали законности включения Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР и новой границы между СССР и Польшей, тем не менее склонялись к признанию «линии Керзона» в качестве советско-польской границы. По мере усиления позиций СССР в антигитлеровской коалиции роль Сталина в польском вопросе становилась все более похожей на роль арбитра. Он хорошо понимал, что в вопросе границы польское правительство не может рассчитывать на поддержку западных государств.

Государственный департамент США в 1943 — начале 1944 гг. рассматривал различные варианты советско-польской границы с учетом этнического состава населения. Например, Белостокское воеводство американцы считали практически «чисто польским». В аналитическом документе внешнеполитического ведомства США от 26 марта 1943 г., который был посвящен характеристике политических устремлений различных этнических групп Восточной Польши, белорусы квалифицировались как «культурно отсталое сельское население, которое не имеет определенных политических группировок и программ». Подчеркивалась его антипольская и просоветская направленность. Делался вывод, что белорусы бывшей Польши будут иметь больше возможностей для развития в составе Советской Беларуси, чем в качестве жителей возрожденной Польши. В целом администрация США была настроена на поддержку «линии Керзона», хотя Ф. Рузвельт и стремился избежать заявлений относительно советско-польской границы.

На Тегеранской конференции 1943 г. главы СССР, США и Великобритании признали «линию Керзона» в качестве советско-польской границы. В заявлении Советского правительства от 11 января 1944 г. высказывалась готовность внести изменения в границу 1939 г. в пользу Польши в районах с преимущественно

польским населением. Польское эмиграционное правительство отреагировало на советское заявление меморандумом министерства иностранных дел от 13 января 1944 г., в котором внимание Советского правительства обращалось на то, что изменение границ союзных республик должно быть санкционировано этими республиками. Констатировалось также, что «линия Керзона» не опирается на юридическую базу и не может служить границей между СССР и Польшей.

В марте 1944 г. на 6-й сессии Верховного Совета БССР Председатель Президиума Верховного Совета Н. Наталевич в докладе о создании наркоматов обороны и иностранных дел БССР значительное внимание уделил отношениям между Беларусью и Польшей. Он отметил, что в соответствии с заявлением Советского правительства от 11 января 1944 г. к Польше должны были отойти большинство районов Белостокской области. Н. Наталевич обратился к Верховному Совету БССР с просьбой рассмотреть вопрос о границах и попросил Советское правительство при определении границы между СССР и Польшей учесть законное и справедливое желание белорусского народа объединить все исконные белорусские земли в единое Белорусское советское государство. Однако эти просьбы не были учтены ни советским руководством, которое волюнтаристски решало проблемы союзных республик, ни Верховным Советом БССР, который не отважился без согласия Москвы рассматривать вопрос об изменении границы Беларуси.

15 июля 1944 г., за два дня до начала форсирования советскими войсками Буга и вступления на польскую территорию, полномоченный Краевой Рады Народовой Э. Осубка-Моравский и председатель Главного управления Союза польских патриотов В. Василевская обратились с письмом к Сталину, где поставили вопрос о передаче Польше западной части Белостокской области.

24–25 июля 1944 г. в Москве состоялись переговоры между Советским правительством и делегацией Польского комитета национального освобождения (ПКНО), важную роль на которых занял вопрос о государственной границе между СССР и Польшей. Польская делегация предложила провести линию границы в соответствии с этническим принципом, что значило признание факта вхождения Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР. Советский проект объединял в себе этнический принцип со стратегическими соображениями относительно Восточной Пруссии — передачей СССР Кенигсберга — и предусматривал передачу Польше Белостокской области и города Суwalkи.

Переговоры проходили тяжело. Поляки на первый план ставили вопрос о передаче Беловежской Пуши. Когда делегации ПКНО не удалось добиться соглашения во время бесед с В. Молотовым и А. Вышинским, обсуждение было перенесено в кабинет Сталина. После настойчивых просьб членов польской делегации он, наконец, согласился передать Польше Беловежу вместе с частью Беловежской Пуши. Сталин, однако, отметил, что он должен согласовать этот вопрос с белорусами.

27 июля 1944 г. В. Молотов и глава польской делегации Э. Осубка-Моравский подписали соглашение между СССР и ПКНО о советско-польской границе. В основу границы была положена «линия Керзона» с отступлениями в пользу Польши на белорусском участке границы Белостокской области и части Беловежской Пуши. Это соглашение носило подготовительный, временный характер, так как еще не было сформировано польское правительство национального единства. Что касалось сталинской реплики: «Посоветоваться с белорусами», то она звучала явно криводушно, но оставляла место для маневра. Никакого обсуждения пограничных проблем в полном смысле этого слова с белорусским руководством не было. Оно принимало все то, что решалось в Кремле.

Польское эмиграционное правительство по-прежнему отказывалось признавать «линию Керзона» и заключенное ПКНО с СССР соглашение о границе. Об этом свидетельствовали переговоры в Москве представителей СССР с делегацией польского эмиграционного правительства в Лондоне во главе с премьер-министром С. Миколайчиком, которые состоялись в августе и октябре 1944 г. В меморандуме польского правительства от 29 августа 1944 г. говорилось, что окончательное урегулирование польско-советской границы должен одобрить конституционный сейм, что необходимо также провести добровольный обмен населением (польским, белорусским и украинским). Лондонское правительство не признало соглашений об обмене населением, которые были заключены Белорусской, Литовской и Украинской ССР с ПКНО, подчеркивая, что правительства советских республик делают попытки изменить в свою пользу этнический состав территорий Западной Беларуси и Западной Украины. Однако нельзя забывать, что польское правительство в 1921–1939 гг. проводило на «восточных кресах» политику изменения этнического состава населения, переселяя сюда «осадников».

На Крымской конференции 1945 г. Сталин, Рузвельт и Черчилль договорились, что западная граница Польши пройдет вдоль

«линии Керзона» с отступлениями от нее в некоторых районах от 5 до 8 км в пользу Польши. Несмотря на утверждения Сталина о том, что «линия Керзона» на белорусском участке является неправильной, что Белосточчина принадлежит к этнической белорусской территории, тем не менее, он отдал ее Польше.

После Потсдамской конференции 1945 г., урегулировавшей вопрос о западной границе Польши, возникла необходимость ее юридического обоснования. 16 августа 1945 г. заместитель председателя СНК СССР В. Молотов, уполномоченный Президиумом Верховного Совета СССР, и председатель Совета Министров Польской Республики Э. Осубка-Моравский по поручению Президента Краевой Рады Народовой (КРН) Б. Берута подписали Договор о советско-польской государственной границе. Подписание договора взамен соглашения от 27 июля 1944 г. означало признание правительством Польши «линии Керзона» в качестве советско-польской границы. Стремясь сильнее привязать Польшу к СССР, Сталин пошел дальше навстречу ее интересам. Договор предусматривал отступление в пользу Польши от «линии Керзона» не на 5–8 км, как было решено в Ялте, а на 30 км в глубину Украины и на 17 км в глубину Беларуси. Это означало, что от последней отходили 17 районов Белостокской области и 3 района Брестской области (часть Беловежской Пуши). Польская сторона передавала Беларуси 15 деревень, населенных преимущественно белорусами.

Советский вариант «линии Керзона» отрезал от Беларуси территорию площадью 14,3 тыс. км² с населением (по переписи 1931 г.) около 772 тыс. человек, а по переписи 1946 г. — около 638 тыс. человек. Белосточчина, присоединенная к Польше, представляла собой территорию, которая равнялась половине площади таких европейских стран, как Албания или Бельгия. Советское руководство охотно отдало сателлитной Польше Белосточчину, потому что ее населяло в большей степени белорусское католическое население, к которому Москва относилась враждебно. Согласно данным 1921 г., там проживало 61 % католиков, 23 % православных, 15 % евреев.

Анализируя геополитические расчеты Сталина, необходимо обратить внимание на то, что северная часть Восточной Пруссии, которая могла бы стать для Беларуси натуральным выходом к Балтийскому морю, была, тем не менее, присоединена к РСФСР. В данной ситуации мы снова сталкиваемся с проявлением сталинской великодержавной политики.

Подготовка, подписание и ратификация Договора о советско-польской границе осуществлялись без участия уполномоченных представителей БССР и других заинтересованных союзных республик. Договор не обсуждался в высших органах государственной власти и управления УССР, БССР и Литовской ССР, чьи национально-государственные интересы он непосредственно затрагивал. В советской государственной системе не было предусмотрено политико-правового механизма взаимодействия и координации между центром и республиками при разрешении вопросов о границах республик и Союза. Договор нарушал положения Конституции СССР и Конституции БССР, которые требовали согласия союзной республики на изменение ее границ. Такого формального согласия соответствующих республик не было.

Н. Хрущев писал в мемуарах, что к Польше «отошли и некоторые земли с чисто белорусским и украинским населением». Он объяснял этот шаг Сталина тем, что он, желая «задобрить» поляков, уступил им, чтобы ослабить неприятные ощущения, которые остались у польского народа от советско-германского договора от 23 августа 1939 г.

Путь Белорусской ССР в ООН. Вопрос о включении БССР и УССР в число первоначальных членов ООН является одной из интереснейших страниц истории дипломатии завершающего периода Второй мировой войны. С августа 1944 г., когда Советский Союз в г. Думбартон-Оксе впервые выдвинул предложение о включении в состав Международной организации безопасности всех 16 советских союзных республик, до мая 1945 г., когда учредительная конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско приняла решение о включении БССР и УССР в число учредителей новой международной организации, вокруг вопроса о представительстве советских республик шла напряженная дипломатическая борьба между Советским Союзом и его американско-английскими союзниками по антигитлеровской коалиции. Основные вехи этой борьбы — конференции в Думбартон-Оксе, Ялте и Сан-Франциско.

Юридической основой для допуска союзных республик в проектируемую организацию стал принятый Верховным Советом СССР в феврале 1944 г. закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат».

Путь Беларуси и Украины во всемирную организацию был трудным и тернистым. Советское руководство начало готовиться к выходу союзных республик на международную арену и созданию их собственных наркоматов иностранных дел с весны 1943 г., когда обозначился коренной поворот в ходе Второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции. В связи с разработкой планов послевоенного устройства мира перед Советским Союзом возникла реальная опасность оказаться в одиночестве или в лучшем случае иметь только нескольких союзников как в будущей Международной организации безопасности, так и на конференциях по вопросам послевоенного мирного урегулирования. С целью укрепления позиций СССР на международной арене Советское правительство решило добиваться так называемого «множественного представительства» союзных республик в международных организациях и ассамблеях.

Первая попытка легализации «множественного представительства» СССР была предпринята в конце 1943 г., когда Москва попросила отдельное членство для 7 союзных республик, понесших наибольшие потери в войне (Украины, Беларуси, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии и Карело-Финской ССР), в Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям. Но США и Великобритания отклонили просьбу СССР, мотивируя свой отказ отсутствием у республик конституционных полномочий для ведения внешнеполитической деятельности. Это подтолкнуло советское руководство к тому, чтобы вернуть республикам внешнеполитические полномочия, которые они делегировали центру при вступлении в Союз ССР.

В соответствии с решениями 10-й сессии Верховного Совета СССР (февраль 1944 г.), на которой с докладом выступил заместитель Председателя Совнаркома народный комиссар иностранных дел СССР В. Молотов, союзные республики получили право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями. Соответствующие изменения были внесены в Конституцию СССР и конституции союзных республик. В течение 1944 г. в республиках были созданы свои наркоматы иностранных дел и назначены их руководители. Решения Верховного Совета СССР предусматривали также создание войсковых формирований союзных республик и республиканских наркоматов обороны.

Несмотря на то, что посол США в СССР А. Гарриман, а также известные американские журналисты Д. Рестон и У. Липпман сразу же разгадали подлинный смысл февральских решений 1944 г., политическое руководство США и Великобритании не сделало практических выводов из принятия закона о предоставлении союзным республикам внешнеполитических полномочий. Для него оказалось полной неожиданностью выдвинутое главой советской делегации А. Громыко на конференции в Думбартон-Оксе 28 августа 1944 г. требование о включении всех 16 советских союзных республик в число первоначальных членов новой международной организации. Оно произвело эффект разорвавшейся бомбы. Заседание глав делегаций СССР, США и Великобритании было прервано. Первой реакцией глав делегаций США и Великобритании Э. Стеттиниуса и А. Кадогана было удивление и предположение больших трудностей в реализации предложения А. Громыко.

Против этого предложения категорически высказались президент США Ф. Рузвельт и государственный секретарь К. Хэлл. Серьезную обеспокоенность постановкой вопроса о членстве 16 республик в новой организации выразил Ф. Рузвельт в послании Сталину 1 сентября 1944 г. В нем отмечалось, что советское требование может поставить под угрозу весь проект учреждения международной организации и выражалась готовность обсудить это требование после ее создания.

В ответном послании И. Сталина Ф. Рузвельту от 7 сентября 1944 г. подчеркивалось исключительно важное значение, которое придавал советский руководитель этому вопросу. Указывалось, что такие советские республики, как Украина и Беларусь по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, которые отнесены к числу инициаторов создания новой организации. Сталин, натолкнувшись на резкое противодействие Соединенных Штатов максимальному удовлетворению советской просьбы, упомянул Украину и Беларусь в числе первых республик-кандидатов на первоначальное членство в организации.

В документах госдепартамента США, а затем в западной литературе вопрос о первоначальном членстве союзных республик получил название «вопрос икс», или «дело икс». Э. Стеттиниус завел специальную папку, в которой хранились подлинные протоколы конференции в Думбартон-Оксе, относящиеся к «делу икс».

О существовании этой папки помимо него знали только Ф. Рузвельт и К. Хэлл. Президент дал Э. Стеттиниусу указание держать в строгом секрете «дело икс».

Вопрос о первоначальных членах будущей организации в Думбартон-Оксе решить не удалось, поскольку США и Великобритания категорически возражали против членства советских республик. Отправляясь на конференцию в Крым, Ф. Рузвельт в беседе с группой сенаторов заявил, что в случае выдвижения И. Сталиным просьбы о членстве 16 республик он потребует членства всех 48 штатов своего государства.

К Ялтинской конференции правительства СССР и США подготовили компромиссные предложения по процедуре голосования в Совете Безопасности и первоначальному членству. Предложение Вашингтона по процедуре голосования учитывало точку зрения Москвы о безусловном единогласии постоянных членов Совета по всем важнейшим решениям. Советское правительство отказалось от своего требования членства для всех 16 республик и выдвинуло просьбу о включении в число учредителей организации трех, или, по крайней мере, двух республик (Украины, Беларуси и Литвы). Аргументируя эту просьбу, В. Молотов сказал, что эти республики понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, подвергшимися немецкому вторжению.

Включение Литвы в формулу «3 или 2 советские республики» имело для советского руководства целью признание Западом инкорпорации прибалтийских государств в состав СССР. Но поскольку США и Великобритания по-прежнему отказывались признавать включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР, то они отрицательно отнеслись к предложению о допуске Литвы в первоначальные члены организации. В дальнейшем ее кандидатура Советским правительством не выдвигалась, и речь шла только об Украине и Беларуси.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль поддержал советское предложение и попросил Ф. Рузвельта также положительно отнестись к нему. Он считал, что позиция Британского Содружества с его шестью голосами (Великобританией, Австралией, Канадой, Новой Зеландией, Южно-Африканским Союзом и Индией) в организации усилится из-за того, что другая держава также будет располагать несколькими голосами. Ф. Рузвельт, оказавшись в одиночестве, был вынужден согласиться с советским предложением. Считая, что фактическая власть будет осуществляться Советом

Безопасности, он уже не рассматривал как нелепое предложение И. Сталина о двух дополнительных голосах для Украины и Беларуси. Ф. Рузвельт также пошел навстречу И. Сталину, который говорил, что голос для Украины необходим в целях сохранения «советского единства». Согласие Ф. Рузвельта на допуск двух советских республик в организацию встретило недовольство ряда членов делегации США. Под их давлением президент обратился к У. Черчиллю и И. Сталину с просьбой предоставить и США два дополнительных голоса. Руководители Великобритании и СССР незамедлительно поддержали эту просьбу.

Договоренность об Украине и Беларуси по инициативе Ф. Рузвельта и У. Черчилля была включена в секретный протокол Ялтинской конференции. В Советском Союзе о нем было известно весьма узкому кругу лиц. Руководители БССР не знали об этом решении. Украина и Беларусь, определяемые по сталинской терминологии как «две основные республики СССР», являлись объектом сталинско-молотовской дипломатической игры, которая велась за их спиной.

После Крымской конференции советское руководство решило, что пришла очередь включить в игру эти заинтересованные республики. В марте 1945 г. правительства УССР и БССР, не получившие приглашений на учредительную конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско, по подсказке из Москвы заявили, что направят на конференцию свои делегации даже при отсутствии официальных приглашений. Этот неожиданный ход советской дипломатии обострил разногласия между СССР и западными державами, накалил обстановку вокруг подготовки конференции в Сан-Франциско. Администрация США при поддержке британского правительства энергично возражала против такого шага, указывая, что решение Крымской конференции не предусматривало участия делегаций Украины и Беларуси в Сан-Франциско конференции. Напротив, по мнению советской дипломатии, единственным путем вступления обеих республик в организацию было участие в ее учредительной конференции. Однако усилиями В. Молотова, использовавшего давление, ультиматумы и взаимоувязки, удалось добиться согласия от США, Великобритании и Китая поддержать на конференции советскую просьбу о приглашении представителей Украины и Беларуси в Сан-Франциско.

Перспективы реализации ялтинской договоренности осложнились после того, как в США в конце марта стало известно о согла-

шении относительно дополнительных голосов для СССР и США. В стране разразился политический скандал. Противники Ф. Рузвельта из среды республиканцев отвергали в принципе идею предоставления дополнительных голосов, считая ее противоречащей природе международной организации и принципу суверенного равенства государства. Политики и обозреватели указывали на то, что Беларусь и Украина не являются суверенными государствами. Соратники и друзья Ф. Рузвельта считали ошибкой его просьбу о трех американских голосах. За неделю до смерти, 5 апреля 1945 г., президент Ф. Рузвельт на своей последней пресс-конференции подробно остановился на проблеме дополнительных голосов. Он рассказал о том большом значении, которое придавал И. Сталин обеспечению голосов для Украины и Беларуси. Ф. Рузвельт сообщил, что его правительство не будет просить в Сан-Франциско трех голосов для США, поскольку они ничего не решают.

На конференции в Сан-Франциско, которая открылась 25 апреля 1945 г., 27 апреля было единогласно принято решение о включении Украинской и Белорусской Советских Социалистических Республик в число первоначальных членов Организации, а 30 апреля также единогласно все 47 государств — участников конференции проголосовали за приглашение делегаций УССР и БССР на учредительный форум Объединенных Наций. За это решение голосовали и все латиноамериканские страны в обмен на данное СССР обязательство поддержать приглашение Аргентины, которая все еще колебалась в вопросе разрыва отношений с Германией.

1 мая 1945 г. генеральный секретарь конференции в Сан-Франциско А. Хисс отправил из Вашингтона телеграмму на имя наркома иностранных дел БССР К. Киселева. В ней правительство БССР информировалось о решении конференции Объединенных Наций пригласить Белорусскую ССР стать равноправным членом создаваемой международной организации и пригласить ее представителей немедленно прибыть для участия в конференции, как только они получат приглашение через представителей СССР. 30 апреля 1945 г. Президиум Верховного Совета БССР назначил делегацию на конференцию в составе К. Киселева (руководитель делегации), А. Жebraка, В. Перцева, Г. Байдукова и Ф. Шмыгова. Делегация получила полномочия подписать окончательный текст Устава Всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности при условии его последующей ратификации в порядке, установленном законами БССР.

6 мая правительственные делегации УССР и БССР прибыли в Сан-Франциско и включились в работу конференций. 26 июня они подписали Устав ООН, который был ратифицирован Президиумами Верховных Советов УССР и БССР соответственно 22 и 30 августа 1945 г. Устав вступил в силу 24 октября 1945 г. Процесс включения обеих советских республик в состав первоначальных членов или государств — учредителей ООН на этом был завершен. Вступление Беларуси и Украины в ряды Организации Объединенных Наций означало, что первоначальные члены ООН, государства, принятые впоследствии в нее, все международное сообщество признавали республики в качестве субъектов международного права.

Путь Беларуси в ООН — это итог напряженной, настойчивой и, в конечном счете, успешной борьбы Советского правительства с дипломатией США, Великобритании и других стран. Советскому Союзу пришлось преодолеть немало препятствий, чтобы путем компромиссов и уступок, угроз и ультиматумов, увязок и других искусных ходов добиться хотя бы минимального (двойного) представительства союзных республик в ООН. В частности, положительное решение вопроса по Украине и Беларуси в Сан-Франциско стало возможным благодаря сделке В. Молотова с представителями латиноамериканских стран. Увязав положительное решение белорусско-украинского вопроса с аргентинским, представители латиноамериканских стран дали обещание поддержать кандидатуры УССР и БССР для включения в ООН в обмен на советское обязательство поддержать включение Аргентины в эту организацию. Дверь для Беларуси и Украины в ООН открылась также благодаря различным подходам США и Великобритании к проблеме «множественного представительства» СССР.

Допуск Беларуси в ООН был оплачен ее общепризнанным вкладом в победу Объединенных Наций над фашизмом, огромными жертвами, понесенными белорусским народом в войне. Вместе с тем дорогу Беларуси в ООН проложили достижения в государственном строительстве в довоенные годы, воссоединение БССР с Западной Беларусью, подъем патриотизма, национального движения среди различных общественно-политических сил в годы войны. Совокупность приведенных выше факторов, очевидно, давала И. Сталину основания называть Беларусь одной из «основных советских республик», добиваясь ее первоочередного включения в организацию.

Вместе с тем включение Беларуси в ООН явилось проявлением сталинской великодержавной политики в отношении республик и народов, входивших в состав СССР. О соответствующем подходе И. Сталина к Беларуси и Украине, его внешнеполитических расчетах, связанных с членством этих двух республик в ООН, свидетельствовал его тезис о «двух дополнительных голосах» для СССР. Борьба сталинской дипломатии за допуск Беларуси в ООН была продиктована прежде всего интересами центра, геополитическими расчетами Кремля, а не стремлением вывести республику на международную арену (хотя это, несомненно, тоже имело место). На переговорах между СССР и США, Великобританией, а также другими странами, непосредственно затрагивавших национальные интересы Беларуси, она выступала не как субъект, а как объект политики «большой тройки» и других государств. К усилиям советской дипломатии правительство БССР подключилось (с разрешения и по указанию из Москвы) лишь на этапе подготовки конференции в Сан-Франциско (март — апрель 1945 г.). Белорусские руководители, верховные органы власти БССР не были инициаторами постановки вопроса о включении республики в первоначальные члены ООН. В условиях сталинской диктатуры руководство БССР, как и всех других союзных республик, не могло отважиться на постановку перед центром столь смелых задач.

Членство в ООН отвечало национальным интересам белорусского народа. Правительство БССР получило определенную возможность доводить до мирового сообщества свою точку зрения, информировать его (правда, только с положительной стороны) о социально-экономическом и общественно-политическом развитии, участвовать в обсуждении мировых проблем, вносить по ним свои предложения и замечания. На протяжении более сорока лет ООН была для Беларуси единственным окном во внешний мир. Членство в организации дало республике возможность уже с конца 1945 г. получать помощь от ЮНРРА (Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций).

Заключение. Накануне и в годы Второй мировой войны Беларусь являлась объектом геополитических «разборок», а потом и театром военных действий между СССР и Германией. Эта война началась с исторически справедливого для белорусского народа события — объединения Западной Беларуси и БССР, которое, однако, было достигнуто средствами имперской политики, стало результатом сговора диктаторских режимов И. Сталина и А. Гитлера.

С началом советско-германской войны Беларусь узнала другой вариант тоталитаризма — немецкий нацизм. В «Третьем рейхе» Беларусь ожидала незавидная судьба. Нацисты планировали колонизировать ее территорию, уничтожить или выселить большинство белорусов, остальных превратить в дешевую рабочую силу. Существование без государственности и собственной национальной интеллигенции — вот что нес для Беларуси «новый порядок». Однако как первая (1915–1918 гг.), так и вторая (1941–1944 гг.) немецкая оккупация использовала недостатки российской и советской национальной политики в Беларуси. Это проявлялось в поддержке со стороны оккупантов белорусского языка и оживлении национально-культурной деятельности белорусских организаций. Русификация и ужасы сталинского террора вызвали определенные надежды на нацистских оккупантов со стороны белорусского национализма и породили такое противоречивое явление, как коллаборационизм.

Подъем национального движения в годы войны, который проявился также в партизанской и подпольной борьбе, вынудил И. Сталина и советское руководство искать средства компенсации за борьбу белорусского народа против фашизма. Это была одна из причин, которые привели Беларусь в ООН. Но и это важное достижение белорусской государственности было в значительной степени девальвировано не вполне достойным статусом делегации БССР в ООН как «дополнительного голоса» для СССР.

Вторая мировая война имела для Беларуси с точки зрения ее положения в составе СССР и внешнеполитической активности противоречивые результаты. Объединение 1939 г. и вступление в ООН в 1945 г. стали результатом общесоюзной военной политики и дипломатии и были использованы прежде всего в общесоюзных, великодержавных интересах. Естественно, что БССР внесла свой вклад в достижение этих задач, которые соответствовали ее национально-государственным интересам как союзной республики. Однако главным пользователем достижений Беларуси, как и других союзных республик, был союзный центр. В этом смысле улучшение международного положения Беларуси в результате войны было связано с усилением позиций СССР и включением в сферу его стратегических интересов Восточной Европы.

Справочная литература

Дипломатический словарь : в 3 т. М., 1985—1986.

Зуев, М. Н. Хроника истории России. IX—XX вв. / М. Н. Зуев. М., 1995.

Кто был кто в Великой Отечественной войне, 1941—1945: Люди. События. Факты : справ. / под ред. О. А. Ржешевского. М., 2000.

Похлёбкин, В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах / В. В. Похлёбкин. Вып. 1 : Ведомства внешней политики и их руководители : справ. М., 1992.

Советская историческая энциклопедия : в 12 т. М., 1962.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел III

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1918—1945 гг.

Тема 1. Парижская мирная конференция. Становление политико-правовых основ Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.....	5
Тема 2. Международные отношения и внешняя политика Советского государства в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918—1920).....	27
Тема 3. Международные отношения в период образования СССР.....	70
Тема 4. Внешняя политика стран Запада в 1921—1929 гг.....	109
Тема 5. Противоречия во внешней политике СССР в 1924—1929 гг.....	133
Тема 6. Мировой экономический кризис и нарастание негативных тенденций в международных отношениях в 1929—1933 гг.....	158
Тема 7. Нарастание военной опасности в мире в 1933—1939 гг.....	188
Тема 8. Международные отношения в годы Второй мировой войны.....	242
Тема 9. Беларусь в международных отношениях в 1918—1945 гг.....	306
Библиография.....	380